

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Аркадий Арканов

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Аркадий Арканов

...Изрядно страстей...
на страницах «ненаучной
фантастики» А. Арканова
под названием «Рукописи
не возвращаются» («Юность»
№12 за 1986 г.). Верней,
не страстей, а страстишек,
бурлящих по воле автора
в журнале «Поле-полюшко»,
издающемся в некоем городе
Мухославске. Арканов
населяет редакцию компанией
откровенно несимпатичной...
Все они стопроцентные
пошляки и пройдохи...

«Черные начинают и выигрывают».
Газета «Правда» № 16/1987

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Mr. Amour

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Аркадий Арканов

«ЭКСМО-Пресс» 2000

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 82

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Арканов Аркадий Михайлович

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Игорь Иртенъев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, академик Вилен Федоров,
Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Главный художник, автор серийного оформления
Евгений Поликашин

Художественное оформление:
Евгений Поликашин, Марис Халилов,
Эльдар Зейналов

Арканов А. М.

А 82 Антология сатиры и юмора России XX века. Том 1. —
М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ,
2000. — 544 с.

ISBN 5-04-004354-6 (Т.1)
ISBN 5-04-003950-6

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-004354-6 (Т.1)
ISBN 5-04-003950-6

© А. М. Арканов, 2000
© А. П. Ткаченко, вступ. статья, 2000
© Е. А. Поликашин, оформление, 2000
© Ю. Н. Кушак, составление, 2000

Содержание

- Арканов такой и сякой 7
- Некоторое подобие автобиографии 11
- Из оттепели
- И они заплакали... 15
- Подбородок набекрень 17
- Перед вторжением с Нептуна 20
- Загадки алфавита 26
- Черная кошка не имеет значения 29
- Эпистолярная история 36
- Письмо в редакцию 39
- Старые калоши (Детективная повесть. Пародия) 42
- Спирин и Поленьев 46
- Ранний застой
- «Соломон» и сознание 51
- Пельмени на полу 56
- Очень крепкое здоровье императора Бляма 65
- Истинная ложь 68
- Старик в меховой шапке 71
- Соловьи в сентябре 77
- Зоркий Глаз 83
- Рано утром после хорошего настроения 88
- Кросс 93
- Везунок 96
- Персики 103
- Брюки из лавсана 109
- В этом мире много миров 113
- Поздний застой
- И все раньше и раньше опускаются синие сумерки 121
- Девочка выздоровела 131
- Все будет хорошо 149
- Экскурсия на Синее озеро 168
- Как хорошо, когда мы во что-то верим... 182

В осстановление вчерашнего черепа по сегодняшнему лицу	185
С частливый Анатолий Григорьевич	190
З аседание по выборам главврача в психиатрической больнице № 6	194
Perestroika	
Е сли бы Гитлер и Сталин...	203
И гра по переписке	207
Р азная музыка из окна напротив, или Влияние сервиса на жизнь	211
Э пидемия	216
С ны Василия Степановича	219
Е сли бы я был...	229
Р укописи не возвращаются. <i>(Роман)</i>	235
К то заказывал такси? <i>(Пьеса)</i>	389
Perestrelka	
В огороде бузина, а в Киеве дядька	409
С оветы доктора Арканова	420
К рамольный «Метрополь»	429
А икбез для попсы	436
О т Ильича до лампочки	443
Н азад в будущее	506
И снится мне карнавал...	
<i>(Вместо послесловия)</i>	530
П римечания	540

Арканов такой и сякой

Арканов-писатель в своих книгах, а вернее –

в самом стиле этих книг, в том, как и что он пишет, удивительно идентичен тому Арканову, с которым меня связывают три десятка лет дружбы и неизменного восхищения этим человеком: он эlegantен, он одинок, загадочен, слегка грустен и ироничен. Я никогда не слышал, чтобы он громко смеялся. Это не его стиль. В нем нет этого «из тени в свет перелетая», его образ жизни и писательство суть одно и то же – его стиль: он неделим и естествен во всем.

Вообще говоря, сатира – дело обличительное, беспощадное, она как бы обнажает, раздевает человека до богинок, до последней нитки, и мне порой становится жалко объект, попавший под горячую руку сатирика. Но это сказано не об Арканове. В Арканове есть эта удивительная чуткость, в нем есть сочувствие, даже жалость к человеку, к проявлениям его слабости или глупости. Он как бы не зарекается от того, что и сам мог бы запросто оказаться на месте многих героев своих произведений, а потому его проза и отличается высоким благородством самоиронии.

Арканов принадлежит к той редкой категории писателей, открытие которых становилось для меня личной радостью, моим приобретением, словно мне показали обратную сторону Луны или что-нибудь в этом духе. Думаешь: «Господи, как же я мог жить без этого, не подозревая о существовании такого мира?»

У Арканова все первично и потому так дорого мне: и «Старик в меховой шапке» – маленький совсем, но какой потрясающий рассказ, и «Поездка на Синее озеро» – о человеке, который, по сути, никому не нужен. А его Жужар из рассказа «В этом мире много миров» – уж не предтеча

ли пелевинской «Жизни насекомых»? А вот «И все раньше и раньше опускаются синие сумерки» – пронзительная фантазия о Тулумбаше Втором, благородном муже и коне, унижить которого невозможно даже нашим светским изоциренным хамством. Это вспоминается мне «ранний» Арканов, т. е. – по его же градации в этой книге – Арканов времен «оттепели» и «раннего застоя».

Вспоминается, быть может, не потому, что те рассказы мне дороже или ближе по ностальгическому чувству, а потому лишь, что там истоки его литературы. В глотке свободы хрущевской недолгой «оттепели». Когда он окончил медицинский и работал врачом. И стал писателем – сразу, без всякой пробы пера, без поры ученичества, – писателем, тотчас замеченным не только читателями, но и маститыми литературными знаменитостями того времени, скажем Валентином Катаевым. Время «бэ-самэмучо» и рознеровского исполнения «Каравана». Арканов и сам, подражая Рознеру, играл на трубе. Кстати, если вы обратили внимание на обложку этой книги, то заметили среди символической атрибутики его жизни и быта не только джокера в окружении карточных дам (совершенно аркановский символ), но и джазовый сингл, конечно. Не знаю почему, но и это мне в нем симпатично.

Я еще жил в Крыму, когда вышел знаменитый альманах «Метрополь», где наряду с произведениями Аксенова, Ахмадулиной, Вознесенского, Искандера и др. были напечатаны и рассказы Аркадия Арканова. Я оговорился: альманах напечатан не был, он существовал только в рукописи, которая тотчас попала на всевозможные «голоса» и была ими озвучена. По Союзу писателей прокатилась волна репрессий. Перестали печатать и Арканова.

И он приехал ко мне в Крым. В Крыму не только погода была теплее. Мне удалось организовать несколько его выступлений, в том числе и в Военно-политическом училище, где начальственный генерал был искренним почитателем молодого и уже известного писателя.

Он так и объявил перед строем: «А сейчас – приветствие советского писателя Аркадия Арканова». Это тогда-то, когда всех метропольцев объявили антисоветчиками, а по «Голосу Америки» вещали о расправах над ними! И Арканов врезал им речь по всем правилам командирско-

го искусства – откуда что взялось! Я был просто поражен его уверенностью и хладнокровием. Но дальше – больше: генерал предложил Арканову вручить погоны офицеру, которому было присвоено очередное звание. И вот этот подполковник, придерживая рукой шашку, подбегает и припадает на одно колено перед абсолютно, я бы сказал – по-маршальски, спокойным и непроницаемым Аркановым. Тот только чуть скосил на меня глаз, поздравил офицера, вручил погоны и сказал ему по-отечески: «Пусть ваши звезды горят синим пламенем!» – «Служу Советскому Союзу!» – гаркнул новоявленный полковник, а со мной была просто истерика, я давился от смеха.

Я и сейчас смеюсь, вспоминая это артистическое озорство, граничащее с мальчишеством, эту привычную теперь для многих телезрителей маску серьезности на аркановском лице при всей комичности произносимого им текста. Тогда эту маску я увидел и оценил впервые.

Эта маска теперь известна всей стране по телеобразу многих развлекательных передач, которые, разумеется, недолговечны, хотя многие из них по-настоящему привлекательны и симпатичны. Свой двухтомник он назвал «Арканов такой – Арканов сякой». И маска, о которой идет речь, – это Арканов сякой, т.е. автор забавного пародийного цикла «Ликбез для попсы» например, где в остроумной форме пересказываются сюжеты классических произведений, скажем «Идиота» или «Ромео и Джульетты». Эти песенки на телеэкране он распевает вместе со своим другом и композитором Леоном Оганезовым. А ведь это не что иное, как игра, игра азартная и не всегда веселая, которой в огромной мере подвержен Арканов с я к о й. С тем же азартом он ставит на лошадок или играет в шахматы. Он не такой уж крупный игрок – тут важен не приз, а действие, процесс переживания, выплеск адреналина. Потому что не стоит забывать: Арканов т а к о й – одинок.

Этот одинокий Арканов, который открыл для себя и понял по-своему тайну Гоголя и Чехова (причем прежде всего Чехова – автора «Черного монаха», вещи абсолютно экзистенциальной), Зощенко и Булгакова, этот одинокий Арканов каждый свой прозаический текст пишет мучительно долго (не записывает, а сочиняет), будь то корот-

кий рассказ или роман, дело тут не в форме повествования. А почитатели его «учебника истории» с поразительно смешным и точным названием – «От Ильича до лампочки» – наверняка заметят, что среди аркановских предтеч были сатириконцы, и прежде всего Аркадий Аверченко. Обратите внимание: он нигде ни разу не повторяется, каждая его вещь – единственная, с очевидными признаками новизны по отношению к его предыдущим текстам. Он неуступчив к себе в этом смысле, ибо это и составляет его безупречный стиль. Может меняться время, могут изменяться взгляды на него, но этот аркановский стиль – никогда.

Как-то Пастернак заметил, что каждый прозаик или поэт должен время от времени писать как бы плохо, чтобы не повторять себя самого, это трудный период перед тем, как сделать нечто совершенно новое. Так вот: на мой взгляд, Арканов такой пропускает момент «как бы плохо», просто на это время он становится Аркановым сяким. Но это только во внешнем своем проявлении – в азартной игре во все. Должно быть, именно в это время и происходят его поиски сюжетов и самых сложных раздумий, да само его фирменное словотворчество, скорее всего, происходит не за письменным столом: «паблосуржик», или «ревзод», или имя философского цезарианства «мадрант» невозможно высидеть, вымучить, но уж точно можно выиграть на бегах, или, на худой конец, в бридж, или в орлянку, или сочиняя и исполняя очередное телевизионное шоу. Без сякого Арканова не было бы такого, который прежде всего и запечатлен в текстах этого антологического издания.

Александр Ткаченко

Некоторое подобие автобиографии

Биография моя проста и незатейлива.

Она вряд ли может послужить основой для написания остро-сюжетного романа, постановки пьесы или создания кинофильма. При желании она может уложиться в несколько строк. Родился 7 июня 1933 года в городе Киеве. В школу пошел в 1941 году в городе Красноярске, куда был эвакуирован вместе с мамой и младшим братом по причине начавшейся Великой Отечественной войны. Отец в течение всей войны продолжал работать в Москве, куда мы и возвратились в апреле 1943 года. В 1951 году окончил среднюю школу и поступил в Первый Московский ордена Ленина медицинский институт им. И.М.Сеченова. В 1957 году окончил вышеозначенный институт. До 1960 года работал участковым врачом в Москве. В 1961 году расстался с медициной и занялся профессиональной литературной деятельностью. С 1963 по 1967 год работал внештатным редактором отдела юмора и сатиры в журнале «Юность». В 1968 году был принят в члены Союза советских писателей. Имею 13 изданных книг и книжек, а также двух сыновей. Еще заслуживают внимания три пьесы, написанные в соавторстве с Григорием Гориним, поставленные в московских и немосковских театрах и имевшие весьма достойный успех. Дата смерти моей пока не известна...

Что еще можно добавить?.. В детстве два раза тонул. Откачивали. С тех пор попытки даже высоких профессионалов обучить меня плаванию оканчивались безуспешно. Тем не менее водные путешествия остаются для меня наиболее желанными и приятными. Вот такой парадокс. Что еще? Обожаю музыку, которая является постоянным фоном моей жизни. Если предстоит прожить еще одну или несколько жизней, то постараюсь стать музыкантом или профессиональным спортсменом, так как в детстве и в ранней юности довольно прилично играл в футбол и имел первый разряд по

легкой атлетике, пробегая стометровку за 11,1 секунды, что в пятидесятых годах считалось достаточно высоким результатом. Что еще? Азартен и имею склонность к так называемым «порокам», которые, однако, пороками не считаю: карточные и всякого другого рода игры, бессмысленные и безнадежные лотереи, казино, пари и т.д. Больше всего люблю заниматься делами, которыми раньше никогда не занимался. Этим объясняются мои «ныряния» в кино, в пение, в сочинительство песенных текстов... Не люблю коллективный труд, так как он обезличивает человека. По этой же причине не выхожу на демонстрации ни в поддержку, ни против. В общем, «задрав штаны, бежать за комсомолом», преследуя кого-то или преследуя комсомол, – не моя стихия.

Никогда не занимался собственным имиджем. В детстве увидел как-то великого шахматиста Пауля Кереса и восхитился его элегантностью. «Завел» такой же, как у него, левосторонний пробор, который и сохраняю по сей день. Притемненные очки – необходимость: в первых, лучше вижу, во-вторых, оберегают от яркого света и пыли, поскольку глаза мои склонны к аллергическим воспалениям после травмы, полученной во время игры в футбол... Было мне тогда семнадцать лет. С тех пор и курю... Правда, сильно не затягиваюсь. Не люблю никого учить и, тем более, поучать. Считаю это вмешательством в чужой внутренний мир. По той же причине не люблю, когда учат или поучают меня. Это ограничивает мою свободу.

Кстати, о свободе. Считаю, что у свободы есть две стадии. Первая стадия – примитивная. Это стадия только что освободившегося раба. Ее формула проста и общедоступна: что ХОЧУ, то и ДЕЛАЮ. Истинная свобода выражается другой формулой: чего НЕ ХОЧУ, того НЕ ДЕЛАЮ.

Что еще?.. Наверное, еще много всякого разного. Но если я хоть чего-нибудь стою как писатель, то это «всякое разное» можно будет увидеть в моих сочинениях. На это и надеюсь...

Всегда к вашим услугам
Аркадий АРКАНОВ

Из оттепели

MILES DAVIS

A Tribute

MILES DAVIS
A TRIBUTE TO JACK JOHNSON

RR-06-001-2
RCA

© 1976 Sony Music Entertainment Inc.
© 1988 Warner Records

1. RIGHT OFF - M. Davis
2. YESTERNOW - M. Davis

FOR SALE IN U.S.A.

MASTER S

В зоопарке перед клеткой с обезьянами стояло

человек восемь... А может быть, шестнадцать или тридцать два... Не исключено, впрочем, что и шестьдесят четыре.

Они скатывали хлебные шарики из батона за тринадцать копеек и бросали в клетку. Всем казалось, что они кормят обезьян.

– Вот так и в жизни, – задумчиво сказал третий или шестьдесят второй, смотря с какого конца считать. – Вот так и в жизни: пока один чешется, другой уже все съел...

Всем вдруг стало грустно. Все перестали катать хлебные шарики, отошли чуть поодаль и сели на скамеечки. Каждый думал о своем. Каждого разбередило это неосторожно высказанное наблюдение...

– Да-а, – тихо промолвил кто-то из третьего десятка, – вчера прослушал лекцию о Мейерхольде... Вы знаете, такое ощущение, как будто меня обокрали... Это чувство формы, этот конструктивизм, это обостренное мировосприятие... Все то, что я хотел осуществить в своей постановке... Но теперь, когда все было... Просто не знаю, как жить дальше...

И он заплакал.

– Я тоже на грани самоубийства, – сказал одиннадцатый. – Неделию назад посмотрел я в кино «Александр Невский»... Эйзенштейн буквально вынул идею у меня изо рта. Всю жизнь я мечтаю создать фильм именно об Александре Невском. В таком же ключе, с теми же актерами... У меня даже композитором должен был стать Сергей Прокофьев. И вот, пожалуйста: одно посещение кино развеяло все надежды.

И он заплакал.

– А мне какво? – вмешался пятьдесят второй. – Сынишка приходит из школы. Я лезу к нему в портфель проверить дневник и случайно в учебнике физики натякаюсь на закон всемирного тяготения... Ну не обидно? Я, можно сказать, всю жизнь считаю, что существует закон всемирного тяготения... У меня есть свой сад. Сколько раз я сидел под яблоней. Сколько раз мне на голову падали яблоки! И вдруг – не было печали – Ньютон!..

И он заплакал.

– Я, между прочим, неоднократно погружал свое тело в жидкость, – сказал седьмой, – и каждый раз на него действовала сила, равная весу жидкости, вытесненной телом. А во мне как-никак семьдесят восемь килограммов...

И он заплакал.

– А я знаю, почему так происходит, – убежденно заявил двадцать шестой. – Книг мы не читаем. Не в курсе. А я лично всем хорошим во мне обязан книгам.

– Я и сам раньше думал, что всем хорошим во мне я обязан книгам, – с грустью сказал семнадцатый, – а оказалось, что эти слова принадлежат Горькому.

– Неужели? – растерянно заморгал глазами двадцать шестой. Да, как это ни печально...

И оба заплакали.

– А я вот семь лет хочу с женой в кино сходить, – посетовал тринадцатый. – Сегодня еду с работы, как всегда в троллейбусе, смотрю – а с ней мой приятель в кино идет... Хотел с его женой в кино сходить, а она с моим братом в театр ушла... Ну, а я в зоопарк и подался...

И он заплакал.

На них из клетки молча, думая о чем-то своем, смотрела взрослая обезьяна. Люди навели ее на дерзкую мысль о том, что при определенных природных и исторических условиях она может стать человеком. Но тут же она вспомнила про учение Дарвина. Ее открытие потеряло всякий смысл. Ей расхотелось превращаться в человека.

И она заплакала.

Я вернулся из зоопарка, сел за письменный стол и написал: «Что делать?» Через мгновение я дважды зарыдал.

Подбородок набекрень

Идел я как-то дома и думал, чего бы такое

придумать. И решил: самое правильное – это прославиться. Как угодно. Но как?.. Футболистом стать? Поздно. Достоевский из меня не получится – я в карты играть не умею. В народ пойти? Погода плохая. По физиономии кому-нибудь съездить? Не поймут. Открыть что-нибудь интересное? Закроют. Бульдозер украсть? Не заметят..

И решил начать с малого. На следующее утро вышел я на улицу босой. Как Лев Толстой. Только без бороды.

Температуры на улице никакой. Ни той ни другой – ноль. Должны же обратить внимание на человека, который по нулю босой идет. Главное, все остальное на месте – брюки, пиджак, галстук, пальто, шляпа...

Иду. Шлепаю. Ноль температуры, ноль внимания. Насвистывать начал. Напевать...

Подходит ко мне человек:

– Скажите, пожалуйста, как пройти к Уголку Дурова?

– Вон туда, – отвечаю и протягиваю босую ногу в направлении Уголка Дурова.

– Спасибо большое, – говорит он и идет в указанном направлении.

«Э-э, – думаю, – надо обращать на себя внимание по-активнее».

Закурил я, к дереву прислонился и с независимым видом босой ногой по луже топаю. Прохожих обрызгиваю... Ничего.

Вдруг женский голос за спиной:

– Где это вы такие купили?

– Что купил?

– Боты.

– Это не боты, а ноги.

– Оригинальные... Чьи?

– Мои.

– Я понимаю. Я спрашиваю – чьи? Польские, французские?

– Отечественные! – говорю.

– Ведь вот могут, когда захотят!.. И сколько такие стоят?

– Гражданка! – говорю я с раздражением. – Это настоящие мои ноги! Сорок второй размер!

– Очень оригинально, – сказала она, откусила пол-яблока и пошла прочь.

Час еще стоял, брызгался. Кое-кто обращал внимание, но славы никакой.

Холодно мне стало, и я пошел. Вижу – навстречу мне по Цветному бульвару молодой человек движется. Глазам не верю – босой! Подхожу.

– Вам что, – говорю, – тоже слава нужна?

Ничего не ответил, обошел меня справа и прямо к барьерчику. А там девушка стоит. Его дожидается. Тоже босая. Поцеловались и пошли. Оба босые... Плюнул я с досады. Вот так все к чужой славе примазываются! А тут как раз дождь пошел. Я в магазин. А туда народу набилось!.. Все босые. И разговоры ведут..

– Этой зимой, – говорит одна тетка, – будет модно плоскостопие и короткая голень.

– Это смотря с каким лицом, – говорит другая тетка. – При плоской ступне узкое лицо носить нельзя.

– Ну почему же? – говорит третья тетка. – Если уши расставить и не улыбаться, то очень даже можно.

– А во Франции, говорят, в этом году все носят шестимесячную.

– Завивку?

– Нет. Беременность... И мужчины тоже. С двумя разрезами.

В это время дождь кончился, и выбежал я на улицу. Гляжу – весь город босиком разгуливает. Даже автомобили без скатов ездят. На одних ободах. Сапожники матерятся. А дети в лужах итальянскую обувь вместо корабликов пускают.

«Э-э, – думаю, – похоже, в такой ситуации мне на успех рассчитывать нечего. Надо что-то другое придумать...»

Забежал в первый попавшийся подъезд и все с себя поскидывал. Все-все. Одну шляпу оставил. И пошел. Как Адам. Только без Евы. Но в шляпе. Деньги в руке зажал.

Пробродил я так до вечера. Никакого впечатления. Только посинел... И рискнул пойти в Большой театр. На «Лебединое озеро». Купил билет, сунул его билетерше и вошел в фойе. И она мне вслед кричит:

– Молодой человек!

«Ага! – думаю. – Дошло!»

– Молодой человек! – кричит билетерша. – Сняли бы шляпу! Небось в культурное заведение пришли!..

Зашел я в партер и обомлел. Все зрители – голые. Даже в директорской ложе кто-то в сиреневой майке сидит.

В партере – одни кавалеры. Дамы – на ярусах. Все сидят, прикрывшись программками...

Обидно мне стало, и пошел я домой. Вышел из театра. Смотрю – все домой идут. Ну что ты будешь делать!.. Побежал я. И все побежали. Кто куда, но побежали.

– Вы-то чего бежите? – спрашиваю.

– Все бегут, – отвечают они и бегут.

Тогда я ускорился, полетел и сел на крышу. А там уже человек семьсот сидят. Стихи Евтушенко читают.

– Ну что? – говорю.

– Ничего, – говорят, – сидим.

– Спать пора, – говорю. – В Люксембурге уже давным-давно спят.

Плюнул и устремился к дому.

И все плюнули и устремились.

Так ничего у меня и не получилось. Ничего я не добился. Никто меня не заметил...

Взял я и от отчаяния закричал.

И все закричали. Как будто «Спартак» проиграл.

Перед вторжением с Нептуна

 тарожины Утрюпинска наверняка помнят

то невероятно жаркое и потное лето, когда в течение июля весь город был буквально перевернут вверх дном и само его благополучное существование едва не было поставлено под сомнение. В начале июля по утрюпинским тротуарам, магазинам, столовым, парикмахерским и квартирам начали расползаться слухи о предстоящем вторжении с Нептуна. Сталкиваясь друг с другом в разных общественных местах, жители вполголоса сообщали эту невеселую новость своим знакомым, а те, оказываясь, уже слышали о ней еще от кого-то...

Назывались даже сроки вторжения: 18–20 июля.

Четвертого числа часов около семнадцати по Гринвичу в маленьком продовольственном магазинчике Утрюпищеторга появился некий Пухальский – длинный вышедший на пенсию школьный преподаватель черчения. В одной руке у него была рейсшина, с которой Пухальский никогда не расставался на случай, если вдруг кто-нибудь обратится с просьбой помочь разобраться в эпохах. В другой руке у Пухальского была большая клетчатая хозяйственная сумка.

Бегло обменявшись с покупателями свежими новостями о предстоящем вторжении, Пухальский купил двенадцать кг соли.

– Есть мнение, – сказал он, – и лично я с этим мнением склонен согласиться, что нептунцы питаются исключительно солью. Поэтому имеет смысл сделать кое-какие запасы. Одновременно с этим, скупив всю соль, мы тем самым заведомо обрекаем варваров на голодную смерть...

– Вот сволочи, вот гады, – заметил кто-то из покупателей и купил шестнадцать кг соли.

– Мне-то лично ее и даром не надо, – добавила продавщица. – У меня почки.

И сама отложила восемнадцать кг соли под прилавок...

В течение последующих пяти минут вся соль в маленьком продовольственном магазине Утрюпищеторга была раскуплена.

Утром следующего дня у всех продовольственных магазинов города выстроились огромные очереди. Добровольцы переписчики химическими карандашами ставили номера на левых ладонях утрюпинцев.

Неразрешимой стала проблема распределения соли.

– Больше двухсот граммов в одни руки не давать! – возбужденно предлагали одни. Другие не соглашались:

– По количеству членов семьи! Так будет по справедливости!

– Неправильно это! – кричала секретарша из горздрава. – Тогда я мать из деревни выпишу и у себя пропишу!

– Разумеется, – поддержал ее известный в Утрюпинске писатель-фантаст Лобастов. – А если у меня, например, нет матери? Чем это хуже человек, у которого нет матери, человека, у которого есть мать?

Так или иначе, к исходу дня с солью в Утрюпинске было покончено.

В этот день газета «Вечерний Утрюпинск» вышла на два часа раньше обычного.

В передовой статье опровергались слухи о вторжении с Нептуна и предлагалось «выявить паникеров в своей же среде». На последней странице было опубликовано выступление академика Леворьверло «Почему нет жизни на Нептуне». Публикация сопровождалась схемой строения Солнечной системы.

Это окончательно убедило утрюпинцев в истинности слухов о вторжении.

– Нет дыма без огня, – переговаривались они между собой. – Значит, точно будет вторжение или реформа...

Поздно вечером появились первые спекулянты. К заведующему утрюпинской библиотекой около полуночи явился незнакомец и потребовал за стакан соли полное собрание сочинений Льва Кассиля. Завбиблиотекой согласилась. Каждый наживался, как мог... Ночь прошла в волне-

ниях и пересудах. Утром сторож Дворца бракосочетаний рассказывал обступившей его толпе жителей о странном ночном разговоре, который он подслушал в скверике напротив дворца. Сторож был разгорячен и взволнован.

– И вдруг чувствую, – говорил он, – будто шорох в кустах... Я ружье зарядил – и к кустам. И тут вдруг слышу я два голоса. Один явно мужской, а другой явно женский... И он – мужской голос – говорит ей – женскому голосу, – что вот, мол, дорогая, жизни нашей осталось вроде как три недели и что какой, стало быть, резон беречься... Что давай, мол, вроде займемся получением от жизни всяческих удовольствий... А женский голос в ответ засомневался и говорит, а что, если вроде бы нептунцы никакие на землю не явятся... Но он ей мужским голосом прямо божиться стал, что непременно нептунцы явятся и что он умоляет ее заняться получением от жизни всяческих удовольствий, и немедленно...

Жители тут же обсуждали услышанное и интересовались у сторожа, не опознал ли он по голосу, кто бы это мог быть. Но сторож категорически заявил, что по голосу различить, кто это, у него не было никакой возможности, но поскольку светает нынче рано, то он ясно видел, что это был чертежник Пухальский и артистка, которая в Новый год играла по телевизору Снегурочку.

Многие, прослушав эту странную историю, не пошли на работу и остались тут же решать, как быть дальше.

У входа в местное общество «Знание» председатель общества давал разъяснения группе осаждавших его любопытных утрянцев.

– Товарищи! Друзья! – умолял он. – Да поймите вы! Я диалектик. Вероятность высадки нептунов равна практически нулю... Но даже если бы угроза вторжения с этой удаленной от нас безжизненной планеты существовала реально, то полностью абсурдными являются слухи о том, что нептунцы питаются солью! На Нептуне вечный мороз и мерзлота... А соль, как известно, вызывает таяние льда. Недаром зимой солью посыпают мостовые... Что ж, нептунцы – полные идиоты, чтобы питаться тем, что их же будет оттаивать?.. Тем более что я уже говорил, что никакой жизни на Нептуне нет, а стало быть, нет никакой угрозы вторжения!..

– А почему же тогда баня не работает? – крикнул кто-то. – У нее выходной в понедельник, а сегодня вторник, а?

Председатель общества «Знание» побледнел и со словами «Это меняет дело» бросился в дом...

Паника нарастала.

К середине дня стало известно, что минувшей ночью странным образом исчез муж секретарши горздрава. Легли спать вместе, как ни в чем не бывало. А утром вместо мужа на подушке лежала записка: «Прости. Так получилось».

Секретарша билась головой о стенку и уверяла, что его похитили нептунцы. Это выглядело убедительно.

Следующей ночью все жены Утрюпинска не сомкнули глаз, предварительно прикрутив своих мужей ремнями к постели.

Но стоило супруге председателя общества «Знание» отлучиться по естественным надобностям, как ее муж исчез вместе с постелью.

Супруге председателя общества «Знание», этой самоуверенной пифии, никто, разумеется, не посочувствовал, но сам факт выглядел мрачным и угрожающим.

Кто-то высказал мнение, что это не что иное, как инопланетная диверсия с целью подрыва воспроизведения потомства.

За пять дней до ожидаемого вторжения на Центральном рынке были задержаны два нептунца. Они переоделись грузинами и бесплатно продавали мандарины. Это уже само по себе показалось подозрительным. При последующей проверке задержанные оказались действительно грузинами. Они в тот же день действительно продавали мандарины. Но не бесплатно...

За два дня до вторжения утрюпинцы раскупили все колбасные изделия и детские игрушки. Дело в том, что в парикмахерской № 3 одна женщина во время маникюра рассказала, что в Конотопе уже было вторжение и нептунцы первым делом набрасывались на колбасу. Что же касается детских игрушек, то их утрюпинцы раскупили просто так. На всякий случай.

И вот наступил тот самый день.

С утра город был пуст. Жители сидели в своих квартирах запершись и лишь подглядывали через занавеси на окнах, что же там делается с вторжением. По улицам бегали друг за другом счастливые утриупинские собаки. Чертежник Пухальский шепотом объяснял при помощи рейшины, что, по-видимому, нептунцы должны быть довольно злыми. Но, однако, они значительно добрее плутонцев, ибо озлобленность прямо пропорциональна удаленности... Хотя и это еще не бесспорно. Ведь вот двоюродный брат Пухальского живет далеко за Полярным кругом, но тем не менее отзывчивый и добрый человек. И не далее как прошлым летом, едучи в отпуск, завез Пухальскому две вяленые нельмы...

В 12 часов дня вторжения не было.

В 16 часов его не было по-прежнему.

В 19 часов сторож Дворца бракосочетаний, будучи человеком практичным, выбежал на улицу, взмахнул два раза метлой и юркнул обратно в дом. Вторжение вторжением, а от прогула надо застраховаться...

Ночью не было вторжения, следующим утром не было вторжения. И вообще потом не было никакого вторжения.

Постепенно жизнь Утриупинска вошла в прежнюю колею...

В середине августа возвратился исхудавший муж секретарши горздрава. Он ползал перед женой на коленях, плакал и в конце концов был прощен. Правда, после этого ночами он спал плохо, метался и кричал в бреду: «О Изабелла! Изабелла!..»

Секретарша горздрава объясняла просыпавшимся соседям, что ее муж имел в виду сорт грузинского винограда. Чуть раньше вернулся к супруге и председатель общества «Знание». Он наотрез отказался давать какие бы то ни было показания, но обзывал при этом всякими ненаучными словами мужа секретарши горздрава.

Артистка, игравшая в Новый год по телевизору Снегурочку, подала в суд на чертежника Пухальского «за принуждение с помощью шантажа и научной фантастики к нежелательному сожительство...».

Между тем на Нептуне в течение того же самого календарного времени царил жуткая паника и неразбери-

ха. Стало известно, что со дня на день должно состояться вторжение с Земли. Нептунские газеты, радио и телевидение опровергали эти глупые слухи, научно доказывая, что на Земле, где средняя температура равна плюс двадцать по Цельсию, вряд ли вероятна любая маломальски органическая жизнь. Тем не менее паника нарастала. Больше того, выяснилось, что земляне питаются исключительно атмосферой и жрут ее буквально кубометрами... Так или иначе, в течение июля на Нептуне и в его окрестностях исчезла абсолютно вся атмосфера, и это обстоятельство долго являлось непостижимой загадкой для всего ученого мира Земли.

«Видел я и ужинал в ресторане. Никого не трогал.

В кои веки выбрался в ресторан. Занял укромное место. В углу. Не люблю бросаться в глаза. Увидит кто-нибудь в ресторане – разговоры пойдут... «Вот, мол, товарищ А. шатается по ресторанам... Это при его-то окладе... И откуда у него такие средства?... И что это вообще за личность?..»

Нет уж, лучше не бросаться в глаза...

Пока я ждал официанта, вошел мой начальник Б. с нашей сотрудницей В.

«Ну, – думаю, – пропал!.. Сейчас заметит... Разговоры пойдут...»

Вжался я в стул, уткнулся в газету... Может, не увидит. Увидел... извинился перед своей спутницей и подошел ко мне.

– Что, – говорит, – по рестораничкам ходим?

– Да нет, – отвечаю, – в кои веки поужинать заскочил.

– Знаем, – говорит, – эти ужины... Ну да ладно... Чего уж там... Сами не без греха... В общем, ты меня здесь не видел! Идет? И я тебя не видел...

– А я вас, – спрашиваю, – с ней не видел или без нее?

– Без нее, конечно! А жене своей я скажу, что мы с тобой были на вечернем совещании...

– Хорошо, – говорю, – а если меня спросит ее муж, не видел ли я ее?

– Скажешь, что не видел...

– Это будет подозрительно.

– Тогда скажи, что был с ней в кино. Вы же с ее мужем друзья...

– Да, но я же был с вами на вечернем совещании...

– Скажешь, что я тебя отпустил и ты пошел с ней в кино...

– Хорошо, – сказал я, – только узнайте у нее, какой фильм мы смотрели...

Мой начальник отошел, а я стал есть бифштекс...

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я оторвался от бифштекса и увидел Д. из соседнего отдела снабжения.

– Привет! – мягко сказал он. – Меня здесь не было... Хорошо?

– Здесь сидят Б. с В., – сказал я, – они тебя заметят...

– Они здесь не видели меня, а я не видел их, – сказал Д. – На всякий случай – мы с тобой сидели в библиотеке...

– Да, но я был в кино с В.

– Ни в коем случае! – сказал Д. – В. отказалась идти с тобой в кино. Она сидит у приятельницы... Кстати, тут два часа назад был Е. Так ты его тоже не видел...

– Я его действительно не видел. Меня здесь два часа назад не было...

– Рассказывай!.. Вчера Ж. вернулся домой в два часа ночи и сказал жене, что задержался потому, что встретил тебя совершенно пьяного и еле-еле дотащил тебя домой... Так что ты его не выдавай...

– Меня? Пьяного?! – чуть не подавился я.

– А что делать? Должен же был он что-нибудь придумать! Ты первый, кого он вспомнил... Кстати, чуть не забыл... Если зайдет разговор, то в прошлый вторник ты меня звал в ресторан, но я отказался и пошел на лекцию... Запомни!

И Д. отошел от моего стола.

– Простите! У вас здесь свободно? – услышал я прямо перед собой.

– Пожалуйста, – сказал я и поднял глаза. Человек, который сел за мой столик, показался мне знакомым...

– Извините, – обратился я к нему, – но, по-моему, я вас где-то видел...

– Где? – испуганно оживился мой сосед.

– Где-то... – сказал я.

– Меня там не было!

– Где? – в свою очередь заинтересовался я.

– Там, где вы меня видели!

– Я вас видел не там, где вы думаете...

– Там меня тоже не было!.. И вообще!.. Сейчас сюда придет моя... жена... Так вот, я вас не знаю... а вы – меня...

Женщина, которая села рядом с нами, оказалась женой моего двоюродного брата...

– Я тебя не видел, – шепнул я, – потому что меня здесь нет. Я в библиотеке...

Подошедший официант отозвал меня в сторону...

– Послушайте, – быстро заговорил он, – вы ели бифштекс... Так вот, если спросят вас, то вы не ели бифштекс... Это для отчета... Я вам запишу, что съели четыре котлеты по-киевски, а заплатите как за шашлык...

Я почувствовал, что начинаю потихоньку сходить с ума...

Действительно, при взгляде со стороны моя биография последних дней выглядела по меньшей мере странной...

Неделю назад звал приятеля в ресторан, пытаюсь отвлечь его от лекции.

Вчера друг тащил меня полумертвого домой и из-за этого сам задержался...

Сегодня в одно и то же время я был в кино с женой моего друга, на совещании и в библиотеке. Кроме того, в эти же часы умудрился съесть четыре котлеты по-киевски...

Путаясь, как в паутине, в своих собственных мыслях, я поплелся домой.

Едва я открыл дверь, раздался телефонный звонок. Это звонил муж той самой В., которая сидела в ресторане с моим начальником Б.

– Слушай! – сказал муж В. – Жена сегодня была у приятельницы. А я ей сказал, что мы с тобой ужинали с твоим начальником Б... Так что, если она спросит, не перепутай!.. Кроме того, она спросила, где моя зарплата... Я сказал, что ты подрался с официантом, перебил посуду и мне пришлось за тебя заплатить...

Я бросил трубку и понял, что погиб! Спасение могло быть только в одном – отрицать все.

Я никого не знаю. Я никого не видел. Я нигде не был. Поэтому у меня огромная просьба: вы этот рассказ не читали, я этого ничего не писал, и вообще вы обо мне никогда ничего не слышали...

Черная кошка не имеет значения

«Какие чудные люди!.. Милые какие-то!..»

Вот так годами работаешь в одном и том же учреждении и вдруг узнаешь, что твои сотрудники – замечательные люди...»

Так думал Сергей Иванович, трясясь в автобусе по дороге домой.

Действительно, сегодня был день с сюрпризом. Сослуживцы откуда-то узнали, что в понедельник исполняется двадцать лет совместной жизни Сергея Ивановича и его супруги, написали стишки, преподнесли их обалдевшему от неожиданности супругу и вдобавок раскупорили еще бутылку шампанского.

Все это произошло после работы, прямо в конторе, и вечер завершился четырнадцатью партиями в домино до половины одиннадцатого.

Почти полный бокал шампанского сделал Сергея Ивановича, что называется, чуть тепленьким. А состояние благодушия и безмятежности усилили еще и одиннадцать выигранных партий... А то, что ему с Шехтелем пришлось залезть три раза под стол, не имело никакого значения... Зато одиннадцать раз они торжествовали победу... Особенно запомнилась Сергею Ивановичу седьмая партия, когда он, выставив троечный дупель, эффектейшим образом дал Шехтелю длинного конца...

Купаясь в сегодняшних впечатлениях, Сергей Иванович случайно взглянул в окошко, увидел знакомый забор новостройки и понял, что едва не проехал свою остановку... Район был новый. Дома стояли новые, блочные, пятиэтажные.

Тротуаров еще не построили. Да и январь нынче выдался какой-то странный – слякоть... Сплошная слякоть.

Поэтому при тусклом свете одиноких фонарей Сергей Иванович выхватывал глазами очередную мерзлую лужу и обходил ее, несмотря на то что был в галошах...

Отсюда до места работы добираться, конечно, было тяжело. Как-никак сорок семь минут двумя видами транспорта, и телефоны еще не поставили... И неизвестно, когда поставят... Но все это было сущей чепухой по сравнению с отдельной квартирой, которую он получил здесь полгода назад после многолетнего стояния на очереди.

По мере того как Сергей Иванович приближался к своему корпусу, менее приятные мысли нет-нет и появлялись в его настроенной на идиллический лад голове. Уж он-то знал, чем заканчиваются такие поздние возвращения домой...

Нет, разумеется, он позволял себе такие задержки, может быть, один-два раза в год. И то благодаря таким необычайным обстоятельствам. Но Полина!.. Разве она может понять поэтический взлет?.. Разумеется, Сергей Иванович давно уже перестал думать, что двадцать лет назад совершил непоправимую ошибку. И уже давно в их доме не вспыхивали ссоры по принципиальным соображениям. Последний раз Полина сказала Сергею Ивановичу, что он отравил ей жизнь, в сорок девятом году, когда он задержался в конторе и сыграл подряд двадцать одну партию в домино... Это был настоящий марафон!.. А каким партнером был покойный Лявданский!.. Да!.. Есть что вспомнить... И в тот вечер Полина в последний раз сказала Сергею Ивановичу, что он отравил ей жизнь... Эх, разве она может понять!..

С тех пор ссоры по принципиальным вопросам больше не возникали... Но мелкие упреки!.. Уж лучше бы она говорила, что он отравил ей жизнь. По крайней мере после этого она плакала и наутро все было на своих местах...

«Идеально, конечно, если она уже спит», – думал Сергей Иванович, медленно поднимаясь по лестнице на свой третий этаж. На третьем этаже, как всегда, не горел свет. И Сергей Иванович в который раз решил завтра же сообщить об этом в домоуправление...

«Если бы она спала... Я бы тихонько разделся, лег, рано утром ушел бы на работу... И все бы обошлось...»

Сергей Иванович осторожно сунул ключик в прорезь английского замка и тихо-тихо повернул его вправо. Осторожно открыл дверь и тихо-тихо вошел в переднюю. Он пытался так же тихо вытащить ключик из прорези, но не тут-то было. Ключик заело... Пока Сергей Иванович возился с ключом, думая о том, что надо бы завтра вызвать слесаря, исправить замок, он произвел много непредусмотренных звуков, в результате чего произошло именно то, чего он больше всего не хотел...

– Явился, шлендра? – раздался из комнаты сонный знакомый голос.

«Началось!» – подумал Сергей Иванович. Теперь уж конспирация не имела смысла, и он с шумом выдернул ключик из прорези, захлопнул дверь и стал снимать га-лоши.

– Почему «шлендра»? – миролюбиво сказал Сергей Иванович, зажигая свет в передней.

– Погаси свет! Себялюб! У меня болит голова! – раздалось из комнаты.

«Ничего нового, – подумал Сергей Иванович, гася свет. – «Себялюб!»... «У меня болит голова!»... Сейчас скажет, что я старый черт, а все еще шляюсь...»

– Старый черт! А все еще шляешься! – подтвердила вслух его мысли супруга. – Небось за квартиру опять не уплатил...

О! За двадцать лет он свою жену назубок выучил.

Особенно мучительно переживал Сергей Иванович эту охающую манеру говорить. Она ничего не может сказать просто. Любую фразу произносит так, будто ее только что по меньшей мере изнасиловали...

Сергей Иванович снял ботинки и остался в толстых шерстяных носках...

– Ты понимаешь, – очень тихо начал он оправдываться, – Шехтель такой заводила... Узнали про наше двадцатилетие, сочинили оду, купили бутылку шампанского, и мы по этому поводу сгоняли партийку-другую в домино... Послушай, какие смешные стихи...

– Оставь меня в покое, – проохала она из комнаты. – Дожил до седых волос, а врать не разучился...

– Как ты можешь так говорить? – попытался вставить Сергей Иванович.

– Возьми в холодильнике свой кефир и дрыхни!..

«Ну что она может понять? – думал Сергей Иванович, стоя в передней в шерстяных носках. – Годы делают ее все несноснее...»

Он молча постоял в передней до тех пор, пока не услышал ровное сопение и знакомое похрапывание. А это означало, что теперь ее и пушкой не разбудишь, и Сергей Иванович осторожными мягкими шагами направился на кухню... Четыре шага по коридорчику, направо, еще два шага... В этот момент он наступил на что-то мягкое и тут же услышал дикий кошачий крик. Сергей Иванович на мгновение превратился в изваяние, но в комнате все было тихо...

«Кошка? Откуда в доме кошка?» – удивился он и еще более осторожно, боясь наступить на кошку вторично, шагнул на кухню. Нашупал на стене справа выключатель и щелкнул. Света не было. Он щелкнул еще раз. Как обычно, свет на кухне зажегся со второго раза. И опять, как и ежедневно, Сергей Иванович решил, что надо вызвать монтера...

Телефон!.. Это было первое, что он увидел!.. На подоконнике стоял черный, как домино, телефон!.. Сергей Иванович чуть не закричал от радости!.. Поставили! Значит, все-таки поняли, что ему необходим телефон!.. Поняли!.. А ведь обещали через два года!.. Значит, есть еще хорошие люди!.. Телефон!.. Впервые за двадцать лет телефон!..

Он снял трубку... Гудит!.. Набрал «100»... «Двадцать три часа пятьдесят восемь минут...» Снова набрал «100»... «Двадцать три часа пятьдесят девять минут...» Надо немедленно обзвонить всех... Но уже поздно... Жаль!.. «100»... «Ноль часов одна минута...»

И тут Сергей Иванович увидел кошку. Возле белого холодильника он увидел черную, как телефон, кошку. Кошка некоторое время смотрела на него удивленными зелеными глазами, потом зевнула и улеглась на подстилку.

И зачем вдруг Полине понадобилось заводить кошку? Сергей Иванович не любил кошек... Вдобавок еще черных. Впрочем, какое значение имела кошка по сравне-

нию с новеньким черненьким телефоном... Надо только аккуратно платить за него каждый месяц... Тут Сергей Иванович вспомнил, что они уже два месяца не платили за квартиру... Просто беда... После покупки мебели и холодильника они никак не могли вылезти из долгов... Но даже это обстоятельство не могло омрачить радужного настроения Сергея Ивановича. Он ласково поглаживал телефон, и телефон, казалось, сводил к нулю все эти временные неурядицы...

Минут тридцать Сергей Иванович сидел на кухне, прислонившись к стене, с блаженной улыбкой глядя на телефон... Потом решил, что надо все-таки спать... Хотя какой уж тут сон!..

Он взял из холодильника стакан кефира и увидел довольно приличный кусок сырокопченой колбасы. Ни он, ни Полина не любили сырокопченую колбасу... Хотя да!.. Кошка!.. Но не слишком ли жирно покупать для кошки сырокопченую колбасу!.. Сергей Иванович выдвинул левый ящичек кухонного шкафчика, в котором всегда лежали лотерейные билеты...

«С ума она сошла!.. – ворчал он про себя, держа в руках пятнадцать лотерейных билетов. – И так денег нет, так надо покупать целую уйму!..»

Больше трех билетов Сергей Иванович не приобретал принципиально... Все равно не выиграешь... Он уже хотел произнести внутренний монолог по поводу расточительности супруги, но взглянул на телефон и опять забллся в блаженстве...

Отхлебывая время от времени кефир, Сергей Иванович углубился в чтение «Советской России» с официальной таблицей розыгрыша денежно-вещевой лотереи...

– Шехтель!.. Арончик!.. Это я... Сергунчик!.. – кричал громким шепотом в трубку обезумевший от счастья Сергей Иванович. – Извини, что разбудил!.. Не мог удержаться!.. Во-первых, у меня телефон!.. Телефон!.. Во-вторых, я выиграл мотороллер!.. Ты слышишь?.. Возьму деньгами!.. Завтра верну тебе пятьдесят рублей!.. Все объясню в конторе!..

– Матвейчик!.. Это я... Сергунчик!.. Да ничего не случилось! Просто счастье!.. Выиграл мотороллер!.. Деньга-

ми возьму!.. Отдам тебе завтра сорок пять рублей!.. У меня телефон поставили!.. Сам не знаю как!.. Извини!..

Сергея Ивановича словно прорвало...

– Гусенок!.. Сергунчик говорит!.. Завтра верну!..

– Булочка!.. Приготовь карман!.. Завтра все получишь!..

Как не туда попал?.. Извините!..

Когда Сергей Иванович перебудил и обрадовал всех, кого знал, он пожалел, что умер Лявданский... Вот уж кто бы за него был рад...

В лихорадочном возбуждении Сергей Иванович мерил шагами кухню. Получилось, что даже после раздачи долгов и уплаты за квартиру оставалось еще около девяноста рублей...

«Швейную машину! Швейную машину! – повторял про себя Сергей Иванович. – Куплю Полине швейную машину!.. Правда!.. Ну что она видела хорошего за эти двадцать лет...»

Он сорвал со стола старую клеенку... Завтра будет новая клеенка!.. Он разорвал клеенку и выбросил ее в мусоропровод... Потом пробежал в переднюю, нацупал старые Полинины боты и выбросил их один за другим в мусоропровод... Завтра будут новые боты!.. Что бы еще купить?.. В мусоропровод полетели почерневшие от времени ножи и вилки... Завтра будет новый набор!..

Черная кошка проснулась и, лежа на подстилке, подозрительно следила за всеми этими манипуляциями...

Когда таким образом была израсходована вся сумма, Сергей Иванович успокоился и набрал «100»... «Два часа тринадцать минут...» Спать!.. Чтобы поскорее прошла эта ночь и наступило утро!..

Он взглянул на кошку. Сейчас она, казалось, думала о чем-то своем...

– Ну что, дура? – обратился к ней Сергей Иванович. – Хоть ты и черная, а все равно все хорошо!.. Ух ты... киска... Теперь можешь перебегать мне дорогу сколько угодно...

Черная кошка действительно поднялась, выгнула спину, потом прошлась по кухне, перейдя дорогу Сергею Ивановичу, и улеглась на подстилку...

На цыпочках, не зажигая света, чтобы не разбудить Полину, он прошел в комнату, ударился об угол серванта.

об который всегда ударялся, сел на край кровати и стал раздеваться...

Забравшись под одеяло, Сергей Иванович аккуратно повернулся к супруге тем местом, на котором он вот уже восемнадцать лет работал в конторе, и нащупал своими холодными пятками теплые, мягкие, привычные ноги...

Он лежал и видел в деталях завтрашний день... Он с удовольствием представлял, в какое смятение будет повергнута Полина, обнаружив утром исчезновение бот, клеенки, ножей, вилок, и какой сказочный сюрприз ждет ее вечером... Он придумывал самые невероятные розыгрыши над Полиной по своему – по своему! – телефону...

А в обеденный перерыв он торжественно расплатится со всеми кредиторами, и сколько потом будет разговоров за партией в домино...

Завтра – незабываемый день в его жизни!

Да, вот какие порой реальные земные очертания имеет счастье!..

До сих пор не может забыть Сергей Иванович тот день... Особенно утро, когда он очутился на улице, вдохнул утренний январский воздух и обнаружил, что вышел совсем не из своего дома...

Письмо в редакцию журнала

«За здоровый быт» от гр-ки Т.

Дорогие товарищи!

Может быть, когда вы получите это письмо, меня уже не будет в живых, но не могу не поделиться своей собственной трагедией, которая постигла меня на заре моей жизни. Я встречалась с Евдокимовым Петром (не хочу упоминать его профессию). И только тогда, когда я раскрыла ему все свои объятья, поняла, какой он негодяй. Но было уже поздно – половина второго ночи. Теперь у меня грудной ребенок, который должен страдать из-за моей неосторожности. Мне все равно не жить, но не покиньте дитя.

*Письмо гр-ке Т. из редакции журнала
«За здоровый быт»*

Уважаемая Т.!

Мы полностью сочувствуем тебе в твоей трагедии. Но легче всего уйти из жизни без борьбы за существование ребенка. Не торопись принимать роковое решение. Срочно высылаем к тебе нашего корреспондента.

Письмо в журнал «Семья и техникум» от гр-ки Т.

Товарищи!

Когда вы получите это письмо, я сама уже буду глубоко-глубоко под землей или под водой, еще не решила где. Два года назад ушел от меня Евдокимов Петр, на всю жизнь оставив мне грудного ребенка. Жизнь моя на этом

оборвалась, и я попросила совета и помощи в журнале «За здоровый быт». Оттуда приехал корреспондент, которому я доверила все то, что у меня наболело. Теперь у меня двое детей, а от корреспондента ни слуху ни духу. Жить больше не могу, прощайте.

Письмо гр-ке Т. из журнала «Семья и техникум»

Милая Т.!

Мы понимаем тебя. Но не делай глупостей! Мужайся! Послали к тебе нашего опытного педагога-редактора.

Письмо в журнал «Наука и жизнедеятельность» от гр-ки Т.

Дорогие товарищи!

Что ж это получается?! Ушел от меня Евдокимов Петр – оставил мне грудного ребенка. Пожаловалась я в журнал «За здоровый быт» – у меня родился второй ребенок. Тогда я обратилась в «Семью и техникум». Приехал какой-то педагог-редактор, который целый месяц учил меня жить. У меня сейчас трое сирот, и, если вы не поможете, оставаться им без матери.

Письмо из журнала «Наука и жизнедеятельность» гр-ке Т.

Многоуважаемая Т.!

Вы уже многое пережили. Неужели же сложность и фатальность жизненных коллизий не оставляют вам надежд на возможный прогресс в вашей личной и общественной жизни? Не лишайте же себя жизни, т. е. способа существования белковых тел. К вам вылетел наш зав. отделом общей биологии.

Письмо в журнал «Воинская честь» от гр-ки Т.

Защитники!

Обращаюсь к вам, потому что не у кого больше просить защиты. Я многодетная мать, хотя и молодая. Сначала меня бросил Евдокимов Петр. Это один ребенок.

Я обратилась в журнал «За здоровый быт». Это два. Затем я обратилась в «Семью и техникум». Это уже три. И, наконец, от «Науки и жизнедеятельности» – двойняшки. Справедливости никакой! Жизнь моя поругана и больше никому не нужна. Отомстите!

Письмо из журнала «Воинская честь» гр-ке Т.

Наша дорогая Т.!

Гордимся тобой! Крепись! Держись! Ты и твоя жизнь нужны нашим воинам. Сообщаем тебе радостное известие: к тебе с большим подъемом изъявила желание поехать группа старшин-сверхсрочников энского подразделения.

Твоя «Воинская честь».

УКАЗ

О награждении гр-ки Т. орденом «Мать-героиня».

Письмо гр-ки Т. (мне лично)

Уважаемый товарищ сатирик Арканов!

Недавно смотрела вас по телевизору и подумала: много лет тому назад от меня ушел Евдокимов Петр... (и т. д. и вся история).

Ответ гр-ке Т. (от меня)

Уважаемая гр-ка Т.!

К сожалению, я в командировки с этими целями давно не езжу.

Ваш Арк. АРКАНОВ

1967

Дорогая редакция!

Обливаясь слезами, спешу написать вам с одной только просьбой: помогите разобраться мне в моей горькой судьбе. Жизнь моя зашла в тупик, из которого есть только один выход: либо навсегда утопиться, либо жить и радоваться, строить, любить и наслаждаться по закону Архимеда – всякое тело выталкивает из себя воду и вталкивает ее обратно в виде жидкости, равной по объему собственному весу. Иными словами, продолжать обмен вещей и жить и жить сквозь годы мчась.

Подруги мои говорят: брось, забудь, не надо, не нужно...

А я не могу! Хотя сама вижу, как вокруг поднимаются новые турбины, улыбаются спортсмены и скоро по всей нашей стране побегут электровозы на бесшумном топливе. Но меня это не радует, потому что нет для меня больше солнца, а есть для меня только одни черные тучи на фоне ясного неба. А случилось это ровно месяц тому назад, так что сегодня как раз годовщина, когда я познакомилась с ним. Он вошел в столовую, и словно солнце засияло надо мной. Помните у Пушкина – мороз и солнце, день прекрасный?

Его звали Алька. У него были честные начитанные глаза и клетчатая рубашка в клеточку. С первого взгляда он казался слабым, но со второго взгляда за этой внешней слабостью скрывалась большая внешняя сила. Он посмотрел на меня, и я сразу поняла, что он хочет со мной дружить, а потом любить. Весь день я чувствовала, что он хочет пригласить меня в кино на «Красное и черное» с Натальей Белохвостиковой, но он не решался, а когда решился, то пошел в кино с Людмилой К., хотя я знала, что он хотел пойти в кино не с Людмилой К., а со

мной, а пошел в кино с Людмилой К. Я на него несколько не обиделась, только обидно было.

На следующий день я вышла на работу с безразличными глазами, хотя внутри у меня творилось совсем другое. В столовой он стоял в очереди вместе с Людмилой К. и смотрел на нее. Он хотел смотреть на меня, а не на Людмилу К., хотел заметить меня, подойти ко мне с подносом, взять за плечи, посмотреть в глубину моих глаз и промолвить: «Давай будем с тобой дружить, а потом любить». Но, наверно, Людмила К. не велела ему.

Я никогда раньше не думала, что Людмила К. такая единоличная и жадная, хотя и раньше замечала в ней пережитки сознания в капитализме. А ведь как красиво было бы вместе, втроем бороться за нашу общую мечту, хотя и разные цели.

Ведь, по-моему, дружба – это когда тебе хорошо, а ему еще лучше. Это делиться впечатлениями, склоняться над учебниками и музеями, помогать друг другу в спорте. Ведь олимпийский год не только для олимпийцев! Могла же Наташа Ростова поцеловать Бориса, хотя дружила с Андреем, а замуж вышла за Бондарчука. С тех пор уже прошел месяц, а мы не только не знаем друг друга, но даже и не знакомы.

Скажите, дорогая редакция, прав ли Алька, что встречается с Людмилой К., когда я знаю, что в голове он носит дружбу ко мне?

И вот позавчера я совершила первый аморальный проступок в жизни. Алька стоял в столовой с Людмилой К. и гладил ее по волосам с укладкой, которая ей совсем не идет, хотя я видела, что он хочет гладить меня, но не решается, потому что он начитанный и гордый. И тогда я подошла и сказала, что не надо ли ему поднос, потому что у меня два. Он сказал, что не надо, и они с Людмилой К. ушли. Но он это так сказал специально, чтобы мне сделать больно. Ведь я знаю, что на самом деле он хотел сказать мне: «Надо!» Но Людмила К. увела его. И пошла за ним. А я знаю, что нужна ему. Нужна со всеми своими потребностями и недостатками!

И после этого аморального проступка я решила написать вам.

Что мне теперь делать? Как мне дальше вести себя с Алькой? Если он завтра опять не предложит мне дружбу, соглашаться мне с ним или нет?

Немного о себе. Я люблю музыку. Увлекаюсь «Голубыми гитарами», немного читаю и рисую. Посылаю вам рисунок, на котором изображена наша дружба с Алькой.

И еще вот что. Моя соседка по дому Зоя З., узнав в местком, что я пишу в редакцию письмо, просила меня, чтоб вы ей тоже ответили, прав ли ее муж Сергей Николаевич Крюков, что ушел от нее, когда узнал, что у них будет ребенок. И виновата ли она в том, что этот ребенок от другого? Если да, то в чем.

С нетерпением ждем ответа, который решит нашу судьбу.

Группа девушек (всего 18 подписей)

Глава I

тот вечер лейтенант Спичка решил провести

со своей женой и детьми. За последние восемь месяцев это был первый вечер лейтенанта в семье. Анна разливала чай... Жена... Она была настоящим другом... Она никогда ни о чем не спрашивала Спичку, никогда ничем не интересовалась... И если Спичка не ночевал дома, она знала: так надо...

– Сыграем в дурака? – предложил Спичка. Но на этот раз оставить в дураках жену ему не удалось, потому что внезапно зазвонил телефон. Лейтенант снял трубку:

– Да, товарищ майор... Да, товарищ майор... Да, товарищ майор... Нет, товарищ майор!.. Анна! Я опять ухожу.

– Иди, – ответила Анна, – так будет лучше...

Хлопнула дверь. Это опять уходил муж...

Глава II

С подобным делом майор Коробок и лейтенант Спичка сталкивались впервые. Было точно известно, что кто-то что-то с кем-то сделал, неизвестно когда, неизвестно где, никто этого не видел и не слышал... Но (а это было самое главное!) это показалось двадцать минут назад дворнику Тимофею, когда он находился при исполнении служебных обязанностей.

Тут было над чем призадуматься...

Шофер повел машину почему-то к городскому кладбищу. Очевидно, на этот счет у него были свои соображения. А майор доверял своему шоферу больше, чем самому себе...

Машина фыркнула и остановилась под развесистым дубом. Спичка потянул носом воздух:

– Это где-то здесь, товарищ Коробок!..

Да. Жертва действительно была рядом. Больше того, она лежала ногами к иностранной границе, головой – к городской бане...

– Ишь, гад, куда метил! – выругался шофер.

«Но где я мог видеть это лицо?» – мучительно вспомнил Спичка.

Справа возле жертвы прямо на земле лежали... старые калоши. Обе с левой ноги.

При свете карманного фонарика Спичка на ощупь различил, как сквозь седеющую щетину пробивались довольно сочные, крепкие рога...

«Значит, в этом деле замешана женщина! – подумал он. – Но где, где я мог видеть это лицо? И при чем тут... старые калоши?»

Коробок отдавал последние приказания:

– Товарищ Спичка! Жертва лежит головой к бане! Я отправляюсь в город по любому женскому следу, а вы идите в баню!..

Коробок уехал. Спичка чиркнул спичкой и вдруг увидел: прямо перед ним на земле лежала не жертва!.. Нет! Перед ним лежала далеко не жертва!

Перед ним лежала... корова!. Так вот откуда знакомо ему это лицо!.. Версия о женщине отпадала... Неясным оставалось только одно: когда это случилось? Вчера? Сегодня? Или... завтра?..

Глава III

Дворник Тимофей проснулся рано утром. В голове шумело после выпитого вчера вина.

«Эх! Надо бросать!» – тяжело подумал Тимофей, и знакомое давящее предчувствие чего-то недоброго возникло где-то глубоко под ложечкой и поднялось к горлу...

– Нет! Меня голыми руками не возьмешь! – прохрипел Тимофей и выбежал во двор...

Глава IV

Ровно без четверти восемь возле городской бани остановилась машина. Из нее деловито вышел Спичка. Что-

бы не привлекать внимания окружающих, Спичка купил мыло и березовый веник... В бане было жарко, людно и подозрительно мокро. Но Спичка предусмотрительно надел валенки, чтобы не оставить отпечатки пальцев на кафельном полу...

В клубах пара сновали взад и вперед люди, удивительно похожие друг на друга...

«Здесь-то я и найду шайку...» – подумал Спичка.

Необходимо было осмотреть женское отделение. Он понял, что ему надо снять форму, чтобы в женском отделении его никто не узнал...

Глава V

Четырнадцатилетняя голубоглазая девочка Тася очень любила учебу и поэтому третий год оставалась в седьмом классе «Б». Кроме того, все три года она была круглой отличницей...

Но что произошло? Тася уже десятый месяц не посещала школу, и это стало изрядно беспокоить учителей: уж не больна ли она свинкой?..

И вот в субботу в дверях седьмого класса «Б» появилось существо. Никто не узнал в этом существе прежнюю голубоглазую девочку Тасю.

Волосы, прежде русые, теперь стали рыжими, щеки ввалились, а голубые глаза приобрели какой-то карий оттенок...

Да, нелегко было узнать в этом существе прежнюю голубоглазую девочку Тасю, потому что это был... майор Коробок...

Глава VI

Дворник Тимофей проснулся рано утром. В голове шумело. Дворник подумал и выбежал во двор...

Глава VII

Спичка точно знал приметы врага. Это был среднего роста человек в зеленоватой шляпе и в зеленоватом плаще «Дружба». На спине у него была родинка. Спичка знал

и пароль. Надо было подойти к врагу справа, взять его за левую руку, доверчиво посмотреть в глаза и промолвить: «Скажи-ка, дядя...» И если это враг, то ответ должен последовать четкий и ясный; «Здравствуйте. Я ваша тетя».

Ровно без четверти шесть из дома № 5 вышел человек. Начал накрапывать дождь. Человек достал из портфеля и надел на себя зеленоватую шляпу и зеленоватый плащ «Дружба».

«Враг!» – подумал Спичка и пошел следом за незнакомцем. На углу дома № 4 Спичка подошел к незнакомцу справа, взял его за левую руку, доверчиво посмотрел в глаза и хотел было произнести пароль, но вдруг с ужасом вспомнил, что именно его он только что и забыл... Дальнейшее произошло в какие-то доли секунды... Мозг лихорадочно вспоминал все стихотворения Лермонтова, какие только были... Но пока мозг вспоминал, незнакомец скрылся в метро...

На улице появилось множество людей в зеленоватых плащах... «Враги! Кругом враги! – подумал Спичка. – Неужели они высадили десант?»

Глава VIII

К рассвету все было кончено.

Коровьи рога были доставлены в краеведческий музей.

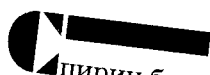
Городская баня закрылась на ремонт.

В универмаг завезли новую партию зеленоватых плащей.

Четырнадцатилетняя голубоглазая девочка Тася снова осталась на второй год.

Спичка доигрывал с женой в подкидного дурака и не мог понять только одного: при чем же тут старые калоши?..

А автор этой повести отстукивал на машинке последнюю главу новой детективной повести под названием «Тайна старых калош».

Спирин был не то парикмахером, не то зубным

техником, не то еще кем-то – кем точно, значения не имеет.

Однажды, вспомнив про его существование, к нему заглянул Поленьев не то побриться, не то вставить челюсть, не то еще что-то. И разговорились.

– Так, значит, ты здесь работаешь? – спросил Поленьев.

– Точно так, – ответил Спирин, не не то выбривая ему правую щеку, не то обтачивая шестой слева на нижней. – А ты как?

– А я писатель, – сказал Поленьев.

– Стало быть, пишешь?

– Пишу.

– Про что?

– Про все.

– Понятно, – вежливо сказал Спирин, хотя ему ничего не было понятно, а, вернее сказать, просто было все равно.

– Может, чем-нибудь смогу быть полезен? – спросил Поленьев, не то пробуя прикус, не то кладя в портфель полученную им от Спирина дефицитную батарейку для транзистора.

– Да чего уж там – улыбнулся Спирин. – Ты заходи, если что...

Спустя некоторое время был сильный дождь, и Поленьев, торопясь в редакцию, естественно, забыл дома зонт. Так что он шел, вернее, припрыгивал, накрыв голову портфелем, неуклюже перескакивая через глубокие лужи и переступая на пятках мелкие. Внезапно он услышал свою фамилию и увидел возле тротуара машину. Не то «Жигули», не то «Volvo». За рулем сидел Спирин.

– А где твоя? – спросил Спирин, когда они подъехали к редакции.

– Дома, – ответил Поленьев.

– Новая?

– Та же.

– В гараже?

– В кухне.

Тут Спирин догадался, что Поленьев имеет в виду жену, а Поленьев понял, что Спирин интересовался машиной.

– А почему машину не берешь? – спросил Спирин.

– Денег нет, – ответил Поленьев.

– В каком смысле?

– В том смысле, что их нет.

– Понятно, – вежливо сказал Спирин, хотя ничего, по сути дела, не понял. – А я думал, вчера увидимся. Тут в одном доме творческой интеллигенции американское кино давали

– Нет, – вздохнул Поленьев. – У нас запись с шести утра была. Я оказался 784-м, а билетов всего двести.

– Понятно, – опять вежливо сказал Спирин, хотя опять ничего не понял. – Не расстраивайся. Скучное кино. Одна драка и два секса. Остальное – муть.

– Я не расстраиваюсь, – сказал Поленьев. – Просто я об этом фильме статью должен был написать.

– Так и напиши! – успокоил его Спирин. – И заходи, если что. Я все там же.

Жена Поленьева пришла домой поздно и навеселе, так что они в очередной раз полаялись на разные материальные и нематериальные темы. И Поленьев вспомнил слова Спирина: «Мужик должен делать бабки, а баба должна эти бабки экономно тратить».

Утром Поленьеву позвонил знакомый музыковед и сказал, что сегодня концерт Лондонского симфонического оркестра и что не может ли Поленьев помочь ему с билетами, так как в Союзе композиторов была запись и билетов не досталось.

И Поленьев поехал к Спирину – туда, где тот работал, не то в мясной отдел Гастронома № 3, не то на автостанцию.

Спирин сказал, что с билетами трудно, а свои он отдать не может, потому что идти на эту тягомотину не хо-

чет, а не пойти неудобно, но чтобы музыковед не расстраивался, так как завтра Спирина подробно расскажет, как они играли.

А еще через несколько дней от Поленьева ушла жена, написав ему, что он тряпка. И внутренне обливаясь скучными мужскими слезами, Поленьев опять поплелся к Спирину не то в ресторан «Метрополь», не то в коммиссионный магазин.

– Скажи ей, – мямлил Поленьев, – что я перестану быть тряпкой. Только пусть она возвращается. И я тут же перестану быть тряпкой.

Спирин не то подал ему борщ с пампушками, не то показал из-под прилавка только вчера сданные, почти ни разу не надеванные шведские брюки и сказал:

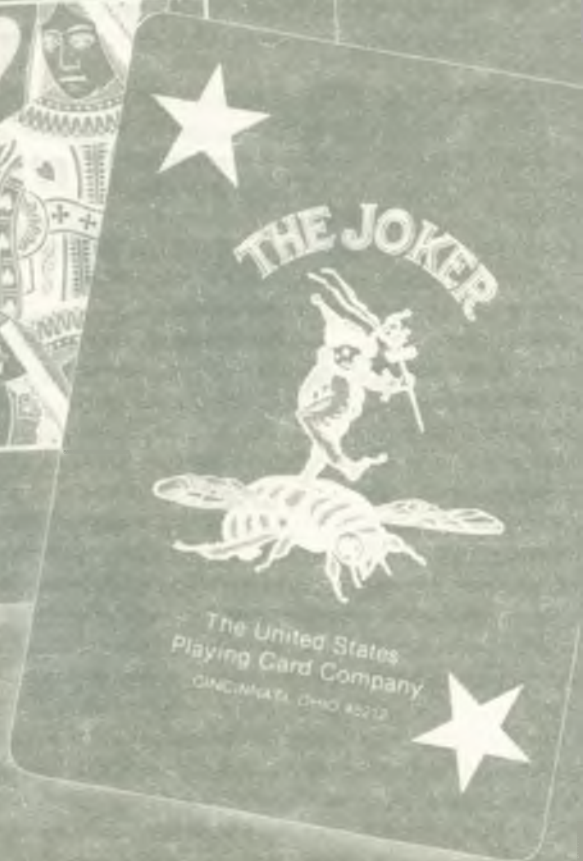
– Не могу, старичок. Самому нужна. Заходи, если что...

Но, как сказал когда-то Спирина, «сколько чего где отнимется, столько же того там же прибавится». Так и случилось. Через несколько лет Поленьеву был устроен творческий юбилей на широкую ногу – с театрализованными поздравлениями, с почетными адресами и бутербродами с семгой в буфете. В первом ряду сидел Спирина с бывшей женой Поленьева, хлопал и аплодировал. И вообще зал был переполнен, висели на люстрах, стояли в проходах. И даже Поленьев, нарядный и помолодевший, попасть на этот юбилей не смог. Он наблюдал его по соседскому телевизору. Сидел, смотрел и радовался.

Ранний застой

«Соломон» и сознание

Ненаучная фантастика

Вот уже больше сорока лет эта странная

карликовая планетка находилась под контролем Земли.

Одиннадцать наместников один за другим отправлялись с Земли на эту планетку, и все одиннадцать один за другим были отозваны как несправившиеся...

В конце концов на Земле сконструировали электронного наместника, заложили в его устройство всеобъемлющую мудрость, убийственную логику, способность к детальному анализу и глобальному синтезу, дали за все эти качества библейское имя «Соломон» и транспортировали на странную планетку...

По сути дела, это была не просто планетка, а планетка-предприятие со всеми вытекающими отсюда последствиями. И здесь уже много лет подряд создавали нечто обещающее и абсолютно засекреченное под кодовым названием «паблосуржик».

Никто на планетке не знал, что такое паблосуржик. Одни говорили, что это важная деталь к еще более важной детали... Другие считали, что это одна из форм восстановления лица по черепу... Третьи были убеждены, что это новые секретные образцы долголетия, но никому об этом не говорили. Однако все были уверены, что паблосуржик – это что-то необходимое и розовое и что создавать его надо засучив рукава, всем коллективом, догоняя передовых, подтягивая отстающих, рука об руку, нос к носу... Об этом же каждый день писала и местная газета...

И к вечеру, прочтя газеты, все уходили с работы с сознанием того, что розовый паблосуржик стал на день ближе, на день реальнее. И все понимали, что живые предшественники «Соломона» были не правы. «Конечно, не

правы, – писала местная газета, – а как же они могли быть правы, когда они были не правы?» Это было убедительно и толкало всех к новым успехам.

Поэтому неудивительно, что «Соломон» застал планетку на «новом небывалом подъеме» (как писала местная газета). Иными словами, все надо было начинать сначала...

«Самое главное – пробудить инициативу и самосознание, – решил «Соломон», – А для этого нельзя позволять им соглашаться со мной по каждому поводу».

И для пробы на первом же митинге «Соломон» сообщил собравшимся, что он круглый идиот. Больше в этот день он ничего не мог сказать, потому что грянула овария, которая до сих пор еще гроыхает...

На следующий день «Соломон» собрал начальников отсеков и заявил, что он не любит оварий...

– Он не любит оварий!.. Он не любит оварий! – восхищенно сказали начальники отсеков и созвали стихийный митинг.

– Не любит оварий! Не любит оварий! – скандировали все. Вспыхнула овария, от которой у «Соломона» к вечеру разболелась голова с электронным мозгом.

И вдруг «Соломон» понял, почему паблосуржик до сих пор не построен. Ведь они же все время митингуют!..

И на следующий день он заявил на общем собрании:

– Меньше оварий – больше дела!

От разразившейся в ответ оварии у «Соломона» чуть не лопнули предохранительные перепонки, а сама планетка едва-едва не развалилась.

Всю субботу и целое воскресенье «Соломон» ломал свою железную голову над тем, как же пробудить в них то самое самосознание... Удивительное дело. Он назвал себя круглым идиотом, а они не только согласились, но еще и обрадовались.

И тогда «Соломон» решил пойти на риск. Он будет давать такие дурацкие указания, которым даже табуретка должна воспротивиться.

В понедельник он сказал начальникам отсеков:

– Главное в строительстве паблосуржика – это обеспечить брынзовелость!..

Начальники отсеков одобрительно закивали.

– Это правильно! – сказал один из них.

– До сих пор мы закрывали глаза на брынзовелость, а это объективный фактор, – сказал другой, – и с ним надо считаться!..

– Надо объявить кампанию за стопроцентную брынзовелость! – сказал третий.

– Подумайте над тем, что я вам сказал, – обратился «Соломон» к начальникам, – примите меры и завтра доложите!

Когда наступил вечер, «Соломон» с ужасом увидел, что вся планетка иллюминирована и разукрашена...

«ЗА СТОПРОЦЕНТНУЮ БРЫНЗОВЕЛОСТЬ!» – кричали неоновые буквы.

«А ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ БРЫНЗОВЕЛОСТИ?» – кричали размалеванные плакаты. «БРЫНЗОВЕЛОСТЬ ПРИБЛИЖАЕТ ПАБЛОСУРЖИК!» – гласила местная газета. А в универсальном магазине в отделе подарков продавали эстампы с видами «Соломона» по 5 руб. 30 коп. за штуку (в переводе на наши деньги).

«Ага! – подумал «Соломон». – Вот тут-то вы и попались!..» И во вторник он выступил на общем собрании.

– Брынзовелость – это чушь! – кричал он. – Это глупость, которую я выдумал! И среди вас есть такие, которые поднимают на щит любую сказанную мной глупость!.. А где ваше самосознание?!.

– Это правильно! – выступил первый начальник. – Еще вчера мы закрывали глаза на то, что брынзовелость – это чушь. Что греха таить... Недооценивали...

– То, что брынзовелость чушь, – это объективный фактор, – выступил другой начальник, – и с ним надо считаться!..

– Надо объявить кампанию за уничтожение стопроцентной брынзовелости! – выступил третий начальник.

Вчерашнее ликование перманентно переросло в сегодняшнее:

«БРЫНЗОВЕЛОСТЬ – ЭТО ЧУШЬ!» – кричали неоновые буквы.

«А ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ БРЫНЗОВЕЛОСТИ?» – орали размалеванные плакаты.

«БРЫНЗОВЕЛОСТЬ НЕ ПРИБЛИЖАЕТ ПАБЛОСУР-ЖИК!» – гласила местная газета.

А в универсальном магазине в отделе подарков эстампы с видами «Соломона» подорожали на 40 коп. (в переводе на наши деньги). Среду планетка встречала «небывальным подъемом».

С утра у «Соломона» поднялось электронное давление. Еще бы! Всю ночь он искал способ вызвать разумное неповиновение себе и к утру, как ему показалось, нашел...

Он снова вызвал к себе начальников отсеков и зачитал приказ:

– «Уволить с предприятия всех синеглазых блондинов по статье 47/в».

– Наконец-то, – сказал первый начальник. – Раньше мы на них закрывали глаза...

– Синеглазые блондины – это объективный фактор, – сказал второй.

– Надо объявить кампанию, – согласился третий.

«Соломон» повысил голос:

– Почему вы не спрашиваете меня за что?..

– Значит, так надо, – отчеканили все трое.

– Я уволил их, – закричал «Соломон», – за то, что никто из них ни разу не прогулял!!

– Правильно! – сказали начальники отсеков. – Раз их уволили за то, что они ни разу не прогуляли, значит, на нашей планетке не было и нет прогульщиков!..

«Соломон» вышел из себя. Он был раскален:

– Но ведь это абсурд!

– Да. Раньше мы как-то закрывали глаза на абсурд, – бесстрастно сказал первый.

– Абсурд – объективный фактор, – поддакнул второй.

– Надо объявить кампанию за стопроцентный абсурд, – убежденно высказался третий...

От негодования и изумления у «Соломона» отнялась вторая сигнальная система. Он почувствовал себя настолько плохо, что немедленно уехал домой и лег на техосмотр. Четверг был объявлен нерабочим днем по случаю отсутствия на планетке прогульщиков.

А в универсальном магазине в отделе подарков эстампы с видами «Соломона» подорожали еще на 40 коп. (в переводе на наши деньги).

Последний удар «Соломон» получил в пятницу, когда прочел в местных газетах, что под его руководством план строительства паблосуржика перевыполнен на 453 процента.

Получалась поразительная картина: по плану строительство паблосуржика должно было закончиться в 2965 году. А по местной газете предприятие строило паблосуржик уже «в счет 2981 года»! Напрягая последние силы, «Соломон» написал на Землю, что все на этой планетке – липа. Подъем – развал. Плюс 453 процента – это минус 453 процента. Паблосуржик – в самом зачаточном состоянии. Начальников отсеков следует немедленно уволить. «Соломон» хотел поставить свою подпись, но в этот момент с ним произошло то, что в некрологах называется «скоропостижно и безвременно»...

Когда на Земле получили письмо «Соломона», то решили, что он что-то перемудрил, и освободили его от занимаемой должности «в связи с переходом в другое состояние».

Неизвестно, кто был следующим и что было потом...

Известно только, что больше всех на этой странной планетке переживали работники отдела подарков из универсального магазина. Шутка ли?! Склады были завалены эстампами с видами «Соломона», и никто не знал, по какой цене их продавать завтра...

1964

Девятый час утра.

- Что мне надеть? – спрашиваю я.
- Что хочешь! – слышится из кухни.
- Э-э... Опять то же самое.

Я сажусь в кресло и закрываю глаза, вместо того чтобы...

...И вместо того чтобы небо с самого утра было синим, а снег на улице – белым, да таким белым, чтоб необходимо было щуриться и чихать, вместо всего этого – серость. И не просто серость, а асфальтовая серость, от которой медленно и вяло начинает болеть голова.

Для меня это самое тягучее время: осень вроде кончилась, дожди – тоже, температура минусовая, а снега нет и в помине. Всюду сплошной асфальт. И небо – асфальт. И ветер серого цвета. И так уже две недели подряд...

А мы с ней живем девятый год.

- Что мне надеть? – спрашиваю я.
- Что хочешь.

Я достаю из шкафа новый костюм.

- Правильно, – говорит она, – надо будет куда-нибудь выйти – нечего будет надеть.

- А мне противно каждый день таскать одно и то же.

- Надень брюки и свитер.

Брюки и свитер... Не хочу я брюки и свитер... А ей, конечно, все равно, что я надену. Хотя в отношении нового костюма она права. Но почему такое безразличие? Ведь то же самое можно сказать и по-другому...

- На брюках пуговица отлетела, – говорю я.

- Оставь. Я пришью.

- Я сам пришью.

- Пришивай... Да что ты хочешь? Пожалуйста! Надевай новый костюм!

Я лезу в шкаф и достаю новый костюм. Вообще-то жалко, конечно.

– Надень все, что есть! – говорит она. – Только потом не ной, что не в чем будет пойти в театр.

Я вешаю костюм в шкаф.

– Мое дело! – говорю я. – Что хочу, то и надену!

– Картошку пожарить или пюре?

– Мне все равно.

– Мне тоже все равно. Я ее вообще не ем.

– А для одного меня нечего возиться.

Я пришиваю пуговицу, а она гремит на кухне. Через некоторое время она заглядывает в комнату:

– Подавать на стол?

– Не юродствуй!

И мы молча завтракаем.

– Чай или кофе? – спрашивает она.

– Все равно.

– Все равно так все равно. Что хочешь, то и нальешь.

– Я вообще могу не есть!

Я отодвигаю еду и встаю из-за стола. Сажусь в кресло в угол комнаты и начинаю наблюдать за ней. Она нарочито спокойно собирает посуду и несет ее на кухню.

Уже пятый год у нас такая ерунда. Мы словно заряжены на конфликт. Поводы самые разнообразные, самые нелепые, самые неожиданные. Причем у нее нет никакого мужского интереса на стороне. Это я знаю точно. Иначе она бы сразу ушла. Она такая. У меня тоже никого нет. И она это знает. Так в чем же дело?..

Она входит в комнату и начинает якобы безразлично приводить себя в порядок...

Так в чем же дело?.. Эти никчемные частые склоки действуют изнуряюще. Я чувствую, что с каждой такой ссорой тупею и тупею. Ее глаза тоже за последние годы приобрели какой-то металлический оттенок. Нет, в них нет ненависти ко мне. Иначе бы все уже давно решилось. Я тоже не испытываю к ней неприязни. Ведь если бы я ее ненавидел!.. Если бы она была дурой, неряхой, вредной, шлюхой! О, как бы все было просто!.. То есть, разумеется, и тогда не все было бы просто. Но я бы наверняка преодолел эту невероятную силу притяжения, которая называется привычкой. Однако она не дура, не неряха, не вред-

ная, не шлюха. И в то же время жизнь наша за последние пять лет стала какой-то механической...

Вот она влезает в свое самое любимое платье. Это платье она всегда надевает после очередной ссоры. А так как ссоры у нас чуть ли не каждый день, платье уже успело поизноситься. Но оно по-прежнему ей идет, и в этом платье она всегда старается подчеркнуть полную независимость от меня. Кроме того, когда в мирное время мы выходим с ней в театр, она тоже надевает это платье, и тогда я завязываю ей сзади тесемочки. А когда она надевает его после ссоры, я, естественно, сижу в кресле в углу комнаты, и тесемочки завязывать приходится ей самой. Хотя это и очень неудобно.

И что делать? Разводиться? Но где логика? Из-за чего? По какому поводу затевать эту бракоразводную тягомотину? А главное – в перерывах между ссорами все бывает не так уж плохо. И в то же время я понимаю, что надо бы развестись и через год мы друг другу скажем спасибо... Ну, не через год, так через пять... Однако не представляю, как можно расстаться практически на ровном месте...

– Куда ты идешь? – спрашиваю я.

– Не твое дело!

– Когда ты придешь?

– Когда приду, тогда буду!

И в этот момент у нее начинается беззвучная истерика лицом в диван. А я хожу по комнате, курю и произношу не очень цензурные слова.

Когда она плачет, я теряю последние признаки рассудка и уже не нахожу никакого выхода. Кошка наша в такой момент всегда забирается под диван, и ее долго не видно.

– Прекрати! – угрожающе говорю я. – Лучше прекрати!

Она вся содрогается.

– Если ты не прекратишь, – говорю я, трясая ее за плечи, – я не знаю, что я сейчас сделаю.

Она содрогается еще сильнее. Я действительно не знаю, что я сейчас сделаю.

Однажды я брякнул об пол телефон с такой силой, что он разлетелся на маленькие и большие колесики. Но это не помогло. И вообще я заметил: ломка вещей в квартире вызывает у нее только новый приступ истерики.

Я мечусь по комнате, как затравленный. Ну что делать? Что?!

– Если ты не прекратишь, – кричу я и не узнаю своего голоса, – я не знаю, что я сейчас сделаю! Считаю до трех. Раз!.. Два!.. Три!..

Она не понимает.

– Уйди отсюда!! – неожиданно кричит она, и теперь я не узнаю ее голоса. – Уйди! Ты мне противен!!

Ах, вот как! Я ей противен! Вот в чем дело, оказывается. Тогда все понятно. Только почему именно сегодня?.. Не знаю откуда, но решение возникает в голове молниеносно, и я лихорадочно начинаю его выполнять.

Я быстро одеваюсь... «Противен»!.. Как просто!.. Все! Немедленно, сию же минуту!.. «Противен»!.. Никаких разводов! Избавлюсь тотчас же. Как отрезать! И все! Все!.. «Противен»!.. Я бросаю в чемоданчик ее самые необходимые вещи. Все. Это самое правильное!.. Я заворачиваю ее в одеяло, хватаю под мышку, выскакиваю на улицу...

Я почти бегу по серому холодному асфальту к Центральному рынку. Ветер распахивает полы моего пальто и задувает в брюки... Хоть бы одна снежинка. Хоть бы маленькая дырочка в небе...

– Хочешь меня продать? – спрашивает она из одеяла.

– Не твое дело!

– Ну и дурак. Пожалеешь.

– Это уж мое дело!

– Газ выключил?

– Не твоя забота!

– Мне нечем дышать, – говорит она, ворочаясь в одеяле.

– Надышишься с другим!..

Она больше до самого рынка не говорит ни слова.

Этот рынок мне хорошо знаком. Я сюда заходил. Не то чтобы часто, но и не так уж редко. Иногда один, иногда с ней. Бывало, в мирные промежутки утром в воскресенье мы приходили с ней на этот самый рынок и, потолкавшись достаточное количество времени, набивали нашу большую хозяйственную сумку всякой всячиной. И нам этой съестной всячины хватало на неделю...

Я хожу по рядам и ищу место, где бы можно было пристроиться. Но это очень трудное дело. Причем неизвестно, кого больше – тех, кто хочет купить, или тех, кто хочет продать. Те, кто хочет купить, не подпускают меня к прилавку, думая, что я лезу без очереди. А те, кто хочет продать, стоят за прилавками сомкнутыми рядами и сантиметра не уступят от своего места новому конкуренту. Есть, правда, местечко возле бочки с квашеной капустой. Там бы можно устроиться, но, во-первых, весь прилавок мокрый, а во-вторых, из бочки несет таким засолом, что я не выстою и пяти минут... Только минут через сорок я протискиваюсь в цветочный ряд и располагаюсь между огромными кровавыми гвоздиками и бледно-сиреневыми японскими хризантемами.

– Вот, – говорю я ей. – Ты, кажется, любишь цветы... Пожалуйста.

Я освобождаю ее до пояса из-под одеяла и устанавливаю лицом к покупателям. Она молчит. Я тоже молчу. Мне холодно. А оттого, что нет снега, и от ярких цветов мне еще холоднее. Нос синее. Я поднимаю воротник пальто, надвигаю кепку поглубже и становлюсь похожим на типичного рыночного торговца. Даже курю, не вынимая рук из карманов.

– Застегни верхнюю пуговицу. Простудишься, – говорит она и хочет застегнуть мне верхнюю пуговицу пальто.

– Не лезь! – огрызаюсь я.

Я застегиваю пальто на верхнюю пуговицу и жду...

– Купил бы гвоздичку барышне, – говорит торговка слева.

Я не отвечаю и курю. Купить ей гвоздичку – значит идти на примирение. А я этого принципиально не хочу. И потом, я уже все решил.

– Почему? – спрашивает меня сморщенный инвалид на деревянной колобашке.

– Что «почему»?

– Почему баба, спрашиваю?

Ах да! Ведь я же ее продаю!.. Но откуда же мне знать – почему? Не в деньгах ведь дело, а в том, что это единственный выход из создавшейся ситуации...

– Все равно, – говорю я.

Он долго рассматривает ее со всех сторон. Особенно долго изучает руки.

– Э! – кричу я. – Ты смотреть-то смотри, а руками не трогай! Не купил еще!

– И то верно, – говорит инвалид. – Городская она?

– Городская, городская... С высшим образованием...

– Жаль, – говорит инвалид. – Трудно ей будет за мной присматривать. Небось к сельской жизни непривычная... А глаза у ней хорошие, теплые... Жаль...

Инвалид уходит, подскакивая на своей колобашке. Я мельком смотрю на нее. Ее как будто ничего не касается.

– Вчера мать звонила, – говорит она в пространство.

– Тебе-то что? – сухо говорю я.

– Мне-то ничего. Твоя мать, а не моя.

Куда это она все время смотрит? Я прослеживаю взгляд и вижу высокого парня в замшевой куртке. Он стоит, прислонившись к табачному киоску, и смотрит на нее. Но как-то нехорошо смотрит... Я резко поворачиваю ее в другую сторону. Еще каждый будет глазеть!.. Купи и глазей сколько влезет!

– Еще раз туда посмотришь, – говорю ей, – так врежу!

– Папа, купи маму! Папа, купи маму!..

Мальчишка лет шести с белым шарфом, повязанным поверх воротника пальто, тянет за руку мужчину в галошах. В другой руке у мужчины в галошах – набитая сумка. А у мальчишки под носом – две сопливые дорожки.

– Денег нет, – поспешно говорит мужчина в галошах.

– Ну купи маму, пап!.. Купи!.. – мальчишка тянет и тянет его к прилавку, за которым стою я с ней.

– Она некрасивая! – Мужчина в галошах рывком уводит мальчишку.

– Нет, красивая! Красивая!.. Купи маму!

– Она злая!

– Нет, не злая! – Мальчишка упирается изо всех сил и оглядывается на нас. – Она добрая!.. Смотри, она плачет!.. Она добрая! Хочу маму!..

Мужчина в галошах отвечает мальчишке хорошую оплеуху, и они исчезают в толпе.

Я смотрю на нее. Глаза у нее действительно переполнены слезами. Видимо, от холода.

– Сейчас ресницы потекут, – говорю я.

– Не твое дело!.. Дай платок.

Я протягиваю ей мятый платок. Представляю, как бы все осложнилось, если бы у нас были дети...

Еще не начало темнеть, а уже зажигаются рыночные фонари, и от их света становится еще холоднее.

В том, что у нас не было детей, никто не виноват. Ни она, ни я. Все, что она нажила почти за девять лет со мной, удалось запихнуть в один небольшой чемоданчик. В этом тоже никто не виноват... «Противен»!..

Высокий парень в замшевой куртке останавливается возле нас, смотрит на нее, ничего не говорит и улыбается. А она смотрит куда-то мимо него и тоже чуть улыбается... Только так улыбается, как будто ей что-то снится.

Парень не уходит, и я начинаю чувствовать внутри нечто, похожее на подташнивание.

– Ну что? – спрашиваю я одеревеневшим голосом.

– Ничего, – отвечает парень в замшевой куртке и продолжает улыбаться.

– И нечего зря глазеть!

– Цена дикая? – спрашивает он безнадежно. Я смотрю на нее. Она молчит... Небось сама хочет, чтобы я ее продал этому парню. Потому и молчит. Иначе сказала бы что-нибудь или хотя бы взглянула на меня.

– Ну, так как? – настаивает парень.

Он молчит. Но я на этот раз тоже не уступлю! Черт с ней! Противен так противен! И я вдруг выкрикиваю так, что весь рынок испуганно поворачивается в мою сторону:

– Сколько дашь, за столько и бери! Только живо!

– А вот все мои деньги, – говорит парень и выгребает из замшевой куртки бумажки и мелочь. – Вот только пятерку себе оставляю.

Он бросает деньги на прилавок.

– Натерпишься с ней, – говорю я.

Он меня не слышит. Он смотрит на нее.

– Забери белье из прачечной, – говорит она, расчесывая волосы перед маленьким зеркальцем.

– Невропатка она, – говорю, я пододвигая к краю прилавка ее чемоданчик. – Хочешь ей удовольствие доставить – ходи с ней на лыжах, когда снег выпадет...

– Сами разберемся, – глядя на нее, отвечает парень.

– За телефон заплати, а то выключат, – говорит она, проводя по губам помадой.

Я придвигаю к торговке справа все деньги, которые выложил парень, и забираю у нее все японские хризантемы.

– Цветы она любит... Вот...

– Обойдемся без подачек, – быстро произносит парень и берет у торговки слева кровавых гвоздик на всю пятерку. Потом осторожно снимает ее с прилавка вместе с одеялом.

– Если надо будет убраться в квартире, – поворачивается она ко мне, – позвони тете Шуре. Она уберет... Будь здоров...

И парень в замшевой куртке уходит вместе с ней и с ее чемоданчиком. Возле табачного ларька он останавливается, вынимает ее из одеяла, а одеяло сворачивает и заталкивает в урну.

– Эй! – кричу я. – У нее голова часто болит!..

Но их уже нет... И никого уже нет.

Остаюсь на рынке один я с японскими хризантемами. Только они мне ни к чему.

«Вот и слава богу! – думаю я. – Вот и хорошо!.. И конец всем нервотрепкам...»

Я быстро ухожу с рынка.

Я сильно продрог. У меня стучат зубы. Но все это ерунда по сравнению с начинающейся новой жизнью. Как хорошо, что я на это решился! Как хорошо, что я на это решился!..

Я захожу в продовольственный магазин и покупаю сто граммов масла, полкило сахара, двести граммов докторской колбасы и пачку пельменей. Пельмени замерзшие и погромыхивают в пачке, как горох. Только пачка расклеенная. Но это последняя пачка... Все у меня в руках, и я иду домой.

Иду и напеваю что-то бессвязное на ее любимый мотив. Прекрасно! Прекрасно! Теперь я никому не противен!.. Вечерами, конечно, будет трудно. Все-таки почти девять лет. Но хорошо, что я на это решился. И я продолжаю напевать что-то бессвязное на ее любимый мотив, который никак не покидает мою окоченевшую голову.

Сердце просто выпрыгивает, когда я вхожу в квартиру, в которой я буду теперь жить один! Я зажигаю свет. Пусто. Светло. Холодно...

И хорошо, что я первый решился!

Наша кошка, а теперь моя кошка, упруго трется о мои ноги.

– Тебя еще только здесь не хватало! – исступленно кричу я и чувствую железное кольцо вокруг горла. – Тебя только не хватало!..

И я что есть силы отшвыриваю кошку ногой. Описав дугу, она с криком брякается на пол и выскакивает из комнаты в открытую дверь прямо в парадное. А я, не в силах удержать равновесие от удара, растягиваюсь на скользком паркетном полу. Расклеенная пачка разваливается, и замерзшие, заиндевевшие пельмени со стуком рассыпаются по полу. Я не могу подняться из-за жуткой боли в спине.

И, лежа на полу, я вижу, что две пельменины закатились под диван.

Она входит в комнату. Я открываю глаза.

– Что мне надеть? – спрашиваю я.

– Что хочешь!

1968

Очень крепкое здоровье императора Бляма

Сказка-быль

У императора Бляма было очень крепкое здоровье.

Выходившая ежедневно императорская газета каждый раз сообщала об этом огромными буквами: «У императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье!»

И жители империи, встречаясь друг с другом в очередях за рисом, обменивались вместо приветствий бодрыми восклицаниями:

– Вы слышали радостную новость?! У императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье!

– Да-да-да! Я читал уже эту радостную новость в газете! У императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье!

– И вчера у императора Бляма было очень крепкое здоровье!

– Да-да-да! И вчера у императора Бляма было очень крепкое здоровье!

– Мой сын, как узнал, что у императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье, так на радостях прямо взял и не пошел в школу!

– Да-да-да! Если бы у меня был сын, то и он, узнав, что у императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье, тоже бы на радостях прямо взял бы и не пошел в школу!..

И, получив причитающуюся порцию риса, жители империи расходились, вздыхая:

– Конечно, риса могло быть и больше, но разве это что-нибудь значит по сравнению с тем, что у императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье!..

...А между тем очень крепкое здоровье императора Бляма оставляло желать лучшего. Даже был создан огромный научный Институт Крепкого Здоровья Императора Бляма. Институт имел, разумеется, несметное ко-

личество отделов. Отдел Мозга Императора Бляма, Отдел Правой Руки Императора Бляма, Отделлевой Ноги Императора Бляма, Отдел Растительности Императора Бляма, Отдел Почек, Отдел Стула... Был даже один отдел, назвать который своим именем было не совсем прилично. Поэтому он назывался под псевдонимом – Личный Отдел Императора Бляма...

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы сотрудник Отделалевой Ноги не раздобыл где-то левым путем препарат, увеличивающий рост и силу мышечных волокон.

Это привело к тому, что Левая Нога Императора Бляма в короткий срок достигла невероятных размеров и стала оказывать физическое и политическое давление на жизнь империи вообще. Все стало зависеть от прихотилевой Ноги Императора Бляма, с которой он в силу ее размеров вставал каждое утро.

Сотрудники Отделалевой Ноги стали получать по дополнительной унции риса, что привело к недовольству в других отделах.

Начались распри, мордобои и кровопролития. Сотрудникам того самого Личного Отдела удалось похитить пресловутый препарат силы и роста. В результате этого Личный Отдел Императора Бляма (вы только представьте себе) принял такие параметры, что даже Крепкое Здоровье Императора Бляма оказалось под угрозой.

Тем не менее жители империи, стоя в очередях за рисом, по-прежнему обсуждали радостные газетные сообщения:

– Эй, уважаемый! Вы что же это, изволите переться без очереди? Небось не читали, что у императора Бляма и сегодня очень крепкое здоровье?!

– Что-о? Да как вы смеее говорить мне такое?! Да я читал, что не только сегодня у императора Бляма очень крепкое здоровье, но и завтра у императора Бляма очень крепкое здоровье!..

– А я читал, что и послезавтра у императора Бляма очень крепкое здоровье!

– А я читал, что и послепослезавтра!!

– А я – что и послепослепослезавтра!!!

– А я – послепослепослепослезавтра!!!!

Так они продлевали очень крепкое здоровье императора Бляма до десяти тысяч лет, и к этому моменту как раз подходила очередь за рисом...

И, получив по крохотной порции риса, жители империи расходились, вздыхая:

– Если бы не очень крепкое здоровье императора Бляма, то вообще можно было бы протянуть ноги...

А крепкое здоровье императора Бляма постепенно расшатывалось.

Возмущенные своим бесправным положением, сотрудники Отдела Печени перекрыли баррикадами все желчные протоки и стали угрожать немедленным и острым циррозом.

Отдел Почек был обвинен в неблагонадежности и замурован камнями и песком. Начались бесконечные острые приступы.

Артериальный отдел, пользуясь широко разветвленной агентурной капиллярной сетью, стал оказывать на Отдел Мозга весьма повышенное давление. Назревал явный кризис.

Реакционно настроенные эскулапы настаивали на старинном, испытанном дедовском средстве – на обширном кровопускании...

Но уже ничто не могло спасти очень крепкого здоровья императора Бляма, в организме которого были нарушены разумные природные принципы динамического равновесия...

Потомки жителей империи спустя много-много лет недоуменно спрашивали друг друга:

– Как?! Неужели было когда-то такое время, когда у ИМПЕРАТОРА БЛЯМА БЫЛО ОЧЕНЬ КРЕПКОЕ ЗДОРОВЬЕ?

Им просто не верилось.

1969

В детстве, не знаю почему, я часто любил приврать.

По каждому пустяку. Без всякого повода.

Бывало, приходил домой грязный и потный. И на вопрос матери: «Опять в футбол гонял?» – отвечал почему-то:

– Нет, в хоккей...

– Сколько тебе лет?

И вместо того чтобы сказать «шесть», я отвечал:

– Восемь...

Нередко мне попадало за мое вранье. В таких случаях мать всегда риторически возмущалась:

– Ну какой смысл врать на каждом шагу?! И главное – зачем?.. Я понимаю, была бы польза... А то ведь нет – просто так!..

Но мне ничего не помогало.

В конце концов неоправданное вранье выросло в привычку, и я привирал на каждом шагу.

Позднее я стал замечать, что нередко многие люди вообще врут без всякой пользы для себя. Просто так. И постепенно слово «говорить» исчезло из моего сознания и стало совершенно идентичным по значению слову «врать»...

Мне вспоминаются некоторые эпизоды из моей обыкновенной, весьма средней жизни...

В двадцать четыре года, окончив медицинский институт, я стал работать участковым врачом.

Возвращаясь как-то с девятнадцатого вызова, я лицом к лицу столкнулся с бывшим одноклассником, который в школе меня недолюбливал... Впрочем, я его тоже...

– Привет, старина! Как я рад тебя видеть! – с улыбкой соврал он.

– Здорово, Битюг! Как жизнь? Где работаешь? – заинтересованно соврал я в ответ.

– Я уже академик! – соврал он. – Доктор наук и все такое прочее... А ты где подвизаешься?

– А я министр здравоохранения, – соврал я как можно более безразлично.

– Ну да?! Счастлив за тебя! – соврал он. – Ты женат?

– Женат, – с довольным видом соврал я. – А ты?

– И я тоже, – соврал он. – У меня красавица жена... Из Италии привез... Да ты знаешь!.. Софи Лорен!.. Умница, хозяйственная, практичная женщина... Великолепно готовит.. Освобождает меня от всех забот по дому...

– А у меня жена – Брижит Бардо, – соврал я. – Также ничего...

– Ну что же... Заходите в гости... Будем рады вас видеть, – соврал он.

– Спасибо. Сегодня же заглянем, – немедленно соврал я в ответ.

– Нет, сегодня не получится, – соврал он, – через полтора часа отлетаем с женой в Италию... к теще...

– Хотя да! – хлопнул я себя по лбу. – Я же совсем забыл!.. У меня самого через два часа дома обед в честь премьер-министра княжества Лихтенштейн!..

И мы распрощались.

Через час я встретился с ним в столовой самообслуживания.

– Перед торжественным обедом нет ничего лучше, чем шницель рубленый с гарниром и компот из сухофруктов, – соврал я, усаживаясь рядом с ним.

– Боюсь к самолету опоздать, – соврал он, торопливо поедая щи со свиной головизной девятнадцать копеек полпорции.

Возле его ног покоилась авоська с двумя пачками сибирских пельменей – любимым лакомством Софи Лорен...

И вот так в течение всей жизни встречал я людей, говорящих, словно врущих, и врущих, словно говорящих.

Вспоминаю свою тяжелую продолжительную болезнь, когда я лежал дома в безнадежном состоянии...

Я уже не реагировал на окружающее, и мне все было безразлично...

– Я тебя всегда любил, – соврал я жене.

– Я тебя тоже, – соврала она. – Успокойся. Все будет в порядке. Я буду верна тебе всю жизнь...

– Я не сомневаюсь, – соврал я совсем тихо.

– Я верю, что ты поправишься, – соврала она. – Ты что-то хочешь сказать?

– Милая, – соврал я совсем шепотом, – похороните меня рядом с Петром Первым... Хорошо?

И вот как сейчас помню я свои похороны. Перед тем как вынести меня из дома, состоялась легкая панихида...

– От нас ушел замечательный, честный, большой души человек, – врал один, который при жизни писал на меня анонимки.

– Его жизнь – пример подлинного служения своему делу, – врал другой, который при жизни уволил меня по собственному желанию.

– Ты был настолько лучше нас, что каждый из нас готов занять твое место, – врал третий, который при жизни подселел меня по работе.

– Память о тебе сохранится в нас всегда, – врал четвертый, который все время смотрел на часы, потому что опаздывал в кино.

– Он был моим единственным настоящим другом, – врал пятый, которого я при жизни вообще никогда не видел.

На моем холмике валяются искусственные цветы. Табличка на палочке возвещает о том, что здесь лежу я (ФИО). Это – суцая правда...

Хотя если приглядеться, то можно заметить, что в фамилии моей есть маленькая ложь: вместо «Арканов» написано «Орканов»... Но мне это уже все равно.

Старик в меховой шапке

Я ехал в «Красной стреле» в Ленинград. В коман-

дировку. Мои попутчики по купе довольно быстро разбрелись по полкам и уснули. В самом деле, гораздо удобнее добираться до Ленинграда поездом. Уснул в Москве – проснулся в Ленинграде. Как будто и не уезжал... Но мне почему-то не спалось. То ли я выпил несколько лишних чашек кофе, то ли еще почему-нибудь. Я стоял в проходе, глядел в окно, ничего не видел и курил.

Около половины четвертого поезд вдруг начал тормозить и скоро остановился. Сквозь замерзшее окно расплывались огоньки какой-то станции...

– Снежный занос, – сказала проводница. – Минут сорок простоим.

Вообще-то снежные заносы – довольно редкое явление на этой дороге. Но раз занос – значит, занос. Всякое бывает.

Я надел пальто и выскочил на маленький перрончик. Мороз был градусов под тридцать. Да еще с ветром. Я заглянул в деревянное строенье, которое, видимо, должно было обозначать вокзал, и справа от себя увидел дверь с надписью «БУФЕТ».

Как ни странно, буфет работал. Впрочем, чего не бывает на таких полустанках... Три столика из четырех были заняты. Какие-то раскрасневшиеся люди, по-видимому местные рабочие, руками ели огромные сардельки, макая их в блюда с горчицей, и пили пиво. Один спал, уронив голову на стол, свесив руки. За четвертым столиком сидел старик и одиноко, задумчиво цедил пиво. Никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Как будто я и не входил. За буфетной стойкой дремала типичная буфетчица в белом халате, напяленном прямо на неимоверно толстое пальто. Руки были спрятаны в рукава.

– Кружку пива, пожалуйста, – сказал я буфетчице, – только не холодного.

– Куда уж холодного в такую стужу, – сказала она, зевнув.

Буфетчица пододвинула ко мне кружку пива и приняла прежнюю позу.

Я подошел к столику, за которым сидел старик.

– Вы разрешите присесть с вами? – сказал я.

– Сделайте милость, – ответил старик и переложил свою мохнатую шапку со стола на стул.

Я сел и начал маленькими глотками пить теплое пиво. Было очень приятно. Еще посматривал на старика. Лицо его затерялось где-то в глухой растительности. Даже глаза с трудом различались. Он, как и я, пил маленькими глотками, с остановками, и после каждого глотка покрякивал от удовольствия. Крякал он так смачно и заразительно, что я тоже начал покрякивать. Мое покрякивание старик воспринял, очевидно, как сигнал к разговору.

– В Питер? – спросил он.

– Туда, – сказал я. – А вы здесь живете?

– Я всюду живу.

– Как это – всюду?

– А вот так – всюду...

Я подумал, что старик – нищий и что ему неудобно об этом распространяться. Всюду так всюду. Он, видимо, понял мою заминку.

– Небось думаете, с сумой хожу? – сказал старик.

– Нет, почему же...

– А просто всюду живу...

Я понял, что разговор становится несколько однообразным, и постарался переменить тему:

– А лет-то вам сколько?

– Много.

– Ну все-таки?

– Много... А назову сколько – не поверите.

– Почему же не поверю?

– А люди нешто во что верят?.. Они только себе верят, да и то, когда пощупают.

– Но вы сами посудите – какие у меня основания, чтобы вам не верить?

– Э-э... Все так говорят, а потом не верят... Устал я от этих оснований. Трещу, как балаболка какая, а все впустую.

Старик показался мне занятым, и после долгих препирательств он вроде бы согласился рассказать немного о себе.

– Под пиво оно как-то легче пойдет, – сказал он.

Я принес пару пива, и он начал:

– Жили мы, значит, с моей старухой у самого моря... Почитай, лет тридцать жили, да еще годка три прибавь до венчания. Ну, я рыбачил. Когда удочкой, когда неводом... А старуха целый день пряжу свою пряла. Домик у нас был никудышный... Можно сказать, не дом, а землянка ветхая... И вот, помню, однажды полный день просидел я на берегу со своим неводом – и ни хрена. То тину вытаскиваю, то траву какую-то... Солнце уж к закату было. Закинул я невод последний раз, вытаскиваю... Гляжу – батюшки мои!.. Извините, не угостите сигареткой?

– Пожалуйста, – сказал я и протянул ему пачку «Шипки». Старик размял сигарету, прикурил от моей, затянулся и продолжал:

– Да... Так вот, гляжу – светится что-то. Да так светится, аж глазам больно. Беру в руки... Не поверите – рыбешка! Маленькая, а тяжелая... Фунта на четыре тянет! Вот тебе и рыбешка! Из чистого золота оказалась!.. Во, думаю, счастье. Ведь ежели эту диковину на базаре толкнуть, так всю жизнь можно припеваючи прожить... Да не тут-то было. Рыбешка вдруг разевает рот и говорит самым что ни на есть человеческим голосом... Вы когда-нибудь слышали, чтоб рыбы разговаривали?

– Честно говоря, нет, – сказал я. – Вот, говорят, у дельфинов свой язык есть...

– Так то дельфины, – протянул старик. – Короче говоря, взмолилась она, чуть не плачет... Отпусти да отпусти. Не прогадаешь. Я, говорит, за это любое твое желание исполню... Э, думаю, была не была! Весь век в бедности жил – остаток как-нибудь проживу... И говорю ей ради интереса, что вот, мол, ничего мне от тебя не надо, а если можешь, так сделай, чтоб у моей старухи новое корыто было, а то наше совсем расколосось. Кивнула она головой, и отпустил я ее в море. Только хвостиком махнула...

Прихожу домой. Что такое? Глазам не верю! Старуха мои обмотки в новом корыте стирает!.. Откуда, спраши-

ваю, корыто? Да цыгане, говорит, проезжали. Я им разные побрякушки, а они мне – корыто...

Дура ты, дура, говорю. Это ж рыбка!.. И рассказал ей всю историю. Как начала она меня на чем свет стоит поносить! Простофиля, кричит, дурачина, и все такое прочее... Старый ты, говорит, склеротик! Лучше б пить бросил! Пляди – уж до белой горячки допился, галлюцинировать начал!.. Где это видано, чтоб рыба по-человечьи болтала! Ступай просппись! И пока эту свою дурацкую дребедень из головы не выкинешь – на глаза не показывайся!.. Не поверила, значит...

Старик вздохнул и замолк... Помолчал немного, отхлебнул пива и продолжал:

– Да... Не поверила... А меня через это недоверие обида взяла... Почему, думаю? Что я, из ума, что ли, выжил? Для себя разве старался? Да мне от этой рыбки гроша ломаного не надо!.. Рассказал людям – засмеяли... Яйцами тухлыми закидали. Темнота, говорю, да у вас от этой рыбки полны закрома всякого добра будут!.. Не поверили, и все тут!.. И чего я после этого ни делал! Куда ни совался! И к околоточному ходил, у губернатора был, самому царю рапорт представил... Не поверили! Больше того – в остроге проморили... Вот видишь, прикладом все зубы повыбивали...

И старик показал мне бледно-розовые, без единого зуба десны...

– А все от неверия... Да... И вот однажды в одной деревеньке, недалеко от Питера, повстречался я с одним молодым человеком. Шустрый, глазки как угольки... Кучерявый такой смугленьш... Видать, нерусский. Он мне первый и поверил. Внимательно так слушал, записывал чего-то... А на прощанье полтину подарил... Уже потом, когда он про всю мою историю книжку написал, тогда поверили. Ан поздно. Я, правда, потом доказывал: вот, мол, не слушали меня, а на деле вон как получилось. Куда там! Никто и слушать меня не хотел... Вы на поезд-то не опоздаете?

– Нет-нет, – сказал я, – рассказывайте. Я услышу гудок.

– Сколько я потом от этого недоверия натерпелся! И ладно бы просто не верили. Так нет! Злобствовали при этом. И откуда столько злобы в людях?.. Помню, заприметил я как-то, что ежели на рану какую плесень класть... ну, самую что ни на есть обыкновенную плесень, так рана от

этого вроде бы затягивается... А тут в деревне парнишка помирал. Корова его в бок боднула. Я говорю: плесень на рану положите!.. И-и!.. Палками прогнали! Кто ж это, говорят, на рану падаль всякую кладет? Да еще и собак спустили. Еле утек... Во! – Старик снял валенок, засучил штанину и показал здоровенный шрам на левой икре. – Тоже, стало быть, не поверили. А рассказал я про это двум докторам из Питера, так они ахнули! Дедушка, говорят, так ведь это ж пенициллин!.. Мне что, говорю, может, и пенициллин. Мне главное, что поверили... А уж когда книжку они про это выпустили, тогда все поверили. А меня из-за этого чуть собаки не разорвали. Ну, с собак-то что? Спрос мальш...

– Да, собака и есть собака, – почему-то в тон ему сказал я.

– Не скажите! – оживился он. – Какая собака! Вот в девятисотых годах был у меня Полкан... Вроде бы Полкан как Полкан, так нет. Пес-то интересный оказался... На дворе он у меня жил. Бывало, выйду его кормить, фонариком посвечу, а потом кость бросаю. Так и кормил. А тут как-то выбежал я ночью на двор по малой нужде, зажег фонарик, гляжу – а у Полкана-то моего из пасти слюна рекой бежит! Э, думаю, значит, собака соображает, что к чему... Значит, знает, что после этого фонарика ей жратву принесут... А раз соображает, стало быть, у нее ум есть! И что? Поверил кто? Ничуть! Один только старичок поверил... В Колтушах он жил, под Питером. В городки я с ним любил играть. Ох и мастак играть был! Так вот, он поверил... Написал книжку – на весь свет прославился...

Я нервно дергал под столом коленом и непрерывно курил.

– Что молчите? Не верите? – Старик посмотрел на меня в упор. – Все так... Ну да уж я устал обижаться. Сначала думал, что только в России люди такие неверующие, а оказалось – всюду. Народ везде одинаковый... В Германии, помню, рассказал я одному немцу свою думу. Никому не рассказывал. Уж если в рыбешку не верили, так в это и по-давно... А тот немец мне чем-то показался... Симпатичный, в общем, был немец... Маленький, лохматый, и глаза у него понятливые такие... Так я ему и поведал свою думу... Ведь если, говорю, от нашей матушки Земли лететь со скоростью света, то ты, говорю, год будешь лететь, а на Зе-

мле за это время, может, лет восемьдесят пройдет... Вот какая загвоздка!.. Рассказал. Ну и что? До сих пор многие не верят!

У меня пересохло во рту. Я вскочил и принес еще пару пива. Внезапно старик перегнулся ко мне через столик и сказал тихо:

– Вы мне, молодой человек, чем-то нравитесь... Хочу вам рассказать об одной удивительной, но очень страшной закономерности... Я о ней никому не рассказывал, потому что это страшно... Заприметил я, что...

– Не надо!! – в ужасе закричал я на весь буфет. Рабочие оглянулись на крик, буфетчица вскочила на ноги. Но, видя, что ничего не произошло, рабочие отвернулись к своим сарделькам, а буфетчица снова задремала. – Не надо! – сказал я уже тише. – Я должен ехать... Извините...

– Не веришь, – сказал старик очень спокойно. – И никто не верит! Господи, удавиться, что ли?..

Я подбежал к буфетной стойке и лихорадочно стал рыться в карманах в поисках мелочи...

– Вот! – я бросил рубль. – Я еще должен вам за две кружки пива.

– Не бойтесь, не опоздаете, – зевнула буфетчица и начала неторопливо отсчитывать мне сдачу. – Небось еще не скоро расчистят.. И откуда понесло?.. Днем еще и в помине не было...

Одна монетка упала на пол. Буфетчица нагнулась, подняла ее и продолжала:

– А старик-то этот еще с утра: занос будет, занос... Вот и накаркал... Копеечку я вам, наверное, не найду.. Спичек не надо?

Я выскочил из пивной...

– Ну и поехали, – сказала проводница, проходя в свое купе.

Уже стоя у окна вагона, я опять увидел старика. Он уходил в темноту, оставляя на снегу четкие, незаметающиеся следы.

Соловьи в сентябре

Теплым сентябрьским вечером некоторый молодой

человек по имени Леша направлялся к дому некоторой молодой девушки по имени Лида. В одной руке молодой человек нес бутылку сухого красного вина за два рубля двадцать копеек. В другой – букет гвоздик за один рубль двадцать пять копеек. Леша, конечно, с удовольствием нес бы еще и торт, и книгу – лучший подарок, но у него было только две руки.

Вечера этого молодой человек ждал, может быть, всю жизнь, а может быть, и немного меньше, потому что питал радужные надежды.

Потому что любил он уже названную молодую девушку Лиду чистой студенческой любовью, не обремененной всяческими грубыми намеками: мол, постоим в подъезде или посидим на лавочке. Любил по-настоящему – по русым волосам не гладил, руку на ее колено со словами «Эх, Лидуха!» не клал, в глаза таинственно не заглядывал и ноздрей при этом не раздувал.

И за все это имел он справедливые надежды на взаимность, которые должны были осуществиться именно в этот теплый сентябрьский вечер, потому что был день Лидино рожденья, о котором ежедневно помнил Леша, хотя никаких приглашений не следовало, потому что настоящие друзья приходят без приглашений. Да... Вот так и возникает новая молодая семья, незаметно пробивая себе дорогу в зарослях показной красоты, животной чувственности и внешнего благополучия. Возникает ячейка, а потом крепнет. «Мне не надо судьбы иной, – думал Леша, – лишь бы день начинался и кончался тобой». Эту мысль, услышанную по радио от Эдуарда Хиля, он запомнил навсегда, а когда запомнил – переписал в записную книжку.

Лида, конечно, удивится, открыв дверь. А он протянет ей букетик алых гвоздик, символ жен летчиков эскадрильи «Нормандия – Неман», и скажет: «Это тебе, Лида, в день твоего рождения...» И она сразу поймет, что он настоящий друг, потому что настоящих друзей не приглашают – они сами приходят. А потом выйдет из кухни Клавдия Мартыновна, вся в муке, всплеснет руками и всхлипнет. А он протянет ей бутылку сухого красного вина и скажет просто: «Это вам, Клавдия Мартыновна, в день рождения вашей Лиды...»

И они пойдут с Лидой в ее комнату, он поможет ей по начерталке, и ее русский локон будет касаться листа ватмана... И ясно станет, что через каких-нибудь четыре года отметят они вступление в законный брак искрометной молодежной свадьбой. А раньше зачем?.. И дело совсем не в проверке чувства. За свои с Лидой чувства Леша отвечает. Просто надо специальность получить, на ноги встать. А еще года через два появится Митька. А раньше зачем?.. И дело совсем не в эгоизме. Просто надо дать окрепнуть семье, в театр походить, на выставку, на каток... А что? Митька родится – им по двадцать семь. Митьке десять – им тридцать семь. Митьке двадцать – им сорок семь. Митьке тридцать – им пятьдесят семь. Митьке сорок – им шестьдесят семь. Митьке пятьдесят – им семьдесят семь. Митьке шестьдесят – им восемьдесят семь... Дойдя до восьмидесяти семи, будущий отец позвонил в квартиру будущей Митькиной матери, которой сегодня исполнилось двадцать.

– Кого это еще несет? – услышал он, стоя за дверью, голос Клавдии Мартыновны. – Кто там?

– Воры, – добродушно пошутил Леша, потом кашлянул и сказал серьезно: – Это я, Клавдия Мартыновна.

– Кто «я»?

– Ну я, Леша!

– Какой Леша?

– Никакой. Просто Леша.

Замок щелкнул, дверь нерешительно открылась.

– Это вам, Клавдия Мартыновна, в день рождения вашей дочери, – просто произнес Леша и протянул будущей теще бутылку сухого красного вина.

– Вы к Лиде, что ли? – чуть откинув голову назад, спросила будущая теща, недоверчиво глядя на бутылку.

– К Лиде! – грустно-торжественно сказал будущий зять.

– А ее как раз и дома нет. Может, ей передать чего?

– Это я сам, – улыбнулся Леша и понюхал гвоздики. – Вот она удивится, когда меня увидит.

– Вы что, зайти хотите? – без особого энтузиазма сказала Клавдия Мартыновна.

– Да уж надо, как говорится, подождать... В такой день...

– А вы кто будете? – Клавдия Мартыновна сделала шаг назад.

– Неужели вы меня не помните? Я у вас в марте был. С Лидой занимались.

– Может, и помню, – пожала плечами Клавдия Мартыновна. – К Лидочке много ходят.

Из большой комнаты доносился типичный застольный шум – стук ножей о тарелки, чоканье...

– Отмечаете? – поинтересовался Леша.

– Родственники собрались, – сказала Клавдия Мартыновна. – А молодежь в ресторане гуляет... Приехали Армаз с Леваном из Сухуми... Лидочка у них летом отдыхала... Ну, вот они за это в ресторан ее пригласили со всеми друзьями.

– Мне лично грузины нравятся, – сказал Леша, – и молдавчане хорошие ребята, и эстонцы...

– А вам Лида ничего не говорила? – спросила Клавдия Мартыновна.

– Забыла, наверное. Она ведь с огоньком, – сказал Леша.

– Да! Не скоро теперь придет... Дело молодое... Небось на всю ночь.

– А вы, Клавдия Мартыновна, не беспокойтесь... Пейте вино, ставьте его на стол, гвоздички – в воду. А я Лидочку здесь подожду. В прихожей постою... И к тому же, я думаю, Лида не выдержит – прибежит домой, отметить в кругу семьи... Все-таки такой день...

– Кланы! С кем ты там антимионии разводишь? – раздался из комнаты чей-то несвежий голос.

– Иду! Иду! – крикнула Клавдия Мартыновна. – Тут кто-то к Лидочке пришел!..

– Ну так чего? – продолжал все тот же несвежий голос. – Коли наш человек – пусть с нами выпьет, а коли не наш – зачем тогда жаловал?..

– Нет-нет, – поспешно сказал Леша. – Поздравьте всех-всех от меня... А я уже как-нибудь тут... Я уже сегодня кушал... Спасибо.

– Дело хозяйское, – сказала Клавдия Мартыновна, – а в прихожей неудобно швейцаром стоять. Вытрите ноги и посидите в Лидочкиной комнате... Только раньше утра она не

заявится... Уж поверьте... Лучше б написали записочку, если что важное...

– Клавдия Мартыновна! – душевно сказал Леша. – Милая вы моя!.. Я же друг!

И он крепко пожал руку Клавдии Мартыновне.

Оставшись в уютной маленькой комнатке Лиды, Леша подумал: «Может, сейчас объявить всем о своем решении?.. Нет. Надо дождаться Лиды и уж вместе с ней, крепко взявшись за руки, войти и объявить... А Лида – человек! Она понимает толк в дружбе... Она гордая, поэтому и не замечает меня... Придет, увидит меня, потупит взор и опустит голову на мое плечо... И все станет ясно без слов... И почему она с ним не здоровается, и почему он к ней не подходит, и почему у нее своя компания, а Леша как будто и не существует... Потому что настоящее, чистое чувство надо уметь скрывать, если оно возникло. А оно возникло еще в марте, когда он по просьбе бюро помог ей сделать эпюр. И она тогда сказала: «Спасибо». И вот теперь, через полгода, он решился. Он взвесил чувства, он не ошибается и в день ее двадцатилетия пришел сказать ей, что он помнит ее простое девичье задушевное «спасибо», что он готов протянуть ей свое дружеское молодежное «пожалуйста».

За окном, несмотря на сентябрь, заливались соловьи.

Леша взял со стола альбом фотографий... Лиде годик... Вот таким же будет и их Митька. Только мальчиком... А вот летние пейзажи... Лида в купальнике. Одна нога на подножке новой «Волги», другая – на лежащем на песке молодом человеке с усами. В руке бокал. Справа – море. Слева – цитрусовые деревья... А вот Лида по поясу обнаженная. Русые волосы разметались по подушке. Во рту сигарета... Наверное, на медицинском пляже... Рядом – цветной портрет того молодого человека с усами, который лежал возле машины... Блестящие волосы, пробор. И подпись: «Помни, Ледушка, как мы кутили, как потом мы много любили...» А что любили – не написано... Места не хватило. Наверное, любили гулять... «Там ведь чудесная природа и субтропическая растительность», – подумал Леша. Он долго еще листал альбом с фотографиями, потом положил его на место и стал осматривать комнату. Если профком откажет в предоставлении семейной комнаты в общежитии, то придется жить здесь и подать заявление на квартиру в райжилотдел. А там как раз Митька родится, и райжилотдел пойдет им навстречу. Тесновато, конечно, будет, но в тесноте, как говорится, не в обиде. Глав-

ное – уважать друг друга и помогать в труде и быту. И Клавдия Мартыновна наверняка поймет, и они поладят. Он, если надо, и побелить сможет, и обои поклеить, и на рынок сходить. И заживут они дружно, весело, и Митька будет называть Клавдию Мартыновну бабулей. Из роддома он Митьку вынесет сам, на руках, такси вызовут... И Лида, сидя в машине, положит свою голову ему на плечо и тихо произнесет: «А он похож на тебя...»

В комнату заглянула Клавдия Мартыновна:

– У вас случайно закурить не найдется? А то у моих курцов кончились.

– У меня только «Дымок», – оправдываясь, произнес Леша и вынул из кармана пачку.

– Дымок не дымок – лишь бы дым в потолок, – сказал мужчина из-за спины Клавдии Мартыновны и протиснулся в комнату, протягивая руку Леше: – Павел Степанович, Лидочкин дядя.

– Леша, – сказал Леша и крепко пожал руку своему будущему родственнику.

– Вот это имя! – обрадовался Павел Степанович. – А то что, ей-богу? Армаз, Леван, Давид!.. Леша! Коротко и ясно! Ну что, Леша, пойдём выпьем за Лидкино счастье!

– Лида будет счастлива, – сказал Леша, – но, во-первых, не балуюсь, а во-вторых, имя не имеет значения. Лишь бы человек был хороший...

В коридор высыпали остальные родственники и гости и начали петь и танцевать кто во что горазд. Потом Лешу подхватили под руки и потащили в комнату. Там он взял гитару и стал петь песни Пахмутовой на слова Гребенникова и Добронравова... Влили в него стопку, и он начал мрачнеть, а вскоре и совсем замрачнел и вышел на кухню. Сел на табурет и задумался. За окном по-прежнему заливались соловьи.

Гости начали расходиться, и постепенно все разошлись, кроме одного по имени Сергей. На нем повисла Клавдия Мартыновна и приговаривала, абсолютно захмелевшая:

– Куда ты идешь? Куда?! На работу тебе завтра не идти... Лидка, поди, к утру вернется, а то и совсем... А?..

– Да неудобно, Клава, – отвечал Сергей, тоскливо глядя на дверь. – Неловко... И этот на кухне... Нет. Я пойду...

Леша заерзал на табурете. В кухне появилась Клавдия Мартыновна.

– Ну, чего ты маешься? – сказала она совсем не по-доброму. – Чего ты сидишь как куль?.. Сказано тебе русским язы-

ком: в ресторане они гуляют... Не дождешься!.. Кабы хотела, так позвала бы!..

– Лида гордая, – тихо и не так уверенно произнес Леша, не двигаясь с места.

Входная дверь хлопнула.

– Пришла, – облегченно вздохнул Леша.

Клавдия Мартыновна высунулась в прихожую и безнадежно произнесла:

– Ушел... И ты иди... Не высидишь ничего. Точно тебе говорю...

– И все-таки, Клавдия Мартыновна, – сказал Леша, как бы обретая второе дыхание, – не знаете вы Лиду, хоть и мать... Она натура цельная. Не может у нее не быть ко мне чувства. Вот она вернется – вы увидите!

– Ах, я не знаю? Лидку не знаю?.. Чувство у нее к тебе?.. Не держит она тебя в голове!.. Это я тебе как мать говорю. Иди домой, а то на метро опоздаешь...

Леша медленно встал с табурета. Ком застрял у него в горле.

Жизнь дала трещину. Разве к этому его готовили в комсомоле? Разве об этом писал Чернышевский и пел Эдуард Хиль? Неужели же он, простой, открытый парень, каких тысячи, не достоин искреннего девичьего чувства?..

– И соловьи, как назло, рассвистались, – почему-то сказал он, застегивая пиджак на все пуговицы.

– Это не соловьи, Леша... Это местные хулиганы, – сказала Клавдия Мартыновна, и Леша наконец понял, что не судьба ей стать его тещей...

...На набережной Москвы-реки в эту ночь мы с ним и встретились. И рассказал он мне свою беду так, как она здесь написана. Я посоветовал ему тут же броситься в воду, но он решительно отказался и зашагал прочь, напевая: «Крепись, геолог, держись, геолог...»

Что же касается меня, то я в таких парней верю! Окончит он институт, станет инженером и каждый свой отпуск будет проводить в туристическом походе... С гитарой... У костра... С песней...

В конце концов есть очень много песен, которые по-настоящему бодрят.

днажды осенью всю ночь лил сильный дождь.

Под утро он прекратился, но небо осталось обложным. И когда часов в девять утра мы выглянули в окно, то увидели, что все тысяча восемьсот семь Зорких Глаз пришли в полную негодность. У всех было помутнение роговиц, ресницы выпали, а края век покрылись грязно-коричневой ржавчиной.

Мы чуть не расплакались. Это была последняя партия Зорких Глаз, которую мы только вчера получили из Канады.

– Надо было накрыть их брезентом, – сказал заместитель директора.

– При чем тут брезент? – возразил директор. – Такая продукция не должна зависеть от природных условий. И директор был прав. Мы и раньше получали тревожные сигналы с мест о том, что Зоркие Глаза не отвечают требованиям эксплуатации. Едва их только устанавливали, как они тотчас начинали вращаться в разные стороны, подмигивали рабочим... Кое-какие Зоркие Глаза плакали, и слезы капали на оборудование... А недели через две они, как правило, краснели, гноились и в конце концов закрывались. После этого их выклевали вороны, выгрызали мыши, и от первого же сильного порыва ветра Зоркие Глаза рассыпались. Отвратительная, зловонная труха разносилась по окрестности на десятки километров, заставляя жителей закрывать окна и снимать с веревок сушившееся во дворах белье...

Закупка и транспортировка Зорких Глаз стоила бешеных денег. Но постоянная потребность в них заставляла нас иметь дело с разными иностранными фирмами, многие из которых заламывали прямо-таки спекулятивные це-

ны. При всем этом качество их не выдерживало никакой критики. Так что прав был директор, сказав, что брезент тут ни при чем...

После завтрака на совещании у директора мы долго ломали голову над тем, как быть дальше.

В конце концов было решено наладить собственное, отечественное производство Зорких Глаз. Да, это трудно! Да, это потребует новых капиталовложений! Но либо мы это сделаем, либо...

В тот же день группа ведущих конструкторов заперлась в КБ.

Конструкторы дали клятву не выходить из КБ, пока не будет сконструирован первый отечественный Зоркий Глаз. Это были проверенные, не раз оправдавшие себя люди. В свое время они изобрели отечественную Мясорубку, Целлофановые Пакетики, Искусственную Лошадь, Кипяток и много других товаров широкого потребления. Теперь им предстояло разрешить задачу задач – отечественный Зоркий Глаз.

Пищу конструкторы получали прямо в КБ. Спали прямо в КБ. Естественные надобности справляли прямо в КБ, для чего была проведена остроумная сточная система из КБ непосредственно в речку Ковалевку. А на речке Ковалевке построили новый очистительный агрегат, чтобы население могло пользоваться чистой водой.

Сюда же, в КБ, переселились и жены конструкторов, что привело к организации прямо в КБ родильного дома, яслей, детского сада, школы-интерната, высших учебных заведений, филармонии и маленького крематория.

Наконец через девятнадцать дней на семь минут раньше срока двери КБ распахнулись, и появились сияющие конструкторы с чертежами в руках.

Ликованию не было предела! Еще бы! Ведь это был день рождения собственного Зоркого Глаза!

После торжественного митинга все почтили минутой молчания память одного из конструкторов, не дожившего до этого радостного часа, и занялись делом.

Для производства Зоркого Глаза необходим был особого рода сплав. Ведь Зоркий Глаз не должен бояться коррозии и высоких температур. Кроме того, он должен быть подвижным и зорким. Кроме того, он не должен глазеть по сто-

ронам. Кроме того, он должен быть чистым, голубым и, главное, добрым. Ведь это же Зоркий Глаз, и его не должны бояться те, за кем он должен присматривать...

Для получения такого необыкновенного сплава были вызваны ведущие металлурги. Им срочно создали все условия для работы: ванна, газ, телефон, отдельный санузел, ботанический сад, панорамный кинотеатр. Дворец бракосочетаний, родильный дом и два стола для пинг-понга.

Через четыре часа, на восемнадцать лет раньше срока, необходимый сплав был получен. После торжественного митинга все почтили минутой молчания память одного из металлургов, не дожившего до столь радостного часа...

Наконец настал торжественный день, когда начальники цехов доложили об окончании работ по созданию Зоркого Глаза.

Естественно, что производство с самого начала было засекречено и никто не знал, что и для чего делается в его цехе. Один цех изготавливал хрусталик, один цех – роговицу, один цех – ресницы и веки. А прядильный цех трудился над глазничным нервом. И поскольку этот цех был по составу сплошь женским, то вскоре все работницы щеголяли в новых нервующихся и немнущихся кофтах, связанных из необычайной нервно-глазной ткани. Но ткани было много, и на Зоркий Глаз тоже хватило.

Но вот все детали были готовы, можно было отправить Зоркий Глаз для его апробации на одно из предприятий.

Так как это был первый в нашей истории Зоркий Глаз, естественно, он вышел огромным, и для его перегона потребовался целый железнодорожный состав из сорока трех вагонов. На двух вагонах разместился хрусталик, на десяти вагонах – веки, в специальном крытом вагоне с особой системой амортизации перевозилась роговица. Остальные вагоны были заняты под ресницы.

По абсолютно засекреченному маршруту состав с Зорким Глазом должен был следовать до железнодорожного узла Зубарики, а оттуда старший диспетчер переводил его на юго-восточную ветку, в конце которой и находилось нужное предприятие.

Машинист не знал, что он везет и куда везет. Ему был известен только номер состава – 7422, который надо доставить до конца.

Старший диспетчер на станции Зубарики вообще был не в курсе дела. Он только знал, что в такой-то день ему надо отправить по юго-восточной ветке состав № 7422. И все.

В день отправления Зоркого Глаза была прекрасная солнечная погода. Мы пришли на вокзал в легких белых нейлоновых рубашках, без пиджаков. Наше настроение не поддавалось описанию. За успешное производство Зоркого Глаза все мы получили денежные премии... И конструкторы получили, и металлурги, и директор.

Овации и аплодисменты не смолкали до тех пор, пока последний вагон не скрылся за поворотом. А уж когда и рельсы перестали дрожать, мы облегченно вздохнули и разошлись по домам.

Дальнейший рассказ пойдет от третьего лица, так как автору необходимо поведать о случайном эпизоде, который произошел на железнодорожной станции Зубарики в День железнодорожника.

У старшего диспетчера с утра было отвратительное состояние. В висках что-то бухало. Голова разламывалась. Морда не помещалась в зеркале. Руки дрожали. Мучила изжога... Да, старший диспетчер этой ночью слегка ошибся и теперь расплачивался. И, как на грех, именно сегодня на станции скопилось столько составов!.. До пяти никак не управиться. А в пять (гори все огнем!) он должен сидеть у телевизора и смотреть концерт по заявкам железнодорожников, потому что он сам еще месяц назад заказал песню «Сигнальный флажок»...

А в двенадцать часов дня заботливая жена принесла ему рассол. Прямо в диспетчерскую. И именно в этот момент, когда божественная холодная влага побежала по пищеводу старшего диспетчера, угораздило прибыть состав № 7422. А этому составу, согласно предписанию, надо было обеспечить зеленую улицу... «Ну, нет, – думал старший диспетчер, – сначала допью рассол».

Он действительно сначала допил рассол, потом поругался с женой, потом ему надоела «эта проклятая работа без прогрессивки и без премиальных», потом раздался звонок и сообщил, что в ознаменование Дня железнодорожника «старшего диспетчера премируют месячным окладом», потом выяснилось, что это розыгрыш, потом больше не было рассола...

Короче говоря, у старшего диспетчера было много объективных причин, чтобы совершить вторую ошибку – пустить состав № 7422 не по юго-восточной, а по юго-западной ветке... Разумеется, в этом не было никакого злого умысла. Но все выяснилось несколько позже, а пока состав № 7422, груженный Зорким Глазом, мчался по юго-западной ветке, и всюду ему, согласно предписанию, была зеленая улица...

– С чем состав? – спросил директор предприятия, которое переплавляло металлолом на большие болванки.

– А бог его знает! – ответил машинист и кепкой вытер пот с лица. И не было больше вопросов.

Груз был действительно странный и непонятный. А главное, он оказался чрезвычайно огнеупорным и никак не поддавался плавлению в обычных печах... Вряд ли стоит говорить о том, что у предприятия был свой план и его надо было выполнять... Не стоит также говорить и о том, какие условия были созданы группе ведущих инженеров для быстрейшего конструирования новых печей...

Во всяком случае, во дворе предприятия через несколько дней лежал Зоркий Глаз, переплавленный на стандартные большие болванки. И ликование было безграничным, и минута молчания в честь одного инженера, который не дожил до столь радостного часа.

А за внедрение нового типа печей ведущие инженеры и директор получили свои премии... Да! Поистине могуч человек, вооруженный передовой наукой, оснащенный передовой техникой! И нет для него неразрешимых задач!..

А уволенный за халатное отношение к своим обязанностям старший диспетчер железнодорожной станции Зубарики в тот же вечер напился. Но на сей раз это не было ошибкой с его стороны. Нет! На сей раз это было мотивированное, глубоко осмысленное алкогольное опьянение.

Рано утром после хорошего настроения

Я спал на животе. Сначала стало тепло ногам.

Потом прогрело поясницу. Потом – между лопаток и шею. А когда солнечный луч пополз по затылку, я проснулся. Надо мной было летнее утреннее небо, левее и ниже – немного размазанное летнее утреннее солнце и еще четыре белых летних утренних облака.

Подо мной была зеленая летняя утренняя трава.

Я поднялся и пошел с балкона в комнату.

А еще через пятнадцать минут я сделал себе завтрак. Такой же, как это утро. Два яйца, сваренных вкрутую, каждое из которых разрезано пополам вдоль. Четыре желточных солнца, четыре белочных облака на голубой пластмассовой тарелке, зеленый лук вместо травы и черный хлеб вместо земли.

Двадцать семь минут понадобилось мне, чтобы добраться до места работы. И за эти двадцать семь минут ничего со мной особенного не произошло, так что нет нужды подробно описывать эти двадцать семь минут.

В этот день я не опоздал. Еще бы!.. Сегодня меня вызвал новый директор... Говорят, откуда-то перебрали...

Военизированный охранник, мимо которого я ежедневно проходил пять лет подряд, сегодня остановил меня и потребовал пропуск. Он долго и методично переводил глаза с меня на фотографию, с фотографии на меня, потом вслух по складам прочитал мою фамилию, протянул пропуск и сказал значительно:

– Можете следовать, товарищ!..

Я «проследовал» по вестибюлю, по коридору, по двум лестницам и остановился в приемной директора.

Пока секретарша докладывала о моем приходе, я засмотрелся в окно. За окном все еще было утро. И мне вдруг до головокружения захотелось выпрыгнуть из окна, распластаться навзничь на девственной траве, положить ладони под затылок и согнуть ноги в коленях.

И еще захотелось ощутить на лбу длинные тонкие женские пальцы. Впрочем, это желание я испытывал довольно часто, потому что пальцы, которые время от времени касались моего лба, были чуточку короче и чуточку толще тех, о которых я мечтал. И когда секретарша произнесла мою фамилию, я нехотя снял со лба длинные тонкие женские пальцы, поднялся с травы, потянулся и вошел в кабинет директора.

В кабинете все было так и все – не так.

Стол директора раньше был справа, теперь – слева. Сейф был раньше слева, теперь – справа. Стулья теперь стояли слева, а раньше были справа. Диван был слева, теперь стоял справа... Мне даже показалось, что и сам я вдруг стал левшой.левой рукой на всякий случай я поискал свое сердце. Оно оставалось слева...

Директор был настроен по-деловому.

– Вы, кажись, кандидат физико-математических наук? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– Стало быть, алгебра, «а» в квадрате, «б» в квадрате... Небось тоже разбираемся... Так вот... будем работать по-новому! Хватит чикаться по старинке... Верно я говорю?

– В общем-то, верно, – согласился я, еще не понимая, в чем дело.

– То-то...

Он улыбнулся, довольный тем, что нашел во мне единомышленника.

В новом кабинете новый директор держался так свободно, будто он в этом кабинете родился и вырос.

– Значит, так, – приступил он, обсасывая каждое слово, – сперва начнем ломать устаревшую таблицу умножения...

Я засмеялся и внутренне порадовался тому, что новый директор обладает чувством юмора. На его лице не

дрогнул ни один мускул. Он дал мне высмеяться и продолжал:

– Я внимательно ознакомился с таблицей умножения и понял, что прежние цифры устарели и тормозят наше поступательное движение вперед...

– По этому поводу у меня уже есть предложение, – сказал я сквозь смех. – Дважды два будет девять, трижды три – четырнадцать, пятью пять – восемьдесят один...

– Вряд ли этого будет достаточно, – сказал он, высморкавшись. – Я тут кое-что уже прикинул... Но вам, конечно, придется доработать...

Директор достал из ящика своего стола листок, исписанный какими-то цифрами, и протянул его мне. Я взглянул на листок и понял, что директорский юмор перешел все границы.

На листке была написана новая таблица умножения: «дважды два – шестьсот семьдесят», «трижды три – тысяча восемьсот двенадцать»... В последнем столбике фигурировали сплошные двенадцатизначные числа. Директор не сводил с меня торжествующих глаз:

– Как вам понравилось тысяча восемьсот двенадцать, а?

– Не многовато ли? – спросил я, вяло улыбнувшись.

– Может быть... Зато смело!.. Впрочем, вы как ученый кое-что поправьте... Через недельку принесете мне на подпись.

Директор встал из-за стола и протянул мне руку.

– Но... Ведь трижды три – девять, – вкрадчиво сказал я.

– А почему не тысяча восемьсот двенадцать? – сказал он. – Ведь все в мире относительно... Это еще ваш Эйнштейн придумал...

– Но трижды три – все-таки девять...

– Зато тысяча восемьсот двенадцать больше, чем девять. Я верно говорю?

– Верно...

– Вот видите... А вы спорите... Эх, туги у нас на подъем... – И директор сокрушенно покачал головой.

– Но поймите, – сказал я. – Если взять три яблока, потом еще три яблока и еще три яблока, то будет девять яблок...

Он слегка повысил голос:

– Фрукты-овощи здесь ни при чем!.. Новая таблица умножения – путь к изобилию!..

Я взглянул в окно и тоскливо посмотрел на зеленую траву... Мне вдруг показалось, что я уже больше никогда не смогу растянуться на ней и подложить под затылок ладони... В кабинете неожиданно стало жарко, и между лопаток у меня потекли струйки пота... Я проглотил слюну и хрипло промолвил:

– Три стула плюс три стула плюс еще три стула – это девять стульев.

– А по новой таблице – это тысяча восемьсот двенадцать стульев, – отчеканил директор. – И мы в два счета решим мебельную проблему... Вы что же, против решения мебельной проблемы?

– Нет... Но если взять три собаки и еще три собаки...

– Почему вы такой упрямый? – миролюбиво улыбнулся директор. – Вот скажите, у собаки есть бивни?

– Нет, – прошептал я.

– А у слона есть бивни! Я правильно говорю?

– Есть, – прошептал я.

– Так что же вы спорите? Идите и приступайте к делу...

Я вытер пот со лба и обнаружил шершавые, загибающиеся спереди спиралькой рога. Я покосился в зеркало и увидел, что они серого цвета и вполне симметрично располагаются на моем лбу... «Надо будет купить полковничью папаху, – подумал я, – а то с неприкрытыми рогами, как с лыжными палками, могут не пустить в метро...»

– Ну что вы стоите? – произнес директор каким-то далеким голосом.

Он увлекся, рисуя передо мной все более широкие горизонты, которые откроет новая таблица умножения...

Мне хотелось пить, и я кое-как просунул свою острую морду в графин – настолько, насколько позволяли рога.

Холодная вода принесла мне облегчение... Я отфыркался и, с трудом подбирая слова, выдавил из себя:

– Э-э... если э-э... взять три... э-э... хвоста... э-э... и еще... э-э... три хвоста... и э-э... еще три... э-э... хвоста, то будет девять... э-э... хвостов... э-э...

У меня зачесалось в левом боку, и я с наслаждением стал тереться об угол стола, оставляя на нем ключья шерсти...

«Э-э... – подумал я, – а ведь меня уже пора стричь...»

После этого я проблеял три раза, потом еще три раза и еще три раза, потом проблеял девять раз...

Он что-то начал отвечать, но на совершенно непонятном мне языке...

Я почувствовал, что мне невероятно трудно стоять на двух ногах, и опустился на передние. Сразу стало легко, и я затопал копытцами по паркетному полу...

И тут я подумал: «А почему я здесь, когда вся моя отара на лугу?..»

Мне мучительно захотелось свежей травы, я боднул дверь и выбежал из кабинета... Сзади себя я услышал:

– Следующий!

Но я не понял, что это такое, и разобрал только «е-е-е»...

Чабан гнал нас через узенький мосток на большую зеленую равнину, усыпанную желто-белыми ромашками...

Мне было приятно среди своих и беззаботно.

И вдруг молнией сверкнула какая-то чужая, непонятная мне мысль: «Теперь дома все покроется пылью...»

Сверкнула и погасла. Я съел ромашку и стал пастись, как все.

1970

Вавтра пойдете на десять километров! –

сказал мне начальник отдела.

– Куда? – поинтересовался я.

– Не «куда», а «как», – сказал начальник отдела. Десять километров на лыжах... Кросс...

– Да... Но мне пятьдесят три года.

– А это не имеет значения. Мы должны обеспечить массовость. Приказ есть приказ.

– А когда я получу суточные? – спросил я.

Начальник отдела покрутил около виска пальцем:

– Вы что, серьезно?

– Разумеется. Все-таки десять километров...

– Пойдете за свой счет, – сказал начальник отдела. –

Потом оплатим.

И он указал мне на дверь.

Всю ночь мы с моей старухой не сомкнули глаз, готовя меня в дорогу, и к утру наконец чемодан был уложен.

– Не занасивай рубашки, – говорила мне моя старуха. – Меняй их чаще.

В хозяйственную сумку она уложила еду.

– Здесь курица, – сказала она, – десяток яиц, котлеты, как ты любишь, термос с бульоном, пирог с яблоками... Остальное будешь прикупать в дороге...

И старуха моя разрыдалась окончательно.

– Прости, если что не так было, – сказал я дрогнувшим голосом. – Все-таки прожили мы с тобой хорошо.

– Береги себя, – сказала она, – обо мне не беспокойся и, главное, возвращайся с победой.

В десять часов утра на станции Реутово мне нацепили на грудь номер 184, и я стартовал...

Придя в себя после первого потрясения, я увидел, что

справа от меня, слева, спереди и сзади шли еще мои сослуживцы и много других сотрудников, с которыми я раньше не был знаком. Каждый из них имел свой номер на груди.

– Вы не устали? – спросил я у номера 12, когда мы прошли восемь метров.

– Пока держусь.

– А я буквально валюсь с ног...

– А вы крепитесь, старина, – подбодрил меня номер 12. – Говорят, что скоро наступит второе дыхание...

– Да, – ответил я. – И, кажется, последнее...

Около трех часов дня, когда мы вошли в лес, упал на снег номер 200. Упал как подкошенный и умолял нас бросить его, а самим продолжать движение...

– Жене моей скажите прощальное слово, – хрипел он, – и передайте кольцо...

Мы подняли его, сделали ему искусственное дыхание, привязали к номеру 95 и тронулись дальше...

Однажды на рассвете неожиданный рывок совершил номер 70.

– Куда вы? Куда вы? – закричали мы.

– Мне необходимо быть дома в пятницу! – бросил он. – У жены день рождения!

Бедняга, видимо, потерял счет времени, потому что уже было воскресенье. Недели три еще его сутулая спина с номером 70 маячила перед нами, служа своеобразным ориентиром, но потом и она скрылась за деревьями. Мы продолжали идти вперед, невзирая ни на какие трудности...

– Когда вы получили последнее письмо из дома? – спросил меня номер 50, ожесточенно работая палками.

– Очень давно, – ответил я грустно, отталкиваясь что было силы. – Жена пишет, что дома все хорошо. Она уже на пенсии. Внук пошел в школу. В городе провели метро...

– Да-а! – мечтательно произнес номер 121. – А у нас уже, наверное, лето... Жара небось стоит... Птички поют... – И он смахнул слезу.

Номер 92 до кросса был профессором математики и убежденным холостяком, но, впрочем, большим любителем женского пола.

– Здесь, кажется, неподалеку проходит женский кросс, – шепнул он. – Может, порезвимся, если ветра не будет?.. Потом нагоним, а?

– Это неспортивно по отношению к другим, – сказал я.

– Ну, как знаете, – буркнул он и начал бриться...

Больше я его не видел. Правда, номер 13 уверяет, что слышал ночью чьи-то крики о помощи. Все может быть. Не исключено, что профессора задрали волки...

Пронеслись годы. Когда я после кросса вернулся домой, старуху свою я не застал, а на столе меня ждала ее записка:

«Милый! Меня забрали на соревнование по бобслею. Никто не знает, что такое бобслей, но подозреваю, что это что-то женское. Прощай навсегда!»

1970

Я стоял на желтом берегу и смотрел на море.

Солнце буравило пупок. Кепка надвинута была на самый нос. Так я и стоял. И простоял бы, наверное, долго, если бы не резкий порыв ветра. Зелененькая моя кепка, видно, обзлившись на меня за что-то, сорвалась с головы и полетела к горизонту. Шлепнулась на воду, надулась и закачалась. Жирная чайка камнем кинулась на нее, клюнула и взмыла вверх, убедившись в том, что это не рыба...

Кто-то за спиной у меня заботливо и мягко произнес:

– У вас кепку унесло в море.

Это был тот чудак, которого я заприметил уже неделю назад. Каждый день он и одна аккуратненькая фигурка приходили на пляж, и ни разу я не видел, чтоб он загорал или купался. Каждый день они расставляли тент, под который он забирался и сидел там в халате и соломенной шляпе. Он был искренне расстроен тем, что мою кепку унесло в море.

– Спасибо вам большое, – сказал я очень вежливо.

– Пойдемте к нам под тент, – сказал он так, словно у меня умер близкий человек и он приглашает меня к себе домой, где мне будет не так одиноко и тоскливо.

Под тентом он снял халат. Такой белой кожи я никогда не видел. Она была такой белой, что я надел темные очки. Аккуратненькая фигурка встала, приподнялась на цыпочки и заложила руки за голову. Изумрудного цвета купальник, казалось, был нарисован на ее теле. Она попружинила немного на носках и ушла в море, а мы остались вдвоем под тентом.

– Как хорошо! – сказал он.

– Дождей нет, вот и хорошо.

– А чем плохо, когда идет дождь? Это естественно, это природа, это жизнь. А жизнь – это уже замечательно... – А если жизнь не так хороша?

– Так не бывает.

– И все-таки...

– Не бывает! Всегда есть больше хорошего, чем плохого. Всегда есть люди, которые тебя любят..

Я посмотрел туда, где плавала аккуратненькая фигурка.

– Здесь, говорят, есть небольшие крабики, – сказал я, меняя тему разговора. – Хотя я лично за две недели ни одного не видел.

– Сейчас поймаем, – сказал он так просто, как будто речь шла о горсти песка. Он накинул халат, надел соломенную шляпу и пошел к воде.

Я усмехнулся. Бывают же такие люди! Вокруг могут грызть камни, стреляться из-за неразделенной любви, убеждаться в собственной несостоятельности... Но эти люди существуют вне времени и вне пространства – в своем ограниченном мире.

– Смотрите, какой смешной! – и он положил на песок маленького краба.

Вот и пожалуйста! Я две недели бесполезно ползал на брюхе вдоль берега, а ему стоило только нагнуться!..

Из моря вышла аккуратненькая фигурка и растянулась на песке.

– Вы играете в шахматы? – спросил он.

– Немного.

– Как хорошо, что вы попались под руку. Я так люблю шахматы, а здесь, как назло, никто не играет... Выбирайте!

Собственно говоря, можно было и не выбирать. Ему должны были достаться белые.

Он имел весьма отдаленное понятие о шахматах, но зато долго думал над каждым ходом, хватался за все фигуры, говорил: «Э нет, так нельзя...»

Когда я взял его ладью, он сокрушенно вскрикнул:

– Ах ты черт! Надо же... Какой зевок... Да, игра теперь теряет всякий интерес!

Вдруг неожиданно рванул ветер, и из тучи, которая неизвестно откуда взялась, ливанул дождь.

– Ну что? Боевая ничья? – предложил он, указывая на небо.

– Кто кого? – спросила аккуратненькая фигурка, сворачивая тент.

– Согласились на ничью по метеоусловиям, – сказал он.

– Всего хорошего, – сказал я.

– До свидания! – крикнул он. – Приходите завтра! Сразимся!

Я добрел до своего домика и подвел итоги. Что принес мне сегодняшней день? Унесло кепку – раз. Познакомился с везунком – два. С чисто физической точки зрения, у него обаятельная жена – три.

Что дал сегодняшней день ему? Сделал доброе дело – сказал незнакомому человеку, что у него унесло кепку, – раз. Познакомился и утешил как мог незнакомое человека, у которого унесло кепку, – два. Поймал незнакомому человеку краба – три. Незнакомец оказался партнером в шахматы – четыре. Вытащил белые – пять. Должен был проиграть, но не успел «по метеоусловиям» – шесть. Вполне достаточно для того, чтобы считать мир совершенным.

Через десять дней я с чемоданом в руках тащился по пыльной дороге в направлении шоссе, тщетно пытаюсь остановить попутные машины.

– Уезжаете, даже не простившись?

Я оглянулся. Меня догонял везунок со своей аккуратненькой фигуркой.

– А почему пешком? – спросил он.

– Машин нет.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – сказал он.

В этот момент из-за поворота выскочил грузовик. Везунок поднял руку. Грузовик резко затормозил.

– Вы знаете водителя? – спросил я.

– Первый раз вижу. Просто элементарная дорожная этика...

Я сел в кабину и попрощался.

– Запишите наш телефон и звоните, – сказала аккуратненькая фигурка.

– У меня ручка далеко.

– Пожалуйста, – сказал везунок. – Я всегда ношу с собой ручку...

В Москве у меня накопилось много дел, и я с головой ушел в работу. Правда, спустя неделю после моего приезда

возникло желание позвонить по телефону, который был записан на листочке. Я погасил это желание, но оно опять возникло. Что-то все время подмывало меня снять трубку. В конце концов я понял, что это «что-то» – аккуратненькая фигурка, и в доме везунка однажды часов около семи вечера зазвонил телефон. А еще через час я сидел у него в доме. К моему удивлению, они жили в коммунальной квартире, где, кроме них, обитало еще четыре семьи...

Я немного выпил, и мне захотелось произнести красивый тост, чтобы наша следующая встреча состоялась в более благоприятных жилищных условиях.

– Вообще-то здесь очень мило, – сказал он. – Чудесные соседи, солнечная сторона, все рядом... Но, конечно, не мешало бы иметь что-нибудь попросторнее... Я, правда, не занимался еще вплотную этим вопросом. Говорят, нужно идти в райисполком...

Видимо, я давно не пил, потому что меня вдруг потянуло на довольно странные шутки, и я сказал:

– Зачем идти в райисполком? Есть более простой выход...

– Интересно, – сказала аккуратненькая фигурка.

– К мэру! Прямо к нему!.. В пятницу с трех до пяти, и он без звука сделает вам новую квартиру!..

– Так просто? – сказал он серьезно. – Все-таки это удивительно! Как люди иногда ломают себе голову, бьются головой об стену, идут окольными путями, когда элементарные решения буквально валяются под ногами...

...Потом я засиделся и один раз поймал себя на том, что аккуратненькая фигурка целиком принадлежит везунку, а он, наверное, и не представляет, что это такое... Как только я себя на этом поймал, то сразу понял, что пора прощаться.

В коридоре, пока я одевался, везунок сказал:

– Значит, в пятницу, с трех до пяти?

– Ага, – сказал я. – А пока вы будете у мэра, я могу пригласить вашу супругу на просмотр нового кинофильма... Если вы не возражаете...

– Какие могут быть разговоры! Она будет только рада! Через месяц я был у них на новоселье!

– Вы подали мне замечательную идею! – говорил мне везунок. – В ту пятницу к трем часам я пришел к мэру.

Какой-то человек остановил меня и потребовал документы. Я сказал, что у меня важное личное дело к мэру. Этот человек сделал большие глаза и пропустил меня. Мэр выслушал меня и сказал, что это проще пареной репы...

– Так и сказал? – спросил я.

– Ну, может быть, не так, но что-то в этом роде. Он вызвал какого-то служащего. Тот записал мои координаты и сказал, что все будет в порядке. Я поблагодарил мэра. Он сказал: «Не стоит». И меня на машине доставили домой... Да что я вам все это рассказываю? Вы, наверное, в свое время поступили так же?

– Нет, – сказал я. – У меня все было иначе. Кстати, нель-зя ли прицепить к вашему везучему локомотиву мой неудачливый вагончик?

– Не будьте нытиком и не считайте себя неудачником, – сказал он серьезно. – Неудачников в природе нет! Есть лентяи просто и есть лентяи, страдающие комплексом неполноценности.

Весь вечер он буквально светился. Впрочем, это было его обычное состояние. Я смотрел на него с некоторой жалостью. Ведь не может так быть всю жизнь. Рано или поздно он получит щелчок и, в результате полной неподготовленности к этому, опрокинется навзничь и больше не поднимется.

Кроме того, он не знал и не предполагал, что наши взаимные просмотры новых кинофильмов с аккуратненькой фигуркой приобрели за этот месяц систематический характер... Постепенно все стало катиться к финалу, и после одного из просмотров она сказала мне:

– Я не могу больше его обманывать.

– Что ты предлагаешь?

– Завтра я перееду к тебе...

Всю ночь отвратительные мысли не давали мне спать. Неужели завтра он получит тот самый щелчок от жизни? Я пытался, но все никак не мог представить себе везунка в тот момент, когда он все узнаёт.

Я долго ворочался с боку на бок, пока не созрело зверское, но правильное решение...

— Здравствуйте, – сказал я везунку утром в телефонную трубку. – Супруга ваша уже ушла?

– Ушла...

– А когда она вернется?

– Написала в записке, что в половине одиннадцатого – решила после работы пойти поплавать...

– Так вот слушайте! Ваша жена ушла, чтобы никогда больше не вернуться...

Наступила пауза. Потом он рассмеялся:

– Сегодня первое апреля, но почему вам в голову пришло разыгрывать меня таким странным способом? Чудак вы все-таки...

– Вы глупый везунок! – заорал я в трубку. – Это не розыгрыш! Она ушла! Ушла!.. Понимаете? Ушла ко мне! Можете прийти сюда в пять часов – убедитесь!

– У вас довольно странная манера приглашать в гости, – сказал он. – Да, я обязательно к вам приду... Я в этом смысле ваш должник... Но сегодня у меня собрание...

– Бросьте собрание! Приходите и набейте мне морду! Ваша жена станет вас больше уважать!.. Да и я тоже!

– Я знаю, что вы остроумный человек, но что это за шутки! Может быть, вы пьяны?..

Я бросил трубку, да заодно и пустую затею... И вообще я решил бросить все.

Приблизительно в половине шестого она заявила ко мне со своим чемоданом.

– Ну вот! – сказала она и уселась на чемодан.

– Что? – сказал я бесстрастно.

– Я пришла...

– Зря...

– Зря??!!

Я опускаю всю сцену объяснения. Она развивалась по всем законам драматургии, романа, оперетты, цирка и продолжалась до четверти одиннадцатого.

Закончилась эта сцена так, как и должна была закончиться: в четверть одиннадцатого она ушла и, как полагается в таких случаях, хлопнула дверью...

В четверть одиннадцатого!! Надо же! Ведь она действительно придет домой в половине одиннадцатого!.. Нет! На этих людях надеты непробиваемые жилеты!

Без двадцати одиннадцатый я набрал номер их телефона. Он взял трубку.

– Добрый вечер, – сказал я.

– А, это вы... Шутник!.. – весело сказал он.

– Извините... Я и впрямь наговорил вам утром какую-то чушь... Я на самом деле был пьян и придумал этот дурацкий розыгрыш... Как супруга?

– Спасибо. Хорошо. Пришла только что из бассейна и полезла в ванну... Устала... А в гости мы к вам на этой неделе обязательно зайдем!

– Я завтра рано утром уезжаю, – придумал я с ходу.

– Ну? Надолго? Куда?

– На восемь лет... В Дагомею.

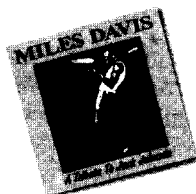
– Скажите, как неожиданно... Жаль, что мы не увидимся. Привезите марок побольше!..

Спустя много лет, когда я постарел и меня перестали волновать глупости вроде «везет – не везет», мы вновь встретились. Наши дети сдавали приемные экзамены в музыкальную школу. Родители толпились в вестибюле в ожидании результатов. Я сделал вид, что не узнал его, а он меня действительно не узнал.

Наконец появился председатель приемной комиссии и огласил результаты. Мою дочь приняли. Его сына – нет. Я воспринял это как проявление запоздалой справедливости.

...Сейчас моя дочь уже четвертый год играет на скрипке в оркестровой яме кукольного театра города Утрюпинска. Его сын стал чемпионом Олимпийских игр по прыжкам длину.

1972

- [REDACTED]
очем персики?

- Три пятьдесят.

- А три?

- За три сам бы ел.

- Ну, давай мне за три, а ты будешь есть за два пятьдесят.

Дядька, который продавал персики, уставился куда-то в сторону и сделал вид, будто продолжать ему этот разговор скучно.

- Хорошие персики, - сказала девушка. - У той тетки по три, но вы их не довезете.

- Думаешь? - сказал Николай. - Ладно. Грабьте. Давай три кило за десятку. Полтинник не деньги.

- Тогда за одиннадцать, - буркнул дядька, который продавал персики, но уже ясно было, что сделка состоялась, и он стал накладывать на алюминиевую тарелку крупные, вызывающе загорелые персики.

- Ну, если до Москвы не довезу, смотри! - весело сказал Николай и протянул десятку.

- Хоть до Сибири, - сказал дядька и спрятал десятку глубоко-глубоко во внутренний карман пиджака.

- Ничего себе, - рассуждал вслух Николай, поглядывая на персики в авоське, - три пятьдесят.. Это почти полный день вкалывать.

Девушка, которая шла рядом и которую звали Раей, молчала. Она только остановилась на немного, сняла боножку и вытряхнула из нее камешек. С этого момента Николай думал уже только о том, как поаккуратнее довезти персики до Москвы, и еще о разном...

Дядька, который продавал персики, накрыл весы тряпкой, попросил тетку слева приглядеть и направился в рядом работавшую шашлычную, потому что проголодался.

В шашлычной, прождав минут тридцать и разозлившись, он заказал салат зеленый с яйцом и со сметаной, суп-харчо полную порцию, два шашлыка по-кавказски, лимонад, хлеба того и другого и бутылку вина «Псоу», потому что пива не было.

Съев все это и выпив с большими перерывами, прождав еще минут тридцать счета, дядька сунул официанту десятку, высказал ему свою жалобу по поводу медлительного обслуживания и направился к рядам продавать персики, подумав на ходу, что вот если бы этого здорового официанта да в сады персики выращивать...

Последние персики он уже продавал по три, потому что день кончался. И думал он уже только о том, как лучше добраться до дому – катером или на попутке.

Официант сунул десятку во внутренний карман смокинга и подумал, что вот если бы этого куркуля да в шашлычную и заставить весь день побегать с высунутым языком. Но уже через мгновение его мысли обратились к столику у окна, за который села черно-белая разнополая компания, и оттуда слышались басовые шутки с акцентом и высокое женское хихиканье...

– Ты чего, Раюха? – спросил Николай, укладывая персики в только что купленный за два с полтиной фанерный ящик с дырочками. – Ты чего загрузила?

– Жарко, – ответила девушка, которой действительно было жарко, потому что приехала она в этот профсоюзный санаторий на Южном берегу Крыма по горячей путевке в июле месяце вместо сентября, как было указано, в заявлении об отпуске.

– Выше нос, Раюха! – бросил Николай. Через четыре часа кончался его отпуск вылетом из Симферопольского аэропорта реактивным лайнером «Ту-134» по маршруту Симферополь – Москва.

Заканчивался срок его пребывания в профсоюзном санатории на Южном берегу Крыма, где на четвертый день на пляже познакомился он с Раюхой и предложил ей сплывать до буйка, а потом и на экскурсию катером с баянистом и чешским пивом в буфете. Это показалось ей необычным, и возникла между ними та самая необъяснимая южная взаимосимпатия, по мере развития которой начали они обмениваться друг с другом разнообраз-

нейшей информацией и свежими впечатлениями. Так и узнала она, что он из Москвы, а вы откуда, а я из Тюмени. Так и узнал он, что она читала книжку про дельфинов, а я недавно смотрел «Воспоминания о будущем». Вы не видели? Нет, к нам приезжала Людмила Зыкина. И еще тут где-то есть шашлычная. А тридцать два градуса в тени и двадцать четыре градуса в воде делали свое дело. И выяснилось еще, что начальник его отдела – человек дубоватый, а у нее в общежитии запретили танцы, и сухое вино после купания – самый smak, а по телевизору сегодня – «Семнадцать мгновений весны». И смотрели они, занимая места друг для дружки, семнадцать мгновений весны, вечер за вечером, мгновение за мгновением. И, после того как Штирлиц, устав, заснул в своей машине, случилось между ними то, что заставило его весь следующий день нырять, как сумасшедшего, обыграть в «дурака» профессора и распевать до вечера песни своего любимого Эдуарда Хилия, а ее – пугливо озираться, наивно считая, что все на нее смотрят и перешептываются.

Дальше они отдыхали уже на «ты», хотя в столовой питались на «вы». И вообще ему нравилось это место, а ей было жарко, и она с тревогой начала считать дни.

А потом кончилась последняя серия, и начались дожди. И он целыми днями играл с профессором в «дурака» или в шахматы, напевая «вода, вода, кругом вода» и поглядывая в окно в ожидании перемены климата. Потому что он в комнате жил четвертым и Раюха в комнате жила четвертой. Ей же по-прежнему было жарко, и она продолжала считать дни.

Когда истек срок путевки, Николай отдохнул и окреп. В тот же день снова запалило солнце, и они отправились на базар покупать персики. Николай был мужчиной, и поэтому ему было жалко ее, что она с ним расстанется.

– Выше нос, Раюха! – повторял он до самого прихода автобуса. – Ничего не попишешь. Пришло время разъезда. Оглянуться не успели, как зима катит в глаза. Можем переписку вести. Я тебе до востребования, ты мне до востребования. Так и будем вести переписку. Ну, чего ты, Раюха?

– Опоздаете, – сказала Раюха. Она хотела, чтобы поскорее ушел автобус, ушел сегодняшней день, потому

что завтра ее срок тоже истекал и надо дать телеграмму Клобуковой, чтобы она достала к ее приезду все, что нужно. В этом уже Раюха не сомневалась и ни о чем другом думать не могла.

Автобус обступили отдыхающие профсоюзного санатория на Южном берегу Крыма. Николай внес вещи в автобус и поставил ящик с персиками так, чтобы они не подавились.

– Ну, пока, как говорится, – сказал он в окошко и помахал рукой так, как машут футболисты, отправляясь на матч.

Автобус фыркнул и выехал за ворота.

Отдыхающие профсоюзного санатория на Южном берегу Крыма махали руками и кричали «до свидания, до свидания». Автобус повернул влево, и отдыхающие разошлись, а море, которое только секунду назад было рядом, исчезло, и больше его Николай не видел. Просто он думал о том, как через несколько часов уже будет в Москве. И ни о чем больше.

Срок пребывания Раюхи истек на следующий день, и она улетела в Тюмень, где ее ждала Клобукова, которая достала то, что нужно. Раюха два дня пожила у Клобуковой и на третий день вышла на работу.

Сотрудники сказали ей, что она очень мало загорела.

В аэропорту Николай услышал про какой-то карантин на фрукты и овощи. У него ёкнуло сердце. «Как же быть с персиками?» – сразу подумал он и вскоре выпросил в аптечном киоске несколько листов упаковочной бумаги, замотал ящик с персиками и перевязал его шпагатом.

У регистрационной стойки два кавказца (Николай никогда не мог отличить, кто армяне, кто грузины, а кто азербайджанцы), ожесточенно жестикулируя, на полусвоем-полурусском языке возмущались карантинном. Перед ними стояли две высокие плетеные корзины с фруктами, а возле регистратора находились начальник смены и диспетчер по транзиту. Начальник смены все время повторял: «Все! Разговор окончен! Я из-за вас в тюрьму садиться не собираюсь! Все!» У кавказцев шляпы были сдвинуты на лоб, и по лицам их тек пот, но начальник

смены был непреклонен, потому что садиться в тюрьму из-за них он не собирался.

– А грязное белье можно с собой? – жалобно спросил Николай, указывая на ящик с персиками.

– Все сдавать! – твердо произнесла регистратор, и Николай тоскливо посмотрел, как его ящик с персиками грохнули на багажную тележку. «Хоть так, – подумал он, – а этим придется свои корзиночки того...» И он очень обрадовался, что так ловко перехитрил аэропорт.

В самолете Николай сразу уснул и даже не воспользовался леденцами, а когда проснулся, то уже не было Симферополя, а была Москва.

Когда он направлялся к «выдаче багажа», его обогнали два кавказца с большими чемоданами в руках. За ними носильщик нес две высокие плетеные корзины с фруктами. «Вот ведь!» – подумал Николай.

Его чемодан показался на конвейерной ленте через сорок минут, а немного погодя – ящик с персиками. На упаковочной бумаге проступило большое мокрое бурое пятно. «Продавили, гады!» – подумал Николай и, взяв вещи, направился к выходу, неся на вытянутой руке ящик с персиками, чтобы не испачкаться.

– Что ж ты телеграмму не дал? – говорила Надежда, целуя Николая.

– Проверка! – усмехнулся он.

– Хитрован! Мы же все с мамой высчитали. Вышло, что сегодня. Куда тебе деться?

– Пап, чего ты мне привез? – приставал Володька.

– После обеда! – строго сказал Николай.

– Чегой-то ты и не загорел совсем, – высказалась теща.

– Облупился, – ответил Николай, – и дожди были...

После обеда Николай торжественно стал разворачивать ящик с персиками.

– Внимание! – произнес он. – Раз, два, три!.. Персики!..

И он вскрыл ящик. Хорошая половина персиков была чем-то раздавлена и представляла собой довольно скверное месиво.

– Продавили, гады! – сказал он.

– Не выбрасывайте! – высказалась теща. – В компот сгодится.

Оставшиеся восемь персиков вымыли, выложили на большое красивое блюдо и через две минуты съели.

– Ну и намаялся я с ними, – сказал Николай.

– Дорог не подарок – дорого внимание, – высказалась теща.

Надежда стала убирать со стола, а Володька побежал во двор.

Когда Николай уже лежал в постели и читал еженедельник «Футбол-хоккей», вошла Надежда в ночном халате.

– А между прочим, почему там персики? – спросила она.

– Три пятьдесят кило, – отозвался Николай.

– Надо же! У нас на Центральном рынке и то дешевле, – сказала Надежда и выключила свет.

Сослуживцы на следующий день говорили ему, что он совсем не загорел.

– Да облупился, – отвечал он, – и дожди были.

1972

В очках внимательно выслушал потерпевшего

и продолжал:

– Так вот. Вы, видите ли, до сих пор пребываете в состоянии транса по поводу того, что вам в ателье запорили брюки...

– Из лавсана! – многозначительно поднял указательный палец потерпевший.

– Ну, хорошо, – согласился в очках, – из лавсана. И это обстоятельство терзает вашу душу и не дает покоя. Сознание собственной правоты и невозможность доказать свою правоту в планетарном масштабе угнетает вас...

– Меня никто не угнетает! – предостерегающе произнес потерпевший. – Понятно?! Мне просто обидно!

– И я вас понимаю. Но теперь поймите, что мне, может быть, обиднее вдвойне!

– Вам-то что обидно? Вам брюки не запарывали.

– Меня гнетет гипотеза...

– Вы что, опять про своих умников?

– Можно называть их как угодно, но то, что они на несколько порядков цивилизованнее нас, это определено. Более того, именно они катализировали разумное начало на нашей планете! Кто они? Как они выглядели, мы пока не знаем. Ясно одно: после их вмешательства мир начал свое развитие.

– Минуточку! А куда вы денете Чарльза Дарвина? – заинтересовался потерпевший. – Ведь он что требовал? Чтобы человек произошел от кого? А? Даже произносить-то противно. Вот вы сходите в зоопарк. Стыдно становится! Но ведь раз Дарвин сказал, то уж извините, как говорится...

В очках оживился.

– Уважаемый! – сказал он. – Я не расхожусь с дарвинизмом. Но дарвинизм – это следствие, моя гипотеза – причина!..

Он глотнул пива, поправил очки и продолжал:

– Так вот. Около двадцати тысяч лет назад инопланетные отловили несколько сот особей обезьян определенного вида и привили этим диким тварям «мыслящее вещество», преодолев, разумеется, барьер биологической несовместимости...

– Не говорите загадками, – сказал потерпевший. – Мозги, что ли, привили?

– Не совсем. Мозг есть у каждого живого существа – у кошки, у слона, у черепахи, у скунса. Однако он не несет мыслительной функции. А в мозг тех самых обезьян было вшито «мыслящее вещество», под влиянием которого те самые обезьяны начали изменяться. Подчеркиваю – только те самые! Не шимпанзе, не гориллы, не павианы, не макаки...

– Еще чего не хватало, – передернулся потерпевший.

– И это явилось началом эксперимента, который ведет Диссертант.

– Где? – спросил потерпевший.

– Где-то там. За пределами Вселенной. И возможно, тема его диссертации формулируется так: «Особенности развития мыслительной функции под влиянием длительного воздействия «мыслящей субстанции», вшитой в переднюю часть мозга низкоорганизованных позвоночных в условиях пребывания в замкнутом пространстве, заполненном питательным бульоном».

– Каким еще бульоном? – спросил потерпевший.

– А почему нет? Вот, например, рыбы. Вы думаете, они сознают, что живут в воде? Нет. Для них вода – такая же прозрачная и легкая среда, как для нас воздух...

– Что же это? – задумчиво произнес потерпевший. – Значит, все вокруг – бульон? И деньги – бульон, и жена – бульон, и пиво – бульон?

– Нет, нет. Мы с вами, ваша жена, деньги, пиво, все, что мы производим, – это и есть развитие «мыслительной функции». Это опыт, который делается на нас. А пространство – это бульон. И все вместе помещается в гигантской колбе. Понимаете? В колбе с абсолютно прозрачными стенками. И нам, находящимся внутри пространства, Вселенная кажется бесконечной. Ибо даже если когда-нибудь мы и доберемся до одной из стенок, то мы заскользим по ее сферической прозрачной внутренней поверхности. Заметьте, что сказан-

ное мною полностью гармонирует с одной теорией искривления пространства... А самое-то главное, дорогой друг, что за всем, что происходит в нашей колбе, идет постоянное наблюдение. Капнет, например, Диссертант щелочи – война. Добавит кислоты – мир. Подсолит немного – рост цен в Америке... А нам все кажется, что мы пуп Вселенной, что от нас что-то зависит... Вот вы с женой ругаетесь?

– А как же, – сказал потерпевший.

– Так вот, замечали, что иногда утром встаете – и нет никакого желания ни драться с ней, ни ругаться?

– Бывает, – улыбнулся потерпевший.

– А иногда вдруг ни с того ни с сего – дебош!

– Еще бы!

– А это значит, что на вас в данный момент и действует какая-нибудь щелочь...

– Это не от щелочи, – нахмурился потерпевший. – Она с нашим механиком встречается.

– Правильно! – оживился в очках. – А почему? Потому что наверняка испытывает на себе воздействие какого-нибудь ангидрида!

– Он не ангидрид! – рявкнул потерпевший. – Он негодяй! И щелочь здесь ни при чем! Что ж, выходит, если я вам сейчас съезжу по очкам, это от щелочи?

– Нет. Это от хулиганства, – возразил в очках.

– То-то, – сказал потерпевший и с тоской добавил: – Теперь скажите мне: ведь если ваш этот... Диссертант за всем наблюдает, во все вмешивается, зачем ему, подлецу, понадобилось, чтобы мне брюки из лавсана заporоли? Что я, в лавсановых штанах эксперимент ему испорчу?

– Вряд ли он замечает такие конкретные мелочи... Он замечает только отдельные личности, достигшие в своем развитии уровня выше среднего... Леонардо да Винчи, Евтушенко, Пеле...

– Еврюжихин тоже после Мексики прибавил, – сказал потерпевший.

– Вы когда-нибудь за чем-нибудь наблюдали? – спросил в очках.

– Наблюдал. Вон за той официанткой.

– Ну и что?

– Ничего. Крепенькая.

– А если бы она вам подмигнула, заметили бы?

– Еще бы!

– Вот так и Диссертант. Он наблюдает за колбой вообще. И только что-то из ряда вон выходящее может приковать его внимание...

– Нет, погодите! – потерпевший стукнул кулаком по столу. – А то, что у нас на весь район нет ни одной химчистки?! Этого ваш умник тоже не замечает?! Или вот дом у нас новый сдали – третий месяц воды нет! Куда он смотрит? За что ему там деньги платят?..

– Не кипятитесь, – спокойно сказал в очках. – Цель его эксперимента – развитие мыслительной функции до понимания истины своего происхождения.

– Рыло ему начистить надо! Вот что! – буркнул потерпевший. – Так я тоже могу наблюдать! Вот сяду и буду смотреть на солнце... Выходит – заходит, выходит – заходит. И что?

– А солнце, между прочим, – это гигантская спиртовка, пламенем которой Диссертант поддерживает среднюю температуру в колбе.

– Ну, черт с ним, – сказал потерпевший. – Даже если все, что вы говорите, – правда, ничего у него с нами не получится... Пьем мы много.

– Очень жаль, – задумчиво сказал в очках.

Но потерпевший уже похрапывал, уронив голову на грудь. В его дремлющем сознании возник полутемный кабинет... Диссертант обнимал лаборантку. Она кокетливо отбивалась. В дальнем углу медленно вращалась большая колба, обогреваемая пламенем спиртовки. В колбе что-то все время булькало, урчало и перемешивалось.

– Зайчик, ты колючий, – увертывалась лаборантка.

В колбе что-то щелкнуло.

– Зайчик, отодвинь спиртовку. Будет перегрев.

Диссертант подошел к колбе и с ненавистью отодвинул от нее спиртовку.

Зима в этом году выдалась на редкость теплой, и только в конце февраля вдруг резко ударили морозы.

В этом мире много миров

Ж

ужар последний раз облетел вокруг Солнца,

включил маршевые двигатели и с огромной скоростью устремился обратно. Огненный шар остался сзади, а впереди была непрерывно сгущавшаяся холодная чернота бесконечности...

С тех пор как он вылетел в направлении Солнца, прошло такое количество времени, что Жужар уже не понимал, какое именно: год? день? жизнь? Все спуталось – начало, середина, конец. Все вытеснила цель – Солнце, Солнце, Солнце! Болезненная, ноющая идея его единомышленников. И только эта идея смогла оторвать его от земных трав, от желто-белых ромашек, от сводящих с ума прикосновений единственного в мире создания – его ослепительно красивой подруги.

Жужару казалось, что за время этого бесконечного полета он утратил всякое ощущение реальности. Порой он ясно сознавал, что находится там, среди зеленой травы и желто-белых ромашек, а его полет – это длинный, очень длинный, бесконечно длинный сон. Иногда наоборот – полет представлялся ему реальным существованием без начала и без конца с какими-то странными видениями зеленой травы, желто-белых ромашек и усыпляющими ощущениями сводящих с ума прикосновений его ослепительно красивой подруги. И только однообразный шум двигателей устанавливал в этом хаосе жесткую закономерность: он, Жужар, осуществляет полет к Солнцу, воплощает в жизнь вековую мечту его единомышленников. И все, что с ним происходит, реально: его полет, его прошлое, зеленая трава, желто-белые ромашки и оставшаяся там ослепительно красивая его подруга...

Странно, что он не испытал ни ликования, ни подъема, облетев в последний раз солнечный шар в непосредственной близости. Он только подумал: «Ну вот и все. Пора домой. Исторический акт свершился». Из двадцати защитных противосолнечных слоев Жужар потерял восемь, и когда открылся кровавый глаз самоконтроля, Жужар включил маршевые двигатели и с огромной скоростью устремился обратно.

По мере того как он удалялся от Солнца, им овладевало непонятное беспокойство, и когда наступила крошечная тьма, это непонятное беспокойство оформилось в непрерывный поток назойливых и холодных мыслей. Что сейчас там? И что будет там, когда он вернется? Ведь прошла целая бесконечность. Существуют ли вообще – его народ, его единомышленники, пославшие его на беспримерный подвиг? Ждет ли его в состоянии глубокого анабиоза ослепительно красивая подруга? Помнят ли его? А вдруг ему не поверят и назовут шарлатаном, а все замеры, снимки и кумулятивные феномены объявят фальсификацией... Ах, эта неясная музыка и ласковый ветер в день отлета! И праздничное разноцветие его единомышленников, и желто-белые ромашки среди изумрудно-зеленой травы, и последние сводящие с ума прикосновения ослепительно красивой его подруги... «Улетай, Жужар! Взвейся! Взорли!.. Мы ждем тебя!.. Мы назовем наших детей твоим именем!.. Возвращайся, Жужар!»...

И прощальный воздушный хоровод... А потом – бесконечность, и вот он возвращается... Помнят ли его? Ждут ли его? Что там со всеми и со всем?..

Внезапно Жужар почувствовал резкий упругий толчок, от которого он, несмотря на уникальную систему амортизации, на мгновение потерял сознание.

Двигатели продолжали работать, но движения как такового Жужар не чувствовал. Он дал задний ход и снова включил маршевые двигатели. И снова все тот же резкий, упругий толчок остановил движение. Впереди не было никакого видимого препятствия, и тем не менее работающие на полную мощность двигатели не могли преодолеть это неизвестно откуда возникшее сопротивление. Жужар развернулся на сорок пять градусов и, по-

крыв огромное расстояние, снова бросился вперед. И снова все тот же резкий, упругий толчок заставил его остановиться. Жужар уже не сомневался, что натолкнулся на гигантской силы магнитное поле – но когда оно возникло и какова его площадь?

...Тарак не случайно считался опытным разведчиком. Он даже точно не помнил, сколько на его счету было удачно проведенных операций. Он не представлял, как долго живет на свете, и не помнил, когда родился. Он знал только одно: с тех пор как почувствовал, что живет в первом мире, он возненавидел второй мир и вместе с такими же, как он, включился с этим вторым миром в смертельную борьбу. Для чего? Из-за чего? Этого Тарак не знал. Ненависть ко второму миру передавалась генами из поколения в поколение в течение многих и многих тысячелетий и в конце концов стала жизненной необходимостью. Как еда, как сон, как чувство страха, как инстинкт размножения. Проникновение во второй мир и его разрушение было целью существования Тарака и таких, как он...

Стало значительно теплее, и Тарак понял, что второй мир уже близок. Он был опытным разведчиком и не мог ошибиться: за этой отвесной стеной начинался второй мир, с его отвратительными чудовищами – глупыми гигантами, жестокими, беспощадными, выиграть у которых открытый бой было невозможно хотя бы из-за разницы в размерах. Но это их преимущество являлось в то же время и слабостью: от них легко было прятаться. Любая едва заметная расщелина служила надежным укрытием, не говоря уж о том, что они были неповоротливыми, а Тарак и его соплеменники передвигались легко, быстро, обладали высокой маневренностью и колоссальным чутьем опасности. Тело Тарака было покрыто крепкими жаростойкими и противоударными доспехами, не ограничивающими при этом подвижности. В головной части доспехов крепились два локатора в виде тонких подвижных антенн...

Тарак был опытным разведчиком и на плоскую равнину выбрался не сразу. Сначала выставил из расщелины антенны-локаторы и, когда убедился, что опасности вблизи никакой нет, мгновенно преодолел освещенное

пространство и укрылся в тени жуткого сооружения, на которое часто приходили отдыхать мерзкие чудовища. Тарак чувствовал двойную ответственность: в доспехи был вмонтирован большой транспортный контейнер, в котором находилось двести пятьдесят молодых представителей первого мира. Операция, которую осуществлял Тарак, заключалась в том, что он должен был доставить контейнер в безопасное место, где в течение определенного времени молодые представители проходили акклиматизацию и адаптировались. После этого автоматическое устройство взрывало контейнер, и молодые патриоты рассредоточивались по разным уголкам второго мира для выполнения главной своей задачи – проникать, отравлять и разрушать...

Тарак готовился к последнему переходу и ждал полного наступления темноты. Два его локатора напряженно подрагивали в пространстве...

...Жужар тщетно пытался облететь неизвестное магнитное поле или найти брешь в его мощных силовых линиях. Он бросал свой корабль на тысячи периодов вправо, влево, вверх, вниз, но всякий раз, когда он устремлялся вперед, все тот же упругий, резкий толчок останавливал его. От страшной вибрации и перегрева он потерял еще шесть защитных слоев.

Жужаром овладело отчаяние. Значит, никогда его народ не узнает, что он, Жужар, осуществил вековую мечту и несколько раз облетел вокруг Солнца! Значит, вся богатейшая информация навсегда останется в этой холодной бесконечности, и никогда не дождетя его ослепительно красивая подруга, погруженная в глубокий анабиоз среди зеленой травы и желто-белых ромашек. И тогда Жужар включил все излучатели, безрассудно расходуя энергию. И во все стороны Вселенной разлетелись от него сигналы о том, что он, Жужар, видел Солнце и обогнул его несколько раз. И маршевые двигатели заревели, работая на предельной мощности, когда он в последний раз устремился вперед, навстречу невидимому препятствию, безнадежно пытаясь его протаранить. И когда осыпался последний защитный слой, Жужару показалось, что он чувствует легкое дуновение теплого ветерка, и слышит тихую нежную музыку, и ощущает томительное

прикосновение его ослепительно красивой подруги, с которой он медленно опускается на желто-белые ромашки посреди зеленой травы.

А на самом деле Жужар падал в ледяную темноту вечности...

...Тарак готовился к последнему переходу и ждал полного наступления темноты. Как старый, опытный разведчик, он не сомневался, что полная темнота должна скоро наступить, и он погрузился в собственные мысли, доверяясь двум своим верным локаторам... «Возраст уже не тот, – думал он, – да и, если говорить честно, реакции тоже утратили былую быстроту. И нельзя до бесконечности использовать его беззаветную преданность первому миру. Как ни почетно транспортировать молодых представителей, а все-таки это удел более ранних. По окончании операции надо поставить вопрос о своем переводе в отдел управления и командования. Опыта и знаний не занимать... На худой конец, неплохо устроиться и просто начальником гарнизона в каком-нибудь оккупированном районе второго мира, где-нибудь в теплых местах... Забрать супругу и начать писать мемуа...»

Страшной силы удар обрушился откуда-то сверху на Тарака. Расплющенные и размолотые доспехи разорвали тело и погребли под своими обломками и самого Тарака, и двести пятьдесят представителей первого мира. Только антенны-локаторы еще некоторое время подергивались, сигнализируя опасность, но потом и они затихли...

...Вечер был душный. Одиннадцатилетний Челль Свенсон лежал в своей комнате, в своей кровати, накрывшись простыней, и не спал. Он очень хотел дожидаться матери, которая в этот вечер ушла в гости к Персонам. Челль лежал, напряженно таращил свои синие глаза и прислушивался к вечерним звукам и шорохам, доносившимся из открытого окна. Потом он долго смотрел на потолок, наблюдая, как красивая бабочка упрямо и бессмысленно облетает вокруг плафона. Потом он услышал отдаленные раскаты грома, и ему стало жутко. Он встал, прошел босиком к окну и закрыл его. И тут он увидел возле ножки кресла рыжего таракана-прусака. Таракан был совершенно неподвижен, как будто спал или задумался о чем-то. Только усики его слегка подрагивали.

Челль передернулся. Преодолевая отвращение, он взял тапочку, на цыпочках приблизился к креслу, присел, медленно замахнулся и, зажмурив глаза, пришлепнул таракана. Затем он выключил свет и прыгнул в кровать, натянув простыню до самых ушей. Челль лежал затаив дыхание и слышал, как бьется и бьется бабочка, безнадежно пытаясь протаранить стекло и вылететь наружу... Утром, стоя под душем, Челль крикнул матери:

– Мама! У нас в доме тараканы! Я вчера убил одного!

– О господи! – сказала мать Челля. – Куда деваться от этих тараканов!

После завтрака Челль помог матери убрать в его комнате. Он водил влажной губкой по подоконнику, вытирая желтоватую пыльцу, и увидел лежащую возле шпингалета красивую бабочку. Челль взял ее за крылышко и подбросил из окна в воздух, надеясь, что она полетит, но она просто упала на зеленую траву среди желто-белых ромашек.

– Мама! – сказал Челль. – А когда папа вернется?

– Теперь скоро, – улыбнулась мать. – Вчера мне сказали, что они уже в пределах нашей Галактики.

1974

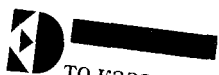
Поздний застой

И все раньше и раньше опускаются синие сумерки

то казалось невероятным. Это казалось черт

знает чем. Но это было на самом деле. Сначала возникли слухи, что он за Ингой ухаживает. Естественно, что все воспринимали это как сплетню. Потом слухи видоизменились до смехотворного. Инга с ним встречается... Естественно, что и это все воспринимали как сплетню. Затем кто-то сказал, что Инга выходит за него замуж, и он переезжает к ней с вещами. Естественно, что это тоже всеми было воспринято несерьезно. В самом деле: как это он может переехать к Инге, да еще с вещами? Интересно, с какими же это вещами? Вот уж действительно, чего только люди не напридумают!..

Однако 1 июня, в Международный день защиты детей, все оказались перед фактом: все Ингины друзья приглашены в субботу к ней домой, чтобы скромно отметить довольно знаменательное событие, изюминка которого заключалась в том, что Инга вышла за него замуж... И как бы к этому ни относились, но вышла замуж Инга за коня.

– Нас либо разыгрывают, либо издеваются, – раздраженно сказала Римма, пробежав глазами открытку, в которой черным по белому было написано, что Инга вышла замуж за коня, и что Римма с Реджинальдом приглашены по такому поводу к Инге в субботу.

– Однако, – произнес Реджинальд, отхлебнув из стакана глоток клюквенного киселя, – факт... остается фактом...

– Но может быть, это всего лишь прозвище? – с надеждой произнесла Римма. – Ну, например, его зовут Никоном, а она его ласково называет Конем... Коняшкой... Или, может быть, у него фамилия – Конский?

– Все может быть, – сказал Реджинальд, допивая клюквенный кисель, – но их вдвоем видели в парке... Это никакой не Никон и не Конский. Это самый настоящий конь.

– Какая мерзость, – брезгливо сказала Римма и отодвинула тарелку с жарким. У нее даже испортился аппетит. Она вообще не выносила, когда за столом заводили разговоры на невкусные темы...

Например, о покойниках или, скажем, о том, что кого-то стошнило... Римма ничего этого не выносила. Такая уж у нее была слабость.

– Какая мерзость, – повторила она, вытирая рот бумажной салфеткой. – Я уж не говорю о неудобстве, о несовместимости, но ведь от них пахнет!

– Дело не в запахе. К запаху в конце концов можно привыкнуть. Дело в том, что это в принципе отвратительно и оскорбительно по отношению ко всем друзьям... Бывшим друзьям...

– Она всегда была экстравагантна, – сказала Римма, – но чтоб до такой степени?!

– Тебе лучше знать – она же твоя ближайшая подруга.

– Именно поэтому я не знаю, как быть с приглашением, – растерянно сказала Римма.

Реджинальд встал из-за стола:

– Насколько мне известно, ни Джемма, ни Капраловы, ни Вердиревские не собираются почтить своим присутствием вновь возникшую молодую здоровую семью...

– Но ведь она действительно моя лучшая подруга... Как-никак, а мы с ней вместе учились и в школе, и в институте... Она всегда была неудачницей... И уж, наверное, не от хорошей жизни решилась на такой шаг...

– Но ты представь меня и себя в его обществе, – со смехом сказал Реджинальд. – О чем, интересно, мне с ним говорить? И каким образом?! Да и вообще, что между нами может быть общего?.. Ты, если тебе интересно, можешь идти, но я...

– Поверь, Реджик, мне самой очень противно, но нельзя обижать Ингу... Ну, хотя бы за то, что именно она нас с тобой познакомила в свое время...

– В свое время! – в голосе Реджинальда проскользнуло раздражение. – Теперь другое время! Можно подумать, что она мне сделала великое одолжение.

Решению этой проблемы были посвящены еще два дня, и наконец в субботу утром Реджинальд согласился. Все-таки демократичность взяла свое.

– Ну, хорошо, – сказал он, – но ведь неудобно же идти с пустыми руками...

– Подберем какой-нибудь красивый букет, – предложила Римма.

– Он может понять это как намек на то, что мы принесли ему клочок сена...

– Лошади едят овес, – сказала Римма.

– Представь себе, прекрасно могут жрать и цветы, и черт их знает что...

– Может быть, сервиз? – неуверенно произнесла Римма.

– Это ей сервиз! А ему зачем сервиз? Ему тогда надо купить ведро!

– Не утрируй!.. Подарим им нашу подкову на счастье... Хотя нет... Что я говорю!.

После долгих споров сошлись на том, что надо подарить что-то индифферентное, и остановились на музыке... Известно, что лошади – народ музыкальный... В середине дня были куплены проигрыватель «Концертный» и одна пластинка. На одной стороне – «Полька-бабочка», а на другой стороне – «Два марша Чернецкого»... Черт их знает, какую они любят музыку, а в маршах все-таки есть что-то кавалерийское...

И вот июньским вечером, тяжелым и знойным, Римма и Реджинальд звонили в квартиру Инги, ощущая при этом какое-то неприятное волнение. За дверью слышались сначала глухая возня, будто кто-то спешно надевал на себя что-то, а затем звуки, напоминающие не то шаги, не то цоканье. Реджинальд несколько отступил назад. Римма убрала сползшую с ключицы белую ляпочку и водворила ее на место.

Дверь открыл он сам.

– Ну, наконец-то, – сказал он, – наконец-то, наконец-то... А то уж мы заждались, заждались мы вас, заждались...

Римма и Реджинальд робко, боком прошли в переднюю.

– Здравствуйте, – тихо выдавила из себя Римма.

– Здравствуйте, – прокашлял Реджинальд.

– Ну, конечно!.. Конечно же! Конечно! – обрадованно сказал он.

Из комнаты выпорхнула загоревшая Инга и с криком бросилась к Римме:

– Римуля! Лапочка! Я так рада, что вы пришли! Так рада! Так рада!

Они поцеловались.

– Поздравляю тебя, – заговорила Римма. – Я так счастлива, так счастлива! Так счастлива, что просто не нахожу слов, как я счастлива! Мы так с Реджинальдом за тебя счастливы!

– Мы рады за тебя с Риммой и счастливы, – сказал Реджинальд, протягивая руку Инге.

– Мог бы и поцеловать по такому случаю, – подтолкнула Римма Реджинальда.

– Мы тебя поздравляем, – поцеловал Реджинальд Ингу. Инга тоже поцеловала Реджинальда.

– А это мой муж. Познакомьтесь, – сказала она.

Он протянул Римме мускулистую грубоватую правую руку:

– Тулумбаш! Тулумбаш я... Тулумбаш Второй.

– Очень приятно... Римма, – выдохнула она. – Поздравляю вас. Вам так повезло. Ингуля такая чудесная женщина. Это просто клад!..

Он протянул руку Реджинальду:

– Тулумбаш!.. Тулумбаш Второй.

– Очень приятно, – поклонился Реджинальд. – Реджинальд.

– Как? – спросил он. – Как вы сказали? Как?

– Реджинальд, – повторил Реджинальд.

– Очень красивое имя! – сказал он. – Очень... Просто очень красивое имя...

Реджинальд протянул ему коробку с проигрывателем и пластинкой:

– Это вам с Ингой от нас с Риммой... Поздравляю вас и завидую... Инга чудесная женщина. Она настоящий клад, как заметила моя супруга...

– Ишь ты, поди ж ты, – закокетничала Инга. – Ну уж прямо... По-моему, Башик должен завидовать вам!.. Ты знаешь, Башик, Римма такая чудесная женщина! Это она клад, а не я!..

– И ты клад, и она клад, – улыбнулся Тулумбаш II. – Два клада; она клад, и ты клад.

Римма уже более смело смотрела на него. У него было обыкновенное, может быть чуть более продолговатое, лицо, большие очки в роскошной, видимо заграничной, оправе. Улыбка обнажала крупные, крепкие, слегка желтоватые зубы.

И все прошли в комнату и расселись за великолепно сервированным столом.

Римма насчитала двадцать три вида всевозможнейших и пикантнейших закусок и двадцать видов вин и более крепких напитков. Кроме того, каждому полагалось по три ножа – большому, поменьше и с зубчиками, и по три вилки – большой, поменьше и с двумя тонкими зубцами...

– Какая прелесть! – неподдельно восхищенно сказала Римма.

– Прямо как на обеде у мадагаскарского консула по поводу третьей годовщины со дня возникновения республики, – сказал Реджинальд.

– А вам приходилось там бывать? – спросил Тулумбаш II.

– Да уж, – небрежно ответил Реджинальд. – При первой же возможности побывайте.

– Очень завидно... Очень... Просто очень даже завидно, – сказал Тулумбаш II. – А я был в тридцати четырех странах, а у мадагаскарского консула не был, не был у мадагаскарского консула... Не был...

– В тридцати четырех?! – захлебнулась Римма и подумала о том, как же все-таки повезло этой дурочке Инге.

– Не знаю, – размеренно произнес Реджинальд. – Я лично был на обеде у мадагаскарского консула по поводу третьей годовщины со дня возникновения республики и ни на что это не променяю... Ну а, интересно, в качестве кого же вы ездили в тридцать четыре страны?

– В качестве рысака ездил, – сказал Тулумбаш II. – Ездил в качестве рысака...

– Не знаю, – Реджинальд положил на тарелку две ложки салата, три шпротины и два ломтика ростбифа. – Не знаю... Я лично предпочитаю, – положил туда же два помидора, лососину и потянулся за сыром, – я лично предпочитаю ездить сам, нежели, – положил туда же квашеной капусты, сациви и залил все получившееся майонезом, – нежели когда на тебе ездят.

– Есть еще много тарелок, – сказала Инга.

– А зачем зря посуду переводить, – ответил Реджинальд и начал есть.

– Это старый спор, – улыбнулся Тулумбаш II, – старый это спор... Вам кажется, что вы ездите на нас, что вы на

нас ездите, а нам кажется, что, наоборот, мы вас возим... Возим мы вас... Возим...

– Ну и прекрасно, – захохотал Реджинальд, – вы нас возите, а мы будем на вас ездить!..

– А вы в Италии тоже были? – осторожно спросила Римма. Римма мечтала побывать в Италии. Такая уж у нее была слабость.

– Был, – сказал Тулумбаш II. – Был. Один раз был. На международном аукционе в Турине... Продавали меня. Продавали. Но, слава богу, не продали. Не продали. А брата моего продали. Брата моего по отцовской линии продали. Иноходец он. Иноходец.

– Да уж, наверное, теперь и иномыслец, – сказал Реджинальд и выпил рюмку коньяка.

– Ешьте и пейте сколько угодно, – сказала Инга. – А на Башика не обращайтесь никакого внимания. В смысле мяса он вегетарианец, да к тому же завтра у нас ответственные соревнования. Так что нам надо быть в форме. Верно, милый?

– Большой летний приз, – гордо произнес Тулумбаш II. – Десять тысяч баллов! Десять тысяч!..

– Это сколько же в переводе на наши деньги? – изумленно спросила Римма.

– Не знаю, – сказал Тулумбаш II, – даже не знаю. Это интересно наездников, а для меня самое главное – не проиграть. Не проиграть – самое главное. Не проиграть!..

– На ипподроме все жулики, – отчеканил Реджинальд.

– Ну уж не все. Не все жулики. Не все уж... И потом, жулики могут быть где угодно. Где угодно могут быть жулики. Где угодно.

– А вы, я вижу, склонны к обобщениям, – настороженно проговорил Реджинальд.

Римма поспешила вмешаться, так как она видела, что Реджинальд уже довольно прилично выпил и способен на оскорбления.

– Ты не совсем прав, Реджин, – сказала она. – Это ты обобщаешь, говоря, что на ипподроме все жулики...

– Обойдемся без адвокатов, – оборвал Реджинальд. – Что значит, жулики могут быть где угодно? Значит, там, где я работаю, тоже могут быть жулики?.. Да за такие намеки я, будь на то моя воля, ваше заведение разогнал да в кавалерию... Или в конную милицию... Все польза была бы!..

Тулумбаш II то и дело поправлял очки и улыбался.

– Он шутит, Тулумбаш Второй! – мягко сказала Римма. – Он просто очень любит свою работу.

– Давайте немного посидим на балконе, – попробовала переменить тему разговора Инга. – А то очень душно... Башик почитает свои стихи...

На балконе было легко и, пожалуй, даже свежо – во-первых, потому, что вечер уже почти наступил, и, во-вторых, потому, что за крышами домов справа небо почернело и время от времени доносилось оттуда порывистое прохладное дыхание. Ворча и подмигивая, приближалась гроза.

Тулумбаш II принес из комнаты накидку из мягкого лоснящегося коротенького меха и набросил ее на плечи Инге.

– Действительно, зябковато, – поежился Реджинальд. – Принеси-ка мне пиджак, Римма!

Римма, только что уютно устроившаяся на маленьком стуле, встала и принесла Реджинальду пиджак.

– Ну, ну! Давайте, давайте! – сказал он.

– Я иногда пишу стихи, – виновато сказал Тулумбаш II. – Иногда. Пишу иногда. Инга их переводит.

– Слишком громко сказано, – смутилась Инга.

– И-и... – начал Тулумбаш II, – и все раньше и раньше

опускаются синие сумерки, и дорожка становится тяжелой и мокрой, и в лица наездников летят комья грязи, и это значит, что кончается летний сезон, и начинается сезон зимний, и скоро предстоит перековка, и тот, кто скорее перекуется, тот и будет опять занимать призовые места...

– Без рифм? – спросил Реджинальд.

– Утрачены в переводе, – грустно сказал Тулумбаш II, – в переводе утрачены. Утрачены...

Он свесил через перила голову и уставился вниз. Его темно-рыжая аккуратно подстриженная шевелюра приходила в легкое движение при каждом порыве ветра.

– Вот та-ак, – протянул Реджинальд, – а я стихов не люблю. Я люблю песни...

– Мы вам подарили проигрыватель «Концертный» и пластинку с маршами, – перебила Реджинальда Римма, опасаясь, что он сейчас запоет...

– А я не люблю марши, – тихо произнес Тулумбаш II, – по-прежнему глядя вниз, – не люблю. Мы под них выезжаем на круг... Выездаем... Я люблю Гайдна. Гайдна люблю.

– Башик и меня научил любить Гайдна! – похвасталась Инга.

– А кто не любит Гайдна? – сказал Реджинальд. – Все любят Гайдна.

– Уж конечно, – зло фыркнула Римма.

В эту минуту она поймала себя на том, что завидует Инге. Завидует Ингиной беспринципности. Была бы она тоже беспринципна – тоже была бы счастлива. Также могла бы устроить свою личную жизнь. В конце концов внешне она много симпатичнее Инги... Но нет, нет! Это несовместимо. Если от него не пахнет, то вообще-то от них пахнет... За границу часто ездит..

– И долго вы еще будете ездить? – спросила она. Римма имела в виду «за границу», но Тулумбаш II не понял ее.

– Пока резвость не потеряю, – ответил он, – или ногу не сломаю. В этом случае меня, очевидно, лишат жизни...

– То есть как?! – ахнула Римма.

– Очень просто. Просто. Наше содержание обходится очень дорого. Дорого обходится. Дорого... Раз уж мы не можем ездить...

– Вы не представляете, как дорого обходится их содержание! – поддержала Инга.

– Но ведь это бесчеловечно! – возмутилась Римма.

– Вряд ли здесь уместно это слово, – сказал Реджинальд.

– Это логично и по-хозяйски... Верно?

И Реджинальд дружески хлопнул Тулумбаша II.

– Верно! – засмеялся Тулумбаш II и тоже дружески хлопнул Реджинальда. – По-хозяйски!.. Верно!..

– А если вы потеряете эту... скорость? – настаивала Римма.

– Резвость, – поправил Тулумбаш II, – резвость, а не скорость. Если я потеряю резвость, если потеряю, то меня могут направить на конезавод производителем... На конезавод.

– Интересно, как на это посмотрит ваша супруга? – сказала Римма.

– Римуля, но ведь это работа, – обиделась Инга.

– Любая работа почетна, – сказал Реджинальд. – Тем более на заводе.

– Не знаю, – не сдавалась Римма. – Я бы лично не позволила...

– Прекрасно позволила бы, – сказал Реджинальд. – Не всем же работать на таком месте, как я. Понадобились бы деньги – прекрасно бы позволила...

Вечер наконец-то разродился грозой. Хлынул ливень. Все убежали в комнату и стали пить чай.

– Вы и чай не пьете, – удивился Реджинальд.

– Мне нельзя много жидкости, – сказал Тулумбаш II. – Нельзя. Особенно на ночь. Особенно.

– Почки? – доверительно спросил Реджинальд.

– Нет. Что вы!.. Режим... Что вы!..

– Не представляю, как мы доберемся домой, – забеспокоилась Римма.

– Я вас довезу. Довезу я вас. Довезу, – с улыбкой сказал Тулумбаш II.

– Он вас довезет, – подтвердила Инга.

Он вышел и вернулся через минуту в непромокаемой широкой-широкой шляпе, из-под которой торчали уши, и протянул Реджинальду хлыст.

– Я не знаю, где вы живете, – сказал он, – не знаю. Поэтому вам придется мною править... Править придется... Вы берете в руки вожжи и правите мной... Правите... Если надо вправо – вы натягиваете правую вожжу, правую... Мне становится больно... Больно становится... Понимаете? И я, чтобы ослабить боль... Чтобы боль ослабить, поворачиваю направо. Точно так же – налево...

– Действительно, просто, – обрадовался Реджинальд.

– А если надо быстрее, – добавил Тулумбаш II, – вы меня хлестнете вот этим хлыстом...

– Не задерживайся, Башик, – сказала Инга. – Тебе в шесть утра надо быть на месте.

Инга поцеловала сначала Римму, потом Реджинальда, потом Тулумбаша II.

«Как она может?» – подумала Римма и опять позавидовала Инге.

Когда спустились во двор, Тулумбаш II натянул на большую двуколку брезентовый верх. Римма и Реджинальд забрались под брезент и тронулись...

Они мчались по мокрому асфальту. Реджинальд дергал вожжи то вправо, то влево, время от времени подхлесты-

вая Тулумбаша II. Встречный озонированный ветер выдувал постепенно весь хмель.

– Давай! – кричал Реджинальд. – Давай!

Римме было очень приятно, но она боялась только одного: как бы Реджинальд не загнал Ингиного мужа до такой степени, чтобы он уже не мог остановиться. Ведь читала же она про такой случай не то у Флобера, не то у Мопассана. И в кино видела.

Глупо было бы не использовать предоставившуюся возможность и не покататься. Сначала они поехали на Ленинские горы, потом по метромосту спустились на Комсомольский проспект, выехали на Садовое кольцо и махнули к ВДНХ. От ВДНХ прокатились к Останкинской телебашне и помчались на Фрунзенскую набережную. Домой.

– Ух, как далеко вы живете, – сказал Тулумбаш II, когда они наконец остановились. – Ух, как далеко... Я очень сожалею, что не могу повозить вас немного по городу... Не могу... Не имею времени... Времени не имею...

– Не расстраивайтесь, – успокоил его Реджинальд. – В другой раз.

– Непременно, непременно, – закивал Тулумбаш II, – ждем вас в гости... Ждем...

Они вошли в подъезд, а он развернулся, мотнул головой и потрусил обратно.

– Он очень мил и интеллигентен, несмотря ни на что, – зевнув, произнесла Римма, когда они поднимались в лифте.

– Да... В общем-то, да, – согласился Реджинальд.

– И по-моему, симпатичен... Как ты считаешь?

– Да... В какой-то степени, – согласился Реджинальд.

– И все-таки надо их как-нибудь пригласить к нам, – неуверенно предложила Римма.

Реджинальд поднял брови:

– Пригласить к нам?! Его к нам?! Только этого мне и не хватало!!!

И Реджинальд дико заржал.

Девочка выздоровела

И так, – сказал учитель, – шестого июня тысяча

семьсот девяносто девятого года родился мальчик, которого вскоре окрестили Александром. Сегодня на Земле нет человека, которому это имя было бы неизвестно. Поднимите руки, кто ни разу не слышал имя Пушкина.

Класс даже захихикал. Передние стали оборачиваться назад, чтобы увидеть, чья же рука потянется вверх.

– Отлично, – сказал учитель. – А кто помнит что-нибудь наизусть из Пушкина?

– ...Жил-был поп, толоконный лоб. Пошел поп по базару...

– ...Румяной зарею покрылся восток, в селе за рекою потух огонек...

– ...Мороз и солнце, день чудесный. Еще ты дремлешь, друг прелестный...

– ...А теперь, душа-девица, на тебе хочу жениться...

– Это Чуковский, – сказал учитель. – «Муха-Цокотуха»...

В среднем ряду из-за третьего стола поднялась девочка и внимательно, глаз в глаз, посмотрела на учителя...

Она часто тайком разглядывала учителя и уже знала его наизусть. У него было шесть рубашек и шесть галстуков. На каждый день недели приходилась новая рубашка и новый галстук. Сегодня был четверг – учитель был в зеленой. Ей очень хотелось знать, в какой рубашке учитель бывает по воскресеньям, но по воскресеньям они не виделись. Девочке было почти четырнадцать, но по тому, как засматривались на нее десятиклассники, она считала, что ей уже все семнадцать. У учителя были широкие плечи и зеленовато-серые глаза. Впрочем, девочка это предполагала, так как глаза учителя всегда были скрыты

массивными притемненными очками. Почему-то еще ей казалось, что в свободное время он должен ездить верхом на лошади. С остальными учитель, помимо чисто школьных тем и домашних заданий, мог говорить о чем угодно. С ней – только по делу. Ее это немного задевало, но, с другой стороны, непонятно почему, возвышало над другими...

Учитель как-то напрягся, когда девочка встала из-за стола и внимательно посмотрела на него. Она явно действовала на него, и даже через очки он не выдержал ее взгляда и уставился в пол. С этим классом учитель работал уже полгода, и каждый день, собираясь в школу, он ловил себя на том, что хочет прежде всего видеть эту девочку в среднем ряду за третьим столом. И всегда, когда вдруг ее не было, что-то щемило у него в груди, хотя в эти дни ему было значительно проще и свободнее. И он даже позволял себе во время урока снимать куртку, за что получал замечания от директрисы, которая, и помимо этого, просила учителя одеваться «попроще» и не забывать, что это школа, а не «вернисаж».

Но учитель имел свою точку зрения, и пока ему удавалось лавировать и не выполнять предписаний. Девочке было почти четырнадцать, но она ему казалась значительно взрослее. Он боялся говорить с ней о чем-либо, кроме как на темы уроков, потому что вопросы, которые он мысленно задавал ей, были абсолютно не детскими и соответственными были ее ответы, которые он мысленно получал. Он очень боялся увидеть в ней все-таки совсем ребенка, но еще больше опасался, что она действительно окажется взрослой. Сегодня учитель отметил еще в начале урока, что девочка очень бледна.

Она встала в среднем ряду из-за третьего стола и внимательно посмотрела на учителя. Он не выдержал взгляда, уставился в пол, потом произнес:

– Ну?

– Я к вам пишу – чего же боле? – сказала девочка. – Что я могу еще сказать...

– Дальше, – глухо сказал учитель.

– Теперь я знаю, в вашей воле меня презреньем наказывать...

– Дальше...

– Но вы, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня...

Она снова замолчала.

– Ну? – повторил учитель.

– Письмо Татьяны, – сказала девочка.

– Верно. – Учитель рискнул взглянуть на нее. – Верно. Письмо Татьяны к Онегину. Роман в стихах «Евгений Онегин». Но это нам еще предстоит.

Она уже как-то совсем пронзающе смотрела на него.

– Мне сесть? – спросила девочка.

– Да.

Урок литературы был последним. Учитель закрыл журнал, попрощался с классом, зашел в учительскую, оставил журнал и вышел из школы.

Дорога к метро вела через парк. Он медленно шел, размахивая прутиком направо и налево, как шашкой рассекая и срубая неосторожно высунувшиеся листья по бокам деревьев.

Девочка поравнялась с ним как раз возле качелей и, будто не замечая его, сразу пошла вперед. На правом ее плече совершенно по-женски раскачивалась синяя джинсовая сумка, а через левую руку свешивалось из такого же материала пальтишко. И совсем не сочеталась с этим школьная форма.

Она подошла к двойным качелям в виде лодочки и остановилась, не оглядываясь. Когда учитель приблизился, девочка сказала, по-прежнему не глядя на него:

– Вы не очень торопитесь?

– Не очень, – ответил он и остановился.

– Вы не согласитесь побыть у меня противовесом? Ужасно хочется покачаться.

– Изволь.

Учитель чуть было не сказал «извольте».

Они сели в лодочку друг против друга и стали молча, не глядя друг на друга, сосредоточенно раскачиваться. Когда учителя подбрасывало вверх, воздух сбивал ее волосы назад, обнажая лоб, абсолютно изменяя выражение лица. И наоборот, когда она оказывалась вверху, волосы спадали на лицо, оставляя видными только рот и подбородок.

родок. Ритмично и деловито скрипели качели, подчеркивая напряженность молчания, и учитель улыбнулся.

– Что вы смеетесь? – спросила девочка.

– Смешно.

Он представил себе возмущенное лицо директрисы, если бы она увидела педагога, раскачивавшегося на качелях с ученицей.

– А какую рубашку вы одеваете в воскресенье? – спросила девочка.

– Надеваете, – поправил учитель.

– Ну, надеваете.

– Фиолетовую.

– Всегда?

– Иногда меняю. У меня семь рубашек. Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

– Вот именно, – сказал учитель. – В воскресенье чистой оказывается фиолетовая, а в понедельник идет красная. Зато я не пользуюсь календарем.

– А у моего отца, – наконец улыбнулась девочка, – тридцать четыре рубашки, и все белые.

– Это скучно.

– У него работа такая... И вы их сами стираете? Вопрос был задан с некоторой осторожностью.

– Отдаю в прачечную.

– Тормозите, – приказала она.

Качели постепенно остановились. Она сдунула волосы с лица, изящно выпрыгнула из лодочки, набросила на плечо сумку, перекинула через руку пальто и спросила:

– Вы еще будете качаться?

– Нет, – сказал учитель и вылез из лодочки. – Мне надо в метро.

– А я у метро живу.

До метро они шли молча. Она – чуть впереди. Возле метро он напомнил ей, что завтра они будут проходить сказки Пушкина и чтобы она кое-что из них за сегодня успела прочитать.

– В школу вы тоже на метро ездите? – спросила она.

– Конечно.

– Во сколько?

– В восемь пятнадцать.

Она уже давно знала, что учитель ездит в школу на метро и что в восемь пятнадцать он выходит из метро и идет дальше через парк, и она сказала, будто удивившись неожиданному совпадению:

– А я в это время из дома выхожу... Вот и моя мать...

Учитель увидел приближающуюся к ним женщину. Женщина выглядела внешне невыразительной, и он не смог найти в ней ничего общего с девочкой. Одета она была совершенно сертифицированно. Во всем ее облике ощущалось полное удовлетворение жизнью и отсутствие к этой жизни каких бы то ни было вопросов. Заметив, что девочка не одна, она вопросительно вскинула брови.

– В чем дело? – произнесла она строго. – Ты же знаешь, что тебя ждет доктор.

Учителю показалось, что тональность вопроса направлена не столько девочке, сколько ему.

– Это наш учитель литературы, – сказала девочка.

Учитель представился.

Женщина, бегло, но внимательно осмотрев учителя, заявила девочке:

– Ты же знаешь, что доктор ждать не будет!

А потом учителю:

– Извините, но девочку ждет доктор.

Она взяла девочку за руку и повела за собой. Девочка высвободила руку и пошла независимо, чуть впереди матери, раскачивая в такт ходьбе свою джинсовую сумку.

Учитель подождал, пока они не затерялись среди людей, и вошел в метро...

– Ты запомнила, что сказал доктор? – с назиданием в голосе говорила мать, когда они с девочкой возвратились из поликлиники. – Ты не должна нервничать, тебе надо высыпаться и не нарушать режим питания. И главное, не забывать, что ты становишься девушкой, и теперь мальчишки, юноши и даже некоторые мужчины будут смотреть на тебя как на женщину. Ты поняла?

– Поняла, поняла, – говорила девочка, поедая суп и читая «Сказки» Пушкина. – А что значит – как на женщину?

– То и значит, – сказала мать, не в силах найти нужные объяснения. – Ты уже можешь стать матерью...

– И у меня будет ребенок?

– Не говори глупостей! Ты сама еще ребенок.

– Тебя не поймешь.

– Нечего и понимать! А всякие поглаживания по головке, приглашения в кино, на танцы... Все это уже не просто так.

– А как?

У нее перед глазами возник учитель. Она вспомнила качели, вспомнила, как учитель смотрел на нее, и не нашла в этом ничего страшного. Скорее, наоборот.

«Странно, – думала она. – Вчера – девочка, сегодня – женщина...» В синем небе звезды блещут, в синем море волны плещут... Тучка по небу идет...

Учитель поймал себя на том, что очень ждет завтрашнего дня... Бочка по морю плывет...

Уже лежа в кровати, девочка включила ночник и взяла со стола книгу Пушкина... В чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря... Все красавцы молодые, великаны удалые...

Все равны, как на подбор.

Учитель готовился к завтрашнему уроку.

С ними дядька Черномор... Встрепенулся, клюнул в темя и взвился...

Девочка повернулась на другой бок и подперла подбородок левой рукой...

«И в то же время, – подчеркнул учитель в книге, – с колесницы пал Додон, охнул раз и умер он».

– А царица вдруг пропала, – шевелила губами девочка...

– Будто вовсе не бывала, – произнес за ее спиной знакомый голос.

Она сложила прыгалку и посмотрела, кто бы это мог быть. Мальчик лет четырнадцати стоял перед ней, сшибая листья с деревьев тоненькой тросточкой. Он был кудряв, смугл, в фиолетовой рубашке и в очках.

– Откуда вы знаете? – спросила она, заслоняясь от яркого солнца.

Мальчик снял очки, подышал на них, протер стекла тряпочкой и сказал:

– Она была шамаханской царицей и пропала, потому что Додон обманул старичка и хватил его жезлом.

– Вы смотрите на меня как на женщину? – спросила девочка.

Мальчик одел, вернее, надел очки и протянул ей руку.

– Идем со мной. – И он посмотрел в сторону леса, который зеленел далеко у линии горизонта.

– Что там? – насторожилась девочка.

– Таинственная сень... Идем, не бойся...

И они пошли, взявшись за руки, мимо острова Буяна в царство славного Салтана.

– Разве сегодня воскресенье? – спросила девочка.

– Нет. Просто остальные рубашки в прачечной.

Луг внезапно кончился, и перед ними возникло море. Море было настолько гладким и прозрачным, что девочка увидела, как в нем отражается небо со всеми сверкающими звездами, несмотря на то что солнце стояло в зените. Она бросила камешек. Он, булькнув, медленно опустился на дно. А во все стороны разбежались волночки, потом потемнело синее море и бурливо вздулось.

– Плещут – блещут, – прошептала девочка.

– Блещут – плещут, – поправил он.

– Бочка – тучка...

– Тучка – бочка...

Бочку швыряло в море-океане в разные стороны. Было темно и страшно.

Мальчик погладил ее по голове.

– Это не просто так? – Девочка прислонилась к его плечу и закрыла глаза.

– Просто так. Спи. Ты – спящая царевна, а я – Елисей...

В это время бочку обо что-то стукнуло, и все остановилось. Мальчик вышиб дно и вышел вон.

Перед ним стоял весь в черном незнакомый дядька с длинной-предлинной бородой.

– Ты что, не знаешь, что ее ждет доктор? – зло произнес дядька.

– Это Мор! – испуганно зашептала девочка. – Это Мор! Он весь в черном!..

– Не мешало бы поздороваться, – вежливо поклонился мальчик.

– Не смей держать ее за руку! – закричал Мор. – Доктор не станет ждать! Убирайся!

– Ткачиха, повариха, сватья-баба, бабариха! – запрыгал мальчик перед Мором. Потом он поклонился девочке. – Извините, сударыня, но вас ждет доктор... Завтра в восемь пятнадцать...

И мальчик направился в сторону таинственной сени, размахивая тоненькой палочкой. А Мор поднял с земли огромный камень и, крадучись, пошел за ним. И вдруг девочку охватил ужас. Она закричала и уселась на кровати...

Мать, растрепанная, в ночной рубашке, возникла в комнате. Горел ночник. Было два часа ночи. Еще через мгновение вошел отец в пижаме.

– Что случилось? – спросила мать, присаживаясь на кровать и привлекая девочку к себе.

– Он хотел убить его! – воскликнула девочка. – Он хотел его убить!

– Тебе приснилось, девочка, – успокаивала мать. – Тебе просто приснилось...

Отец подал ей стакан с водой.

– Мало ли что может присниться, – сказал он. – Успокойся и спи...

– Нет! – испуганно повгоряла девочка. – Я не могу спать! Не могу! Иначе он его убьет...

Но постепенно она затихла и, прижавшись к матери, смотрела куда-то в одну точку. Отец так и стоял перед ней, держа в руке стакан с водой.

Потом девочка сказала уже почти спокойно:

– Идите. Я сейчас усну.

– Погасить свет?

– Да.

Утром, пока девочка умывалась, мать сказала отцу:

– Она ужасно выглядит... Она так и не уснула...

– Надо опять пойти к врачу, – сказал отец. – Проверить нервы...

...В восемь пятнадцать учитель вышел из метро. Когда девочка увидела его, она облегченно вздохнула и только теперь почувствовала, что не выспалась.

– Доброе утро, сударыня, – почему-то сказал учитель. – Ты меня ждешь?

– Нет, – ответила девочка. – Я смотрела киноафишу на воскресенье.

На учителе была голубая рубашка.

«Пятница», – подумала девочка.

Она выглядела утомленной и еще более бледной, чем вчера.

– Что сказал доктор? – Учитель погладил девочку по голове, но она вспыхнула и отдернулась, и ему стало неловко.

– Чепуха, – бросила она. – Ничего особенного.

Они уже подходили к школе.

– А что ты выискала в воскресной афише?

– Чаплинские короткометражки. В «Уране», – безразлично ответила девочка и добавила: – В четырнадцать тридцать.

На четвертом уроке учитель галопом пронесся по сказкам и перешел к лирике Пушкина. В течение всего этого времени девочка вела нарочитую переписку с долговязым мальчиком из первого ряда, бросая на учителя короткие взгляды, от которых ему становилось неспокойно. Перед самым звонком учитель прервал объяснения, вызвал долговязого к доске и, придравшись, вкатил ему двойку. Когда он аккуратно выводил отметку в журнале, он успел из-под очков взглянуть на девочку. Она смотрела на него, изумленно вскинув брови. Потом еле заметно улыбнулась и положила учебник в свою синюю джинсовую сумку...

«Не хватало мне только этого, – думал учитель, сидя после пятого урока в учительской на педсовете, глядя в окно, которое выходило в парк. Он видел, как девочка шла своей совсем не детской походкой, слушая семнадцатилетнего возле нее долговязого двоечника. – Чур! Чур, дитя...»

– Ты, девочка, посиди там, возле кабинета, а мы с мамой посоветуемся, как с тобой быть, – сказал доктор, вытирая руки после осмотра.

Девочка пожалала плечами, зашла за ширму, оделась и вышла из кабинета.

– Ну что, мамаша, – как бы рассуждая вслух, начал доктор. – Девочка в пубертатном периоде, который часто характерен биохимическими и психофизическими сдвигами. От вас требуются терпимость и терпение... Тактичность, я бы сказал... В девочке просыпаются чувства, я бы даже сказал – влечения... Отвлекающая терапия, спорт, железо... Как можно больше железа... А сон мы восстановим вот этими таблетками... Будете давать их по схеме – одну, две, три и так далее, пока не восстановится сон. После первой же спокойной ночи – в обратном порядке: пять, четыре, три и так далее. – И он начал что-то торопливо записывать в карточке.

...Часов в десять вечера девочка отложила Пушкина, погасила свет и, лежа на спине, не мигая, стала смотреть в потолок, наблюдая за призрачными движениями причудливых теней, исходивших от росших за окном деревьев. Луна, как бледное пятно, сквозь тучи мрачные желтела, когда в комнате вдруг раздались ледяные звуки челюсты и кто-то осторожно присел на кровать, тронув ее за плечо.

– Проснитесь, Анна! – услышала она чей-то шепот и поняла, что Анна – это она, хотя и звали ее по-другому.

– Я не сплю, – сказала девочка.

Перед ней сидел молодой человек лет двадцати, с сильно загоревшим лицом, в темных массивных очках. На нем был голубой сюртук, и девочка не понимала, как в таком блеклом, мертвенном свете она различает это волшебное сочетание голубого с загорелым.

Он наклонился и поцеловал ее в плечо.

– Это незабываемое мгновенье, – тихо произнес он. – Ты гений... ты вдохновенье...

– А кто ты? – спросила девочка, хотя и ощущала, что это он. Она его узнала вмиг, чуть только он вошел.

– Что тебе в моем имени? – грустно сказал он и посмотрел в окно. – Оно умрет и оставит лишь мертвый след, подобно узору надгробной надписи на непонятном языке...

– Не говори так.

Он поправил очки:

– Сегодня была пятница...

– Я знаю. Ты в голубом...

– Время уходит. Твое время и мое. У нас нет общего времени. Пройдут годы. Мечты постепенно развеются... И я забуду...

– А ты подожди меня, – сказала девочка и положила его холодную руку себе на грудь. – Ты слышишь? Это я тебя догоняю...

Он встал и снова взглянул в окно. Но теперь уже с тревогой:

– Там таинственная сень. Она манит меня... Я думаю о ней постоянно, брожу ли вдоль улиц шумных... Вы мне писали?

Он задал этот вопрос неожиданно сухо и повернулся спиной к окну. Лицо его было бесстрастным, и девочке показалось, что сквозь темные очки она видит его холодные зеленоватые глаза.

– Я? – растерянно сказала девочка.

– Не отпирайтесь! Не отпирайтесь, – сказал он. – Не приучайтесь врать уже в таком возрасте.

– Я писала не вам, честное слово! Простите меня... Я просто хотела немного позлить вас... Мне совсем не нравится долговязый... Простите меня!..

– Мы не увидимся в синюю субботу, – четко проговорил он. – В субботу у вас нет моих уроков... Прощайте.

Девочка выпрыгнула из постели и подбежала к окну, но он уже шагал по другой стороне улицы, резко, со свистом рассекая воздух тонким прутиком направо и налево. Снова зазвучала ледяная челеста. И вдруг девочка увидела, как от фонарного столба отделилась фигура в черном наглухо запахнутом плаще и направилась ему наперерез. Девочку вновь охватил безотчетный ужас.

– Он убьет тебя! – закричала она. – Убьет!

Когда мать вошла в комнату, девочка, тяжело дыша, улыбалась, стоя у окна, и шептала: «Не успел, не успел!.. Я помешала ему...»

– Тебе опять что-то пригрезилось? – спросила мать.

– Не спится, – сказала девочка. – Здесь так душно...

Возвратившись из девочкиной комнаты, мать разбудила отца.

– А? – со сна спросил он. – В чем дело?

– Вчера она проснулась в два, а сегодня спала до четырех... Завтра я дам ей две таблетки...

– Обязательно, – пробормотал отец.

В субботу учитель надел («одел») синюю рубашу, повязал еще более синий галстук и понял, что никуда не торопится, потому что через субботу имел свободный день. Тем не менее около десяти утра он уже вышел из метро и направился к школе. Дойдя до качелей, он остановился, сел в лодочку и закурил.

«Сейчас у них перемена, – подумал он, – а всего – пять уроков...» Он вдруг понял, что ждет конца уроков, и покраснел, как школьник. И подумал, что это уж будет совсем превосходное зрелище: сидящий на качелях в свой свободный день одинокий учитель возле школы, в которой он проводит тридцать часов в неделю. А мимо будут идти дети и показывать на него пальцами: что он тут делает?

Мимо прошла привлекательная девушка лет двадцати пяти.

– Извините! – крикнул учитель. – Вы бы не согласились побыть у меня противовесом?

– Что? – девушка обернулась, и учитель увидел ее лицо.

– Я хотел спросить, который час, – сказал учитель.

– Без двадцати одиннадцать, – ответила девушка.

«Не больно-то и хотелось», – подумал учитель и быстро пошел к метро.

Он доехал до вокзала, сел в электричку и через полтора часа уже проводил время среди юношей безумных и прелестных вакханок. Друзья мои, прекрасен наш союз... Полнее стакан наливайте! В крови горит огонь желанья. Не пой, красавица, при мне... но верь мне: дева на скале прекрасней волн, небес и бури...

Учитель не приехал, а притащился домой далеко за полночь. Раздраженный и усталый, он рухнул на постель и тут же уснул.

На втором уроке девочка получила двойку по математике, но несколько не расстроилась, а только пожалала плечами и пошла к своему месту.

– Ты понимаешь? – торжественно произнесла преподавательница. – Я поставила тебе «два»!

– Понимаю, – сказала девочка и передала по ряду дневник.

По дороге домой она завернула на качели.

– Эй, староста! – крикнула девочка. – Побудь-ка у меня противовесом!

Староста подошел к качелям и угрюмо полез в лодочку.

– Что случилось? – спросил он.

– А что случилось? – поинтересовалась девочка.

– Почему ты получила пару?

– Потому что мне ее поставили.

– Ты подводишь звено.

– О мама миа, – вздохнула девочка.

– Что?

– Ничего. Ты очень плохой противовес.

Девочка спрыгнула с качелей и, не оборачиваясь, пошла домой.

– Во вторник не исправишь – вызовем на совет отряда! – крикнул вдогонку староста.

«Синяя суббота, – думала девочка, – фиолетовое воскресенье и красный понедельник... Как это долго!..»

Вечером, рассеянно выслушав родительскую нотацию за полученную двойку и нехотя приняв три таблетки, девочка ушла в свою комнату.

Не прошло и часа, как она прибрела к странному и безлюдному месту на краю темного бора. Сидевшая на ветвях русалка при виде девочки испуганно забила по дереву хвостом и соскользнула в мутную зелень заросшего пруда. В глубине бора исчезала единственная дорожка, на которой четко отпечатались чьи-то огромные следы, и девочке стало жутко. В мертвой тишине лишь иногда раздавался треск сломленной ветки. Это леший забирался все дальше и дальше в чащу. Да позвякивала на ветру привязанная к основанию большого зеленого дуба цепь. Девочка понимала, что это и есть таинственная сень. Она прижалась спиной к зеленому дубу, обхватила колени руками и стала ждать. Потом она услышала плеск и повернула голову направо. Двое детей в школьной форме тащили из пруда сеть. Сеть поддавалась с трудом, но дети все тащили ее, пока не показался завернутый во все черное какой-то предмет. Дети подтащили черный предмет к берегу, и вдруг глаза их расширились от ужаса, и они бросились бежать. И девочка увидела, что предмет, одетый во все черное, – мертвец. Девочка хотела закри-

чать, но не смогла. Страх сковал ее. А мертвец, лязгая зубами от холода, выбрался на берег, стяхнул вцепившихся в него черных раков и начал озираться, явно кого-то выискивая. Девочка сидела, не шелохнувшись, боясь взглянуть в пустые глазницы мертвеца. Мчались и вились тучи. В селе за рекою потух последний огонек. Оттуда в таинственную сень вела одна дорога, по которой должен был идти он, и вдруг девочка поняла, кого ждет мертвец...

На поля ложился туман, когда она услышала знакомый свист рассекаемого прутиком воздуха. Свист приближался. Мертвец вздрогнул и вытянул голову. Из рта у него закапала красного цвета слюна... И, преодолевая ужас, сковавший все ее тело, девочка поднялась во весь рост, и мертвец увидел ее. Он расставил руки и сделал шаг вперед. Девочка попятилась. Свист был уже совсем рядом. Мертвец сделал еще шаг. Девочка еще попятилась и побежала на непослушных тряпочных ногах подалее от таинственной сени. Она боялась обернуться, но чувствовала, что мертвец гонится за нею. Еще шаг, еще шаг, еще подалее, подалее бы... Холодная рука вцепилась в ее плечо, мать сидела на кровати и тормозила девочку за плечо. Девочка открыла глаза. Сердце колотилось как бешеное.

– Ты стонала, – сказала мать, – и я тебя разбудила.

– Спасибо, мама, – ответила девочка, переводя дыхание. – Это очень важно.

– Но сегодня ты хоть не кричала.

– Не могла, – сказала девочка устало. Мать посмотрела на часы. Часы показывали половину шестого.

«Значит, действует», – подумала мать и поцеловала девочку в лоб.

Учитель проснулся в воскресенье только часов около двенадцати. Сначала принял таблетку от головной боли, потом вчерашний вечер стал для него ненужным, утомительным и глупым. Он представил себе, что, пока он вчера был на даче, девочка пришла домой, пообедала, сделала уроки, погуляла, поужинала, почистила зубы и легла спать в половине десятого. И чем больше учитель думал о девочке, тем легче ему становилось, тем лучше и

как-то очищенное он себя ощущал. В конце концов он внезапно поднялся, натянул на себя фиолетовую рубашку и, махнув на все рукой, направился к кинотеатру «Уран». В двадцать минут третьего он уже стоял в очереди на ближайший сеанс. Он стоял и старался не смотреть на взрослых и детей, заполнявших билетный зал. Когда до окошечка оставалось двое, его тихонько тронули за локоть. Девочка была в джинсах и фиолетовом свитере.

– У меня сегодня тоже воскресенье, – сказала она, как бы оправдываясь – Возьмите мне билет, только в первом ряду. – И она сунула ему в руку тридцать копеек.

Он сначала хотел вернуть ей деньги, но она наотрез стала отказываться:

– Это не мои деньги. Это мамины...

И учитель решил, что лучше, наверное, эти тридцать копеек взять, потому что в конечном итоге она ученица, а он ее учитель... Он купил два билета. Оба в первом ряду.

Когда они пробирались на свои места, она была впереди, а он слегка подталкивал ее под руку. Внезапно учитель почувствовал, что на него смотрят. Он повернул голову и увидел директрису. Привстав со своего места, она провожала их взглядом, выражавшим недоумение и озабоченность. Учитель поклонился ей, но она не прореагировала и опустилась на свое место...

В первом ряду сидели сплошные дети – маленькие, такие же, как девочка, значительно старше. Но все они по сравнению с ней были детьми.

– Нравится Чаплин? – спросил учитель.

– Очень. Только мне его жалко... Где вы вчера были?

– Так... – нерешительно произнес он. – Нигде.

– Хотите ириску?

– Нет, нет, спасибо.

– Берите, берите. – Она положила ириску в нагрудный карман его рубашки.

– Ладно, – сказал он. – Я ее съем, только не сегодня, а когда-нибудь. Через много лет... Когда грозой грянут тучи, – храни меня, мой талисман...

Она включилась сразу, лишь только погас свет и зажегся экран, и хохотала так громко, как будто в зале, кроме нее, никого не было. Она била себя ладонями по коленям, топала ногами, откидывалась на спинку сиденья, и

несколько раз ее голова касалась плеча учителя. Он вздрагивал, покрывался краской и благодарил темноту. Они еще продолжали сидеть, когда зажегся свет и захлопали сиденья.

– Как быстро! – разочарованно сказала девочка. – А все-таки мне его жалко...

По дороге домой девочка выглядела встревоженной. Это учитель заметил. Он предложил ей мороженое. Ему было приятно, что ничего, кроме мороженого, он не может ей предлагать. Она отказалась, показав пальцем на горло.

Потом ему почудилось, что в арке стоит ее мать.

«Ну и что? – подумал он. – Что особенного?»

И учитель слегка подтолкнул девочку в сторону дома...

В метро, пока он ехал, его занимал один вопрос: как долго может сохраниться ириска?

Придя домой, девочка убралась в своей комнате, сложила на завтра тетради и учебники, вымыла после ужина посуду и читала до позднего вечера, а его все не было и не было. Уже дохнул на нее осенний холод, а она продолжала сидеть на обочине промерзшей дороги, по которой должен был пройти он.

Он возник за ее спиной внезапно и неслышно в мутной ночи под мутным небом. Она поняла это только тогда, когда ощутила на плече его поцелуй.

– Я пришел проститься, – произнес он печально. – Я ухожу. Я должен.

– Куда? – испуганно спросила девочка.

– Туда, – указал он рукой в сторону таинственной сени. – Там меня ждет счастливый соперник. Рок завистливый бедою угрожает снова мне.

– Не уходи, он убьет тебя, – сказала девочка и взяла его за руку.

– Может быть, – задумчиво сказал он. – Но я все равно буду тебя ждать.

– А если я не приду?

– Я буду ждать.

– Долго-долго?..

– Долго-долго...

Он снял очки, и впервые девочка увидела, что глаза у него не зеленоватые, а густо-густо черные.

– Мне страшно и дико, – прошептала девочка и прижалась лицом к его красной, влажной от росы рубахе.

– Пора, мой друг, пора. – Он осторожно отстранил девочку. – Я не властен над судьбою...

Сделав несколько шагов, он остановился, повернулся лицом к девочке и сказал, как бы извиняясь:

– Я вас любил так... как дай вам бог...

И больше уже ни разу не обернувшись, он пошел навстречу так манившей и ждавшей его таинственной сени.

И девочка поняла, что должно случиться нечто страшное и непоправимое, помешать которому она не в силах, и урна с водой, выскользнув из ее рук, разбилась об утес, и девочка превратилась в печальную статую. Она еще видела, как он, рассекая тросточкой воздух, вошел в таинственную сень, а потом там что-то сухо выстрелило, и повалил с неба тяжелыми хлопьями красный снег, постепенно покрывший землю сплошным красным понедельником.

И впервые за последние дни девочка проснулась по звону будильника в семь часов утра...

Некоторое время она еще лежала, не мигая, глядя в потолок. Потом поднялась, испытывая где-то внутри полную пустоту и безнадежность, и прошла в ванную.

– Слава богу, – сказала мать отцу, – сегодня она ни разу не проснулась. Слава богу...

За все утро девочка не произнесла ни слова и даже не поинтересовалась, почему мать решила проводить ее в школу.

...Директриса, в черном платье, с тщательно забранными назад в пучок волосами, появилась в классе сразу после звонка на урок. Дети встали.

– Ребята, – произнесла она ровным голосом, – с сегодняшнего дня ваш учитель литературы перешел в другую школу. Через несколько дней роно пришлет нам другого преподавателя, а пока уроки литературы буду вести я. Садитесь.

Дети сели.

– Итак, последний период творчества Пушкина...

Она несколько задумалась, собираясь с мыслями.

– Царское самодержавие не могло простить Пушкину вольнолюбивый характер его стихов и только искало повода, чтобы расправиться с поэтом. И такой повод пред-

ставился. Двадцать девятого января тысяча восемьсот тридцать седьмого года Александр Сергеевич был убит на дуэли. Это произошло так...

Девочка медленно встала из-за стола.

– Это произошло из-за меня, – отрешенно проговорила она.

– Что? – взглянула на нее директриса.

– Это случилось из-за меня, – повторила девочка.

Кто-то хихикнул.

Затем в полной тишине девочка сложила вещи в свою синюю джинсовую сумку, повесила ее на плечо и вышла из класса.

Она неторопливо подошла к качелям, забралась в лодочку легла навзничь и стала смотреть в по-осеннему выцветшее но все еще голубое небо. Куда-то к югу тянулся крикливый караван гусей. Таинственная сень обнажалась с печальным шумом

«Вот уже и октябрь прошел», – подумала девочка.

Приближалась довольно скучная пора...

1977

Все будет хорошо

В субботу рано утром жители города Деревянска

были разбужены дробным конским топотом, диким гиканьем и гортанными криками.

Ученый раздвинул оконные занавески и увидел, что по улице несутся орды всадников с пиками, саблями, арканами и еще какими-то приспособлениями, назначение которых Ученый понять не мог. Они проносились на маленьких, как бы удлинённых лошадях, одетые во все темно-коричневое и, кажется, кожаное, в остроконечных шапках. Они всё проносились, проносились, проносились, и конца им не было. Жена Ученого, утомленная ночным приготовлением малинового пирога к сегодняшнему пикнику, спала и ничего не слышала.

Философ в эту ночь не сомкнул глаз. Он размышлял о беспредельности счастья, о стремлении человека к гармонии, о неосуществимости этого стремления, ибо гармонии как таковой нет в природе. И по сути дела, подсознательное желание ощутить гармонию и есть та движущая сила, которая развивает общество и каждую личность в отдельности. И заблуждается тот, кто считает, что достиг гармонии, потому что в тот же момент наступает застой от сознания того, что все достигнуто. А когда уже нет больше ни целей, ни желаний, личность, равно как и общество, перестает расти качественно, но разрастается количественно, жиреет, тупеет, обогащается и, не в силах найти применение своей избыточной энергии, подвергается обратному развитию, разлагается и гибнет. И на завтрашнем пикнике в честь Праздника Спелых Яблок он обязательно скажет об этом собравшимся, и утвердит их в правильности их образа жизни, и пожелает им вечных поисков той неуловимой птицы, имя ко-

торой Гармония. Но в этот момент в нарождающемся дне ухо Философа уловило некий диссонанс: на фоне утреннего разноголосого щебетанья птиц и легкого шелеста сочной изумрудной листвы раздалось что-то непривычно грубое, наглое, несущее тревогу и смятение. И пока Философ рассуждал о возникновении неприятных, но, увы, обязательных природных диссонансов, в ворота его дома неприлично громко застучали. И пока Философ расчесывал волосы и переодевался в визитное платье – ибо неудобно было выходить за ворота в домашнем одеянии, – стук из неприличного стал просто возмутительным, и, неодобрительно покачивая головой, Философ открыл ворота. Перед ним, держа под уздцы низкую лошадь, стоял всадник в коричневой кожаной без швов облегающей рубашке и в таких же, без швов, штанах. Штаны от пояса расширялись, а в тех местах, где они входили в узкие тупоконечные сапоги со шпорами, снова сужались. И всадник благодаря таким штанам казался кривоногим. От него исходил тошнотворный запах – смесь едкого пота и, по-видимому, испражнений. Лицо было обветренное, широкое, и от узкого лба нависали над глазами ненормально большие надбровные дуги. Свободной рукой всадник держал кожаный сосуд, по форме напоминавший грушу. Свирепо глядя на Философа, всадник произнес:

– Улла! Улла! Уть! Мать! Улла! – И перевернул кверху дном кожаный сосуд, из которого на деревянный тротуар упали две капли воды.

– Доброе утро, незнакомец, – сказал Философ. – Что привело вас ко мне в столь ранний час и заставило так неистово стучать в ворота моего дома?

Всадник затряс пустым сосудом и снова произнес:

– Улла! Улла! Уть! Мать! Улла!

– Я понимаю, – сказал Философ, – что вы испытываете недостаток в пресной воде. Я помогу вам пополнить ее запасы.

Философ взял из руки всадника кожаный сосуд и повернулся к нему спиной, с тем чтобы пройти в дом и наполнить сосуд водой. И в этот момент всадник размахнулся и нанес ногой сильный удар в место пониже спины Философа.

– Уть! Уть! Мать! – крикнул всадник.

Боль, которую испытал Философ, была ничтожной по сравнению с чувством стыда и унижения. Краска залила его лицо. «Хорошо, что никто не видел», – думал он, наполняя сосуд. Наполнив, Философ вынес его за ворота и протянул всаднику. Философу было неприятно за поступок всадника, и он даже не взглянул в его лицо. Просто протянул ему сосуд с водой и пошел в дом. Но всадник успел и второй раз ударить его сапогом в то же место. От этого удара Философ не удержал равновесия и упал, занозив себе при падении ладони.

– Мать! Мать! – захохотал за его спиной всадник, вскочил на лошадь и ускакал.

«Какой кошмар! – думал Философ. – Что за парадоксальная форма благодарности за оказанную услугу?»

А уже через десять минут мимо ворот Философа проносилась нескончаемая кавалькада всадников, как две капли воды похожих на того.

Садовод очень любил свою жену. Они поженились два года назад, но Садовод не только не привык к ней, но, наоборот, каждый день открывал в ней для себя всё новые и новые удивительные качества. Без нее он буквально не находил себе места. Даже когда она уходила на короткое время на базар. Стоило ему только представить себе ее крахмально-чистое, пахнущее рекой тело, ее напряженную грудь, вздрагивавшую от прикосновения его губ, как голова Садовода начинала кружиться, дрожь пробивала его насквозь, и он испытывал муки, и время ее отсутствия казалось ему бесконечным. Сегодня она выскользнула из-под простыни, едва только заалело небо над восточной частью города, умылась колодезной водой, сбросила на свое дурманящее тело желтую ткань, подчеркнувшую ее безупречные формы, но не мешавшую, в силу своей легкости, движениям, и направилась на дальнюю пригородную опушку украшать место пикника гирляндами из огромных лесных голубых колокольчиков.

Садовод некоторое время еще лежал, вдыхая запах реки, ощущая всем телом ее недавнее прикосновение, и думал, что вот пройдет Праздник Спелых Яблок, и в конце первой же ночи они высадят перед своим домом молоденькую яблоньку, и все жители города будут знать, что в

этом доме начали ждать ребенка. Потом он пошел в сад и занялся сортировкой самых спелых, абсолютно одинаковых по цвету и диаметру яблок, из которых сегодня во время пикника надлежало выложить традиционное «Прекрасен наш город!».

Садовод жил на окраине, и нельзя было попасть в город с восточной стороны, минуя его дом.

Стоя на лесенке, прислоненной к дереву, Садовод хотел было осторожно снять очередное подходящее по цвету и диаметру яблоко, как вдруг что-то разрежало воздух рядом с лицом, и в яблоко вонзилась стрела. Он не успел оглянуться, как еще десятка два яблок над ним, под ним и вокруг оказались пробитыми такими же стрелами. И когда Садовод оглянулся, то увидел за забором группу всадников, сидевших на низких лошадках, хохотавших и выкрикивавших: «Улла! Улла! Мать!»

Садовод, отличавшийся в городе излишней прямоотой и несдержанностью, спустился с лестницы, поднял с земли самое большое яблоко и запустил его в группу всадников.

– Ах, шалуны! – весело крикнул он. – Что это вам вздумалось шутить надо мной таким образом? Получите-ка, шалуны!

В ответ на это несколько всадников спешили, перелезли через забор, подбежали к Садоводу, накинули ему на шею аркан, и через мгновение Садовод уже висел на своей яблоне между целыми и пробитыми стрелами яблоками. Все произошло так быстро, что Садовод даже не успел подумать о своей жене. А всадники поскакали дальше с гиканьем и свистом.

Изобретатель ждал этого дня долго. Может быть, всю жизнь. Он ласково, словно ребенка, поглаживал раструб своего Луческопа, с помощью которого на пикнике должен был продемонстрировать первый сеанс связи с находившейся от Деревянска на расстоянии восьми миллионов световых лет планетой Ку. Рабочие, предварительные сеансы уже были, и жители Ку выразили желание постоянно общаться и обмениваться наиболее полезной информацией в области науки и искусства. Но сегодня Изобретатель хотел продемонстрировать свое достижение официально и празднично всему городу.

В Деревянске еще в позапрошлой генерации прекратили межпланетные полеты – ввиду их невероятной дороговизны и небезопасности. Стартовые площадки были переданы детям, которые организовали на них аттракционы и совершали прогулки вокруг Луны в субботние и воскресные дни. Изобретателю удалось главное: привести к единому знаменателю пространство и время. Таким образом, Луч поглощал колоссальное пространство за время, которое точно соответствовало деревянскому времени. И на вопрос, посланный Луческопом на планету Ку, приходил мгновенный ответ, словно диалог велся между двумя деревянскими жителями.

Со временем Изобретатель надеялся передать чертежи и выкладки Луческопа в Мастерские для серийного производства, чтобы каждая семья могла иметь свой домашний Луческоп и в любой момент связаться с планетой Ку, ведя таким образом своеобразную частную переписку. Изобретатель жил на холме в центре города. Когда он заметил приближающееся к восточной окраине огромное облако пыли, он подумал сначала, что это самум, и нисколько не заволновался, потому что противоугранная городская система работала безотказно. Но когда из этого мутного облака по улицам стали растекаться потоки всадников, наводняя город, Изобретатель испытал волнение, потому что никогда ничего подобного не видел. Потом внизу почти одновременно вспыхнули несколько домов, и смрадный черный дым пополз вверх, образуя над городом вредоносную тучу. Волнение сменилось тревогой. «Как можно так легкомысленно обращаться с огнем?» – подумал Изобретатель и поспешил вниз, в город.

Скрипачка жила в мире звуков. Она мыслила тридцатью двумя нотными знаками и наслаждалась аккордами. Сегодня на пикнике ей предстояло исполнить традиционный «Концерт открытия», и она слегка волновалась. «Концерт», который должен был исполняться на пикнике, транслировался на слуховой аппарат каждого жителя. А жители Деревянска были людьми музыкальными, и подавляющее большинство чувствовали разницу между одной восьмой и одной шестнадцатой тона. Каждое утро Скрипачка появлялась на балконе и играла. И ее муж

Композитор, расположившись в кресле-качалке, закрыв глаза, покачивал головой в такт музыке, словно плывя на волнах изумительной мелодии. «Концерт открытия» был создан восемьдесят лет назад его дедом и с этого времени исполнялся каждый год на пикнике в честь Праздника Спелых Яблок самым достойным скрипачом.

Когда перед балконом на низкой лошади возник всадник в кожаной одежде, Скрипачка улыбнулась ему и продолжала играть. Всадник долго смотрел, не мигая, то на нее, то на скрипку, потом произнес:

– Улла! Улла! Мать! Уть! Улла!

Скрипачка опустила скрипку и спросила:

– Что?

Композитор открыл глаза.

– Доброе утро, – сказал он всаднику. – Не правда ли, великолепное исполнение? Особенно андантино...

– Мать! Мать! – закричал всадник и плюнул в сторону Композитора. Потом он ткнул скрипку длинным копьём и замычал что-то очень примитивное, построенное на трех нотах. – Улла! – приказал он, снова ткнув скрипку копьём.

Скрипачка поднесла скрипку и исполнила эту унылую, построенную на трех нотах, примитивную мелодию.

– Уть! – сказал всадник, и губы его растянулись в улыбке, обнажив очень крепкие желтые зубы. Он еще раз плюнул в сторону Композитора, хлестнул нагайкой лошадь и ускакал.

Писатель перечитывал законченную сегодня ночью последнюю главу «Общей летописи»: Писатель владел этой непостижимой тайной слова. Мысли и наблюдения, которым он придавал форму слова, на бумаге словно оживали. Предметы сохраняли свою объемность, вес, цвет, запахи. Солнце оставалось солнцем, вода – водой, зверь – зверем. Синий цвет и на бумаге был синим, а красный – красным. Это было величайшим искусством. Никто в городе не достиг вершин такого словотворчества, и поэтому именно Писателю доверена была «Общая летопись». Писатель вносил в нее год за годом, месяц за месяцем, день за днем, час за часом, минуту за минутой. Никакое, даже ничтожное, событие, никакое происшествие, перемена погоды, открытие – ничто не оставалось

не замеченным Писателем и не внесенным в летопись. И каждую полночь он заканчивал очередной день летописи словами: «И прошел еще один день жизни города». И он раскладывал перед собой новый чистый лист и записывал: «И наступил новый день жизни города». А ушедший день специальная машина превращала в толстый красивый том. И таких томов было много, и хранились они в стеклянном хранилище, и каждый, кто хотел, мог прийти сюда и восстановить в памяти любой день из истории Деревянска.

Вот и в то утро, перечитав ушедший день, Писатель отправил его в машину и задумался перед новым чистым листом, на котором уже было выведено: «И наступил новый день жизни города. День Праздника Спелых Яблочек...»

Он смотрел куда-то в сторону горизонта, а рука его писала, словно сама: «На рассвете задрожала земля от странного топота несметного количества конских копыт. И темно-коричневые кожаные всадники заполонили город. И стали чинить разрушения, и начались пожары. И солнце закрылось черной копотью, как во время великого затмения...»

А перед хранилищем уже суетились всадники, выламывая входные двери. И проникнув внутрь, они стали рубить своими кривыми саблями тома «Общей летописи», превращая их в мелкие кусочки, подобно тому как женщины секачами шинкуют капусту. И неизвестно откуда взявшийся ветер подхватил все это, поднял над городом, закружил и засыпал его, словно первым зимним снегом. В освободившееся помещение всадники ввели своих приземистых лошадей и устроили там конюшню. И рука Писателя выронила перо, и он потерял возможность осмысливать происходящее.

Ученый попытался было разбудить жену, чтобы та полюбовалась невиданным до сих пор зрелищем, но она в ответ что-то простонала во сне и повернулась на другой бок. И Ученый пожалел ее, хотя понимал, что когда она проснется, то не поверит ему, будто он видел такое несметное количество удивительных всадников. А они всё проносились и проносились, и Ученый стал опасаться, как бы они не помешали городскому шествию в честь Праздника

Спелых Яблок. И когда до начала пикника оставался всего один час, а они все пронеслись, Ученый заволновался и направился к Философу, чтобы посоветоваться с ним, так как открывать торжественный пикник и вести Праздник в этом году в порядке очереди должен был он.

К своему удивлению, он застал у Философа Скрипачку, Композитора и Писателя. Все они были весьма встревожены.

– Доброе утро, друзья мои! – сказал Ученый. – С Праздником Спелых Яблок! По всему городу скачут странные конники! Не нарушат ли они шествие?..

Все четверо как-то поспешно кивнули ему в ответ, и по выражению их лиц Ученый понял, что они знают нечто большее, чем он.

– Присаживайтесь, друг мой, – произнес Философ. – Боюсь, что сегодняшний Праздник под угрозой срыва, ибо мы оказались в центре довольно неприятного диссонанса, природу которого нам еще предстоит выяснить.

– А как же малиновый пирог? – растерянно спросил Ученый. – Жена не спала всю ночь. Она очень расстроится. Может быть, перенесем на некоторое время, пока они все не проскачут?..

– Они не собираются уходить, – сказал Композитор. – Они входят в дома, набрасываются на еду...

– Если они несколько дней без отдыха скакали по степи, то они проголодались, и их можно понять, – перебил Философ.

– Можем ли мы жалеть еду для голодных?..

– Они изрубили в куски «Летопись» и развеяли ее над городом, а в хранилище устроили конюшню, – с трудом выговорил Писатель и разрыдался.

– Успокойтесь, друг мой, – сказал Философ и положил ему руку на плечо. – Потеря невозвратна, но они не знали, и никто им не объяснил. Их письменность, их культура могут не соответствовать нашему уровню. Они могут даже не знать, что существует бумага. Это их беда, а не вина...

– Но они абсолютно невоспитанны, – вспыхнул Композитор. – Плеваться в присутствии женщины!

– Это, увы, так, – грустно подтвердил Философ, взглянув на свои ладони.

– Но не бесчувственны к музыке, – сказала Скрипачка. – Их музыкальность, конечно, не столь рафинированна. Но когда один из них попросил меня сыграть их гимн, в этом было что-то трогательное... Не понимаю только, почему горят дома?

– Горят дома? – изумился Ученый.

– Огонь – благо для тех, кто его обуздал, и бедствие для тех, кто не умеет с ним обращаться, – сказал Философ. – Или это дело рук безумцев, у которых помрачился рассудок от чересчур сильного влияния солнечных лучей.

В это время вбежал Изобретатель. Он был в крайнем возбуждении и никак не мог перевести дух.

– На нас... напали... и хотят... уничтожить, – проговорил он и рухнул в кресло.

– Крайность суждений никогда не может быть хорошим советчиком, – урезонил его Философ. – Напали на нас? За что? По какой причине?..

– Это вы ищите причину, – резко ответил Изобретатель. – Я видел следствие!.. Повесили Садовода!

– Как повесили? – не понял Ученый.

– Очень просто! – сказал Изобретатель. – Надели на шею петлю и подвесили на яблоне. Он умер...

– Против его воли? – по-прежнему не понял Ученый. – Но ведь это насилие!

Философ слушал молча, уставясь в пол. Потом он поднял голову и медленно произнес:

– Когда вы, гуляя по лесу, случайно наступаете на муравья, это тоже насилие. Но неумышленное. А стало быть, не насилие, а несчастный случай. Если же вы наступили на муравья сознательно, то это уже насилие.

– Бедняга! – вздохнула Скрипачка. – Как ему не повезло. Он только недавно женился... И был так счастлив...

– Надо во всем искать логику, – прошептал Философ. Он не верил в зло. Оно для него просто не существовало. Холодный ужас вполз в него от сознания того, что всадники несли с собой зло. Это противоречило всей системе его взглядов это переворачивало всю его жизнь.

– Надо во всем искать логику, – повторил он.

Изобретатель вскочил с кресла и нервно заходил взад-вперед.

– Две крестьянки, – ему было трудно сформулировать свою мысль, – которые помогали жене Садовода украшать опушку, видели... как ее... схватили... сорвали одежду... и восемь всадников... по очереди... совершили с ней то... что муж... совершает с женой... в момент высшего... проявления любви... Вы когда-нибудь слышали что-либо подобное?..

– Я что-то не понимаю, – сказала Скрипачка.

– Абсолютный биологический абсурд, – сказал Ученый.

– Это тоже несчастный случай? – жестко спросил Изобретатель.

Все молчали. Каждый пытался представить себе слова Изобретателя и не мог, хотя и чувствовал, что с женой Садовода сделали что-то отвратительное и непристойное.

– Они нас уничтожат! – почти крикнул Изобретатель. – Поэтому мы должны уничтожить их!

Философ закрыл уши руками. Композитор судорожно схватил Скрипачку за руку. А Ученый спросил:

– Как уничтожить?

– Наверное, Изобретатель прав, – сказал Писатель, – но для того чтобы внушить нашим людям, что они должны кого-то уничтожить, понадобится лет сто, а может быть, и больше... Я должен начать писать соответствующие книги...

– Мы с Изобретателем должны выдумывать оружие? – ужаснулся Ученый.

– Да, – сказал Писатель. – И все это время должна звучать жестокая музыка.

– Но я не могу изменить систему взглядов! – взмолился философ.

– Это нереально, – сказал Изобретатель. – Мы должны оповестить всех жителей, чтобы сегодня же ночью, забрав все необходимое, они покинули город и ушли от него на расстояние четырех часов. К рассвету мой Луческоп будет смотреть не в небо. Луч, натолкнувшись на любое материальное препятствие, растворяет его мгновенно и бесследно. Таким образом, еще не успеет взойти солнце, а уже не будет ни нашего города, ни тех, кто в нем останется. А мы сохраним людей, опыт, знания, ра-

зум. Мы построим новый город и восстановимся уже к третьей генерации.

– Жестокое и неразумное предложение, – задумчиво произнес Философ, и все с надеждой взглянули на него, потому что слова Изобретателя заставили их содрогнуться. – Всадники, по внешнему облику похожие на нас, принимающие пищу подобно нам, дышащие с нами одним воздухом и обогреваемые одним солнцем, должны иметь разум. Пусть этот разум не соответствует нашему. Но они не скачут сами по себе. Их движение, их поведение направляет чья-то высшая для них воля, чья-то определенная система взглядов, преследующая какую-то цель. Мы не можем отрицать то, чего пока не понимаем. Два разума обязаны понять друг друга и взаимно обогатиться. Если они не знают, что такое книга, мы им расскажем, мы объясним, что каждый человек должен умирать естественной смертью, что набрасывать на шею веревку и подвешивать человека на дереве – неразумно, мы научим их пользоваться огнем и приобщим к нашей музыке. Мы разовьем этот слух... Итак, я призываю вас к благоразумию и осторожности. Мы должны наладить контакт с тем, кто осуществляет высшее руководство над ними, мы изложим ему нашу систему взглядов, мы получим ответы на интересующие нас вопросы, и, я уверен, все будет хорошо.

Философ замолчал и обвел всех вопросительным взглядом.

– Вы абсолютно правы, друг мой, – сказал Композитор.

– Тем более что они, в общем-то, музыкальны, хотя от них и пахнет, – поддакнула Скрипачка.

– И может быть, завтра мы пригласим их на наш пикник? – оживился Ученый. – Я уверен, что им понравится и «Концерт открытия», и малиновый пирог, который приготовила моя жена. И все будет хорошо!

– А если они нас все-таки уничтожат? – спросил Изобретатель.

Но все замахали на него руками, потому что его радикальность уже начинала надоедать.

– Насколько я понимаю, – задумчиво произнес Писатель, – все наши мысли должен оформить в слова я?

– Да. К вечеру, – заключил Философ.

Опускавшийся на город вечер принимал зловеще-красный оттенок – горела круговая система принудительного климата, благодаря которому жители города собирали по четыре урожая в год, поддерживая необходимую влажность и температуру воздуха. Всадники приняли ее за городскую стену и подожгли за ненадобностью. Двумя часами раньше стенобитными машинами была превращена в прах противоураганная установка, которая приняла приближающиеся орды всадников за природный ураган и выпустила три разрушающих ураган кванта, в результате чего скакавшие в первых рядах получили ожоги.

Не в состоянии понять что-либо, взрослые высыпали на улицы, удивляясь странному фейерверку и комическим всадникам, получая удары нагайками и саблями, попадая под копыта крепких низеньких лошадей.

Дети тоже ничего не понимали, но и не удивлялись ничему. Им впервые было страшно, и они плакали.

Веками молчавшие собаки вдруг разом завывли, будто разбуженные древним инстинктом, предвещавшим беду. И под аккомпанемент этого неслыханного доселе воя неслось по всему городу: «Улла! Улла! Уть! Мать! Улла! Мать! Мать! Уть! Улла!»

Философ, Ученый, Скрипачка, Композитор и Писатель, облачившись в визитные платья, пробирались к городской площади. Писатель держал на вытянутых руках сорок два рукописных листа, адресованных главному всаднику. Скрипачка несла скрипку. Сзади плелся Изобретатель. У него был очень плохой вид. Казалось, что он лишился рассудка. Одежда местами обгорела, лицо было в копоти. Он плелся, опустив голову, время от времени повторяя: «Это всё! Всё! Это всё!» И с тоской оглядывался в сторону холма, на котором стоял и смотрел в бесконечное небо его Луческоп.

Остальные подбадривали Изобретателя, а вернее, самих себя, и Ученый дважды назвал его пессимистом. На площади пылали костры. Всадники жарили мясо, пили из своих кожаных сосудов, галдели, хохотали... Пахло невероятной смесью жареного мяса, пота, испражнений и винных паров. Возле каждого костра между всадниками сидели прекрасные обнаженные танцовщицы городско-

го театра. На их лицах были улыбки недоумения. Все представлялось им удивительнейшим карнавалом, и они никак не могли понять, почему всадникам не понравилась их красочная одежда, специально сшитая к Дню Праздника Спелых Яблок.

Возле самого большого костра как-то по-особому суетились темно-коричневые всадники. Перед костром на мохнатом черном ковре сидел всадник в красной кожаной куртке и красных кожаных штанах.

– По-видимому, это он, – сказал Философ, и процессия направилась к большому костру. Вид визитеров показался, очевидно, всадникам столь нелепым и безобидным, что они расступились, дав возможность подойти им на довольно близкое расстояние к главному. Тот, заметив их, поднял руку, все замолчали, и он с любопытством стал разглядывать каждого по очереди с головы до ног, и никто не выдержал его тяжелого, из-под чересчур нависавших надбровных дуг взгляда. Потом он встал, перемигнулся со своими и подошел к Философу. Он протянул ему свою жилистую руку. Философ протянул свою. Всадник сжал руку Философа, и тот побледнел от боли, а всадник улыбнулся. Потом он подошел к Скрипачке, взял ее руку и поцеловал, потом потрепал по щеке Композитора и спросил:

– Твоя, красавчик?

– Мне очень приятно, – улыбнулся Композитор, – что моя жена вам понравилась.

– Это мы еще увидим, – сказал всадник и снова подмигнул своим. – А ты, чумазик, почему такой грустный?

Изобретатель, казалось, не слышал вопроса и только повторял: «Это всё! Всё! Это всё!»

Затем всадник уселся на черный мохнатый ковер и обратился к визитерам:

– Так что, красавцы? Какая великая важность вынудила вас приблизиться ко мне на столь опасное для вас расстояние?

Философ вежливо поклонился и произнес:

– Нам очень приятно, что вы говорите на нашем языке.

– Надо знать язык любой твари, – гордо сказал главный, – чтобы понять, что она там пищит, когда на нее наступишь...

– Мы убеждены, – продолжал Философ, – что два наших разума взаимно обогатятся, и это принесет огромную пользу всем нам, ибо возникший диссонанс есть не что иное, как результат ножниц, образовавшихся в силу неравномерно развивающихся мыслящих субстанций...

– Своеобразная разность потенциалов, – пояснил Ученый.

– Только не все сразу. Кто-нибудь один, – поморщился главный.

– Взаимопроникновение основных наших жизненных постулатов, – продолжал Философ, – в вашу философскую систему взглядов и ваших основных постулатов в нашу философскую систему взглядов...

– Нечто вроде диффузии, – опять вставил Ученый.

– Еще одно слово, – грозно сказал всадник, – и я вырву твой язык.

– Исходя из этого, – Философ взял из рук Ученого сорок два аккуратно исписанных листа и протянул их главному, – мы надеемся, что ознакомление с нашим трактатом сделает непонятное понятным, неприятное – приятным, невероятное – возможным. И все будет хорошо, – и Философ положил трактат к ногам всадника.

Видимо, вся эта церемония показалась всаднику смешной, и он начал хохотать. Плядя на него, стали хохотать остальные, и скоро хохотала вся площадь.

«Всё! Это всё! Всё!» – повторял Изобретатель, бросая беспокойные взгляды в сторону своего холма.

Потом вдруг главный умолк, вытер кулаком слезы и крикнул:

– Улла! Мать! Мать!

Площадь смолкла. Откуда-то появился всадник, казавшийся старше других. Он приблизился к главному и взял лежащий у его ног трактат.

– Уть! Уть! – приказал главный. – Улла!

И пожилой, вглядываясь при свете костра в написанное, начал читать, с трудом произнося слова:

– «Ког-да су-щес-тво, обла-обла-дающее вы-высшим разумом, дви-движет-ся по ле-су и на-насту-пает на на му-му-равья, то...»

Видя, что ему трудно читать, Ученый снял с себя очки и протянул пожилому. Тот испуганно стал вертеть их пе-

ред своими глазами, не зная, что делать, и Ученый помог ему нацепить их на нос.

– Они настраиваются автоматически и на плюс, и на минус, – сказал он.

Взглянув сквозь очки на бумагу и на все окружающее, пожилой подпрыгнул и возбужденно заорал:

– Мать! Мать! Уть!

– Улла! – грозно приказал главный, и пожилой продолжил чтение.

Во время чтения главный то хмурился, то смотрел вопросительно на Философа, то морщился, то вдруг зевал, то ухмылялся.

Наконец пожилой умолк и положил трактат к ногам главного. Тот сначала сидел, опустив голову, словно собираясь с мыслями, потом встал и начал прохаживаться по черному мохнатому ковру.

– Ну что ж, красавцы, – заговорил он. – Я потрачу на вас часть времени нашего драгоценного отдыха, чтобы наши, как вы там выразились, полустаты проникли в вашу фи-ло-соф-ску-ю систему, мать, мать, улла. – Он обвел глазами всю площадь.

– Улла!.. Мать! Мать! – заорали всадники.

– Так вот. Мы ничего не завоевываем. Мы просто идем. Все время и всегда вперед. И берем то, что нам надо. Главное, чтобы нам не мешали... Мы ценим, что вы не сопротивлялись. Этим вы сделали себе лучше. Это очень приятно... Разве хорошо, когда кто-то сопротивляется? Когда гибнут мои всадники, в расцвете лет оставляя своих детей сиротами?.. Главное, чтобы нам не мешали, чтобы мы вас не чувствовали... Когда муха сильно надоедает, ее прихлопывают. Так что жужжите, ползайте, летайте, но только тихо... А потом и вы перестанете нас чувствовать... Чего боялся тот умник из Зеленого города, потроха которого были брошены моим псам? А?

– Ассимиляции, – подсказал пожилой.

– Вот! Все время забываю это тарабарское слово... Пройдут годы, в ваших жилах потечет наша кровь, и вы перестанете нас чувствовать, вы станете нами, наденете кожаные штаны, сядете на коней и... Улла! Улла! Уть! Мать! Улла!

– Улла! Улла! Мать! Мать! – загрохотала площадь.

– Тут вам непонятно, почему на шею Садовода набросили аркан и подвесили его на яблоне? Его что, повесили, что ли?

Пожилой утвердительно кивнул головой.

– И он до сих пор висит? Нехорошо. Ему уже, наверное, надоело. Можете снять его и зарыть в землю... Что делать? Уверяю вас, мои всадники подвесили его не со зла... Несчастный случай... А если бы он утонул?..

Философ облегченно вздохнул.

– Теперь, кто тут среди вас Философ?

Философ поклонился.

– С тобой, красавчик, мне вообще что-то непонятно. Тарабарщина сплошная... Как там?

Пожилой нагнулся, взял какой-то лист из трактата и прочитал:

– «...сильно прикоснулся нижней конечностью к ягодичной части Философа...»

– Ничего не понимаю, – сказал главный. – Кто прикоснулся? К чему?

Из толпы всадников, окружившей большой костер, отделился один.

Главный грозно взглянул на него:

– Это ты прикоснулся нижней конечностью к этой... к ягодичной части?

– Нет, – сказал всадник. – Я просто дал ему ногой по заднице.

– Вот видишь, – главный посмотрел на Философа, – никто никакой нижней конечностью ни к какой твоей... ягодичной области не прикасался... А вот плевать в присутствии женщины не годится. В кого это плевали в присутствии женщины?

Композитор сделал полшага вперед и поклонился.

– Нельзя плевать в присутствии женщины. Она не должна это видеть... Улла!

Двое всадников подскочили к Скрипачке и завязали ей глаза.

– Уть! Уть!

И человек сорок всадников окружили Композитора и стали в него плевать. Когда на нем не осталось живого места, главный крикнул:

– Мать! Мать!

И Композитора стали поливать водой и вином из кожаных сосудов. Когда он обтерся, Скрипачке развязали глаза. Совершенно растрепанный, мокрый Композитор смотрел на нее, виновато улыбаясь.

– Это наши шутки, – улыбнулся главный, – и на них не надо обижаться... Что же касается той красотки, значит, она и вправду была красотка, раз ее полюбили сразу восемь... Вы должны радоваться, когда мои всадники любят ваших женщин... Разве легко скакать без отдыха по многу дней от зари до заката, не имея времени не только любить, но и оправляться?.. Вот и приходится все успевать на ходу... И только у больших водоемов я разрешаю моим птенцам опорожнить штаны, и снова вперед!.. Они достойны любви и ласки... А вы живите, отмечайте завтра ваш праздник, мы придем на него... Только не раздражайте нас... И все будет хорошо... Ступайте и спите... А с женщиной мы немного поиграем в музыку... И все будет хорошо...

Главный замолчал и прикрыл глаза. Скрипачка заиграла... Композитор хотел остаться, чтобы посмотреть, какое впечатление на главного произведет «Концерт открытия», но его вместе с остальными вытолкали с городской площади...

– Мы оказались правы, – говорил Философ, прощаясь до завтра, – мосты наведены, хотя первые контакты всегда шероховаты и опасны. Они нас поняли... Завтрашний праздник мы проведем особо торжественно и радостно, чтобы окончательно приобщить их к возвышенному и прекрасному... Все будет хорошо!

И напевая себе под нос «Концерт открытия», мелодия которого еще доносилась с городской площади, Философ направился домой.

Подыскивая слова для завтрашнего обращения к гостям, он думал: «В сущности, если не считать досадных диссонансных разрушений и несчастных случаев, ничего не произошло. Ковчег качнуло, но его вечное движение продолжается... Друзья мои! Мне сегодня особенно приятно открыть долгожданный праздник...» Но впечатления сегодняшнего дня все-таки утомили Философа, и он заснул в своем кресле. Улыбка не сходила с его лица, и, повернувшись на правый бок и поджав ноги, он проговорил сквозь сон:

– Все будет хорошо...

Ученый с трудом добрался до своего дома, так как без очков почти ничего не видел.

Забравшись под простыню, он обнял привычное теплое тело жены и зашептал:

– Я так переживал, что твои труды пропадут даром... Но все обошлось. Праздник перенесен на завтра. Они тоже придут... Очень хочется, чтобы твой пирог понравился их главному... Он, конечно, суров, но своеобразен, логичен и по-своему остроумен... Ну, повернись ко мне... Я очень переволновался за сегодняшний день... Но все будет хорошо...

И Ученый испытал небывалый прилив любовной страсти.

Композитор в безмятежном ожидании Скрипачки вдохновенно вставлял в «Концерт открытия» трехнотную мелодию, услышанную сегодня утром от всадника. Сделать это было, конечно, сложно, но творчески безумно интересно. Во-первых, какой сюрприз на завтра, а во-вторых, сам концерт в своей рафинированности и каноничности стал несколько архаичен, и такое вливание чужой крови, безусловно, освежит... Он подошел к синтезатору и начал посылать на пульт звучащие в его голове аккорды. Синтезатор зазвучал.

– Улла! – закричал Композитор. – Все будет хорошо!

Писатель смотрел на лежащий еще с утра последний день «Летописи» и перечитывал: «И наступил новый день жизни города. День Праздника Спелых Яблок... На рассвете задрожала земля от страшного топота несметного количества конских копыт. И темно-коричневые кожаные всадники заполонили город. И стали чинить разрушения, и начались пожары. И солнце закрылось черной копотью, как во время великого затмения...» Надо было продолжать. Это было его долгом...

«Ночь, наступившая раньше обычного, не предвещала скорого рассвета...»

Но тут Писатель подумал: а не будет ли это раздражать... Он перечеркнул написанное и вывел аккуратным холодным почерком: «Но вскоре туман рассеялся, и солнце засияло ярче прежнего, сообщая людям, что все будет хорошо...»

«Всё! Теперь всё!» – бормотал Изобретатель, карабкаясь на свой холм. Когда он увидел на месте дома и Луческопа бесформенную кучу изуродованного и расплавленного стекла и металла, он громко рассмеялся и побежал вниз, приплясывая и крича: «Всё будет хорошо! Всё будет хорошо!»

Ушедший день с его волнениями, загадками, конским топотом и собачьим воем показался жителям города Деревянска бесконечно длинным, почти вечным. Теперь он удалялся от сознания, как постепенно удаляется скверный, неприятный сон. Ночь принесла успокоение и ожидание теперь уже завтрашнего Праздника Спелых Яблок.

Был такой первый день нашествия варваров.

Был такой первый день высадки на перуанском берегу конкистадоров Франциско Пизарро.

Был такой первый день монголо-татарского ига, которое продолжалось триста лет.

Был такой первый день.

1978

Колымага стояла у колоннады. Она была черно-

серого цвета и показалась Забелину похожей на похоронный автобус, у которого ровно срезали верхнюю часть с крышей и окнами. Кабина водителя тоже была без верха. В ней стоял мужчина в черном пиджаке и белой нейлоновой рубашке с ярко-красным галстуком. При одном только взгляде на него Забелину стало жарко, и он отошел в тень.

Мужчина, стоявший в кабине, приложил ко рту серый с красной окантовкой микрофон и заговорил в него ровным, без интонаций и запятых, голосом:

– Граждане отдыхающие через пять минут состоится автобусная экскурсия к Синему озеру маршрут ее пролегал по живописной Военно-Узбекской дороге через Карьяльское ущелье и горный перевал Кума вы увидите неповторимое создание природы Синее озеро которое образовалось в результате провала земной коры и является вторым в мире по красоте после знаменитого Портлендского провала для желающих шашлык из молодого барашка и королевская рыба форель прямо из озера стоимость экскурсии четыре рубля продолжительность пять часов тридцать минут повторяю граждане отдыхающие через четыре минуты...

Забелин не любил многолюдья. Он его почему-то стеснялся и не знал, как себя вести. Он трудно сходился с людьми и потому выбрал для отдыха этот неизвестный курортный городок. Он уехал сюда сразу, как только выдалась возможность получить отпуск. Внутренне он признавался сам себе, что фактически его отъезд был просто бегством. От полудрузей и полужнакомых, от полуинтеллигентной и полусветской жизни. Ну, а в общем-то, ко-

нечно, от нее и от всего, что связано с ней. От ее походки и от ее запахов. От неожиданных парадоксальных замечаний и от предельной глупости. От бесшабашного веселья и черной хандры. От полной незащитности и злой агрессии. От тончайшего вкуса и кричащей безвкусицы. Наконец, от непредугадываемой мгновенной близости и не поддающегося нормальной логике безразличия.

Первые две недели отшельничества показались Забелину блаженством, но потом вдруг возникла тоска, появилось раздражение и захотелось уехать домой. Но упрямо, почти мазохистски, он заставлял себя не трогаться, отсчитывая каждый час, приближающий момент отъезда.

Письма на почту приносили в три часа дня. И хотя его адрес знала только мать и прислала ему два чисто материнских письма, он ежедневно в три часа дня навещался на почту и протягивал свой паспорт провинциально-симпатичной девушке. Та рылась в отделении на букву «З», возвращала Забелину паспорт и говорила, улыбаясь:

– Пишут.

Забелин смотрел на колымагу, на мужчину, стоявшего в кабине, слушал названия, казавшиеся ему ребусами, и ему вдруг захотелось совершить эту увлекательную экскурсию к Синему озеру через Карьяльское ущелье и перевал Кума, к неповторимому чуду природы, второму по красоте после Портлендского провала. В конце концов, никогда не знаешь, где потеряешь, а где найдешь. И Забелин занял в колымаге место у левого борта в последнем ряду. Таких рядов в колымаге было пять, по пять мест в каждом. Незанятыми оставались еще два места, когда экскурсанты начали торопить:

– Поехали! Всех не дождешься!.. Чего стоять?.. Дело добровольное...

На что мужчина ответил:

– Нормально, товарищи! Все путем! Куда торопиться-то? Жизнь короткая... Мультфильм вчера смотрели?.. Там один велосипедист все торопился, торопился... А куда торопился? Оказалось – на кладбище... Древние греческие философы любили говорить: нет ничего смешнее, чем торопящийся куда-то человек...

– Мы не в Греции, – заметил кто-то из второго ряда и сам засмеялся.

И в этот момент из-за поворота появился парень лет двадцати восьми в черном костюме, в красной рубашке без галстука (такие рубашки Забелин называл сопливыми) и в белой матерчатой каскетке с синим пластмассовым козырьком и надписью над ним – «Эстония». В левой руке он держал авоську, в которой была бутылка лимонада, полбуханки белого хлеба, помидоры, свежие огурцы, банка шпрот и еще что-то, напоминавшее ливерную колбасу. А правой рукой он бережно вел под руку женщину в бигуди под сувенирной косыночкой с календарем. Женщина была в черной гипюровой кофте, сквозь которую просвечивал желтый лифчик, и в белых брюках. Они торопились, но не бежали, потому что женщина была беременна.

– Автобус на озеро? – крикнул парень.

– На озеро, на озеро, – ответили пассажиры наперебой.

– Пересядьте с первого ряда кто-нибудь, – предложил кто-то. – А они, в положении, пусть спереди едут. Все меньше трясет.

Студент и студентка (так, во всяком случае, решил для себя Забелин) нехотя уселись на два свободных места в четвертом ряду. А парень в каскетке («эстонец») бережно усадил свою даму сразу сзади водителя, уселся рядом и, как бы извиняясь, обратился ко всем:

– Нам-то вообще все равно, но вот у нее какая история, а так-то нам все равно.

Беременная «эстонка» тяжело отдувалась, обмахивалась газетой и время от времени оттягивала от тела черную гипюровую кофту и задувала куда-то под нее сверху вниз в область груди.

Дорога до Карьяльского ущелья была довольно ровной, пыльной и однообразной. И Забелин принялся рассматривать экскурсантов, пытаясь по внешнему облику определить профессию, уровень, внутренний мир, манеру говорить. Студент и студентка, по-видимому, были технарями. Рядом с Забелиным сидела средних лет пара. Типичные певуны-затейники, шустрые, юркие, ерзающие. Он то и дело выбрасывал вдруг руку в известном

ему направлению и вскрикивал так, как будто видел летающую тарелку:

– Вон! Видела?!

– Где? Где? – вытягивала голову она.

– Вона! А?

– Ага! А вон еще!

– Где? Где? – теперь уже вытягивал голову он.

– Да вон же! – кричала она.

– Вижу! Ага!

Но сколько Забелин ни всматривался, он никак не мог заметить ничего такого, что так привлекало их внимание. А спрашивать не хотелось, чтобы не ввязаться в разговор.

– Товарищи экскурсанты, – заговорил экскурсовод-водитель, – у нас экскурсия организованная, так что попрошу никакой самодеятельности. Не разбредаться, не зевать. Слушать вот этот свисток, – он свистнул в полицейский свисток. – Ждать никого не будем. Все, что необходимо и интересно, я расскажу, а какие будут вопросы – отвечу. Закурить у кого найдется?

– «Прима» имеется ростовская, – откликнулся мужчина без пары, сидевший сам по себе в самом центре и явно искавший общения («вдовец-курец»).

– Вот! Одного выловили! – обрадовался экскурсовод-водитель. – Сам не курю и другим запрещаю. Хотя бы на время экскурсии. Вот сделаем остановочку, отметим маленькие радости – покурите в рукавчик, а лучше не надо. В Польше, например, отлично поставлено дело против курения.

– Мы не в Польше, – засмеялся из второго ряда тот же, кто уже отметил, что «мы не в Греции» («международник»).

Заслуживала внимания еще одна почти старуха, которая каждую сказанную кем-то реплику воспринимала подозрительным взглядом и, видимо, на все имела свою, исключительно свою точку зрения. Она не была экскурсанткой, а просто ехала к сыну, который жил и работал официантом на Синем озере («свекровь»). Колымага между тем въехала в Карьяльское ущелье, и Забелин бросил изучать остальных едущих, окрестив их «статистами».

Стало значительно прохладнее и темнее. Дорога шла вдоль маленькой, но нахальной горной речушки по имени Карья. Колымага двигалась по дну тесного мрачного коридора, стены которого составляли серые скользкие скалы, а вместо потолка где-то очень высоко было абсолютно чистое небо. И Забелину казалось, что в этот колодец вдруг должна свеситься сверху гигантская голова с одним глазом, и дьявольский хохот должен сотрясти ущелье, и две страшные волосатые руки бросят вниз огромный кусок скалы.

– Тот не патриот, кто не любит свою родину, – сказал экскурсовод-водитель. – Вот она, красавица Карья. Наш поэт Николай Петелин сказал:

Течет в песках Амударья,
а рядом с нею Сырдарья.
Есть много разных рек.
Они впадают все в моря,
но я люблю тебя, Карья,
как мать, как человек.

Забелину очень захотелось, чтобы она тоже услышала эти стихи и вообще чтобы она сейчас была рядом с ним, в этой колымаге. Реакцию ее предсказать, конечно, невозможно. «Мы с тобой такие маленькие крохи, и все что-то суетимся, воображаем, гоняемся за джинсами!.. Зачем? Обними меня... крепче...» Или: «Дьявольская сучка... камни, камни, камни. Трата времени... Не трогай меня».

Он не предполагал, что попадет в такие тиски. Он даже подумал как-то обратиться к знакомому гипнотерапевту, чтобы тот погасил этот болезненный очаг возбуждения. Гипнотерапевт творил чудеса. В прошлом сезоне он вывел «Динамо» на первое место. Но тут же Забелин отказался от гипнотерапевта, боясь в случае «излечения» оказаться в полном вакууме и просто испугавшись, что она перестанет вызывать в нем какие-либо эмоции и превратится в обыкновенную статистику..

Колымага остановилась. «Эстонец», поддерживая «эстонку», опустил ее на землю, и ее начало рвать. С каждым приступом сувенирная календарь-косынка сползала с головы, обнажая сардельки-бигуди, потом совсем упала на землю. Ветерком отнесло ее к заднему колесу как раз

под Забелиным, и он увидел, что календарь этот – тысяча девятьсот семьдесят пятого года. «Эстонец» в растерянности топтался возле нее и говорил, обращаясь к колымаге:

– Извините, конечно, но у нее такая история...

– Эн как с души рвется, – пробурчала «свекровь». – И чего потащила с таким-то брюхом.

– Токсикоз беременности, – сказала студентка.

– Поздний, – сказал студент.

– Ранний, – сказала студентка, – какой же это поздний?.. Гражданка, у вас сколько месяцев?

– Ой, шесть, – простонала «эстонка».

– Шесть у нас, – подтвердил «эстонец», – извините, конечно...

«Эстонец» поднял с земли календарь-косынку, и колымага тронулась.

– Я в газете читал, – громко произнес «вдовец-курец», – что в Англии каждый полицейский, они у них бобби называются, – так вот каждый бобби умеет принять роды.

– Здесь не Англия, – засмеялся «международник».

Когда колымага выкатилась из ущелья, дорога, петляя, поползла вверх, мотор заработал натруженной, стало тепло, а потом очень быстро – жарко, и начало закладывать уши.

«Эстонец» гладил по спине «эстонку», заглядывал снизу в ее лицо и все время спрашивал:

– Как? Не тянет? Скажи, не тянет?

Нет, гипнотерапевт отпал сразу. И Забелин был рад этому. Однажды ночью, зимой, часу в четвертом, она позвонила ему по телефону и настоятельно потребовала, чтобы он приехал...

Они просидели в кухне часа два, щекоча друг другу нервы полудвусмысленной болтовней. Она начала зевать, и он понял, что надо уходить. Встал лениво, нехотя оделся, тоскливо оглядел кухню, сказал «пока» и вышел. Дверь за ним тщательно закрыли на все замки и цепочки.

«Международник» достал из кармана газету, разложил ее на коленях, вынул из целлофанового пакета кусок курицы, булку и начал жевать. Колымага последовала его примеру, зашелестела бумагами, пакетами, газетами.

зажевала, задвигала скулами. Запахло ливерной колбасой и крутыми яйцами.

– Эй! – услышал Забелин сверху. Он поднял голову. Она стояла на балконе в одном халате. – Эй! Поднимись-ка! Он буквально взлетел на девятый этаж.

– Обними меня, – сказала она, когда Забелин вошел. – Вот так! А то мне что-то жутко... Ты не можешь не пойти на работу?

Но Забелин никак не мог не пойти на работу.

– Тогда приходи вечером.

– Угощайтесь, – предложил сидевший справа «статист». У него на коленях лежали помидоры, огурцы и пончики.

– Спасибо. Я не хочу.

А когда вечером он приехал к ней, к двери была припилена записка: «Уехала за город. Буду через два дня».

– Берите, не стесняйтесь, – настаивал «статист».

– Спасибо. Я сыт.

«Свекровь» посмотрела на него подозрительно.

– Фигуру небось бережет, – жуя, сказал «вдовец-курец».

– Все зависит от обмена, – объяснил студент и отхлебнул лимонад прямо из горлышка.

– У нас в группе одна девочка есть, она вообще ничего не кушает, а весит сто двенадцать килограммов, – встала студентка.

– Гипофизарное ожирение, – объяснил студент.

– Болезнь Кушинга-Иценко, – уточнила студентка и хрустнула редиской.

– Вот с жиру и бесятся, – добавила «свекровь».

«Вдовец-курец» поспешно прожевал, проглотил и выпалил:

– А вот в «Здоровье» была напечатана любопытная французская диета...

– Здесь не Франция, – перебил его «международник» и смачно стукнул яйцом по яйцу.

– Ну, так как? – снова пристал «статист» справа.

Забелин отказался.

– Была бы честь, верно? – обратился «статист» к соседней «статистке».

Та оторвалась от книги и рассеянно кивнула.

Молчавший долгое время экскурсовод-водитель вдруг заметил:

– Товарищи экскурсанты, остатки пищи и всякие банки-бутылки на дорогу не бросать, а хранить до специально отведенного места.

Из-за крутого поворота навстречу выскочил газик. Сидевший рядом с шофером милицейский майор сделал знак колымаге остановиться.

Поздоровавшись с экскурсоводом-водителем как со старым приятелем, майор попросил всех сидящих в колымаге приготовить документы.

Видно было, что майору очень жарко и многое надоедо... Фуражка его сбилась на затылок, воротник расстегнулся, галстук сполз вбок. Синяя некогда рубаша почти выцвела и только под мышками, мокрая от пота, сохранила прежний цвет.

Колымага полезла по карманам, сумкам и бумажникам. Дойдя до Забелина, майор взял его старый, неизвестно на чем державшийся паспорт и долго, с вниманием стал его изучать, переводя взгляд то с паспорта на Забелина, то с Забелина на паспорт. Потом, не возвращая паспорта, спросил:

– Давно здесь?

– Семнадцать дней.

Колымага насторожилась.

– Почему до сих пор не обменяли? – спросил майор.

– Замотался, – вяло улыбнулся Забелин.

«Замотался!» – недовольно повторил майор, все еще не возвращая Забелину паспорт. – А для чего, я вас спрошу, государство обмен паспортов устроило?

Забелин напряженно стал думать для чего, но майор ответил сам:

– Для того, чтобы население их вовремя обменяло.

– По приезде я сразу обменяю, – поспешно сказал Забелин.

– Уж пожалуйста! – И только теперь майор возвратил ему паспорт.

Газик укатил вниз, а колымага, рыча, поползла дальше, вверх по Военно-Узбекской дороге, серпантинно нависшей над почти отвесными пропастями.

– Это что за строгости? – произнес «вдовец-курец». – Погранзона, что ли?

– Преступника разыскивают, – ответил экскурсовод-водитель.

«Свекровь» посмотрела на Забелина и поставила сумку, стоявшую рядом с ней, на колени.

– Видать, матерый, – продолжал экскурсовод-водитель. – Под Воронежем ограбил сберкассу и изнасиловал кассиршу.

– Караем мягко, – сказал «вдовец-курец», – ох, мягко караем.

– В Саудовской Аравии, между прочим, – подкинул студент, – до сих пор действует закон, по которому человеку, даже если он украл на рынке простую лепешку, отрубают руку.

– Здесь не Австралия, – хихикнул «международник».

Между тем «статист», предлагавший Забелину угощаться, беспардонно его разглядывал.

– Что-нибудь не так? – улыбнулся Забелин.

– Да нет, все так, – многозначительно сказал «статист».

– Смотрите! Смотрите! Дерево на скале! Дерево прямо на скале! – буквально завопила студентка.

Колымага, как по команде, повернула свои головы налево. Забелин вообще трудно переносил высоту.

«Ну, дерево, – думал он, – ну, на скале, ну и что?»

– А вам не интересно? – поинтересовался «статист».

– Нет, – ответил Забелин. – У меня от высоты голова кружится.

– А как же верхолазы? – не отставал «статист».

– Поэтому я и не верхолаз, – улыбнулся Забелин.

– А чем же занимаетесь, если не секрет?

Забелин заметил, что этот вопрос заинтересовал всю колымагу.

– Во всяком случае, не верхолаз, – сказал Забелин, давая понять, что продолжать разговор ему неинтересно.

Да, он трудно сходилась с людьми...

Наконец колымага достигла верхней точки и остановилась возле белого глиняного домика с двумя маленькими окнами под крышей.

– Перевал Кума! – провозгласил экскурсовод-водитель. – Тысяча девятьсот двадцать метров над уровнем моря. Справа от себя вы видите архитектурный памятник – творение неизвестного архитектора... Особенно

стью строения являются два входа – мужской и женский.

Колымага заулыбалась, захохотала, экскурсовод-водитель подошел к заднему борту, открыл створки и спустил на землю лестницу.

– Прошу! – пригласил он. – Здесь можно отметить маленькие радости, а желающие приблизить свой смертный час пусть перекурят.

Колымага мгновенно опустела. Остался на месте один Забелин. Ему просто не хотелось.

«Вдовец-курец» жадно и быстро курил, стоя возле мужского входа. «Певуны-затейники», отметив маленькие радости, подошли к краю обрыва и, протягивая руки в только им известном направлении, радовались:

– Опять! Видела?

– Где?.. Ага!.. Ой, да сколько!

– Это не то!.. Вон то!

И снова, сколько ни старался Забелин определить предмет заинтересованности «певунов-затейников», ничего у него не получилось.

Остальные экскурсанты, разбившись на две кучки – мужскую и женскую, – о чем-то шушукались, время от времени поглядывая на одиноко сидящего в колымаге Забелина.

И Забелин понял, что дебаты ведутся на его тему...

Пассажиры, украдкой бросая на Забелина осторожные взгляды, проверили оставленные в колымаге на время празднования маленьких радостей вещи и, убедившись, что все в порядке, постепенно успокоились. Тем не менее спины их выражали беспокойство.

«Статист» справа от Забелина похвалялся сидевшей рядом с ним девушке:

– У меня с бандитами разговор короткий. Подсечка и ногой в пах. Вот потрогайте мою руку. Это же нога! И потом, я вам скажу, бандит силен, пока его боятся. А когда нас много, он тут же, извините, накладывает в штаны. К примеру, нас тут полный автобус. Ну что он с нами сделает?

– Все у вас просто получается, – сказала девушка, – а если он вооружен?

– Хорошо, – продолжал «статист», – допустим, вооружен. Ну, убьет он вас или еще кого, но остальные-то его

схватят, и крышка. А он за свою жизнь дрожит. Он только с виду бандит, а душа-то у него заячья.

– У них совсем другая психика, – вмешалась студентка.

– Этого я не знаю, – сказал «статист», – а жить каждому хочется. Даже анекдот такой есть. Идет ночью один грабитель, а навстречу прохожий, выпивши. И думает: дай-ка я его напугаю. Подошел да как крикнет: «Жизнь или кошелек?!» Бандит струхнул, отдал прохожему кошелек, и с концами. Поняли?

– Ну и что? – не поняла девушка.

– Как «что»? – удивился «статист». – В этом вся соль, что прохожий не знал, что перед ним бандит. Разве не смешно, а?

Вопрос уже был адресован Забелину.

– А про муравья и корову кто знает? – спросил «вдовец-курец». И он рассказал анекдот про муравья и корову.

Колымага рассмеялась и начала рассказывать анекдоты.

Анекдоты были разные: школьные, деревенские, «соленые», производственные... И после каждого анекдота все оборачивались на Забелина – как он реагирует. Но он вообще редко смеялся вслух, а если было смешно, то смеялся внутренне, отмечая для себя, что это действительно смешно.

– А вот идут по дороге, – заговорил «международник», – американец, русский и француз. И видят – лежит кларнет...

Выслушав анекдот, колымага опять расхохоталась. Даже «свекровь» улыбнулась.

– А вы чего не смеетесь? – уже с раздражением спросил «статист».

Забелин стал думать, что бы такое ответить, но в этот момент колымага запела.

– Не слышны в саду даже шорохи, – нестройно и не в ритм движению пела колымага.

«Все здесь замерло до утра», – мысленно отмечал Забелин.

– И с полей уносится печаль, – вызывающе, прямо в лицо Забелину, пел «статист». Забелин молчал.

– И с души уходит прочь тревога, – не унимался «статист».

Наконец впереди сверкнуло что-то действительно си-

нее. Забелин понял, что это Синее озеро, и облегченно вздохнул.

Колымага еще не успела заглушить мотор, как «статист» с непостижимой скоростью скинул с себя верхнюю одежду, перепрыгнул через борт, разбежался и с криком «Эх-ма!» сиганул с берега в воду. Уже через мгновение он вскарабкался на берег. Лицо его было в крови, а вода, стекавшая с волос по телу, перемешиваясь с кровью, делала эту картину устрашающей. «Статист» то и дело прикладывал правую ладонь к голове, потом разглядывал ее и снова прикладывал, приговаривая разгоряченно: «Во на-вернулся... во на-вернулся...»

Экскурсовод-водитель бросился к нему и буквально поволок к ближайшим строениям, крича:

– Строжайше запрещено купание! Вода восемь градусов, дно каменистое! Собираемся через полтора часа по свистку!

Все очень быстро разбрелись кто куда. Но у Забелина не было ни малейшего желания насладиться ни шашлыком из молодого барашка, ни королевской рыбой форелью. Он сел на землю, прислонился к дереву и стал смотреть в по-настоящему синее зеркало Синего озера.

Вот будь она рядом с ним в колымаге, наверняка возник бы шумный конфликт между ней и «статистом», и пришлось бы Забелину ее сдерживать и уговаривать, и кончилось бы наверняка тем, что она выпрыгнула бы из колымаги и пошла обратно, не оборачиваясь, своей независимой, почти разболтанной походкой. И он догнал бы ее и в ответ услышал бы что угодно. Или: «Догадался! Молодец! Нужна тебе была эта экскурсия... Обними меня...» Или: «Что ты выпрыгнул?! Догоняй свои четыре рубля!.. Не трогай меня!..» А могла бы и найти общий язык со всей колымагой, перепробовала бы все, что у кого было, и завела бы их на такие песни... С милицейским майором могла бы вдруг закокетничать, и газик эскортировал бы их до самого Синего озера. А могла бы и сразу вздыбиться, и запахло бы протоколом, и оскорблением при исполнении обязанностей, и пятнадцатью сутками...

И Забелин вдруг почувствовал, что, пока он здесь, там, в городке, на почте, его ждет письмо. И что, не дожидаясь окончания отпуска, он завтра же купит на база-

ре всяких фруктов, трав, специй, цветов и еще черт знает чего. сложит все это в большую плетеную корзину, сядет в поезд и сразу с вокзала позвонит ей прямо через Синее озеро, разгребая волны и принимая извинения всплывшего вдруг окровавленного «статиста», ведя под руку беременную «эстонку», под радостные свистки милицейского майора... Забелин вскочил на ноги и, взглянув на часы, понял, что опоздал. Он бросился к месту: где ждала колымага, но, когда добежал, увидел, что колымага уже приближается к повороту. Он закричал, замахал руками... Забинтованная голова «статиста» обернулась в его сторону. «Статист» показал на него рукой, потом другой рукой сделал Забелину «нос», и колымага скрылась за поворотом.

«Почему? – подумал он. – Почему?» И направился к деревянной будке с надписью «Экскурсии». В окошке ему сообщили, что в пять часов вечера должна приехать еще одна экскурсионная группа и что обратно автобус отправится в восемнадцать тридцать. Если будут свободные места.

Он прослонялся возле будки до тех пор, пока не пришла вторая колымага, до предела загруженная экскурсантами. Сначала Забелин вовсе отчаялся, но потом оставил себе шанс, вспомнив «свекровь», которая ехала в один конец. Он продежурил возле колымаги до тех пор, пока трижды не отсвистел в милицейский свисток экскурсовод-водитель, очень похожий на утреннего. А когда пассажиры заняли свои места, он увидел, что одно место в правом углу свободно...

Сдружившаяся и спаявшаяся за время первой половины пути колымага встретила его недружелюбно и настороженно.

Оказавшаяся слева от Забелина напряженная блондинка в черных лакированных туфлях на всякий случай отодвинулась от него и что-то зашептала на ухо сидевшему рядом с ней усатому брюнету. Тот, метнув в сторону Забелина пару молний, обнял блондинку за плечи.

Когда колымага приблизилась к повороту, Забелину показалось, что кто-то сзади, размахивая руками и крича, пытается их догнать. Но колымага уже заворачивала... В сумерках Забелина ослепил встречный свет. Ко-

лымага остановилась. Знакомый дневной майор вышел из газика и объявил проверку документов.

– Да ведь проверяли уже! – послышался чей-то женский голос. – Туда проверяли, обратно проверяют...

– Попрошу приготовить документы. – бесстрастно и устало повторил майор.

Взяв в руки дряхлый паспорт Забелина, майор нахмурился.

– А-а, старый знакомый, – сказал он не то дружески, не то издеваясь.

– Ой! – испуганно вскрикнула блондинка, и брюнет, воспользовавшись этим, втащил ее к себе на колени.

Колымага напряглась и уставилась на Забелина.

– Что ж это вы, товарищ, – произнес майор учительским тоном, – туда с одной группой, обратно с другой?

– Замечтался, – извиняясь, сказал Забелин.

– Да-а, – протянул майор. – Непорядок...

И он медленно возвратил Забелину паспорт.

Теперь пропасть была справа от Забелина, только казалась еще страшнее и безнадежнее в нараставшей с каждой минутой темноте.

Кто-то запел. Колымага подхватила громко и нервно, как бы отгоняя страх, поглядывая на Забелина и опасно, и угрожающе.

«Вот так, р-раз – и нету», – подумал Забелин, скосив взгляд в сторону бездны. И он робко запел вместе со всеми, виновато улыбаясь усатому брюнету и обнявшей его за шею блондинке:

– И-и с полей уносится печаль, и с души уходит прочь тревога...

И пел до тех пор, пока колымага не остановилась у колоннады.

Он едва успел на почту и, задыхаясь, протянул провинциально-красивой девушке паспорт. Та пошуршала конвертами в отделении на букву «З» и, извиняясь, сказала:

– Пишут.

Как хорошо, когда мы во что-то верим...

- А все-таки хорошо, старина, что мы в форме,

прекрасно себя чувствуем, полны желаний, в силах и при памяти. И это несмотря на то, что нам уже по семьдесят восемь, – сказал Иван Николаевич, обращаясь к тому, кого он назвал стариной.

– Да, Петя, – сказал старина. – Это чудесно... Хотя нам уже по восемьдесят семь, а не по семьдесят восемь.

– Что? – спросил Иван Николаевич. – Ты что-то сказал?

– Я?! – изумился старина. – Нет, Миша, ты меня знаешь. Я всегда молчу.

Иван Николаевич встал. Вернее, он так решил, будто он встал, возмущенный наглостью:

– Нет! Ты, старина, сказал, что я вешу восемьдесят семь килограммов.

– Вы меня не так поняли, Василий Алексеевич. Это во мне сто восемьдесят семь сантиметров. И потом, я не люблю, когда при мне матерятся.

– Извините, – смутился Иван Николаевич. – Мне показалось, что вы меня подозреваете.

И он сел. Вернее, решил, что сел, удовлетворенный.

– То, что ты. Костя, продолжаешь заниматься гантелями, еще не дает тебе права обвинять меня в дезинформации, – сказал старина и нервно закурил чайную ложку.

– О! Гири – моя слабость, – засмеялся Иван Николаевич и вытер слезы. Он взял со стола спичечную коробку и начал ее отжимать. – Смотри! Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль, минус один, минус два...

– Гири-то пустая, – поддел старина.

– Во-первых, это не гиря, а коробка! А во-вторых, встать! Смирно! – закричал Иван Николаевич. – Я интеллигентный человек и не потерплю никакого капитулянтства! При чем здесь коробка?.. Ну что, стыдно? То-то. Ладно. Я пошутил. Лучше скажи, почему ты до сих пор куришь?

– Привычка, – смутился старина и покраснел. – Одни расходы, – он затыкнулся ложкой, – дорого... Шесть штук – два сорок. И без фильтра... Так-то, Витюша.

– Не смеши меня, старина, – сказал Иван Николаевич и заплакал.

– Скорее всего, это грустно, – произнес старина и расхохотался. – А в общем, я рад тебя видеть.

– А я рад тебя слышать, – успокоился Иван Николаевич.

– У тебя, Коля, всегда было хорошее зрение, – сказал старина.

– А у тебя – слух... Вы что-то сказали?

– Я?! – опять изумился старина. – Я молчу уже второй час. Если вы хотите меня унижить, товарищ капитан, извольте. У меня тоже есть свои козыри.

– Пики? – встrepенулся Иван Николаевич.

– Никак, нет-с, сударь! – оскорбился старина. – Сабли! И не забывайте, что вы у меня в гостях!

– Это ты у меня в гостях, старина, – грустно сказал Иван Николаевич.

– А это уже чересчур! – гаркнул старина и попытался подняться с кресла, но так и остался сидеть на диване.

– Чересчур или не чересчур, а я должен идти спать, – сказал Иван Николаевич. – Меня ждет супруга. Хорошо, что у нас еще есть желания.

На этот раз он по-настоящему встал и скрылся в шкафу.

Когда из кухни вышла Дарья Федоровна – супруга Ивана Николаевича, старина сказал:

– Ваш муж Степан... В общем, держитесь, Марфа Яковлевна...

– Неужели он все-таки отравился грибами? – улыбнулась Дарья Федоровна и поправила прическу.

– Не уверен. Поэтому и не обгоняю, – пробурчал старина.

– Что ж, пойду приму меры, – сказала Дарья Федоровна.

Она вошла в туалет, спустила воду и закричала:

– Алло! «Скорая»? Это я! Да. Именно так...

...Утром в квартиру пришли два газовщика. Обнаружив Дарью Федоровну в туалете, Ивана Николаевича в шкафу и какого-то совсем старого дядьку, сидящего на диване с ложкой во рту, они успокоились. Значит, все в порядке. Главное, чтобы не было утечки газа.

1980

Восстановление вчерашнего черепа по сегодняшнему лицу

Т автора. Желая оградить себя от возможной

критики данного ненаучного произведения, автор предупреждает, что сие сочинение есть не что иное, как плод исключительно здорового воображения автора, результат его необузданной фантазии и кропотливых наблюдений. Автор надеется, что у читателей, которые все примут за чистую монету, волосы на голове встанут дыбом. Автор не намерен называть прототипы, но думает, что они сами себя узнают в героях, с которыми им предстоит встретиться сию же минуту.

Что же касается героев, упомянутых ниже, то автор просит принять его искренние уверения в величайшем к ним уважении.

Байрон появился в Литературном кафе, как и обещал, в 16.30. Тургенев уже ждал его за столиком возле рояля. Увидев Байрона, Тургенев свистнул.

– Привет, старик! – сказал Байрон, усаживаясь напротив Тургенева.

– Ты почему хромаешь? – спросил Тургенев.

– Да загудели этой ночью у Державина, – ответил Байрон. – Гёте приехал из Германии, привез потрясную переводчицу. Ноги от шеи! Ну, взяли четыре по ноль семьдесят пять, и у Гёте еще литр «Мозельского» был... В полпервого Фонвизин завалился из Дома кино с двумя телками и с какой-то певичкой из Франции... Она у него в «Недоросле» снималась...

– Виардо?! – насторожился Тургенев.

– Блондиночка.

– Она, – мрачно произнес Тургенев. – Вот скотина!

– Ну, туда-сюда, – продолжал Байрон. – Гёте насосался

и начал танцевать с телками, а я, значит, переводчицу стал утешать этим самым «Мозельским», черт бы его побрал, и так наутешался, что, веришь, не помню, как отрубился. Очнулся в ванне, весь мокрый. Выхожу – уже утро. Державин в сосиску. Я на балкон, а там почему-то лошадь стоит. Хотел оседлать, в стремя не попал, и – с балкона... Хорошо, хоть второй этаж был... А все с «Мозельского»!

– Да-а, – сочувственно сказал Тургенев, – мешать – дело последнее.

– Выбрали, мальчики? – спросила подошедшая официантка Люба.

– Значит, так, Любаня, – весело потирая руки, начал Тургенев. – Маслица... И триста водочки.

– И еще бутылочку, чтоб потом недозаказывать, – уточнил Байрон.

– Жора, – неуверенно сказал Тургенев и положил Байрону руку на плечо.

– Спокуха! – сказал Байрон. – Я ставлю. Сегодня аванс получил за «Чайльд Гарольда».

Байрон царским движением опустил руку в смокинг где-то в районе сердца, но денег при этом не показал.

В этот момент в ресторане появился высокий худой человек с большой черной бородой. Его опытный охотничий взгляд заскользил по столикам и зафиксировался на Байроне. Быстро прикинув что-то в уме, бородатый прицельной походкой направился к роялю.

– Здорово, мужики! – бодро крикнул он.

Тургенев молча кивнул, а Байрон почему-то полез в карман и достал газету. Бородатый некоторое время постоял возле столика и обратился к Байрону:

– Жора! Ты не можешь одолжить пятьсот рублей на полгода?

– Откуда у поэта такие деньги? – ответил Байрон, делая вид, что читает газету.

– А рубль до завтра? – спросил бородатый.

– Меня сегодня Ваня кормит, – сказал Байрон и многозначительно подмигнул Тургеневу.

– Мне вообще-то пятерку Герцен должен, – без особой уверенности промямлил бородатый, – но он в Лондоне...

– Взыщи с Огарева, – посоветовал Байрон.

– Неудобно, – сказал бородатый. – Он с бабой сидит.

– Возьми у Алябьева, – предложил Байрон. – У композиторов до хрена денег... Представляешь, Ваня, он с одного только «Соловья» по восемьсот в месяц стрижет!..

– Пожалуй, и вправду возьму у Алябьева, – сказал бородатый, но с места не сдвинулся, а почему-то сел рядом.

– Познакомься, Ваня, – с тревогой взглянув на бутылку, произнес Байрон. – Это Аксаков. Прозаик.

– Выпьете с нами? – осторожно спросил Тургенев, ища глазами чистую рюмку.

– Можно отсюда, – сказал Аксаков, пододвигая Тургеньеву фужер.

Когда фужер наполнился до краев водкой, Аксаков сказал:

– Хватит.

Байрон заказал еще двести пятьдесят, и в этот момент в зале появился Гоголь. На нем не было лица.

– Коля! – закричал Аксаков. – Коля! Давай сюда!

Гоголь подошел и мрачно взглянул на сидевших.

– Садись, Коля! – кричал Аксаков. – Это мои друзья! Тургенев и Байрон.

Гоголь сел.

– Ваши «Записки охотника» – сплошное паскудство! – закричал он на Тургеньева. – Помещик не имеет права знать народную душу!

– А вы мое «Накануне» читали? – аккуратно спросил Тургенев.

– А я не читатель! – рявкнул Гоголь. – Я писатель! Понял?!

– Чего ты, Коля, завелся? – стал успокаивать Гоголя Аксаков. – Свои ребята. Ваня из Спасского-Лутовинова, Жора из Англии...

– А это ты видел? – заорал Гоголь и ударил кулаком по столу.

Он поспешно достал из портфеля и положил на стол вчетверо сложенный лист бумаги. Аксаков развернул лист и прочитал:

– «Письмо Белинского Гоголю»... Григорьич?.. На тебя бочку катит?!

В это время от соседнего столика к ним подошел аккуратно одетый Добролюбов.

– Безобразие! – произнес он поставленным голосом. – Не дом, а конюшня! Весь день работаешь, устаешь, приходишь отдохнуть, а вместо этого мат, как на вокзале!

– А что ты такого написал, что уже устал? – отрезал Аксаков.

Добролюбов пожал плечами и пошел жаловаться дежурному администратору – княгине Эстерхазе.

Подсеменил совершенно бухой Гнедич и сел мимо стула. Встал и снова сел мимо стула. Наконец сел на стул. И упал.

– Сочинил эпиграмму на Гоголя! Хотите? – затараторил Гнедич и, не дав никому опомниться, выпалил:

До середины Днепра
Долетит редкий птиц.
Любит Моголь с утра
Гоголь из двух яиц!

Подошла официантка Люба и зашептала на ухо Байрону:

– От столика у окна вам, Жорж Гордонович, просили послать две бутылки шампанского. Не велели говорить, от кого, но я скажу: там Руставели гуляет..

– Могу примазать, – затараторил Гнедич. – Если послать Руставели две бутылки, он в ответ четыре пришлет. Мы ему – четыре, он нам – восемь. Можем нажиться!

– А если он не пришлет, кто платить будет? Пушкин? – мрачно спросил Тургенев.

– А вот есть эпиграмма на Руставели. – пискнул Гнедич. – Хотите?

Господа! Не удивитесь!
Есть в Тбилиси речка Кура.
Ах ты витязь! Ах ты витязь!
Ах ты витязь! Ах ты шура!

– Парни! – сказал Тургенев. – Предлагаю выпить за Байрона – талантливого поэта и моего друга!

– Ваня, я – пас, – сказал Байрон. – Мне надо позвонить... – И Байрон тяжело поднялся из-за стола.

– Бабки оставь! – строго произнес Тургенев.

– Старик, что за шутки? – обиделся Байрон.

– Оставь деньги! – строго повторил Тургенев.

– Ваня! – Байрон положил Тургеневу руку на плечо. – Мне надо бабе позвонить...

– Виардо? – мрачно спросил Тургенев.

– Иван! – укоризненно сказал Байрон и направился к выходу.

Криво усмехаясь, Тургенев проводил Байрона взглядом до самого выхода и, когда тот пропал из виду, процедил:

– Графоман! Тварь английская!

Гоголь уснул, уткнувшись носом в сациви, а Тургенев, Аксаков и неизвестно откуда взявшийся Бенкендорф читали вслух письмо Белинского.

Оставив Гоголя на попечение Аксакова, Тургенев пошел одеваться. Возле буфетной стойки рвало братьев Grimm.

«Почему сюда пускают не членов союза?» – подумал Тургенев.

У столика администратора княгиня Эстерхазе говорила в телефонную трубку:

– Софья Андреевна, миленькая, забирайте своего... Граф опять плох... Шумит...

Граф Толстой стоял в раздевалке, широко расставив босые ноги, и абсолютно стеклянными глазами оглядывал одевающихся.

Заметив Тургенева, граф что-то смекнул, ожил и, подойдя к нему, ни с того ни с сего двинул его в ухо.

– Стилист сраный! – гаркнул Толстой.

Тут же на нем буквально повисли гардеробщик Сеня и Достоевский.

– Успокойтесь, Лев Николаевич! – бурчал Достоевский. – Вы же зеркало...

– Я зеркало не разбивал! – пытался вырваться граф.

– Безобразие! Позор-то какой! – урезонивал гардеробщик Сеня, беря свободной рукой двугривенный от Мельникова-Печерского. – Неужели и через сто пятьдесят лет писатели так себя вести будут?

Счастливый Анатолий Григорьевич

то сейчас у Анатолия Григорьевича есть любимая

красавица жена Зоюшка, любимый сын-полиглот Федя и наилубимейшая, наикрасивейшая, наиполиглотнейшая собака по кличке... Нет, не по кличке – по имени Киля. Это сейчас Анатолий Григорьевич уважаемый человек с кучей уважаемых друзей, среди которых есть один видный фотокорреспондент, один писатель и один наиумнейший кинокритик, не говоря уж об одном математике.

А ведь было время, когда ничего подобного у Анатолия Григорьевича не было, кроме жены, которая поначалу была просто Валея, а уж потом, проживя с Анатолием Григорьевичем годы, под его влиянием, обаянием и аппетитом превратилась в писаную красавицу, равной которой не было ни у фотокорреспондента, ни у писателя, ни у видного кинокритика, ни тем более у математика, который вообще страдал полным отсутствием вкуса и, прежде чем жениться, долго вычислял качества и параметры будущей супруги.

Так вот. Шестнадцать лет назад женился Анатолий Григорьевич на жгучей брюнетке по имени Валя, с фигурой не то чтобы самой плохой, но и не то чтобы самой хорошей. Женился по большой, негасимой любви, когда понял, что на другое ему рассчитывать не приходится...

По утрам брюнетка Валя подавала ему чай, не такой холодный, чтобы его не хотелось подогреть, но зато и не такой крепкий, чтобы после него не тянуло в сон. После работы она угощала Анатолия Григорьевича супом без названия, без имени – из свиного вымени. На второе готовила она ему пельмени из магазина «Диета» по пятьдесят копеек пачка, но варила их по-своему: мясо отдельно, а тесто отдельно. Так что на второе Анатолий Григорьевич

всегда ел мясо, а на третье, вместо сдобных пирожков, – пельменное тесто, посыпанное сахаром.

Желая держать мужа в стройности, брюнетка Валя говорила: «Завтрак съешь сам, обедом поделись с другом, а ужин отдай врагу». Но поскольку врагов у Анатолия Григорьевича не было, то ужинали они ежедневно у разных друзей...

Хотел было Анатолий Григорьевич от такой жизни наложить на себя руки, но понял, что человек сам кузнец своего счастья, и стал его ковать... Брюнетку Валью начал звать Зоюшкой, величал красавицей, считал блондинкой и, ужиная обычно у своего друга-фотокорреспондента, говорил: «А уж как моя красавица Зоюшка делает индейку!...»

Конечно, это становилось известно другому его другу – писателю, и он приглашал Анатолия Григорьевича на индейку, чтобы не ударить лицом в грязь.

В этой счастливой безмятежной жизни родился у Анатолия Григорьевича сын Федя, который к двенадцати годам вырос в остроумного, незаурядного мальчика. Мальчик был очень жизнерадостным, имел склонность к шуткам и юмору. Жене фотокорреспондента, которая в гостях всегда спала в кресле или на диване, он любил вливать в ухо холодную воду из маленькой клизмочки, видному кинокритику вставлял в стул кнопочку, или гвоздик, или кусочек стекла, в зависимости от того, что было в доме... При этом после очередной шутки он заливался счастливым детским смехом и говорил: «Пardon».

По этой именно причине Анатолий Григорьевич считал сына прирожденным полиглотом и пригласил к нему преподавателя французского языка, который родился и вырос на островах Фиджи, владел немецким со словарем и почти ничего не понимал по-русски, кроме «Обедать будете?».

На один из дней рождения красавицы Зоюшки, устроенный Анатолием Григорьевичем в складчину – по принципу: кто что с собой принесет, тот это и будет есть, – его друг-писатель подарил ему собаку. Это была всем собакам собака. С первого взгляда она никак не напоминала спаниеля, но зато при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что она абсолютно не спаниель, а вялая, ме-

ланхолически настроенная дворняга, поминутно справлявшая свои естественные надобности. Анатолий Григорьевич полюбил ее и относился к ней, как к спаниелю.

Целыми днями собака грызла мебель, спала в помойном ведре, но была удивительно чистоплотной и беспрерывно чесалась на нервной почве, так как не переносила блох.

Друзей из ветеринаров у Анатолия Григорьевича не было, и он позвал к собаке знакомого психиатра, который предложил немедленно отдать ее собачникам на мыло, но если те откажутся, то сделать всей семье прививки от бешенства.

Спаниеля две недели выдерживали в растворе тиофоса, посыпали ДДТ и другими азотно-туковыми удобрениями. В конце концов, знакомый психиатр заявил, что эти блохи имеют наследственное происхождение, прописал красавице Зоюшке седуксен и, почесываясь, ушел...

Больше всех своих друзей Анатолий Григорьевич обожал наименьшего кинокритика, который до того, как стал кинокритиком, работал лилипутом в цирковой программе «Мечте навстречу». Но однажды, посмотрев четвертую серию «Ну, погоди!», он сказал задумчиво: «Это, конечно, не Феллини, но...» После этого Анатолий Григорьевич нарек его кинокритиком.

Чуть меньше, но тоже больше всех обожал Анатолий Григорьевич видного фотокорреспондента, который питал слабость к публичным процессам, ввязывался в любую драку и в два счета мог превратить самое замечательное лицо в портрет артиста Михаила Пуговкина. Поэтому-то Анатолий Григорьевич и считал своего друга фотокорреспондентом.

Еще чуть меньше, но тоже больше всех обожал Анатолий Григорьевич писателя, который на каждом торжестве тешил общество колкими эпиграммами-шутками на виновника торжества: «Ах, милый Толя! Ясный свет! Тебе сегодня двадцать пять лет!» И так было ежегодно... «Ах, милый Толя! Ясный свет! Тебе сегодня двадцать шесть лет!»... «Ах, милый Толя! Ясный свет! Тебе сегодня двадцать семь лет!»...

Гости, которые потоньше, обычно смеялись и аплодировали, а отдельные завистники, кривясь, находили не-

Хороша Нина Куравлева!.. Да и Леня хорош! 1989

У фотографа Виктора Ахломова свой взгляд на Арканова.

Фазиль Искандер тоже начинал в «Юности»,
а художник Игорь Макаров – в «Литературной газете».

Лев Новоженев и Михаил Жванецкий иногда пили чай. 1993

Когда-то с Алексеем Козловым бродили по «Бродвею»... 1997

С Владимиром Жириновским на первенстве России по игре в «подкидного дурака». 1997

Роман Карцев – гениальный артист. 1998

С Аленой Свиридовой не только дружим, но и записали пару песен.

Лев Дуров неотразим в своем обаянии.

Черное и белое – классическое сочетание. 1998

С женой Наташей через 10 лет после свадьбы.

СУББОТА
18
ДЕКАБРЯ
1999

ЦДКЖ
Комсомольская площадь, 4

Комитет по культуре Москвы
Московское Государственное
концертное объединение
"МОСКОНЦЕРТ"
МНО "Эстрада"
Начало 19.00

СМЕХ СКВОЗЬ НОТЫ

**Аркадий
АРКАНОВ**

**Левон
ОГАНЕЗОВ**

Телефоны для справок:
214-1838, 262-5133

Билеты на концерт продаются в кассе зала
и в кассе концертного зала "Эстрада" в Москве

В жизни никогда ничего не бывает поздно. 1999

совпадение размера. «Вот приходите на мое тридцатилетие, – говорил им Анатолий Григорьевич, – тогда услышите!»

И когда на тридцатилетие писатель зачитал новую шутку-эпиграмму: «Ах, милый Толя! Ясный свет! Тебе сегодня тридцать лет!» – тут уж самые явные злопыхатели признали, что перед ними настоящий писатель.

Таким вот образом Анатолий Григорьевич собрал вокруг себя в высшей степени рафинированное, интеллигентное общество...

..Лично я прихожу в гости к Анатолию Григорьевичу не часто. По делу или когда совсем грустно.

Уже в дверях полиглот Федя стреляет в меня из самострела, выстрел которого совершенно не смертелен и безобиден. Остаются только ожоги, но и они через месяц-другой исчезают бесследно, если не считать бурых рубцов... Красавица Зоюшка спит, накрыв лицо журналом «Работница». Из кухни доносятся запах сгоревшего супа пополам с раскаленным алюминием. Анатолий Григорьевич сидит на стуле и слушает передачу цветного телевидения. Телевизор, правда, не цветной, но это не важно, потому что трубка все равно вышла из строя полтора года назад. Левым ухом он приник к экрану, а правое методично жует спаниель...

Увидев меня, Анатолий Григорьевич радушно улыбается и спрашивает, достал ли я билеты на французского певца. Я отдаю ему свои четыре билета, на всю семью, и выхожу на улицу, волоча за собой собаку, вцепившуюся мертвой хваткой в мою икроножную мышцу. Ухожу и думаю: «Везет же людям! Ведь вот как счастливо живет Анатолий Григорьевич!.. У меня же, казалось бы, трехкомнатная квартира, пятилетний сын решает дифференциальные уравнения, жена – лауреат Международного конкурса имени Жака Тибо и Маргариты Лонг, теща – шеф-повар ресторана «Узбекистан», а я – несчастнейший человек...»

Васедание по выборам главврача в психиатрической больнице № 6

Председатель. Многоуважаемые господа, товарищи,

ученые, наполеоны, стахановцы, юлии цезари, изобретатели, шостаковичи, физики и шизики! Сегодня нам предстоит важное мероприятие. Мы должны выбрать себе главврача нашего общего, родного всем нам, любимого дома. Рад сообщить, что на нашем заседании присутствуют представители обеих палат – мужской и женской, а также большой отряд наших добрых друзей-санитаров в качестве наблюдателей с правом совещательного и решающего голоса. Все мы здесь собрались, объединенные хотя и разными, но единственными мыслями, тронутые личными заботами. Жизнь наша с каждым днем становится все лучше и лучше, поэтому отступать дальше некуда.

Голос из зала. Разрешите вас перебить?

Председатель. Пожалуйста.

(На сцену из зала взбегают возбужденный мужчина и пытается палкой перебить весь президиум. Санитар в солдатской одежде делает ему успокаивающий укол штыком. Мужчина успокаивается.)

Председатель. Товарищи! Кому не интересно, тот может выйти. Мы никого не держим. Закройте там двери на ключ и никого не выпускать! Демократия должна быть для всех!.. Я продолжу. У нас, товарищи, много нерешенных вопросов. Это и экология туалетов, и борьба с дистрофиками, и хроническая нехватка смирительных рубашек... Кое-что, конечно, решается. Скажем, белок, соли и сахар в анализах будут выдаваться только по талонам... *(Облегчение в зале, аплодисменты, недержание.)* Многое нам всем и новому главврачу предстоит в деле дальнейшего повышения качества галлюцинаций. Приходится признать, что до сих пор в наших галлюцинациях мы видим только мрачное темное прошлое. Светлое будущее видят только персональные

пенсионеры, да и то в алкогольном бреду. Нет нужды говорить, что выбранный нами главврач должен быть из нашей среды.

Голос из зала. Протестую!

Председатель. Слово просит товарищ с биркой номер восемнадцать.

Голоса. Не дава-ать!

Председатель. Я вас понял, товарищи! Слово имеет бирка номер восемнадцать.

№ 18. От предложения председателя выдвинуть главврача из нашей среды попахивает застоєм. Почему именно из нашей среды? А четверг? А понедельник? А вторник? Они что, не наши?

Председатель. Представьтесь, пожалуйста.

№ 18. Пятница. Депутат от сто восьмого необитаемого острова. Выдвинут Робинзоном Крузо единогласно. Предлагаю в порядке альтернативы на должность главврача свою кандидатуру, но прошу дать мне самоотвод, так как по субботам я не работаю по религиозным соображениям.

Председатель. У вас все?

Пятница. Все.

Председатель. Тогда идите на место.

Пятница. Но я еще не все сказал.

Председатель. Блям-блям-блям! Я лишаю вас слова! Говорите!

Пятница. Вот теперь все. *(Идет на место, оставляя мокрые следы.)*

Председатель. Пока подготовят трибуну для следующего оратора, прошу голосовать за предложение депутата Пятницы. Кто «за», поднимите ногу!

Голоса. А у кого две ноги?

Председатель. У кого две – протяните ноги.

Женщина из зала. Надо выбрать счетчика!

Председатель. Ценное замечание.

Женщина из зала. Предлагаю нашего бухгалтера.

Председатель. Товарищи! Конечно, исходя из логики нормального человека, на должность счетчика надо выбрать бухгалтера. Но мы должны учитывать специфику нашего заведения. Верно я говорю? Поэтому у нас счетчик должен быть прежде всего честным и объективным человеком. Вот я тут между собой посоветовался и решил. На долж-

ность счетчика предлагаю нашу повариху Баранину. Сви-
нина Петровна, поднимитесь со своего места!

Голоса. У нее три места!

Председатель. Поднимите ее, товарищи! Сви-
нина Петровна, посчитайте, кто за предложение депутата Пятни-
цы...

Свина Петровна. Считать вслух или про себя?

Председатель. Про себя.

Свина Петровна. Про себя так скажу: я считаю, что ка-
ждый человек свыше восьмидесяти килограмм должен воз-
держаться...

Председатель. Это почему же?

Свина Петровна. Воздержаться хотя бы от полдника...
В пользу наших дистрофиков. Недавно я принесла обед в па-
лату дистрофиков. Один из них меня спрашивает: «Нина...»
Он, товарищи, такой слабый, что «Свина Петровна» выго-
ворить не в силах... Вот он и говорит: «Нина... А кашу на од-
ного дали или на двоих?» На одного, говорю. «А какого хрена
ей надо?» Кому, говорю. «Да мухе».

Председатель. Это правильно. Хапугам, которые хотят
урвать от народного пирога, давно пора дать по лапам... Это
вопрос особый... Мы к нему еще вернемся, а вы пока просто
посчитайте, кто «за».

(На трибуну вспрыгивает мужчина в смиренной рубашке.)

Председатель. Развяжите оратора... И выньте у него кляп
изо рта... Гласность так гласность... Представьтесь, товарищ.

Оратор. Фельдмаршал фон Шмерц, семьсот девятнадцатый
национально-территориальный округ, Кенигсберг, Вос-
точная Пруссия. Взят в плен в качестве языка в 1944 году.
Представляю Калининградскую область, председатель кол-
хоза «Гитлер капут!»... Вчера ночью я вышел из палаты по
малой нужде...

Председатель. Товарищи, мне думается, настало время
разобраться в терминологии. Пора уже изъять из нашей
терминологии это унижительное выражение «по малой
нужде»... У нас нет «малых нужд»... У нас есть «малочислен-
ные нужды»...

(Веселое оживление в зале, одиночные выстрелы.)

Фон Шмерц. И вот я вышел из палаты по... малочислен-
ной нужде... Но у дверей с двумя нулями меня грубо оттолк-
нула Екатерина Вторая и закричала: «Подождешь, фашист

порхатый! Я – по многочисленной нужде!»... Герр председатель! По-моему, у нас все нужды равны!..

Председатель. Мне думается, у нас не может быть личных нужд. Все наши нужды – общие, и справлять их надо всем миром...

Голоса. Позор! Позор!

Председатель. В чем дело, товарищи?

(На трибуну выходит человек в парике.)

Человек в парике. Я физик. Меня зовут Исаак Ньютон. Я говорю от имени восемнадцати ученых, живущих в этой самой палате с двумя нулями, о которой говорил уважаемый фельдмаршал. В нарушение всех правовых основ со всех этажей нашей необъятной лечебницы к нам приходят со своими нуждами. В результате этого всемирного тяготения в палате стоит невероятный радиационный фон со всеми вытекающими последствиями. И все это из-за того, что кто-то из вышестоящих в своих личных целях отвинтил единицу от номера на дверях нашей палаты, которая до этого была палатой номер сто! Мы требуем вернуть нашей палате ее прежнее наименование, а также требуем создать комиссию по расследованию! Ведь в нашей палате есть и женщины...

Председатель. Мне думается, господин Ньютон решил умышленно принизить наше собрание. Нельзя бросать тень на вышестоящих товарищей! Вышестоящие товарищи не такие глупые, чтобы польститься на единицу. Это мелко! Это не девять, не восемь и даже не пять... Так что давайте исходить из реалий... А в общем, ваше предложение очень интересно... Будем голосовать?

Голоса. Правильно! Голосовать! *(Аплодисменты.)*

Председатель. Решено. Вопрос снимается с голосования.

Голоса. Правильно! *(Аплодисменты. Ньютон покидает зал через окно.)*

Голоса. Не нравится наш воздух – дыши другим!

Председатель. Свинина Петровна, вы подсчитали, кто за предложение товарища Пятницы?

Свинина Петровна. Сейчас принесут кампутер!

(По рядам передают бухгалтерские счета.)

Председатель. Своевременная научно-техническая инициатива.

Женский голос. От палаты женщин вношу предложение избрать одного заместителя по женской части!

(Крики «Позор!»)

Председатель. Очень точное, совсем не позорное замечание. Плюрализм, товарищи, он и для женщин плюрализм.

(Возгласы «Вся власть женсоветам!»)

Женский голос. Предлагаю нашего гинеколога Кацнеленбоген Авдотью Никитичну!

Мужской голос. Требую выборов гинеколога на альтернативной основе!

Председатель. Пройдите на трибуну, товарищ. Представьтесь.

Мужчина. Мухин. Представитель котельной... Товарищи! Наше заведение работает уже семьдесят лет. И сколько я себя помню, ни разу на должность гинеколога не избирали ни одного рабочего котельной. Это развивает в нас комплекс неполноценности и классовой ущемленности. Предлагаю в гинекологи двинуть нашего кочегара Степана Долбоноса. Он парень сильный, отзывчивый, жаростойкий... А в случае чего мы ему все поможем... Степан! Встань, покажись народу!

(Со своего места поднимается парень в фартуке и с кочергой. Игривые женские голоса «Знаем! Знаем!»)

Кацнеленбоген. Я ничего против товарища Долбоноса не имею, но у меня к нему как к будущему коллеге профессиональный вопрос. Скажите, что такое гинекология?

Председатель. Вопрос неэтичный!

Долбонос. Вот именно. Мы здесь не на экзамене! А вот ты мне скажи, Авдотья, что такое кочерга? Так что не будем топить друг друга в юристперденции! Я так скажу: гинекология – это гуманизм не только к женщинам, но и к мужчинам. У меня до этой работы руки, как говорится, чешутся... Женщин я люблю и уважаю их женские органы самоуправления!

Кацнеленбоген. Спасибо! Я буду голосовать за вас обеими руками.

Председатель. У нас еще осталось много разных вопросов, а мы еще не выбрали главного. Свирина Петровна, вы посчитали наконец, кто «за»?

Свина Петровна. Еще чуть-чуть осталось!

Председатель. Товарищи! У кого какие вопросы, прошу высказываться, но не превышая регламента.

Мужчина в колготках. Позвольте сказать? Женщины!..

Председатель. Блям-блям-блям! Ваше время истекло. Кто следующий?

Женщина с усами. От имени ветеранов Первой Конной...

Председатель. Блям-блям-блям! Ваше время истекло. Следующий!

Мужчина с бородой. Я Энгельс! У меня вопрос к председателю. Скажите, семья – ячейка общества?

Председатель. Ячейка.

Мужчина с бородой. А почему ж тогда ваша семья живет во дворце, а все наше общество – в ячейках?

Председатель. Фридрих, ты не прав! Блям-блям-блям!

Голос из зала. Я Эдисон! Я изобрел электричество, которое нам выключают после отбоя! Нам говорят, что нет валюты, чтобы закупать за границей электроны!

Председатель. Блям-блям-блям!

Эдисон. В связи с этим я предлагаю перестроить туалеты таким образом, чтобы каждый находился один под другим с единой системой стока, и всех нас поить чешским пивом, которое стимулирует посещение туалетов!

Председатель. Блям-блям-блям!

Эдисон. Не затыкайте мне рот! На первом этаже под единым стоком мы устанавливаем гидротурбину! Полученным электричеством мы не только обеспечим себя, но и сможем продавать его в слаборазвитые страны!

Голоса. Мракобес! Вы точно так же пытались повернуть вспять великие сибирские реки!

Председатель. Блям-блям-блям!

Юноша. Я по поводу галлюцинаций!

Председатель. Блям-блям-блям!

Юноша. Нет, я скажу! Пора наконец договориться о главном! В нашем обществе галлюцинации – это жизнь или наша жизнь – это галлюцинации?

Председатель. Блям-блям-блям!

Юноша. В январе текущего года гражданка Мария Стюарт с третьего этажа жаловалась на галлюцинации, будто она в своих галлюцинациях вошла в определенные отношения с нашим председателем.

Председатель. Блям-блям-блям!

Юноша. А в октябре того же года у нее родился ребенок. У меня вопрос: ребенок – это галлюцинации или реальная жизнь, данная нам в ощущениях?

Председатель. Блям-блям-блям!

Юноша. Я требую расследования!

Председатель. Гдлян-гдлян-гдлян!.. Свирина Петровна! Вы посчитали наконец, кто «за»?

Свирина Петровна. Посчитала... Умаялась...

Председатель. Ну, и сколько «за»?

Свирина Петровна. По уточненным данным, «за» проголосовало два-три человека.

Председатель. А «против»?

Свирина Петровна. Сейчас посчитаю.

Председатель. Товарищи! Пока Свирина Петровна посчитает, я хочу сделать сообщение. На имя будущего главврача поступило коллективное письмо за подписью ста восьмидесяти трех уважаемых работников крупных учреждений с просьбой предоставить им койки в нашей больнице. Речь идет о работниках Госплана, Госснаба и Госкомстата.

Голоса. Приня-ять!

Председатель. Как будем принимать: поименно или всем списком?

Голоса. Всем спи-иском!

Председатель. Я тоже так думаю... Тем более что все они на одно лицо, и каждый из них, по сути дела, уже давно является нашим полноправным пациентом. Позвольте поздравить с этим гуманным актом все наше здоровое общество! Товарищи! По-моему, мы все слегка обалдели и хотим перерыва. Есть два предложения. Товарищ Бонапарт предлагает три минуты, а комендант нашего заведения предлагает час.

Голоса. Три минуты! Да здравствует Бонапарт!

Председатель. Я вас понял. Проходит предложение коменданта. Объявляется комендантский час! Мы продолжим собрание после того, как всем вам будут сделаны необходимые впрыскивания, вливания и санитарная обработка! Приятного аппетита! Ку-ка-ре-ку!

1989

Perestroika

Мобил П
КЛУБ РОССИИ

ФИН

Олимпийский стадион
Большая спортивная арена

26.05.1999

П

ряд

РОССИЯ

ОТЕБОРОЧНЫЙ МАТЧ ЧЕМПИОНАТА

ИСЛА

9 июня

стадион
«ДИНАМО»

Если бы Гитлер и Сталин...

Наивный до нелепости вопрос я задавал себе

и моим родителям с первого дня Великой Отечественной войны. Мать всякий раз возводила руки к небу и восклицала: «Боже! В кого у тебя такие ненормальные мозги?!»

Отец пытался серьезно доказать мне невозможность даже представить себе подобную ситуацию, чтобы Гитлер и Сталин могли болеть за одну команду. Он объяснял мне, что Гитлер – фашист и изверг, а Сталин – наш родной отец и спаситель, что у нас советские команды, а в Германии – немецкие, что ни того ни другого футбол вообще не интересует, и вообще при чем тут футбол, когда идет война не на жизнь, а на смерть...

Но несмотря ни на какие объяснения, я упорно верил, что если бы они болели за одну команду, то войны бы не было. Я был уверен, что Сталин болел за «Спартак», потому что и отец мой болел за «Спартак», и мать болела за «Спартак», хотя в футболе ни черта не понимала, и дядя Коля Глушков тоже болел за «Спартак». А так как все они были хорошими людьми, то я детской своей логикой вывел формулу: все хорошие люди должны болеть за «Спартак». Правда, в эту формулу не вписывался дядя Лева Давыдов, который был папиным близким другом и очень хорошим человеком, но болел при этом за «Динамо». Впрочем, этому «противоречию» я тоже скоро нашел логическое объяснение: дядя Лева Давыдов в душе болел, конечно же, за «Спартак», но тетя Муся, его жена, велит ему говорить, что он болеет за «Динамо», потому что она тоже болеет за «Динамо», и дядя Лева вынужден скрывать свою истинную страсть, так как очень боится обидеть свою жену тетю Мусю, которая к тому же еще и была членом коллегии Верховного Суда. Будучи ребенком, я

очень боялся и недолго любил тетю Мусю Давыдову, потому что словосочетание «член верховного суда» вызывало во мне чувство необъяснимого страха... Потом я очень любил тетю Мусю Давыдову и люблю ее по сей день (она, слава Богу, жива и не даст мне соврать), хотя «член верховного суда» и сегодня повергает меня в трепет... Это было время чистой детской наивности... Через несколько лет я «заболел» торпедовской болезнью и страдаю этой болезнью до сих пор – иногда мучительно, иногда сладостно. Моего сына Васю футболом заразить я так и не смог, как ни старался, но и он, когда его маленького спрашивали, за кого он болеет, отвечал, что болеет за «Торпедо», потому что его папа болеет за «Торпедо», а раз его папа – хороший человек (так он считал, во всяком случае), то, значит, все, кто болеет за «Торпедо», – тоже хорошие люди...

Позже деление людей на плохих и хороших по «командному» принципу претерпело изменения: я понял, что хорошие люди могут болеть за разные команды... Когда мне удавалось попасть на «Динамо» либо по билету, который отец с трудом доставал на работе, либо «напротырку», я окунался в океан всеобщих добрых и хмельных эмоций абсолютно разных людей, которые, как говорят сегодня, «снимали кайф» не только от волшебной игры своих кумиров, но и от общения друг с другом. И я могу привести не один пример того, когда люди знакомились между собой, случайно оказавшись рядом на Восточной или на Южной трибуне, а потом становились друзьями по гроб жизни. И постепенно у меня сложилось еще одно твердое убеждение: люди, которые любят футбол, – хорошие люди! И даже сегодняшние «беспредельные фаны» это мое убеждение поколебать не могут...

Когда я учился в школе (и даже в институте), когда вновь «оживлялись происки империализма» и обострялась «холодная война», когда американский флот блокировал Кубу, на которой мы разместили свои ракеты, когда, казалось, вот-вот грянет третья мировая война, я по-прежнему наивно думал: «А почему не сделать хитрый дипломатический ход и не предложить американцам

сыграть два матча между нашими сборными – один в Вашингтоне, другой в Москве? Соберутся люди на стадион, будет праздник, и непременно после этого наступит «развязка международной напряженности». Почему-то я верил (а если сильно меня пытаться, то сознаюсь, что и сегодня верю): когда исчерпаны все аргументы и доводы, на международной арене должен появиться Футбол, потому что обладает он необъяснимой (может быть, неземной) магической способностью объединять людей и делать их добрее...

Сегодня, когда двадцать тысяч человек собираются в Лужниках на матче «Спартак» – «Динамо» (!), и это, можно сказать, «аншлаг», возникает вопрос: ПО-ЧЕ-МУ? Можно ответить так: народ «озверел» и поэтому перестал посещать стадионы. Но можно ответить и по-другому: народ перестал ходить на футбол – поэтому он и «озверел». ПО-ЧЕ-МУ? Можно ответить так: футбол выродился, и поэтому народ перестал ходить на стадионы. Но можно ответить и по-другому: народ перестал ходить на стадионы – вот футбол и выродился. Это своеобразный закон сообщающихся сосудов. Это, как учили нас в школе, симбиоз гриба и водоросли...

Ведь переполнены итальянские стадионы и испанские! Ведь полным-полна коробушка во Владикавказе и в Волгограде! А что Владикавказ и Волгоград – Италия (в футбольном смысле)? Да нет же! Просто хотят люди, чтоб БЫЛА Италия (хотя бы в футбольном смысле...)!

Не должны мы лишать себя радости орать и хрипеть от восторга, не должны мы стесняться слез разочарования. Не уронит своего достоинства Высокое Государственное Лицо, если крикнет в сердцах из теплой непромокаемой ложи: «Судью на мыло!»

Есть у нас всемирно известный литературный критик Ал. Михайлов. Попробуйте даже в шутку сказать ему: «ЦСКА – конюшня». И вы тут же из ближайшего друга станете злейшим врагом. Вот так по-детски непосредственно и неистово болеет он за ЦСКА. Говорят, что, когда он был председателем приемной комиссии при Союзе советских писателей, произошел забавный случай. Прини-

мали в члены союза молодого прозаика, и обсуждение складывалось в пользу молодого прозаика, когда вдруг Ал. Михайлов спросил молодого прозаика: «А за кого вы болеете?» Молодой прозаик гордо ответил: «За «Динамо». Ал. Михайлов помрачнел и сказал: «Сыроват еще молодой человек творчески, не созрел еще до понятия «писатель». Говорят, что комиссия завалила молодого прозаика. Говорят еще, что в течение всего срока пребывания Ал. Михайлова в ранге председателя приемной комиссии все вступающие в союз в своих анкетах писали: «Выпустил восемь книжек. Переведен на двенадцать языков народов СССР. Болею за ЦСКА...»

Скажите, какая игра имеет таких болельщиков?!

Поэтому (строго между нами) я иногда и сейчас спрашиваю себя: «А что было бы, если бы Гитлер и Сталин болели за одну команду?»...

 оим соперником в отборочном цикле

шахматного первенства страны по переписке оказался волей жребия некий И.В. Тузиков из небольшого города Мухославска. Мне выпало играть белыми.

Первый ход, «d4», я сообщил ему в письме короткого содержания: «Ув. И.В. Мой первый ход – «d4». Сообщите свое имя и отчество. Меня же зовут Аркадий Михайлович». Ответный ход я получил через две с половиной недели: «Уважаемый Аркадий Михайлович. В ответ на ваш ход «d4» я играю «d5». Иван Васильевич. Но можете обращаться ко мне по имени, так как мне всего 20 лет».

«Здравствуйте, Ваня! – написал я ему. – Играю «Kf3». Я тоже человек молодой. Можете называть меня Арканом».

Письмо от Вани пришло через четыре недели: «Аркан! Извини, что задержался с ответом. У меня был день рождения. Сам понимаешь. Познакомился с девушкой. Зовут Света. Сам понимаешь. Мой ход – «Kf6». Кстати, можешь ко мне тоже обращаться на «ты».

Я написал ему: «Ваня! Поздравляю тебя с прошедшим днем рождения. Желаю успехов в труде и личной жизни. Вместо подарка посылаю тебе мой ход «g3».

Ответ я получил через две недели: «Аркан! Здорово! Тут такое было! Получил я твое письмо вечером, но ответить не смог, так как торопился на танцы. На танцах познакомился с Павлом. Он оказался мужем Светы. Так что это письмо пишет тебе под диктовку мой лечащий врач Эмма Саркисовна Сундукян. Она через два месяца будет в Москве. Достань ей к этому времени итальянские сапоги 37-го размера и поводи ее по театрам. Твой друг Ваня. Да! Чуть не забыл! Мой ответный ход «g6».

Я немедленно отправил ему письмо, в котором пожелал скорейшего выздоровления и сообщил, что играю «Сg2»...

Через два месяца в Москву приехала Эмма Саркисовна Сундукян. Она привезла очередной ход Вани – «e6», а я достал ей итальянские сапоги, походил с ней по театрам, познакомил с моей матерью и сделал предложение, о чем немедленно уведомил Ваню, добавив, что рокирую в короткую сторону.

Ответ от Вани пришел почему-то из Магадана, без обратного адреса, и выглядел довольно странно. Почерк был корявым, с большим количеством ошибок: «Эй ты! Шахматист!.. Шел бы ты на «g8»! Объявляю тебе мат!..»

То, что он мне затем объявил, не входит ни в один из известных шахматных учебников.

Оскорбленный, я вложил в конверт полученную корреспонденцию, приписал, что продолжать партию с хулиганом не желаю, и отправил все по прежнему Ваниному адресу.

Через два дня пришло новое письмо от Вани: «Аркан! Мой ход – «Се7». Извини за задержку. Этот ход я написал тебе сразу в ответ на твою короткую рокировку, но отправить не успел, так как улетал в срочную командировку в Магадан. Письмо взял с собой, чтобы отправить оттуда. Но в Магадане за ужином я познакомился с одним типом, который украл у меня бумажник с деньгами, паспортом и письмом с твоим ходом. Поздравляю тебя с женитьбой. Сообщаю, что со Светой мы тоже расписались и ее бывший муж Павел был у нас свидетелем. С нетерпением жду ответного хода. Ваня».

Прочтя письмо, я тут же оценил трагизм ситуации, когда ничего не подозревающий Ваня ознакомится с малоизвестным сочинением, которое я ему переправил, и сделать уже ничего не мог. Вдогонку я послал ему странное объяснение и сыграл конем с «b1» на «d2».

Через месяц я получил следующее послание: «Аркадий Михайлович! То, что вы живете в столице, еще не дает вам права оскорблять мою жену и меня глупыми выходками. Представьте себе, что Светлана первой прочла вашу весточку и заявила, что, если еще раз увидит в доме хотя б пешку, немедленно потребует развод. Не понимаю, что мы вам сделали плохого в дебюте. Только моя

преданность шахматам заставляет меня продолжать игру и сделать короткую рокировку. Прошу отныне высылать мне ходы до востребования, если вы не хотите разрушить мою семью».

Приблизительно около года у нас ушло на выяснение отношений. К этому времени у меня родился сын.

Еще через семь лет, когда мы уже вышли из дебюта и я пожертвовал ему пешку, Ванина жена засекала его на почте, где он получал от меня очередной ход до востребования, после чего он попросил разрешения перейти на шифр. В последующие несколько лет мы обменивались интересными посланиями...

«Константин Тимофеевич переехал с Арбата, дом 1, в Борисоглебский переулок, дом 2» (что означало: «Kra1 b2»), – писал я ему.

Он мне отвечал: «У нас в цирке сошла с ума одна лошадь черной масти и прыгнула в третий ряд амфитеатра на четвертое место» – и я понимал, что конь его пошел на поле «d3»...

Через 23 года после начала партии он сообщил, что его дочь выходит замуж и на свадьбе у них будет лихтенбургская королева Жанетта VI. Я понял, что его ферзь переместился на «e6», и написал ему, что в качестве свадебного подарка высылаю ему белого слона седьмым поездом в пятом вагоне.

В ответ я получил вежливое письмо от Светланы, в котором она просила слона на свадьбу не присылать, так как его держать негде, а лучше выслать его стоимостью деньгами...

Мы стали брать тайм-ауты. Он – по причине хронической связки по вертикали «а» и гипертонии. Я – из-за сердечной недостаточности качества ввиду неудачной женитьбы сына...

Постепенно фигуры с нашей доски начали исчезать... И в возникшем окончании у меня были сдвоенные внуки на ферзевом фланге, сто рублей пенсии и много других слабостей...

У него была сильная проходная внучка в центре, но зато два инфаркта по большой диагонали...

На 83-м ходу он... взял очередной тайм-аут. И на этот раз навсегда. Последнее письмо я получил от его шести-

десятилетней дочери: «Папа накануне просил написать вам, что предлагает ничью...» Я вынужден был согласиться, хотя, откровенно говоря, моя позиция к этому моменту уже тоже была безнадежной...

1985

Разная музыка из окна напротив, или Влияние сервиса на жизнь...

...
Травка была молоденькой, зеленой, незапылив-

шейся. Над головой щебетала какая-то счастливая пташка. Из окна напротив лилась мягкая кофейная музыка, комфортабельно распластываясь на приглушенных бархатными низами ударах большого барабана. Ветерок по касательной изредка пошевеливал голубоватые занавески. Во рту у Поленьева оставался прохладный привкус зубной пасты. Время от времени он проводил тыльной стороной кисти по своим щекам и подбородку, ощущая выбритую до состояния младенчества кожу. Пахло хвойным лосьоном, и впереди была целая жизнь... И в этой жизни в маленьком городке у моря ждала его завтра Белла-Беллочка-Беллиссимо...

Длинноногая газель в желтой юбочке с пианистическими пальцами на руках скакала с камня на камень вдоль берега мутно-зеленого моря, и до безрассудства оставалось каких-нибудь тридцать восемь часов. И целых восемь лет – до тридцати. И восемнадцать – до сорока. И сто лет – до пятидесяти. И бесконечность – до финала, который и не предвиделся...

Поленьев сделал стойку на голове, отжался от пола и на руках прошел в кухню. Мама-мамуля-мамулиссимо, привыкшая ко всему, поставила чашечку кофе ему на ступни, и он ушел в комнату... Оставалось совсем немного – позвонить и узнать, когда уходит сегодняшний поезд в маленький городок у моря.

Счастливая пташка продолжала самовыражаться. Зеленая травка постарела минут на пять, но по-прежнему еще не запылилась. Из окна напротив, прикасаясь к женским лопаткам, запел Тото Кутуньо. Голубоватые занавески, пошевеливаясь, щекотали нос и плечи (Полень-

ев сел на подоконник). Вкус зубной пасты смешался со вкусом кофе, и, притронувшись еще раз тыльной стороной кисти к подбородку. Поленьев позвонил в справочное бюро железнодорожных вокзалов. Что-то зашипело в трубке, и бесстрастный металлический голос произнес:

– ...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

Он просидел некоторое время на подоконнике – три минуты? Пять? Сорок?

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

Из окна напротив теперь летел тревожный Пинк Флойд. Во рту согревался холодный кофе. Занавески скинули на пол горшок с геранью. И Поленьев подумал: «А с какой скоростью отрастает щетина?»

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

Порыв ветра скривил дождь, и подоконник стал мокрым. Голубоватые занавески посерели, потяжелели и повисли. Поленьев делал кораблики из незаконченной диссертации, и они плыли грязными ручьями осеннего разочарования в сторону Чистопрудного бульвара, по которому прогуливалась Белла-Беллочка-Беллиссимо Тихонова в ожидании уже четвертого ребенка.

Из кухни послышалось привычно-поспешное, торопящееся на работу «завтрак готов», и женщина, которая уже давно все делала автоматически, втиснула бывшие ноги в сапоги, схватила зонт и побежала к автобусной остановке, надеясь, что кое-что еще впереди. А «кое-что» в двадцать один тридцать пять после программы «Время» спешно завалило ее на несвежий диванчик, передавая привет Поленьеву и торопясь в семью.

Из окна напротив Поленьеву и всему миру пел Вахтанг Кикабидзе, делая остальных мужчин несовершеннолетними в глазах собственных жен. Во рту скапливалась горьковатая слюна, и Поленьев сплевывал ее в склеенный горшок с геранью. На стене в рамке уже десятый год висела мама-мамуля-мамулиссимо, держа на коленях Поленьева в матросской шапочке. В голове носились недосказанные теоремы, спорные аллитерации, фантастические гипотезы и номера выигрышных лотерейных билетов.

«А может, сбрить бороду? – думал Поленьев. – Может, это станет толчком к обновлению?»

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

Снова кашляла по ночам дочка, и лобик у нее был горячим... А если забрать ее из детского сада, перестанет она простужаться или нет? Но кто тогда с ней будет сидеть?

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

Автобус вез всех на картошку, и сотрудников интересовал вопрос: свои волосы у Кобзона или это парик?

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

Разнополюые молодые работники метеоцентра игриво предсказывали с телевизионного экрана то снегопад, то гололед, то циклон, то антициклон. Если ошибались, то журили друг друга, словно влюбленные, а если угадывали, то, казалось, вот-вот сольются в объятиях любовного экстаза, подогретого совпадением прогноза с реальной погодой. Но независимо от этого внутренний барометр то сжимал, то отпускал поленьевские суставы, и тогда Поленьев водил внука на фигурное катание. От горшка с геранью остался один только горшок не то с землей, не то с табачным пеплом. Занавески снесли в прачечную, и они вернулись оттуда желтыми и перекрахмаленными. Так что больше они не шевелились. Слабенький чаек тербил сосочки языка, но ногам теплее не становилось. Проезжал время от времени реанимобиль, напоминая своей пульсирующей сиреной, что жизнь продолжается...

Когда дорога пошла под уклон, Поленьев точно не мог сказать. Пять лет назад? Десять? Двадцать?..

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

Видимо, тогда, когда он решил, что в нем больше нет надобности...

Из окна напротив эротировала аэробика, а в институт стала ходить новенькая машинистка в дутой куртке. Она каждое утро заглядывала в его кабинет и выкрикивала: «Доброе утро, мэтр!»

Лена-Леночка-Лениссимо...

А он сожалел, что они не совпали во времени. Ошибочка вышла на каких-то двадцать пять лет...

«Глупый! – сказала она ему однажды. – Это как «нон-стоп» в кинотеатре. Ты досматриваешь, а я только пришла. Фильм-то один и тот же. Расскажешь, в крайнем случае...»

«А что будет потом?» – спросил он, целуя ее ладонь.

«Отрезок! – сказала она. – Прекрасный отрезок!.. Ты не веришь?»

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

И пока он раздумывал, прикидывал и сомневался, над очередью от прилавка молочного отдела до кассы повис возглас-лозунг, переброшенный краснолицей продавщицей: «Касса! Творог не выбивай! Творог кончается!»

И Поленьев подумал: «Почему, когда я становлюсь в очередь, творог кончается?»

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

В очередной раз все покрылось новой травой, и из склеенного горшка, неизвестно откуда и по каким законам, пробился хиленький росток. Из окна напротив вылетали аккорды Рахманинова, взятые некогда выдающимся пианистом, а на соседнем балконе шепелявый мальчик все повторял и повторял хрестоматийный отрывок из Гоголя: «Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вершины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ».

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...

И вдруг, наплевав на все врачебные запреты, Поленьев сварил себе кофе двойной крепости и выпил его, обжигаясь, как когда-то на тенистой набережной города Сухуми у греческого армянина Анести!.. Да кто же, в конце-то концов, знает, за каким поворотом ждет нас черный дрозд? Верно ведь, Лена-Леночка-Лениссимо? Ну скажи, а?..

...ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИ...

И возник в трубке гнусавый и усталый женский голос:

– ...СПРАВОЧНОЕ ОДИН ДВАДЦАТЬ СЕМЬ...

И Поленьев закричал:

– Скажите, когда...

Но тот же голос прервал его безапелляционно:

– ...ВАШ ПОЕЗД УЖЕ УШЕЛ...

«Не беда – полетим самолетом!!» – пропел Поленьев на мелодию Моцарта и несколько раз прокрутил телефонный диск. Ему тут же ответили нечеловечески спокойно:

– ...НЕ ВЕЩАЙТЕ ТРУБКУ... ВАМ ОБЯЗАТЕЛЬНО ОТВЕТИТ ОПЕРАТОР... НЕ ВЕЩАЙТЕ ТРУБКУ... ВАМ ОБЯЗАТЕЛЬНО ОТВЕТИТ ОПЕРАТОР... НЕ ВЕЩАЙТЕ ТРУБКУ... ВАМ ОБЯЗАТЕЛЬНО ОТВЕТИТ ОПЕРАТОР...

Из окна напротив грянул марш «Прощание славынки»...

1986

том, что это не что иное, как странная и довольно

страшная эпидемия, я стал думать позже, а поначалу все показалось единичным заурядным недоразумением...

Вода всех видов прекратила идти из всех кранов около десяти часов утра в то не предвещавшее ничего плохого, неадекватно теплое осеннее воскресенье. Сделав трехчасовую паузу терпеливого ожидания, я позвонил в диспетчерскую и спросил, в чем дело.

– Хомут полетел, – ответил мне женский голос без особой ласки, но и беззлобно. «Бывает», – подумал я и направился через квартал к приятелю добриться, умыться и причесаться.

Между тринадцатым и четырнадцатым этажами лифт остановился. Сделав тридцатиминутную паузу терпеливого ожидания, я нажал на кнопку аварийного вызова.

– Хомут полетел, – сообщило мне решетчатое отверстие без особой ласки, но и беззлобно.

В три часа дня аварийная бригада извлекла меня из лифта, повредив во время извлечения «молнию» на моих брюках, вымазав мазутом рубашку и вывихнув мне правую руку в плечевом суставе. Я вынужден был поехать в травмпункт. На троллейбусной остановке мирно толпились люди. Что-то около батальона. Сделав часовую паузу терпеливого ожидания, я обратился к стоявшему поблизости милиционеру. Он сказал, что троллейбусов сегодня не будет и что люди эти стоят в очереди на завтра. На мой вопрос «что случилось?» он ответил мне:

– Хомут полетел.

Ответил без особой ласки, но и беззлобно. Тогда я спросил его, почему при таком скоплении народа он не на лошади. Он огляделся и шепнул мне на ухо:

– Хомут полетел.

Не было еще и половины шестого, когда я подошел к травмпункту. На дверях висело объявление: «ТРАВМ-ПУНКТ ЗАКРЫТ НА РЕМОНТ. ПОЛЕТЕЛ ХОМУТ». Подошедший сторож в порядке индивидуальной трудовой деятельности вызвался вправить мне руку. Пока сторож вправлял мне руку, его жена выстирала мою рубашку, старшая дочь починила «молнию» на брюках, а младшая побрила меня, умыла и причесала.

По дороге домой, вспомнив, что проголодался, я зашел в гастроном и встал в очередь к молочному отделу. Когда до прилавка оставалось два человека, продавщица закричала на весь зал:

– Касса! За молоко и творог не выбивай!

На что кассирша закричала тоже через весь зал:

– А я и не выбиваю! У меня хомут полетел!

В тот момент я и подумал о начавшейся эпидемии. Догадка моя нашла неожиданное подтверждение утром следующего дня, когда я пришел на работу. Сотрудники вели себя двояко. Одни радовались, другие плакали. Независимо от пола. Экспедитор, стрельнув сигарету, тихо сказал мне, что этой ночью скоростно скончался начальник отдела. Известие подкосило меня окончательно. Начальник отдела никогда ни на что не жаловался, не пил, не курил, не жизнелюбовствовал, по утрам бегал, по средам ходил в сауну...

– Что врачи сказали? – спросил я экспедитора.

– Хомут полетел, – сказал экспедитор и воспроизвел губами звук вылетевшей из бутылки пробки.

Я уже не сомневался в какой-то дьявольской эпидемии и с ужасом ждал худшего... В ночь со вторника на среду на подходе к городу сошел с рельсов электровоз. Чудом спасшийся машинист заявил корреспонденту «Гудка»: «Все было нормально, и вдруг в тормозной системе хомут сначала поплыл, а потом и вовсе полетел».

В четверг в разгар рабочего дня, когда практически весь город отдыхал и дышал свежим осенним воздухом, произошел чудовищный взрыв на макаронной фабрике, и два района завалило макаронами. Сотрудники мои шарахались в разные версии вплоть до террористического акта. Но я сказал сразу:

– Хомут полетел.

Когда правительственная комиссия сделала сообщение, что «непосредственной причиной взрыва явился полетевший хомут из-за недозасыпки муки в макаронную массу», меня сначала хотели судить за то, что я знал заранее и не сообщил, но потом наградили...

Жизнь, однако, шла своим чередом, брала свое, и в третью субботу октября я бракосочетался с самой прекрасной женщиной земного шара. В тот же вечер мы отпраздновали грандиозную свадьбу. Гости разошлись часа в четыре ночи, пожелав нам счастливой семейной жизни. Мы вышли на балкон, и я обнял ее, испытывая трепет и неясность, физически ощущая понятие «любовь», которое казалось уже и не столь девальвированным. Слова нам были не нужны... Наваждения последнего времени уменьшались, скукоживались и постепенно теряли смысл. И нас растворяла в своем молчаливом достоинстве Природа, которая в высшей гармонии движения не может ни остановиться, ни опоздать, ни сойти с рельсов. И времена года всегда будут сменять друг друга в той целесообразной последовательности, в какой это и происходит, даже если бы мы разделили год не на двенадцать, а на сто двадцать месяцев и назвали любовь словом «ненависть»...

Уже посветлело, и я различал контуры еще остававшихся на деревьях листьев. Грядущий день обещал только хорошее. И, словно недостающей нотой, вошло откуда-то сверху в совершенный аккорд такое знакомое с детства курлыканье. Я поднял голову. В предрассветном небе летела над нами, образовав характерный клин, стая хомутов...

1987

Дурной сон

Василию Степановичу приснился странный сон,

будто стал он Генеральным секретарем КПСС с супругой... И будто пошли они с утра на рынок кое-чего к обеду купить. Как раз в тот день Василий Степанович с лабрадорским президентом коммунике должны были подписать о всеобщем невмешательстве. Ну, а после этого надо, как водится, торжественный обед дать в честь президента и всей его клики. Тут супруга Катерина и говорит:

– Дался тебе, Василий, этот лабрадорский президент. Пятый раз приезжает, и все его обедом корми... Продуктов на них не напасешься... Голова пухнет!

А Василий Степанович отвечает ей по-государственному:

– Ты, Катерина, не права. Они нас тоже хорошо кормили... Индейку давали, ананасы в мороженом...

– Да, – говорит Катерина, – хорошую они провокацию устроили... От этого мороженого такие пятна на юбке остались – ни одна химчистка не принимает... Хоть Бурде в ФРГ звони...

А Василий Степанович опять ей по-государственному:

– Зато мы им за это мороженое ноту протеста выставили, и они нам в страну зубную пасту подбросили...

А Катерина отвечает:

– Ты мне, Василий, лапшу на уши не вешай! Пасту они нам продали за то, что ты евреев из страны выпускать разрешил... Сколько их в этом году уехало?

– Восемьсот, – говорит Василий Степанович.

– А сколько паст нам продали?

– Тыщу шестьсот, – говорит Василий Степанович.

– Вот и посчитай, – говорит Катерина. – Один еврей за два тюбика... А когда они все кончатся, чем народ зубы будет чистить?

Хотел было Василий Степанович супруге оплеуху отвесить, а рука не поднимается – дело-то во сне было... Хорошо, что на рынок пришли. Смотрят, а рынок пустой. Ни единого товара нет. Один Берия в рядах стоит, мандаринами торгует. По десять рублей за штуку.

– Ах ты спекулянт! – кричит Василий Степанович. – Ах ты убийца!.. Да я тебя...

– Оставь его, Вася, – говорит Катерина, – его уже история осудила...

– Где товары? – не унимается Василий Степанович. – Лабрадорского президента кормить нечем!

И тут, откуда ни возьмись, подбегает директор рынка, он же министр финансов... Ну, во сне-то чего не бывает... И ласково так шепчет:

– А все товары, Василий Степанович, ваши кооператоры скупили, а от пайков вы сами отказались...

– Погорячился ты, Вася, – говорит Катерина.

А директор рынка, он же министр финансов, продолжает:

– Ну, ничего. Я этим кооператорам такой налог прогрессивный придумаю – мигом товары появятся. Рубль заработал – пять государству отдай!..

– Так они ж работать не будут! – замечает Василий Степанович.

– Заставим, – говорит министр финансов, – под конвоєм заставим!

– Так ведь это уже у нас было! – кричит Василий Степанович.

– А мы завоеваний прошлого не отдадим! – говорит министр финансов.

– Что?! – кричит Василий Степанович. – Да я тебя за такие концепции...

– Руки короткие, – отвечает директор рынка, он же министр финансов. – Меня, между прочим, народ двумя третями на пять сроков выбрал!..

Неизвестно, чем бы все кончилось. Хорошо, троллейбус подошел. Влез Василий Степанович в троллейбус, поехал коммюнике подписывать. А супруга встала в очередь в магазин, купила двух цыплят венгерских бройлерных, десяток яиц и пошла домой торжественный обед стряпать....

Подписал Василий Степанович коммюнике с нашей стороны, и поехали они с лабрадорским президентом завод «Синий богатырь» осматривать.

Подводят их к знатному токарю-рекордисту. Работает токарь, секретные подшипники делает.

Тут лабрадорский президент и спрашивает с некоторым вмешательством во внутренние дела:

– А что, господин токарь, небось выпиваете на работе?

А токарь и отвечает:

– Не при Василии Степановиче будет сказано – выпиваю...

– Сто? – спрашивает президент.

– Могу сто.

– А двести?

– Могу и двести.

– А пятьсот?

– Могу и пятьсот.

– А литр?

– И литр могу.

– А как же работа? – спрашивает президент, совершенно опупевший.

– А нормально, – говорит токарь. – Вы же видите – работаю.

Тут Василием Степановичем овладело смешанное чувство стыда и гордости. Ну, во сне так бывает. Он и говорит:

– А сколько, токарь, ты в месяц получаешь?

– Триста, – отвечает токарь.

– А мы возьмем, – говорит Василий Степанович, – и водку по тридцать рублей сделаем. Тоже будешь пить?

– А чего ж, – говорит токарь.

– А мы не остановимся и до ста рублей повысим...

– Все равно буду.

Тут Василий Степанович завелся:

– А мы и триста рублей сделаем! Мы такие!

– Эх, Василий Степанович, – улыбается токарь, – не при президенте будет сказано... До лампочки мне ваши повышения! Вот видите этот секретный подшипник? Так вот он как стоил пол-литра, так пол-литра и будет стоить...

Неизвестно, чем бы все кончилось, но супругу лабрадорского президента всех выручила и говорит на чистом лабрадорском языке:

– А какого хрена вы с обедом тянете? У меня кишка с кишкой разговаривает...

И все обедать к Василию Степановичу пошли... Благо до дома недалеко было...

За обедом едва международный конфликт не случился.

Катерина на первое куриный бульон с крутым яйцом сварила. Стал президент яйцо вилкой поддевать, а оно скользит, не поддается. Хотел ложкой выловить, а оно из тарелки выскочило и по линолеумному полу в кухню запрыгало, где его кошка и оприходовала.

А Василий Степанович как раз тост за взаимопонимание поднимал...

Тут президент Лабрадора встал, красный такой, и говорит:

– Это хамство, свинство энд издевательство мне такие скользкие яйца подсовывать... Придется возобновить гонку вооружений...

Пришлось пообещать из Монголии войска вывести...

Хорошо, что во сне дело было... Ну, на том и расслабились... В общем, славно прием прошел, не считая еще одного печального инцидента. Министр культуры перебрал, заперся в совмещенном санузле, кукарекал и два часа никого не впускал. Супруга президента вынуждена была на двор бегать.

Тогда Василий Степанович министра культуры строго предупредил:

– Ты, – говорит. – Тимофеич, не в первый раз такое себе позволяешь. На женском конгрессе очередь собрал!.. На конференции неприсоединившихся стран дверь из-за тебя ломали!.. Еще раз такое сделаешь – отправлю тебя послом в Катманду!

Потом стали для высоких гостей такси вызывать... Заказ принимают только на август 1994 года, а у президента самолет утром...

Остановили левака. А он наглый такой оказался.

– Женщин, – говорит, – куда хочешь повезу. И бесплатно. Сам приплачу. А мужиков – ни за какие деньги! Я не из этих!..

Еле Катерина его уговорила. Пришлось собой пожертвовать...

Побрел Василий Степанович домой, стал в подъезд тыркаться, а лифтерша его не пускает.

– Нечего, – говорит, – по ночам с иностранцами группен-сексом заниматься! Сталина на вас нету!..

«Да-а, – тоскливо подумал Василий Степанович, – надо все в этой стране коренным образом менять в лучшую сторону...»

Тут все коренным образом и поменялось... Во сне-то чего не бывает?

Как раз и проснулся Василий Степанович. Проснулся и видит: собрание продолжается, голосование началось. Ну, он руку-то и поднял...

1988

Идеологический сон

Прошлой ночью Василию Степановичу приснился

странный сон, будто он решил выйти из партии... И будто он говорит супруге своей Катерине:

– Любить тебя, Катерина, буду по-прежнему, но из партии выйду.

А Катерина будто ему отвечает, и почему-то по-китайски:

– Инь сюи тю мань лю пэнь хао, ти суань шань мэнь мао!
И это по-русски означает: «Козел ты, Вася!»

А Василий Степанович будто на своем стоит:

– Раз у нас больше авангардной роли и руководящей силы нет, значит, и всего остального не будет. Машину персональную отберут, санаторий отберут, паек отберут, спецполиклинику отберут... А в районную поликлинику ходить – лучше самому СПИДом заразиться.

– Ты что ж, – говорит Катерина, – и с учета снимешься?

– Конечно, – отвечает Василий Степанович.

– А кому ж я жаловаться на тебя буду, если ты опять в аморалку ударишься?

– А кому хочешь, – говорит Василий Степанович. – Хочешь – Кашпировскому, а хочешь – Ким Ир Сену. Главное, чтоб на альтернативной основе.

С этими словами Василий Степанович хлопнул дверью и вышел из партии.

Идет он по проспекту Маркса и думает: где бы теперь подходящую идеологию найти? Ведь без нее, как без сигарет – знаешь, что вредно, а хочется... К межрегионалам кинуться – так они против привилегий, к неформалам примкнуть – они молодые да зеленые. В «Память» податься – у Катерины бабушка – Бронштейн.

Так ничего придумать и не может. Вдруг видит – на встречу ему Муськин идет, бывший инструктор райкома. Тертый мужик, если его даже при Брежневке за взятки из партии исключили.

И вот смотрит Муськин на Василия Степановича и во сне будто про него все знает.

– А что, Василий Степанович, – говорит Муськин, – приходи к нам работать.

– Это куда? – спрашивает Василий Степанович.

– В мафию, – отвечает Муськин. – Я в мафии секретарем по идеологии работаю. Ты ведь в Госплане пост занимал? Вот и будешь завотделом развала экономики.

– Нет, – говорит Василий Степанович, – надоело одним и тем же заниматься.

– А начальником отдела по борьбе с организованной милицией хочешь?

– Страшно, – говорит Василий Степанович.

– Тогда иди в комитет по связям с министерствами.

– Это годится! – обрадовался Василий Степанович.

– Нет, не годится! – говорит Муськин. – Нам туда партийный кадр нужен, а ты из нее вышел... Так что извини, что встретил... Пока! Мне еще в Георгиевский зал надо успеть орден Дружбы народов получить. – И исчез...

Совсем загоревал Василий Степанович и задумался: «Эх, кабы иметь пистолет, утопился бы к чертовой матери!»

А тут стемнело, и не заметил он, как очутился на площади Пушкина. Там, где «Московские новости» висят и где народ плюрализмом занимается.

Тут ему одна тетка и говорит:

– А чего ты, Василий Степанович, маешься? Сходи в Мавзолей, где когда-то Сталин лежал, расслабься, с вождем посоветуйся... Может, и полегчает...

«А и то правда», – подумал Василий Степанович и встал в очередь. Длинная очередь. Видимо, многие посоветоваться хотят. И люди, понятно, разговоры ведут разные.

– Безобразие! – говорит одна тетка с мужем. – Окоченеешь, пока туда попадешь! Шутка ли? Один на всю Москву... Да приезжих, почитай, два миллиона ежедневно... Ведь каждому хочется...

– Это верно, – вступает студент, похожий на Агузарову. – Но, говорят, с американцами договор заключили. Они обещали в одной только Москве двадцать штук выстроить...

Василий Степанович аж задохнулся. «Во, – думает, – до чего перестройщики довели! Уже святым с американцами торгуют!»

Часа через три подошла его очередь. Поднял он глаза и обомлел: вместо любимого имени реклама «Макдональдс» светится... Тогда он вбежал в этот ресторан и созвал несанкционированный митинг. Влез на стол и в мегафон закричал:

– Сограждане! Уступать дальше некуда! Или вы выбираете меня в народные депутаты, или я подам заявление о выезде на оккупированные арабские земли!

С этими словами проснулся Василий Степанович, супругу успокоил, прочитал свежие газеты и сам успокоился: вроде все пока на месте, оснований для паники нет, и рано еще из партии выходить... И он побежал платить членские взносы.

Сексуальный сон

Василию Степановичу приснился прошлой ночью

странный сон, будто на исполнение супружеских обязанностей ввели талоны, и он эти талоны потерял. А супружеские обязанности – это как раз те обязанности, которые время от времени хочется исполнять вне зависимости от религиозных убеждений, партийной принадлежности и расовых предрассудков. Даже рьяные радикалы

и пацифисты нет-нет да и исполняют свои супружеские обязанности, ибо ничто человеческое им не чуждо, по меткому выражению Маркса, который и сам по меньшей мере раз тринадцать эту обязанность исполнил. Ну и, понятно, Василий Степанович не был исключением. Тем более во сне, когда человек целиком оказывается под властью подкорки. И вот будто обращается Василий Степанович к своей супруге:

– Товарищ Катерина, я к вам по сугубо личному вопросу из области укрепления связей и внешних сношений.

А Катерина ему и отвечает:

– Извольте, товарищ, предъявить талон на апрель месяц, и я вам его надлежащим образом отоварю без всякого обсчета и недовеса.

Тут Василий Степанович начинает объяснять, что он, мол, эти талоны потерял и просит отпустить ему в счет будущего месяца или на худой конец по грабительской кооперативной цене. Но супруга его Катерина твердо стоит на своем: мол, государство эти талоны не для баловства ввело, а для плавного перехода к планово-рыночным отношениям, для борьбы со спекуляцией и теневой экономикой с целью удовлетворения потребностей населения по польскому варианту. И требует от Василия Степановича талон.

И вот Василий Степанович в крайне подавленном состоянии будто бы идет к своему старому другу, пенсионеру всесоюзного значения Петушкову, и говорит:

– Ты, Петушков, свою последнюю обязанность лет пятнадцать тому назад исполнил, и талоны твои зазря, можно сказать, пропадают...

А Петушков и отвечает:

– Ради бога, Василий Степанович, но у меня талоны особые, пенсионные, розового цвета. По ним только по целуи в лоб получать можно.

Расстроился Василий Степанович и пошел по Цветному бульвару в сторону рынка. Идет, голубям завидует... Вдруг останавливается перед ним автомобиль «Вольво», и из него Василию Степановичу кто-то ручкой машет. Смотрит – это его друг старинный по профсоюзам. Василий Степанович к нему – мол, так и так, мол, талоны потерял. А друг старинный и говорит:

– Мы с женой семь лет в Африке отбарабанили, так что нам теперь эти талоны без надобности. Бери сколько хочешь, но они инвалютные. По ним только в «Березке» обслуживают.

– Мне, – говорит Василий Степанович, – много не надо. Мне и одного хватит до мая протянуть.

И помчался в «Березку». А там очередь. Негры стоят, южные корейцы. У дверей амбал талоны проверяет. Подходит очередь Василия Степановича. Амбал и говорит:

– Ты откуда?

– Из Африки, – говорит Василий Степанович. – Семь лет отбарабанил. Приехал вот... обязанность супружескую исполнить. Имею право.

А амбал отвечает:

– А супруга твоя где? Ее что, гиппопотам съел? У нас тут только со своими женами обслуживают. Это тебе «Березка», а не публичный дом!

Стал Василий Степанович супругу по телефону вызывать, а она ни в какую:

– Я, – говорит, – тебе не путана, чтоб на конвертируемые талоны собственному мужу принадлежать! Приходи домой! Я щи из квашеной капусты сделала. Поешь, и полегчает!

Совсем тошно стало Василию Степановичу. «Вот, – думает, – какая социальная несправедливость! Стоишь, можно сказать, свое недополучаешь, а в это время какой-нибудь негодяй твоим талоном пользуется...»

Побрел он на телеграф, стал брату в Вильнюс звонить.

А брат по телефону и говорит:

– Мы отделяться задумали, и наши талоны действуют только на территории Литвы по удостоверению личности. Так что в крайнем случае пусть Катерина сама в Вильнюс приезжает. Мы здесь ее отоварим.

Но на это Василий Степанович брату твердо заявил, что отделяться, конечно, ваше право, но на неконституционные штучки Ландсбергиса он не клюнет. И решил в горькое посоветоваться. А ему там и говорят:

– Вот ты поспешил из партии выйти, а нам на это дело спецталоны выдали.

И показывают ему спецталон в целлофане. А на талоне написано: «Всюду и со всеми и даже в условиях Крайнего Севера».

Дико закричал во сне Василий Степанович и проснулся. Яичницу пожарил, рубашку надел и, забыв про всякие супружеские обязанности, побежал в магазин отovarивать талоны на сахар.

1990-1991

Если бы я был лягушкой...

Если бы я был лягушкой, я бы прежде всего вступил

в партию «зеленых». Я бы требовал защиты любого болота от окружающей среды. Я боролся бы за увеличение количества ряски, а производство комаров объявил бы приоритетной отраслью и пригласил иностранных инвесторов из высокоразвитых водоемов тропических регионов.

Если бы я был лягушкой, то считал бы, что все беды и напасти – от цапель. И не надо нам тыкать всякий раз, что цапли – такие же представители животного мира, как и мы, что у них на лапах такие же перепонки... А эти длинные носы! Эта наглая походочка!.. Эта ненасытная жадность!.. Спросите у любой патриотически настроенной лягушки из любого свободного застойного водоема: «Кто твой главный враг?» И она ответит: «Цапля!»

Они все узурпировали! Власть, культуру, телевидение! Они оккупировали даже такую традиционно нашу передачу, как «В мире животных»! Посмотрите заставку (!) этой передачи! Найдете вы там хоть одного представителя исконных земноводных? Шиш с маслом! Зато туда и сюда порхают и порхают эти длинноносые, жирнокрылые, обгаренные кровью наших головастика, наших младенцев!.. А нашу борьбу они называют «квасным патриотизмом»! За что? За то, что в слове «квасной» присутствует наше древнее первородное «ква»?..

А посмотрите на правительство! Да. Внешне многие из них похожи на нас. Но приглядитесь, и вы обнаружите все ту же длинноносость! Даже в парламент, где большинство являются истинными приверженцами болота, проникли цапельные!..

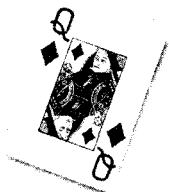
И хватит спорить о Конституции! Мы живем в болоте, и Конституция должна закрепить это наше право.

Если бы я был лягушкой, я предложил бы свой, лягушачий проект Основного Закона, отражающий коренные интересы зеленого большинства.

НАШ ЗАКОН

1. Цапли! Убирайтесь вон с нашего болота!
2. Головастики – наши дети!
3. Жабы – наши братья!
4. Каждая лягушка – царевна!
5. Каждый житель болота имеет право на «ква» и на материальное обеспечение в старости!
6. Комары и мухи объявляются всенародным достоянием, а личинки, яички и опарыши – стратегическим сырьем.
7. Французы и другие народы, употребляющие нас в пищу, считаются хуже цапель!
8. Надувание нас детьми через задний проход посредством соломинки считается оскорблением чести и достоинства и карается по закону.
9. Проведение на лягушках медицинских биологических и электрических опытов является преступлением. Для этого есть собаки и мыши.
10. Наша цивилизация – древнейшая! Наш путь развития – особый!
11. Мы не рыбы!
12. Но мы и не мясо!
13. Жизнь в болоте – священное право каждого из нас!
14. Продолжение рода является нашей священной обязанностью и осуществляется в массовом порядке во время каждой очередной сессии парламента. Спикер обслуживается вне очереди.

И еще. Но это уж сугубо между нами... Если бы я был лягушкой, мои дети никогда не призывались бы в армию по причине плоскостопия...

Если бы я был раком...

 Если бы я был раком, то я бы

всем рассказал, где мы зимуем, и еще одной загадкой природы стало бы меньше.

Я бы стал пятиться вверх на самую вершину той самой Горы. И достигнув ее, я бы так свистнул, что все обратили бы на меня внимание. Я бы прокричал им: «Эй вы, ракообразные, членистоногие, беспозвоночные, земноводные и пресмыкающиеся! Вы слышите? Счастье-то какое! Доллар на семь пунктов упал! Выше голову, бабуся! Вынь ее из помойного бака! Стряхни лапшу с ушей! Это отразится на фьючерсных сделках! Улыбнись, дедуля! На фьючерсных! Это тебе не хухры-мухры! Это одним концом по бартеру, другим – по мужику!.. Эй, лебедь! Перестань рваться в облака! Эй, щука! Кончай тянуть в воду! Воз-то и ныне там!.. А, хрен с вами! Тогда я буду себе пятиться, чтоб вам всем вложить ваучер в нерентабельное предприятие!.. Сколько можно упрашивать народ купить кирпичные заводы «Унитрон» и отведать «Баунти»? Охрнительное наслаждение!.. Неужели так трудно слетать в Монте-Карло?.. Русь! Дай ответ!.. Не дает ответа!»

Как приятно пятиться... Верной дорогой, по ленинскому пути... Шаг вперед! Два шага назад! Шаг вперед! Два шага назад!.. В август девяносто первого... Борис Николаевич! Руслан Имранович! Вас же могли расстрелять за одно и то же дело!.. Михаил Сергеевич! Не делайте Крючкова министром Госбезопасности... Не продешевите с Берлинской стеной... Не отстраняйте Бориса Николаевича... Не вытаскивайте его из Свердловского обкома!.. Борис Николаевич, не потеряйте партийный билет! Вам еще из ЦК КПСС выходить... Раиса Максимовна! Уговорите Мишу не объявлять гласность и перестройку! Вы же умная женщина!.. Ну, смотрите! Мое дело – предупредить из будущего... Отползаю... Как вы себя чувствуете, Константин Устинович? Товарищ Черненко!.. «Чувствую... себя... хоро...» Шо? Шо вы сказали?.. Юрий Вла-

димирович, что сказал Константин Устинович? Что?.. Куда же вы так быстро? Один за другим, один за другим... Я не поспеваю... Леонид Ильич, не умирайте!.. При чем тут «сосиски сраные»?.. Ах, вы сказали «социалистические страны»! Не вводите «контингент» в Афганистан, не выдавайте дочь за Чурбанова, не лезьте в Чехословакию, не отстраняйте Хрущева!.. Отползаю... Отползаю... Никита Сергеевич, не сейте кукурузу, не сбивайте Пауэрса... Не шутите со Сталиным!.. Отползаю... Отползаю... Назад... Назад... Нет лучше пицци, чем останки прошлого. От Победы к блокаде. Через карточную систему – самую справедливую, самую равную... Вставай, страна огромная, и на нары, на нары... В Норильск! В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов! Тринадцать лет без Ленина!.. Три года без Кирова!.. Что там сзади светится? Это Днепр-прогэс и Шатура!.. Шесть лет без Ленина... Два года без кулаков и без кулацкого хлеба!.. Назад... Назад...

Если бы я был раком, я бы полностью изменил существующий обмен веществ. Я бы питался дерьмом, а экскрементировал готовой продукцией, свежей и экологически чистой. Это ли не путь к изобилию?.. Впрочем, первая часть процесса у нас налажена...

Но назад... назад! Ленин будет жить! Ленин жив! Ленин жил!.. Это есть наш последний...

Стоп! Дальше пятиться опасно... Я стал красным и могу угодить на стол под пиво к какому-нибудь буржую... Запятиться под берег, зарыться и, пожирая воспоминания, пожираемый воспоминаниями, обсеменять светлое будущее своими метастазами...

...Как у Перекопа, как у перешейка

Потерял клешню я в праведном бою.

Где ты, моя девочка – раковая шейка?

Никакой пощады никаким врагам!

ПРОГРАММА ПЕРЕДАЧ НА БУДУЩЕЕ

ПОНЕДЕЛЬНИК, 6.30 – Алябьев. «Соловей».

ВТОРНИК, 12.10 – Сен-Санс. «Умирующий лебедь».

СРЕДА, 15.40 – Алябьев. «Соловей».

ЧЕТВЕРГ, 18.35 – Сен-Санс. «Умирующий лебедь».

ПЯТНИЦА, 21.20 – Алябьев. «Соловей».

СУББОТА, 22.15 – Сен-Санс. «Умирующий лебедь».

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23.50 – Новости спорта.

Если бы я был соколом...

Если бы я был соколом, то прежде всего

не терзался бы этим сакраментальным вопросом на украинском языке – «Чому я не сокил, чому не летаю?» Я бы летал, и прекрасно это делал. И совершенно мне было бы наплевать (или нагадить) на рост аэрофлотовцев и региональные трудности с керосином. Я и мои друзья резвились бы орлами над бывшими необъятными просторами и, обладая отменным соколиным (не хуже орлиного) взором, наблюдали за пошедшим процессом вообще и за процессом над ГКЧП в частности. А ведь это так замечательно видно с высоты птичьего полета...

Если бы я был соколом, то, видимо, про меня сочинил бы свою бессмертную «Песню» великий пролетарский писатель А.М. Горький, противопоставив меня ужу, который, если верить тому же пролетарскому писателю, «летать не может», так как он есть не кто иной, как «рожденный ползать». И, свернувшись в своем ущелье, он бы превозносил Крючкова и Невзорова, требовал бы восстановления крепкой многовековой дружбы между СССР и Ираком и призывал к расправе над Мордухаем Срульевичем Горбачёвичем и Борухом Наумовичем Эльциндом, развалившими Державу и приведшими ее к темному будущему. А я бы ответил ему радостно-пессимистичными словами другого (но совсем не пролетарского) писателя, Н.А. Некрасова: мол, Держава наша и Народ наш «вынесет все и широкую ясную грудью дорогу проложит себе. Жаль только, жить в эту пору прекрасную, Уж, не придется ни мне, ни тебе».

Если бы я был соколом, то обязательно разыскал бы тот самый исторический зеленый дуб, на котором, по свидетельству хора им. Пятницкого, состоялось историческое прощание двух соколов, один из которых был Ленин, другой – Сталин. Хотя говорят, что второй сокол никогда с первым соколом не прощался и в буквальном смысле слова в гробу его видел. Но это чисто троцкистская брехня, а я предпочитаю верить исторической

правде хора им. Пятницкого, ибо ни ворон ворону, ни сокол соколу глаз не выклюет...

Если бы я был соколом, то до смерти Иосифа Виссарионовича – отца всех физкультурников, птиц и пресмыкающихся, я был бы, скорее всего, сталинским соколом, а во время славного застоя – космическим соколом. При этом никогда бы не забыл данную мне для соблюдения секретности радиокликуху и не попал бы в народный фольклор, согласно которому некий незадачливый космонавт был выведен на орбиту, но, одурев от перенесенных перегрузок, полностью потерял ориентацию и испуганно заорал по радиосвязи: «Кто я? Кто я?» А в ответ услышал твердый голос с Земли: «Сокол» ты... твою мать!»

Если бы я был соколом в лихое нынешнее время, то уж, во всяком случае, не соколом Жириновского, а, скорее всего, соколом-демократом с ограниченной ответственностью. А еще лучше – соколом-посредником с неограниченными возможностями. И, пролетая над гнездом таможни, уносил бы я в клюве стратегическое сырье, а приносил бы в том же клюве водку «Смирнофф» – самую чистую водку в мире, чтобы даже самый нищий пенсионер мог почувствовать разницу... между «Роялем» и роялем в кустах и белым «Мерседесом» в исполнении Маши Распутиной – однофамилицы не самой лучшей водки в мире.

Если бы я был соколом, то ни за что не стал бы президентом, ибо президент всегда опаздывает... с точностью до минуты, с точностью до копейки. А точность – вежливость королей. А если бы и стал президентом, то непременно – калмыком. В крайнем случае, его охотничьим соколом, чтобы в любой момент сорваться с его плеча или перчатки и вонзить когти в ускользающую добычу. Ибо надо летать! Надо летать! Надо летать!.. А не можешь летать – уползай... Или уезжай...

Впрочем, если бы я был соколом, моим именем могли бы всего лишь назвать одну из станций Московского метрополитена.

Рукописи не возвращаются

Роман

В [REDACTED] I
помещении редакции журнала «Поле-полкешко»

частенько пахло газом.

Редакция размещалась в бывшей людской особняка графа Ефтимьева. Сразу после революции сюда завезли двадцать кроватей и организовали госпиталь для раненых. Когда окончилась гражданская война и раненых стало значительно меньше, кровати вывезли.

Несколько лет помещение пустовало, находясь в опечатанном состоянии, после чего превратилось в детский сад, тем более что население города Мухославска к тому времени заметно увеличилось. Тогда-то в подсобке была установлена обыкновенная плита, которую после ввода в эксплуатацию знаменитого газопровода «Саратов–Москва» заменили на газовую, что в конце концов и сыграло роковую роль в жизни редакции журнала «Поле-полкешко». Но об этом позже.

Причина, по которой в помещении редакции частенько пахло газом, была экономически объективной. Город Мухославск славился на всю страну своей спичечной фабрикой. В Оймяконе, в Благовещенске, в Термезе, в Мукачеве, в Сингапуре, на Островах Зеленого Мыса, в освобожденной Анголе и даже в спецмагазине для сотрудников советского посольства в Вашингтоне можно было встретить знаменитые мухославские спички.

Поэтому в самом Мухославске они являлись предметом повышенного спроса, или, в новейшем определении, дефицитом. Кроме того, химзавод имени таблицы Менделеева выпускал яды-пшикалки против тараканов, клопов, муравьев, мышей, крыс, волков и экспортировал их в Австралию, где ими травили неумно размножавшихся кроликов. Яды-пшикалки обладали резко специфиче-

ским запахом, что делало их пригодными в качестве дезодорантов. По известным причинам яды-пшикалки-дезодоранты тоже являлись предметом повышенного спроса, и достать их не было никакой возможности.

Казалось бы, что общего между запахом газа в редакции журнала «Поле-полюшко», спичками и ядами-пшикалками-дезодорантами? А вот что. Журнал «Поле-полюшко», как и любой уважающий себя журнал, имел туалет, в котором, естественно, отсутствовал дезодорант. Дезодорирующий эффект производил едкий дым от зажженного факела из неподошедших рукописей. Но дело в том, что в силу спичечного дефицита редакционная коробка хранилась у вахтерши Ани, которая, чтобы ее всякий раз не тревожили сотрудники, каждый день в десять часов утра зажигала газовую горелку. И стоило войти в помещение редакции какому-нибудь сотруднику или просто, не дай бог, автору, как возникавший сию же минуту сквозняк задувал пламя горелки, после чего вахтерша Аня, чужая запах газа, шла в подсобку и снова зажигала горелку, ворча при этом по обыкновению: «Вот уже взорвемся в одночасье».

II

Алеко Никитич сидит в своем кресле, откинувшись на спинку, заложив левую руку за голову, вытянув ноги, и делает сквозь зубы «с-с-с», что означает: ничего, все нормально. Все так, как и должно быть. Журнал выходит, тираж растет, нареканий нет. Индей Гордеевич на месте. Дамменлибен услужлив. Внучке третий годик. Хорошая девочка. Машенька. Рыженькая. Стоит дедушке прийти с работы, как она забирается к нему на колени и щекочет нежными ручонками его лысую голову. С-с-с. Алеко Никитич проводит правой рукой по своей лысой голове. Зря только Поля вышла за скрипача. Он, конечно, парень нормальный, но что это за профессия? Ведь не Ойстрах же. Не Ойстрах. Хотя внучка прелестная. Уронили Мишку на пол, оторвали Мишке лапу. Алеко Никитич снимает телефонную трубку.

– Рапсод Мургабович? Здравствуй, дорогой! Тут к тебе дама одна подойдет. Дочь бывшего однополчанина. От меня. Пару баночек икорки сделай. Спасибо, дорогой.

Что там у тебя интересного есть? Финский? Оставь пару батончиков. Плория моя обожает. Спасибо, дорогой. Слушай, Рапсод Мургабович, может, с очерком у нас выступишь, а? Воспеть работника прилавка. По-моему, самое время. Поможем. Я к тебе Сверхценского пришлаю.

Алеко Никитич кладет трубку. С-с-с. Дочь однополчанина. Рапсод Мургабович прекрасно знает, что Поля – моя дочь. Соблюдение норм. Но Машеньке необходимы витамины. Алеко Никитич смотрит в окно. Жаркий будет день. Жаркий. Он видит, как люди перебегают с одной стороны улицы на другую под самым носом машин. И он думает: они так торопятся на ту сторону, словно на той стороне их ждет совершенно другая жизнь. С-с-с. Чего тебе, Теодор? Это художник Дамменлибен появляется в кабинете. Без стука могут сюда входить только заместитель Индей Гордеевич и Дамменлибен. Дамменлибен во время войны был интендантом и с тех пор страдает категоричностью своих суждений.

– П-п-п-п-при... при... – пытается высказаться Дамменлибен.

– Приветствую, Теодор! Что случилось?

Дамменлибен вдруг перестает заикаться и выпаливает на одном дыхании:

– Слушайте Никитич! Моя жена Нелли прекрасная умная женщина у тещи тромбофлебит отвез ее в больницу Петеньке в классе кто-то наделал в портфель я говорю я ветеран войны по-моему это тема для нашего журнала щенок всюду гадит как вам нравится в Римского Папу стреляли я не верю что он турок отдохнуть вам надо Никитич вы подписались на «Америку» слушайте одолжите пятерку в кулинарии антрекоты дают бардак вы помните до войны...

Алеко Никитич любит, когда его называют Никитичем.

– Пятерку я вам одолжу, Теодор, но что вы там нарисовали к рассказу Гайского? Почему у лесорубов такие длинные носы?

– Слушайте Никитич! Моя Нелли умная женщина со вкусом вспомните Сойфертиса у меня был командир хохол и ничего мы с ним вчера выпили три пули вынули из Папы бардак у нашей Ани по-моему появился мужик что

мне трудно укоротить носы слушайте Никитич дайте еще трешку и я вам буду должен девяносто шесть щенков всюду гадит бардак сп-сп-сп-сп... сп-сп-спас...

– Не стоит, Теодор. А носы сократите.

Дамменлибен исчезает. Алеко Никитич слышит за дверью знакомый короткий смешок и томительное шуршание колготок. Это проходит по коридору машинистка Оля. Олечка. Олюшка. Олюля. Входите, Ольга Владимировна. Садитесь. Она садится. Нога на ногу. Вызывающе. Алеко Никитич смотрит в угол кабинета, чтобы не видеть Олиных колготок. Ух, Оля! Как дела, Ольга Владимировна? Алеко Никитич закрывает дверь кабинета на ключ. Как дела, Ольга Владимировна? Она очень похожа на его первую жену Симу. Как он любил Симу! У нее были такие же прямые волосы, такие же мягкие.

Но не входит в кабинет Оля, Олечка, Олюша, так напоминающая Симу, Симочку, Симулю. Это все грезится Алеко Никитичу, все мечтается. И он стучит кулаком по своей лысой голове, пытаясь отогнать охватившие его воспоминания... Ах, Сима, Симочка!.. Лань моя трепетная! Женщина моя единственная! Где твои губы терпкие, рябина-ракита моя стройная!.. Угораздило же отца ее, врача, в свое время сделаться «убийцей в белом халате»... Тогда-то и посоветовали Алеко Никитичу серьезные люди порвать с Симой, Симочкой, потому как не к лицу ему, человеку нужному и полезному, добровольно себя компрометировать... И не поняла она, что не предал, не бросил ее Алеко, а поступил по разумной необходимости. А напрасно не поняла...

Алеко Никитич стучит кулаком по своей лысой голове, и воспоминания понемногу отпускают его. Он опять снимает телефонную трубку. Глория? Обедать сегодня со всеми не пойду. Жди дома. Он вешает трубку. Хорошо, что Глория все понимает. Мудрая женщина. С-с-с.

...Стрелка часов медленно подбирается к часу дня.

С-с-с. Глория уже все приготовила. С-с-с. Машенька с няней гуляет. С-с-с... Пора идти...

И в этот момент открывается дверь и входит незнакомец. Молодой человек, коротко стриженный, с голубыми навывкате глазами, непонятного для Алеко Никитича социального происхождения. Не то рабочий, не то футбо-

лист, не то учитель. И держит в руках тетрадь в черной кожаной обложке. И Алеко Никитичу беспричинно становится неприятно, будто в его жизнь, в его тело вползает что-то чуждое, неудобное и холодное. Почему этот тип вошел без стука? И что это за тетрадь держит он в руках? Рукопись? Я рукописи не читаю. Для этого есть отдел прозы. Есть Зверцев, есть консультанты.

– Кто вы? – спрашивает Алеко Никитич как можно строже. – Почему без стука? Что у вас в руках? Рукопись? Я рукописи не читаю. Для этого есть отдел прозы. Вы у Зверцева были?

– Зверцев правит Сартра, – бесстрастно произносит незнакомый автор и, сделав два шага, кладет рукопись на стол. А потом добавляет многозначительно: – Вам должно подойти.

Алеко Никитич повидал много авторов. Присылали по почте с большими сопроводительными письмами, с подробным описанием жизни, с перечислением наград, прежних публикаций и, главное, увечий. Передавали через жен и знакомых с просьбами отнестись повнимательней, намекали на ответные услуги в случае публикации, наконец, впрямую пытались всучить взятки – от трехзвездочного армянского коньяка до очереди на мебельный гарнитур. Беспощадный сатирик Гайский даже соблазнял девочками, которых у него, по его же словам, больше, чем у американского певца Джексона. Но такую безапелляционность Алеко Никитич встречал впервые.

– Минуточку, – говорит он, – но вы хоть зарегистрировали вашу рукопись у Зверцева?

– Зверцев правит Сартра, – по-прежнему бесстрастно отвечает автор.

Алеко Никитич звонит Зверцеву.

– Я правлю Сартра, – заявляет тот. – Хочу сегодня вечером отдать на машинку Оле.

Алеко Никитич думает про диалектику и про Сартра, прошедшего славный путь от служителя сомнительного течения, именуемого экзистенциализмом, до выдающегося деятеля французской и мировой культуры, которого сегодня правит Зверцев – заведующий отделом прозы мухославского журнала «Поле-полюшко». Время движется, безусловно движется. Только куда? Алеко Никитич хо-

чет сказать автору, что «Поле-полюшко» – серьезный журнал, а не мусорная яма, и что автор еще слишком молод и зелен, и что надо вести себя поскромнее... Но, к удивлению Алеко Никитича, автора уже нет. Он исчез, и Алеко Никитич не заметил как... Алеко Никитич машинально раскрывает тетрадь в черном кожаном переплете и читает на первой странице:

«Мадрант похрапывал, распластавшись под пурпурным покрывалом. Поднявшееся над морем солнце бледно-шафрановыми лучами ударяло в плотные вишневые шторы, скрывавшие мадранта от окружающего мира и охранявшие его ночной сон. И чем выше отрывалось от моря светило, тем ярче возникала в покоях мадранта иллюзия разгоравшегося по ту сторону вишневых штор кровавого зарева...»

– Не про производство, – вслух произносит Алеко Никитич и бросает тетрадь в портфель.

Он закрывает форточку, надевает макинтош, запирает дверь, отдает ключ от кабинета вахтерше Ане и направляется в сторону дома.

III

Беспощадный сатирик Аркан Гайский катастрофически начал лысеть еще в седьмом классе средней школы, что явилось предметом насмешек и колкостей со стороны соучеников и соучениц. Шушукались, поговаривали о причинах столь прогрессирующего облысения, но конкретно никто ничего не знал. Параллельно у Гайского стал уменьшаться нос, и это тоже подбавило дров в костер предположений и догадок. Развившийся комплекс неполноценности предопределил дальнейшее вступление на стезю беспощадной сатиры, к чему уже тогда имелись выраженные способности.

- Лысый! Лысый! Живет с крысой! – говорили ему друзья.
- На себя посмотри! – парировал беспощадный сатирик.
- На экскурсию – по два рубля с носа! – объявил староста. – С Гайского – полтинник.
- На себя посмотри! – пригвождал Гайский.

Постепенно он пришел к выводу, что окружающие его не очень любят. Надо сказать, это не было ошибочным выводом. Но жить в таких условиях не столь уж приятно, и вскоре Аркан Гайский вывел для себя удобную формулу: не любят, потому что завидуют.

Беспощадным его прозвали за то, что в своем творчестве он не щадил никого: ни женщин, ни стариков, ни детей. Особенно он ненавидел недостатки и пережитки. Когда в Мухославске повысились цены на кофе, он на одном из вечеров позволил себе рискованную шутку, рассказав такую байку: «У попа была собака, он ее любил. Она съела банку кофе – он ее убил».

Забредший после длительного заседания на его вечер председатель мухославского исполкома спросил у своего заместителя: «Откуда взялось это чучело?» Заместитель пожал плечами, но фраза, пущенная председателем, не прошла для Гайского бесследно. До конца жизни он так и не смог стать членом мухославского отделения Союза писателей, хотя кого туда только не приняли: и Бестиева, и публициста Вовца, и поэта Колбаско.

«Завидуют, – повторял Гайский. – Все завидуют!»

– Написать «Войну и мир» просто, – говорил он публицисту Вовцу, который за сто пятьдесят граммов мог слушать Гайского часами, а еще за сто пятьдесят граммов во всем был с ним согласен. – А ты попробуй вскрой, когда тебя душат..

Гайский был многогранен. Он не только читал свои рассказы и фельетоны, но и, приплясывая, пел частушки собственного приготовления.

Его ценили мухославцы и ходили на него, как на женщину с бородой. По-настоящему дружил с ним художник Дамменлибен, которому Гайский всегда одалживал деньги, со вздохом, но одалживал, а Дамменлибен за это охотно иллюстрировал сатирические рассказы Гайского, которые тот килограммами приносил в журнал «Поле-полюшко». Дело было вот в чем: если Дамменлибен брался иллюстрировать чей-нибудь рассказ, то, что бы ни происходило, рассказ всегда появлялся. Порой наполовину сокращенный, порой оставались две строчки, порой выходила одна только иллюстрация Дамменлибена, но все-таки выходила, потому что Дамменлибен пользовался у

Алеко Никитича любовью и заслуженным авторитетом талантливого художника, так как интересовался здоровьем Гюрии и согласен был с Алеко Никитичем, что Поля могла найти себе человека поинтереснее, чем скрипач из мухославского драмтеатра.

Была у беспощадного сатирика Гайского еще одна уже упомянутая страсть – девочки. Так он называл всех особ противоположного пола независимо от возраста. Период активной ловли девочек делился у Аркана Гайского на два больших отрезка: ловля на купальник и ловля на совместную жизнь.

Ловля на купальник началась в тот золотой для предприимчивых людей период, когда наша легкая промышленность, освоив производство черных семейных трусов, еще не предполагала, что такое купальник. Собственно говоря, этот золотой период по-настоящему не кончился и сегодня. С вводом же в эксплуатацию мухославского водохранилища вопрос купальников для местных женщин встал ребром. Тогда-то, будучи в Москве на экскурсии, Аркан Гайский и отхватил в магазине «Ванда» польский купальник с бабочками за 18 рублей 50 копеек. Изначально купальник предназначался незамужней тогда дочери Алеко Никитича, за которой Гайский в то время ухаживал, но когда, возвратившись из Москвы, беспощадный поклонник узнал, что Поля предпочла гневному перу сатирика смычок скрипача, вопрос с подношением отпал, и купальник с бабочками стал дожидаться лучших времен. Однажды, пригласив в гости к себе под видом чтения бессмертных произведений доверчивую лаборантку с химзавода, Гайский начал ее бессовестно домогаться, пытаясь поцеловать в ушко. В ответ на это доверчивая, но гордая лаборантка, читавшая известное изречение из «Мудрых мыслей»: «Умри, но не давай поцелуя без любви», заявила сатирику, что за поцелуй без спроса полагается «подщечина». Тут потерявший, видимо, рассудок Гайский и выложил перед ней купальник с бабочками, высказав предположение, что эта вещь должна быть лаборантке к лицу. Доверчивая, но по-прежнему гордая девушка попросила мужчину удалиться и начала примерку. Последователь Гюголя удалился в соседнюю комнату, но в течение всего процесса пример-

ки кричал сквозь неплотно закрытую дверь: «К лицу! К лицу! Ой, как к лицу!» Гордой, но доверчивой девушке купальник понравился настолько, что она даже не стала его снимать, а, наоборот, надев платье, принялась собираться домой, мотивируя свой уход поздним временем и ранним вставанием на работу. Но здесь разгоряченный щедринец проявил твердость и потребовал немедленно снять купальник, так как делать подарки без взаимности он не намерен, потому что вещь дорогая, италло-французская и стоит двести рублей. Лаборантка вспыхнула, сорвала с себя купальник и, перейдя на «вы», желчно сказала перед уходом: «Эх, вы! Правильно про вас говорят!»

И тут Гайскому пришла счастливая мысль. С этого момента каждой девочке, которую он приглашал в гости, после чтения рассказов и рассуждений о тяжелой доле сатирика предлагался купальник. Во время примерки, как бы невзначай, в комнате появлялся пылкий ученик Зоценко в плавках с золотой рыбкой и предлагал свои отношения. В случае, если купальник подходил – а он подходил всем, так как был безразмерным, – у любительницы сатирической литературы имелось два выхода: либо забрать подарок себе, поверив в любовь с первого взгляда, либо заплатить двести рублей. Но фатально, что оба выхода оказывались неприемлемыми, и купальник с бабочками оставался у хозяина, а хозяин после этого час остывал под холодным душем, повторяя в сердцах: «Завидуют! Все завидуют!»

И вот однажды Аркан Гайский уговорил на литературный вечер вполне интеллигентную травести из детского театра и с шестым номером бюста. Убедив ее в безысходной доле сатирика и угостив рюмкой портвейна с конфетой «Южная ночь» в синей обертке, Гайский разложил перед ней купальник.

– Беру! – немедленно сказала интеллигентная травести и бросила купальник в сумочку.

Гайский, непонятно каким образом оказавшись в плавках с золотой рыбкой, сразу же стал прыгать на нее, пытаясь достать заветное ушко. Но интеллигентная травести оттолкнула его в солнечное сплетение со словами: «Не сегодня, дурашка!»

– Берете или не берете? – спросил Гайский, поднимаясь с пола.

- Беру! – ответила Гаврош.
- Двести! – сухо произнес писатель.
- Беру! – повторила Красная Шапочка.
- Чеками! – уточнил сатирик. – Это память от мамы.

Выложив четыреста рублей нашими деньгами из расчета один к двум за чек, обладательница купальника предложила коробейнику посетить мухославский вечерний ресторан, обмыть покупку, воскресив тем самым угасшую было в Гайском надежду на продолжение. Но в ресторане выяснилось, что Дюймовочка пьет как лошадь, да вдобавок к ним за столик под села ватерпольная команда спичечной фабрики, семеро из которой оказались друзьями девочки. Гайскому это суаре обошлось в четыреста семьдесят шесть рублей, не считая битой посуды и оскорблений в его адрес. Так закончился для него период ловли на купальник, который плавно перешел в период ловли на совместную жизнь. Но этот период остался для беспощадного сатирика незавершенным, чему тоже были соответствующие причины.

IV

Вечером того дня, когда незнакомый автор всучил Алеко Никитичу тетрадь в черном кожаном переплете, Аркан Гайский ужинал с машинисткой Олей, лоя ее на совместную жизнь. Ужин происходил в недорогом, а потому любимом Гайским кафе неподалеку от редакции. Неожиданно за столом возник художник Дамменлибен.

– Зд-д-д-д-о... – начал здороваться Дамменлибен.

– Здравствуй, Теодор, – скучно сказал Гайский, прекрасно понимая, чем все кончится.

– Бардак, – преодолел робость Дамменлибен, – ты Нелли знаешь она умная женщина тещу перевез на дачу бардак здорово Олюха дома все нормально? Аркуля тебе нравится с работой зашиваюсь дай мне еще пятерку и я тебе буду должен шестьдесят девять для ровного счета щенок всюду гадит бардак здорово Олюха...

– Теодор, ты мой рассказ проиллюстрировал?

Дамменлибен сунул пятерку в карман:

– Мебель подорожала бардак ты мою Нелли знаешь тебе надо жениться здорово Олюха от тебя тот альфоне отстал? Пе-пе-пе-передвигается твой рассказ Алеко зво-

нил юбилейный номер готовится бардак щенок всюду гадит у него рукопись лежит из самотека пацан какой-то принес с голубыми глазами Глории нравится здорово Олюха к тебе этот автор не заходил?

– Нет, – ответила Оля, – я весь день печатала очерк Сверхщенского об истории Мухославска. В юбилейный номер.

– Молодой с голубыми глазами, – продолжал Дамменлибен, – ни фамилии ни адреса турки совсем обнаглели в Папу стреляют бардак я у тебя пятерку взял? Петеньке в портфель наложили здорово Олюха мистика про какого-то мад-д-д-д-ранта...

– Про мадранта? – оживился Гайский. – Если это тот парень, с которым меня хотели познакомить в Москве, то он сын очень крупного человека... Мне давали читать... Я сказал тогда, что гениально, но на самом деле муть. Скучища и никакой сатиры... Бред под Маркеса... Но чей-то сынок... Скажи Алеко Никитичу.

– Если пойдет буду иллюстрировать а чей сын помнишь уж ты мою Нелли знаешь...

– Чей, не сказали, но кого-то оттуда... Чушь собачья. Прозу любой может писать, а ты попробуй вскрой, когда душат!..

– Расскажите лучше анекдот. Аркан Гарьевич, – попросила Оля и погладила Гайского по плечу.

Гайский расценил этот жест как аванс, количество адреналина в его крови резко возросло, и он заверещал голосом кукольного Петрушки, входя в образ героев анекдота:

– Однажды один англичанин решил показать другому англичанину свой замок. «Вот здесь, – говорит, – живет моя прислуга. Здесь я принимаю гостей. Это моя столовая, это мой кабинет, это моя спальня...» Открывает он дверь в спальню и видит, что рядом с его женой спит незнакомый мужчина... «А это, – говорит, – моя жена». «А рядом кто?» – спрашивает другой англичанин. «А рядом – я».

Оля дробно захохотала, и Гайский, воспользовавшись этим, поцеловал ей руку.

Теодор Дамменлибен мутно посмотрел на Гайского, пытаясь осмыслить услышанное. Затем, бросив это бесполезное занятие, обратился к сатирику:

– Я у тебя пятерку взял? Бардак здорово Олюха смешно слушай Аркуля возьми мне сто грамм ка-ка-ка-ка...

– Имей совесть, Теодор, – почти вышел из себя Гайский. – Я тебе дал пятерку.

– А т-т-т-ты-ы мне ее дал? – искренне удивился Дамменлибен. – Бардак щенок всюду гадит пойду Никитичу позвоню здорово Оля ах да я с тобой здоровался...

И Дамменлибен оставил их в покое.

– Не хотите прогуляться по воздуху, Ольга Владимировна? – сказал Гайский. – Могу пригласить к себе. Я написал новый рассказ «Архимед и ванна». О недостатках водоснабжения. Если напечатают, кому-то не поздоровится.

– Мне завтра к девяти в редакцию, Аркан Гарьевич, – мягко отказала Оля. – В другой раз, хорошо?

Аркан Гарьевич потупился:

– У меня к вам серьезные намерения, Ольга Владимировна. Мы с вами две половинки одного сосуда, именуемого счастьем. Нас бросает в океане пошлости и некоммуникабельности и прибывает совсем не к тем берегам, к которым бы нам хотелось. Пойдемте ко мне, Ольга Владимировна, я вам почитаю. У меня дома есть портвейн и кое-что сладенькое. Вы не представляете, как трудно заниматься сатирой. Все завидуют. Все...

Ольга Владимировна вздохнула.

– Вы знаете, кто такой зануда? Это человек, которому легче дать, чем объяснить, почему не хочется...

V

Алеко Никитич входит в лифт в восьмом часу вечера и нажимает кнопку шестого этажа. В портфеле у него материал Сверхщенского об истории города Мухославска, в который сегодня вечером он должен, прочитав, внести необходимую правку, а в голове – мысли о юбилейном номере. Уж так некстати накладывается одно на другое: и семь лет со дня основания журнала, и тысяча двести лет Мухославска, и годовщина с того знаменательного дня, когда Мухославск стал побратимом австралийского города Фанберра. Да еще в порядке того же панибратства и культурного обмена приезжает редактор фанберрского журнала «Диалог» господин Бедейкер, которого надо бу-

дет принять и носиться с ним на высоком уровне. В общем, дел невпроворот.

Он входит в квартиру и застаёт Глорию за своим рабочим столом. Включена настольная лампа. На Глории очки, и это свидетельствует о том, что она читает. На ее коленях дремлет палевый коккер-спаниель Дантон. Алеко Никитич снимает макинтош, влезает в домашние тапочки и подходит к Глории. Она предостерегающе поднимает правую руку: мол, не мешай, подожди минутку, занята. Алеко Никитич наносит ей поцелуй в затылок и видит, что Глория читает ту самую тетрадку в черном кожаном переплете, которую еще днем он вынул из портфеля и оставил дома.

– Это поразительно интересно, – говорит она, продолжая чтение, – так неожиданно, так свежо, так необычно...

Глория уже несколько лет не работает, но зато занимается активной общественной деятельностью в городском Клубе любителей друзей человека, являясь вице-президентом.

– Где Машенька? – спрашивает Алеко Никитич.

– Машеньку Полина купает, – отвечает Глория, – а у Леонида спектакль.

Чувство неприязни к Леониду возникает под ложечкой Алеко Никитича, но он давит это чувство.

– Мне нужен стол, – говорит он.

– Алик, кто этот человек? – спрашивает Глория.

– А черт его знает. Ворвался в кабинет, минуя Зверцева. Положил передо мной тетрадку и заявил, что Зверцев правит Сартра... Вообще производит впечатление не совсем нормального. Глаза странные какие-то. Но самое интересное, что, когда я позвонил Зверцеву, оказалось, никто к нему не обращался, но он действительно в этот момент правил Сартра.

– У вас идет Сартр? – удивляется Глория.

– Да ни слухом ни духом! Вам что, говорю, Зверцев, делать нечего, как только Сартра править? И знаешь, что он ответил? Что ему сегодня принесли перевод неизвестной работы Сартра и он решил его немного поправить и предложить в журнал. Глупость какая-то.

– Сартр – это, разумеется, ваше внутреннее дело, – говорит Глория, – но этот парень, – она указывает на тет-

радь, – достоин внимания. Ты только послушай! – Она начинает читать с выражением:

– «Мадрант похрапывал, распластавшись под пурпурным покрывалом...»

– Да я просматривал, – пытается отмахнуться Алеко Никитич.

– Нет, ты послушай внимательно! – настаивает Глория. – Какая аллитерация! В одном только первом абзаце двадцать пять «р». Это создает напряжение и внушает властность! – И Глория продолжает:

– «Поднявшееся над морем солнце бледно-шафрановыми лучами ударяло в плотные вишневые шторы, скрывавшие мадранта от окружающего мира и охранявшие его ночной сон. И чем выше отрывалось от моря светило, тем ярче возникала в покоях мадранта иллюзия разгоравшегося по ту сторону вишневых штор кровавого зарева.

Четверо фиолетовых арбаков методично и плавно обмахивали мадранта благовонными опахалами. И когда мадрант ощущал кожей лба или щек легкое приятное дуновение воздуха, он понимал, что проснулся и что наступило утро. Очередное утро мадранта, утро ревзодов, утро этих фиолетовых арбаков, утро его народа и всей данной ему небом страны.

Иногда мадрант просыпался ночью. То ли от чересчур назойливой мухи, что было явным упущением со страны арбаков, то ли от слишком сильного дуновения, вызванного опахалами, что тоже являлось оплошностью арбаков, то ли от тяжелого сновидения. Но независимо от причины, сам факт ночного пробуждения мадранта означал смертный приговор тем четверым арбакам, которых утром наступившего дня бросали на съедение священным куймонам, чтобы не тратить на эту фиолетовую пададь драгоценный свинец, не

тупить о них топоры и сабли, не осквернять их вонючими телами благородные морские воды и не отравлять землю погребением их мерзких останков.

Если ночь проходила спокойно, утром арбаков уводили в темные казематы, обильно кормили пищей, приправленной вкусными, но снотворными специями, после чего они спали до наступления ночи.

Мадрант открыл глаза и сразу почувствовал на себе ненавидящие взгляды четырех пар арбачьих глаз. Он усмехнулся. Он не испытывал к арбакам ответной ненависти. Он их просто презирал.

Мадрант презирал пленных и рабов. Рабов — за их молчаливую, беспрекословную покорность, пленных — за то, что они предпочли рабство ради спасения жизни, потому что цепляться за ту жизнь, которая им предоставлялась, даже не за жизнь, а за существование, могли только животные. Но животные цепляются за существование неосмысленно, а эти — сознательно. Значит, они хуже животных.

В последний миг перед пленением еще можно было использовать свое оружие против себя.

Но ведь они почему-то не сделали этого...

Можно затем отказаться от пищи и воды...

Но ведь они не отказываются...

Наконец, можно ударить стражника или плюнуть в лицо какому-нибудь ревзоду. Но ведь они не ударяют и не плюют.

Значит, они цепляются за то, что никак нельзя назвать жизнью, и надеются на то, на что уже нет и не может быть никакой надежды...

С того момента, как он стал мадрантом, были, правда, выплески... И никогда он не расправлялся с храбрецом, проявившим человеческое начало. Наоборот, и так было всякий раз в случае неповиновения, он собирал

на площади эту жалкую толпу, это тупое быдло и возносил до небес непокорного, отдавая дань его смелости и ставя в пример остальному порченному семени.

А потом бунтовщика доставляли на край высоченного обрыва, обрыва Свободы, как нарек его мадрант, и дарили ему последний шанс: он должен был прыгнуть с этой страшной высоты в сверкающее где-то внизу море и либо разбиться о прибрежные камни, либо утонуть, либо стать жертвой акул, которые непонятно почему собирались, как на праздник, под обрывом Свободы в дни подобных экзекуций.

Невелик был последний шанс, но все-таки это был шанс.

И после всего мадрант направлялся к водоему со священными куймонами, и никто не мог слышать, как он просил небо о спасении несчастного гордого одиночки. Он надеялся, что его молитвы будут услышаны, и это успокаивало его.

Он один хотел, и было только в его власти дать свободу заслужившему ее, но мадрант не мог этого сделать, потому что его бы не поняли, потому что иначе он не был бы мадрантом.

Случались, правда, и раскаяния. Тогда мадрант делал знак рукой, и раскаявшегося отдавали обратно в толпу, после чего до конца дней своих он оставался самым отвратительным рабом даже среди рабов, и это было закономерной расплатой за раскаяние.

В такие дни мадрант находился в прекверном настроении.

Мадрант трижды встряхнул колокольчик. Глаза арбаков приняли тревожно-вопросительное выражение, но четвертого звонка не последовало, и это означало, что ночь прошла спокойно и что никаких претензий на сегодня к арбакам нет.

Появились стражники и вывели арбаков из покоев. Тогда мадрант встал и подошел к зеркалу.

Ему шел сорок второй год. Кожа лица и тела была упругой и смуглой, даже первые признаки старения еще не проглядывались.

Он сделал десяток дыхательных упражнений, поиграл немного мускулатурой и, довольный самочувствием, раздернул плотные вишневые шторы, и когда солнце ударило его по глазам и он чихнул, мадрант окончательно убедился, что наступил новый день.

Два массажиста (не из рабов) тщательнейшим образом довели его тело до нужной кондиции и передали медику, который после соответствующего осмотра и нескольких манипуляций высказал полнейшее удовлетворение состоянием здоровья мадранта, на что мадрант, в свою очередь, выразил озабоченность неудовлетворительным цветом лица медика.

Медик виновато улыбнулся, потом рухнул на колени и, лоя губами руку мадранта, начал заверять его, что он, медик, неизменно себя чувствует и это могут подтвердить все три его жены (ранг приближенного медика позволял ему иметь трех жен), а цвет лица, показавшийся высочайшему мадранту неудовлетворительным, объясняется исключительнейшим образом переупотреблением клубники.

Мадрант вяло выслушал объяснения медика и брезгливо погладил его по лысеющей голове. У него сегодня не было в мыслях отстранять медика, чего тот больше всего и опасался, потому что отстранение от особы мадранта означало изменение ранга и лишало отстраненного многих, если не всех, привилегий.

По сути дела, приближенные мадранта, как более, так и менее, тоже были рабами, но, в отличие от подлинных рабов, которые знали, что они рабы, эти считали себя свобод-

ными, и мадрант играл с ними в сложившуюся веками игру, иначе он не был бы мадрантом...»

Глория смотрит из-под очков на мужа. Алеко Никитич дремлет, сидя на диване, посапывая и причмокивая.

– Ты не спи, – говорит Глория. – Ты слушай!

– Я все слышу, – встряхивается Алеко Никитич. – «Иначе он не был бы мадрантом»...

– Это очень здорово! – восклицает Глория. – «Иначе он не был бы мадрантом!» Там дальше есть длинноты и ряд фривольностей, от которых, конечно же, следует избавиться, но в целом... Ты знаешь, звонил Дамменлибен, я ему выразила свой восторг, он бы мог прекрасно проиллюстрировать...

Алеко Никитич, конечно, доверяет безупречному вкусу Глории, но не любит, когда она открыто вмешивается во внутриредакционные дела.

– А вот это уже лишнее, – замечает он, поднимаясь с дивана. – Ни один человек из редакции, не говоря уж обо мне, не читал, а ты предлагаешь Дамменлибену...

– Я не предлагаю, Алик. Я просто высказала ему свое мнение...

Из ванной выходит Поля, держа на руках закутанную в махровое полотенце Машеньку

– А вот и дедушка пришел, – напевает Полина и вручает внучку деду.

Машенька сразу же хватается Алеко Никитича за нос.

– Ты была у Рапсода Мургабовича? – спрашивает он.

– Все взяла. Он тебе кланяется и сказал, что заглянет в понедельник по поводу статьи... Представляю, что он тебе напишет.

Алеко Никитич любит дочку, но и ей не позволяет влезать во внутриредакционные дела.

– Что надо, то и напишет! – строго произносит он, пытаясь вырвать свой нос из Машенькиной ручки.

Глория несет Машеньку в другую комнату, и они вместе с Полей приступают к укладыванию.

Алеко Никитич садится за стол и располагает перед собой материал Сверхщенского, по которому уже успел пройти рукой мастера Индей Гордеевич.

Статья Свержщенского «МЫ - МУХОСЛАВИЧИ»,
написанная для журнала «Поле-полюшко»
к 1200-летию со дня основания родного
города, с правкой и замечаниями
Индея Гордеевича с левой стороны
и соображениями Алеко Никитича —
с правой стороны

Невелика
птица,
чтобы
начинать
с себя!
И. Г.

Я иду по моему старому, *Согласен с И. Г.*
но вечно молодому городу. *А. Н.*
Неспешно катит свои волны
величаявая седовласая кра-
савица Славка, что в районе
Сокрестья (ныне мухослав-
ские Черемушки) принима-
ет в гостеприимные объятия
младшую сестру свою — свое-
нравную Муху. Вековые дубы,
которые помнят еще и Чин-
гисхана, приветливо шепчут
мне: «Здравствуй, человек!
Здравствуй, строитель но-
вого!» *Точнее —
«помнят
бегство
Чингисхана»...
А. Н.*

При чем тут
«боли
в сердце»?
И. Г.
Опять «Я»!
И. Г.

А по широкому светлому
проспекту Холмогорова спе-
шат к своим рабочим местам
улыбчивые и до боли в серд-
це родные мне мухославичи:
люди-труженики, люди-ро-
мантики, люди-открыватели.
Я иду и думаю - воскресни
сейчас, через 1200 лет,
кто-нибудь из жителей того
древнего Мухославска, он бы
не узнал родные места. Не-
узнаваемо изменился облик
города за это время! Гордо
раскинула свои корпуса спи-
чечная фабрика — гордость
мухославичей! Далеко за
пределами страны гремит

*Очень хорошо.
А. Н.*

Почему
«мне»?
Я тоже был
в Фанберре.
И. Г.

слава нашего химзавода. В прошлом году мне довелось побывать в далекой Фанберре - городе контрастов. И приятная гордость наполнила сердце, когда на столе мэра Фанберры я увидел знакомый баллон с клеймом родного завода. Простые фанберрцы, узнав, что я из Мухославска, широко улыбались мне и говорили: «Спасибо!»

А от главного проспекта во все стороны, словно молодые побеги от могучего ствола, тянутся старенькие улочки и переулки, названиями своими охраняя память недавнего и далекого прошлого... Давно прошли те времена, многое изменилось... Неизменным остался дух родного города, первые упоминания о котором относятся ко второй половине VIII века. Неизвестный летописец печенегского предводителя Черниллы пишет: «А шатрами стать в той прова- лине не сподобились, бо ко- марья да мух славно». «Мух славно»... Быть может, от- сюда и пошел Мухославск. Наш земляк - историк Шехтман М.И. считает иначе. В своей монографии «Предвкусная прошлое» он пишет: «Место, на котором стоит Мухославск, до XII века называлось Сучье болото. В XII веке жители занялись пуш-

Лучше - «нам
довелось».

И я был
в Фанберре.
А. Н.

Уточнить,
за что
«спасибо».
А. Н.

Уточнить
век.
А. Н.

М. б. это
лишнее?
И так
в городе
много мух!
И. Г.

Уточнить века
и годы.
А. Н.

ным-меховым промыслом и разведением сливовых деревьев, и город постепенно стал называться Мехосливском. С течением же времени фонетическая подвижность, свойственная нашему языку, привела к тому, что «е» заменилось на «у», а «и» — на «а»...

Много испытаний выпало на долю родного города. В XIII веке во время татаро-монгольского нашествия он был сровнен с землей. В смутное время поляки сожгли город дотла. В 1789 году, когда вольнолюбивая Славка вышла из берегов, город был полностью затоплен. Своим третьим и окончательным пришествием мы обязаны русскому купцу Никите Евстафьевичу Холмогорову, который в 1863 году основал здесь железоделательные мастерские (ныне спичечная фабрика).

Сейчас в нашем городе — красавец стадион на 150 000 посадочных мест с сауной и временным реабилитационным центром. Каждый восьмой мухославич имеет возможность заниматься любимым спортом, каждый шестой ходит в городской Театр музкомедии, каждый пятый пользуется публичной библиотекой им. Глинки, который тоже бывал в нашем городе.

Правильно — «монголо-татарского», если речь идет об иге.
А. Н.

Согласен
А. Н.

Вот на таком бы уровне!
А. Н.

Не «пришествием», а «рождением»!

Мы — атеисты!
И. Г.

Каждые 12 секунд с конвейера нашей фабрики сходит новенькая спичечная коробка, каждые 10 минут от наших химикатов в далекой Австралии гибнет кролик, каждый второй мухославич регистрируется в городском загсе, а для каждого третьего гостеприимно распахнуты двери больницы, где скромные врачи в белых халатах творят чудеса. В зоне отдыха, что на Мухе прямо под открытым небом, любят проводить уик-энды мухославичи. Богаты рыбой воды Мухи и Славки. И плотвичка идет на донку, и ершишко нет-нет да и побалуует сердце рыбака. Бежит по проводам электричество — светлый заряд будущего. Я люблю бродить по городу теплым июльским вечером и вдыхать пряный запах аммиака с жимзавода, люблю, затаив дыхание, лежать в кустах, любясь влюбленными, когда в памяти сами собой возникают пахучие строки мухославского поэта Колбаско — «Я себя мухославичем числю. Будто связаны пайкой одной. Если ж вдруг я сбежать замыслю, ты держи меня, город родной!»

И в эти славные дни мы рады приветствовать прибывших к нам товарищей из города-побратима Фанберры во главе с господином Бейдейкером и сказать им:

«Господ», а не «товарищей»!

Не «врачи»,
а «люди».
И. Г.

«Выходные
дни».
Американизмы
ни к чему.
И. Г.

«Господ», а не
«товарищей»!
И. Г.

Уточнить
цифры!
А. Н.

У Колбаско
можно найти
стихи
и посочнее.
А. Н.

Лучше —
«делегацию».
Приветство-
вать «господ» —
идеологически
неверно.
А. Н.

«You are wellcome to Mukhovlavsk!» Мы рады гостям, у которых добрая воля, но тем, кто приезжает к нам, чтобы выведать, вынюхать, опорочить, мы в любой момент можем сказать: «Go home!» Дубина народного гнева умеет косить, когда понадобится!

Тов.
Сверхщеский!
Не надо
отождествлять
себя со всем
народом!
И. Г.

Не надо
пугать!
А. Н.

И вот я иду по родному городу, затерявшись среди тысяч таких же, как я, влюбленных в свой город, и у всех у нас на лицах светится сегодня одна гордая, счастливая мысль: «Мы — мухославичи!» Впрочем, почему только сегодня? И завтра, и послезавтра, и на века!..

В одиннадцатом часу Алеко Никитичу звонит Дамменлибен. После этого Алеко Никитич минут пятнадцать барабанит по столу пальцами. С-с-с. Вертит тетрадь в черном переплете, словно определяя ее вес, и набирает номер телефона:

— Индей Гурдеевич? Привет, дорогой. Не разбудил?.. Тут, понимаешь, рукопись принесли... Мне стало известно, что автор — сын кого-то из Москвы... Вот именно... Вообще ничего... славно написано... Есть аллитерации... Время не наше... С таким, знаешь, восточным колоритом... Нет, к Ближнему Востоку отношения не имеет... Сегодня дочитаю... Я думаю, надо позвонить Н.Р. и посоветоваться... Не сейчас, конечно... Завтра отдам Оле распечатать... Думаю, пока ознакомим Зверцева и Сверхщеского... Вот именно... Ну, привет супруге...

Алеко Никитич стучит кулаком по своей лысой голове, пытаясь прогнать сонного зверька, уже усевшегося на затылке и ласково поглаживающего уши Алеко Никитичу, а потом зовет Глорию. Глория появляется в розовом

пеньюаре, который Алеко Никитич привез ей из Фанберры, берет тетрадь в черном кожаном переплете и усаживается на диван, закинув ногу на ногу и обнажив еще достаточно стройные и упругие не по возрасту ноги. Дантон устраивается рядом, положив голову на бедро Гюрии. Одним движением головы она откидывает назад влажные волосы, располагая их на спинке дивана, и начинает читать с того места, на котором остановилась несколько часов назад...

— «...иначе он не был бы мадрантом...

Приняв завтрак, который состоял сегодня из приготовленного на углях куска баранины и чашки тонизирующего оранжевого миндаго, мадрант проследовал в черный зал, куда обычно вызывал для доклада Первого ревзода.

Первый ревзод никогда не заставлял себя ждать.

Небольшого роста, сутуловатый, с маленькими, стреляющими во все стороны глазками, ревзод вошел в черный зал, низко склонил голову, предварительно втянув ее в покатые плечи (он один имел право не становиться перед мадрантом на колени), и произнес, придавая своему голосу убедительность и искренность, ежеутреннее приветствие, сводившееся к тому, что новый день принес новую толику величия и могущества мадранту и его стране, хотя еще вчера казалось невозможным представить себе более могущественное величие и более величественное могущество.

И хотя за много лет мадрант привык к этому, ставшему ритуальным, словесному набору и знал ему истинную цену, он ловил себя на том, что введенное в правило Первым ревзодом приветствие порой доставляет ему, мадранту, определенное удовольствие.

Первый ревзод был мудрым человеком и считал мадранта чистым ребенком, которому вовсе ни к чему углубляться своим высочайшим небесным существом в вонь и грязь внутригосу-

дарственной свалки. Мадрант рожден мадрантом и должен оставаться мадрантом,
ревзод — ревзодом,
горожанин — горожанином,
раб — рабом.

Государство существует для мадранта.

Рабы — для того, чтобы мадрант их ненавидел.

Женщины — для того, чтобы мадрант их любил.

Горожане — чтобы размножаться и дарить мадранту новых подданных.

Победы — для того, чтобы мадрант стал победителем.

Поражения — для того, чтобы означать начало будущих побед.

Мадрант должен знать, что делается в стране, а как делается, этим занимается Первый ревзод.

Мадрант должен утверждать то, что ревзод приносит ему на утверждение, и не утверждать то, что, с точки зрения ревзода, утверждению не подлежит. В этом — трудность и мудрость Первого ревзода.

И грош ему цена, если между ним и мадрантом возникает несогласие.

И место тогда Первому ревзоду — в водоеме со священными куймонами.

Мадрант приподнял правую бровь, и на лице его возникла еле заметная улыбка, когда Первый ревзод убедительно и доказательно изложил мадранту всю необходимость постройки новой тюрьмы в скале, что возле обрыва Свободы...

Разве увеличилось настолько количество не преданных мадранту горожан, что им стало тесно в старой тюрьме? Разве не лучше использовать усилия и средства, направленные на обеспечение не преданных, для создания заповедной рощи, в которой просторно и приятно могли бы себя чувствовать преданные?

Первый ревзод выдержал паузу, а потом слегка улыбнулся мадранту. («Я понимаю, высочайший мадрант, твои сомнения».) Но разве может увеличиться количество того, чего вообще нет? Преданность горожан, временно или постоянно живущих в старой тюрьме, не вызывает никакого сомнения. Более того, согласно данным опроса вышедших из тюрьмы, приведенным в «Альманахе» Чикиннита Каело, преданность мадранту возросла в два, в три раза, а в отдельных случаях — неимоверно. Этим лишь доказывается известное философское определение, что преданность, как песня, не имеет границ. Сегодня она больше, чем вчера, а завтра будет больше, чем сегодня. Таким образом, приглашая в тюрьмы как можно большее количество безусловно преданных горожан, мы стимулируем дальнейший рост их безграничной преданности, превращая тюрьму, по меткому высказыванию того же Чикиннита Каело, в парники преданности.

Мадрант опустил правую бровь, и улыбка сомнения испарилась.

Первый ревзод вновь склонил голову, предварительно втянув ее в покатые плечи, давая понять всем своим видом, что на сегодня нет больше ничего такого, чем стоило бы обременять драгоценный мозг мадранта.

Но мадрант не торопился отсылать Первого ревзода, а Первый ревзод не сомневался в том, что сейчас последует крайне неприятный для него вопрос, на который ему мучительно не хотелось отвечать, ибо считал он, что сам вопрос не достоин того, чтобы его задавал мадрант, ненормален он для мадранта, а раз так, то содержится в этом вопросе какая-то опасность для мадранта. Не должен он интересоваться этой белокурой тварью с потопленного две недели назад чужеземного судна... Конечно, любого капитана любого фрегата есть за что четвертовать, но уж никак не за то, что

он немного позабавился с белокурой тварью, прежде чем доставил ее в город. Не предполагал же он, в самом деле, что на нее засмотрится сам мадрант. И что за проблема? Ну, вспыхнул у мадранта факел. Это понять можно. Почему бы и нет. Ну, держи ее где-нибудь в клетке на пожарный случай. Конечно, не в жеманариуме — законные супруги растерзали бы чужеземку. Но не помещать же ее в розовый дворец! И для чего? Чтобы в течение двух недель даже пальцем до нее не дотронуться? А только каждый день спрашивать у Первого ревзода: как она и что она? Тогда отдай приказ, высочайший мадрант! Кастрируй Первого ревзода, приставь его евнухом к белокурой. Твоя воля! И дурак четвертованный капитан фрегата! Зачем было тащить ее с собой? Ненормальность. Определенная ненормальность со стороны мадранта. И опасность для него...

И Первый ревзод ответил ему на уровне своей осведомленности и с той почтительностью, с какой положено отвечать мадранту даже на самый неприятный вопрос: вчера вечером Олвис успокоилась, плавала в бассейне, не отказывалась от еды и к вечеру привела себя в порядок, что сделало ее еще более привлекательной. («Мерзкая личинка!») Что еще? Еще она пела что-то на своем языке приятным голосом. («Гадко квакала!») О чем пела? Все предусмотрено, высочайший мадрант. Специально вызванный Чикиннит Каело перевел ее песню, и вот она...

Первый ревзод развернул перед собой лист бумаги...

Лети, моя песня, через океан и разыщи мою прохладную землю... Расскажи, как вонючий туземец насильно сделал со мной то, что невозможно выразить словами...

(«Да, мадрант, я уже издал указ, предписывающий твоим морякам мыться три раза в день...»)

Но пещера моя заколдована, и каждый, кто проникнет в нее, непременно погибнет... Негодяя велел четвертовать его хозяин...

Что дальше? Дальше ряд специфических обращений:

Лети, моя тихая песня, моя серебристая птичка, моя последняя надежда. Я жду...

Это все, мадрант. Я отдал приказ всем службам молчаливого наблюдения выяснить, о какой заколдованной пещере идет речь. Смею думать, мадрант, что изменившееся поведение чужеземной красавицы («Бледнобрюхая акула!») и ее последние слова говорят о том, что она ждет тебя. Больше ей ждать некого...

Мадрант жестом дал понять ревзоду, что беседа окончена, и закрыл глаза...

Олвис дремала на низеньком мраморном парапете, окаймлявшем абсолютно изумрудный бассейн. Ее длинные, соломенного цвета волосы касались воды и при каждом, даже едва уловимом дуновении воздуха приходили в ленивое движение, словно водоросли.

Потрясенная, потерявшаяся в невероятном калейдоскопе последних событий, она постепенно возвращалась к жизни. Не будучи от природы чересчур экзальтированной, воспитанная не в традициях излишнего романтизма, она умела адаптироваться в самых неожиданных ситуациях, когда чувствовала, что это не временная случайность, что это надолго, если не навсегда, что надо принимать окружающее, чтобы продолжать жить, принимать, по возможности, не растворяясь в окружающем, а, наоборот, пытаться заставить принять это окружающее удобные для нее, для Олвис, формы.

Отправленная с двумя десятками закоренелых убийц на необитаемый остров за потерявший всякое приличие обмен сладкого товара, доставшегося ей при рождении, на деньги, которых она с того же самого рождения была хронически лишена, Олвис очень скоро поняла,

что захватившие ее туземцы думают, будто она какая-то чистопородная принцесса и что в ее интересах поддерживать и развивать эту версию. В противном случае она будет перепробована всем мужским населением этого дурацкого острова (или полуострова?), а потом все женское население разорвет ее на части при полном одобрении того же мужского населения. Поэтому она не отвернулась, а с презрением пронаблюдала, как был четвертован тут же, на палубе, этот вонючий, неотесанный капитан, и даже не поблагодарила, как и подобает гордой чистопородной принцессе, туземного вождя за его естественный, с точки зрения принцессы, акт возмездия.

Олвис дремала на низеньком мраморном парапете, окаймлявшем абсолютно изумрудный бассейн, когда неслышно появился мадрант. Он скрестил руки на груди и не мигая смотрел на распластавшееся на парапете, обжигавшее его глаза тело, прикрытое легкой желтой тканью, смотрел — и не мог оторваться.

Расслабленные в дреме женские контуры, словно затуманенные также дремавшей легкой желтой тканью, вызвали головокружение своей манящей неконкретностью.

И женариум с полусотней любящих его и воспитанных в духе поклонения красивейших женщин всех пород и мастей утратил привычный смысл, превратился в предмет надоевшей, обременительной ненужности.

Олвис открыла глаза, ощутив почти физическое прикосновение очень властного взгляда, и увидела стоявшего на расстоянии нескольких шагов от нее вождя.

С момента, как она была помещена в этот розовый дворец, вождь навещался ежедневно. Он появлялся неслышно и молча, стоя на почтительном расстоянии, смотрел на нее своими темными, широко расставленными (это, кстати, ей нравилось) глазами. Странная, зеленого

цвета свободная одежда (это ей не нравилось) плохо скрывала атлетическую, с могучими плечами (это ей очень нравилось) фигуру. И каждый раз при его появлении Олвис съеживалась, пытаясь прикрыть чем попало обнаженные участки тела, и начинала пятиться к глубокой нише, где находилось ее ложе, награждая вождя взглядом ненависти и брезгливости, заготовив в груди истерический крик гордой принцессы, если вождь сделает по направлению к ней хотя бы один шаг. Но тот, неподвижно простояв некоторое время, уходил, не проронив ни слова, не проявляя ни раздражительности, ни удивления, ни злости.

Понимая, что такое однообразие может стать утомительным и вызвать со стороны вождя самую неожиданную и опасную для нее реакцию, Олвис еще накануне решила изменить тактику. Это было довольно рискованно, но известный опыт общения с мужчинами и профессиональное чутье убеждали ее в правильности выбранного решения. Вот почему, когда сегодня, открыв глаза, Олвис увидела стоявшего перед ней в стандартной позе мадранта, она медленно поднялась на ноги и посмотрела прямо в глаза вождю. Лицо ее, оставаясь холодным и безразличным, выражало вместе с тем усталость и полнейший отказ от дальнейшего, совершенно бесполезного сопротивления. Легкая желтая ткань медленно сползала с плеч, обнажая грудь, и Олвис вяло, как бы инстинктивно, сделала попытку удержать левой рукой ниспадающую материя.

Мадрант не пошевелился.

Чего ты хочешь от несчастной, но гордой женщины, вождь, или, как тебя здесь называют, — мадрат?

Не мадрат, а мадрант? Понятно...

Чего ты хочешь, мадрант, от несчастной, но гордой женщины? Ты захватил ее и держишь в клетке, как птичку. Ты хочешь, чтобы птичка

спела тебе любовную песенку и ласкала тебя своими ранеными крылышками? Нет, мадрант! Хотя птичка и в твоей власти и ты можешь делать с ней все, что пожелаешь, ты не услышишь любовных трелей, когда прикоснешься к ней своими грубыми руками. Ты услышишь одни хрипы ненависти и стоны боли. Птичка бесстрашна, но она горда и свободна. Она поет тогда, когда хочет, и ласкает своими крылышками лишь того, кого любит! («И за что только меня выслали?»)

Мадрант желает утолить свой звериный голод? Мадранту приелась местная пища? Он хочет сделать это сейчас, при солнце? Изволь!.

Что же ты стоишь, мадрант? Чего же ты ждешь?..

Желтая легкая ткань окончательно упала на мраморный парапет и соскользнула в изумрудную воду бассейна, став похожей на большую бесплотную медузу.

Мадрант скорее догадался, чем понял, смысл надрывной речи Олвис. Он передернулся и, шагнув к ней, ударил по щеке.

Потому что я мадрант, а не вонючий четвертованный раб!

Потому что не мне, а судьбе было угодно, чтобы ты оказалась здесь!

Потому что мадрант устал от покорности и раболепия!

Потому что мадрант может полюбить только такое же свободное существо, как и сам мадрант!

Он заметил слезу на горячей щеке Олвис.

Будь проклята рука, которая прикоснулась к тебе и принесла боль!

Будь проклят тот, кто на горе свое увидел, как мадрант поднял руку на беззащитную свободную женщину!

И мадрант вышел из розового дворца.

Через час четверо стражников, охранявших розовый дворец, и двое личных телохранителей

мадранта, которые могли случайно или не случайно стать свидетелями происшедшей во дворце сцены, были обезглавлены по приказу мадранта без всяких на то объяснений с его стороны.

А на исходе того же дня дворцовый палач Басстио под угрозой быть самому обезглавленным выполнил приказ мадранта и отсек ему правую руку по локоть.

Да, да! Прав Первый ревзод: что-то непонятное происходило с мадрантам, что-то опасное для него. И, видимо, не только для него. Нечто неприятное и холодное возникло где-то глубоко под печенью Первого ревзода. А когда перед закатом взглянул он на Священную гору Карраско, которая, по легендам, разгневавшись тысячу лет назад, подвергла пеплу и огню все живое, когда увидел он над ее вершиной причудливо извивавшуюся струйку сероватого дыма, это неприятное и холодное чувство переросло у Первого ревзода в тревогу...»

Несколько раз во время чтения Алеко Никитич начинал дремать, и в сознании его возникает путаница, но путаница реальная и какая-то тревожная... Его настораживает неприятное звукосочетание «Чикиннит Каело», его пугает однорукий мадрант, его страшит дымящаяся Карраско, а Олвис становится похожей на машинистку Олю... Но каждый раз Алеко Никитич приходит в себя и напряженно слушает голос Глории... Она заканчивает чтение в третьем часу ночи... За это время успел прийти из театра Леонид, и Поля кормила его на кухне ужином, просыпалась Машенька, и Глория высаживала ее на горшок... Глория несколько минут продолжает оставаться на диване под впечатлением прочитанного. Она считает, что журналу нужна такая публикация. Именно такая – небесспорная, притчеобразная... Конечно, кое у кого будут нарекания, но журналу необходима сенсация. Зато Алеко Никитичу сенсация не нужна. Он уже видит холодные глаза Н.Р. Он уже слышит назидательный голос Н.Р.: «Что ж это вы, Алеко Никитич, так оскандалились?» И он понимает, что и

ответит на этот вопрос сам Н.Р. ...И уже навсегда тает в тумане Фанберра и другие отдаленные специализированные города и поездки, и уже не откликнется на его звонок Рапсод Мургабович, и тяжелым камнем на шее повиснет пенсия, и кто-то другой, может быть даже Индей Гордеевич, займет его кабинет, а Алеко Никитичу только и останется, что выгуливать Машеньку да измерять себе кровяное давление после каждого похода в магазин. Нет, не нужен скандал Алеко Никитичу... Но, с другой стороны, если автор действительно сын кого-то оттуда? И снова слышит Алеко Никитич иезуитский вопрос Н.Р.: «Что же это вы, Алеко Никитич, совсем в штаны наложили?.. Зарубили талантливое произведение молодого автора, а?» И опять уплывает навсегда туманная Фанберра, и делает вид, что вовсе не знаком с ним, Рапсод Мургабович, и Машенька отрывает его пенсионный нос, и в обычной аптеке нет необычного лекарства против высокого кровяного давления... И откуда свалился только на голову Алеко Никитича голубоглазый сегодняшней блондин?

– Посмотрим, Глория, посмотрим, – зевая, произносит он и направляется в ванную комнату...

VI

Когда рано утром Алеко Никитич и Индей Гордеевич заперались в кабинете, предварительно вызвав туда же Зверцева, или критика Сверхщепенского, или Свища из отдела Пегаса, остальные сотрудники журнала «Поле-полюшко», перемигиваясь, сообщали друг другу полусшепотом: «Пугают друг друга». И если кого-то очень интересовало, что именно происходило в кабинете, то, приложив ухо к двери, он мог услышать следующее:

Алеко Никитич (*таинственно*). А не кажется вам, Индей Гордеевич, что этот автор...

Индей Гордеевич (*вникая*). Кажется, Алеко Никитич, кажется. Еще как кажется. Мне и раньше казалось.

Зверцев. Мне вообще-то так не казалось, но если вам кажется, Алеко Никитич...

Алеко Никитич (*демократично*). Не только мне. Индею Гордеевичу тоже кажется.

Индей Гордеевич (*поспешно и не сомневаясь*). Безусловно кажется.

Сверхщепенский (многозначительно). История, между прочим, помнит случаи, когда аналогичным образом хоронились гениальные творения.

Свищ (торопливо, испуганно). Счастье-то какое, Алеко Никитич, что вам вовремя показалось. А мне, каюсь, и в голову не могло прийти... Молодой еще, молодой... Вот урок-то всем нам... Счастье-то какое...

Алеко Никитич (удовлетворенно). Я, честно говоря; сначала думал, что мне показалось... Но вот и Индею Гордеевичу тоже кажется.

Свищ (не без самобичевания). Ой, и глупый же я! Учить, учить меня надо! Просто не понимаю, как это мне сразу не могло показаться?!

Алеко Никитич (предостерегающе). Того и гляди угодили бы в какую-нибудь белогвардейскую газетенку... (Озорно.) А вот мы сейчас перезвоним Н.Р. да себя и перепроверим... (Набирает номер, в трубку.) Ариадна Викторовна, Н.Р. у себя?.. Соедините, милая!.. Добрый день!.. Как здоровье?.. Супруга как? Ну и отлично! Привет ей... Хочу вам тут один абзац прочитать... (Читает абзац.) Ну, что скажете? Нравится? Нам тут тоже нравится... А не кажется ли вам, что... Кажется? Вот и мне кажется...

Индей Гордеевич (громко). Мне тоже кажется!

Алеко Никитич (снисходительно). И Индею Гордеевичу кажется...

Свищ (на очень высокой ноте). Ох, урок нам всем! Подлинный урок!

Алеко Никитич (предлагая). Так мы, пожалуй, этот абзац снимем?.. Так и сделаем... Извините, дорогой, за беспокойство...

В это утро, попугав друг друга некоторыми строчками и абзацами, Алеко Никитич, Индей Гордеевич, Зверцев, Свищ и Сверхщепенский приступили к более глобальной проблеме.

Позиция Алеко Никитича была твердой.

– Мы должны решить для себя главный вопрос, – сказал он. – Печатать или не печатать.

– Вам и решать, – заметил Сверхщепенский. – Вы один и читали.

– Ольга Владимировна закончит работу к четырем часам, – сказал Алеко Никитич, – и все сможете прочесть. Но поверьте мне – дело не в содержании. Дело в принци-

пе. Выяснилось, что автор – человек не с улицы. Отказав ему, мы можем иметь неприятности.

– Ой, зачем нам неприятности! – залопотал Свищ и заморгал веками. – Неприятности-то нам зачем? Печатать, печатать...

– А если это бред сивой кобылы? – возразил Сверхщенский.

Встрял Индей Гордеевич, который не очень любил Сверхщенского за его эрудицию.

– Выбирайте выражения, Сверхщенский! Алеко Никитич не ставил бы вопрос о публикации заведомо слабого произведения!

– Безусловно, – кивнул Алеко Никитич, – повесть неординарная, хотя и небеспорная.

– А точно известно, что автор не с улицы? – спросил Зверцев:

– Есть такое мнение, – ответил Алеко Никитич. – Но, конечно, проверить бы не мешало... Плавное, он исчез. Никто его не видел, не знает... Фамилия на рукописи отсутствует...

– Фамилия, даже когда она есть, может всегда оказаться псевдонимом, – заметил Индей Гордеевич.

– Я бы вообще псевдонимы запретил, – вставил Свищ, который свои стихи в журнале печатал под фамилией Улин. – Фамилия – как родители: не выбирают...

– А с тобой как быть? – поинтересовался Зверцев.

– У меня жена Уля, – обиделся Свищ. – Это родной человек. Сибиряк, например, был Мамин. В честь мамы. Совсем другое дело.

– Слушайте, что вы ерундой занимаетесь! – повысил голос Индей Гордеевич – Здесь серьезная проблема. За автором стоит ответственная, может быть даже слишком ответственная, личность.

– В конце концов, у нас журнал или пансион для детей ответственных личностей? – выпалил Сверхщенский.

Это уже было чересчур, и Индей Гордеевич сказал строгим, хорошо поставленным голосом:

– Покиньте кабинет, Сверхщенский! Пойдите и подумайте, почему у вас в очерке о Мухославске сплошное ячество и американизмы!

Сверхщенский вспыхнул и выскочил из кабинета, так

хлопнув дверью, что с потолка посыпалась штукатурка, запачкав пиджак Алеко Никитича.

– Ой, горячий! – запричитал Свищ. – Честный, но горячий! Учиться сдерживать себя надо! Ой, как надо!..

– Гнать его пора, – буркнул Индей Гордеевич.

– Если мы, старина, всех разгоним, – улыбнулся Алеко Никитич, стряхивая с плеча штукатурку, – так мы с вами в лавке вдвоем останемся...

– И, уверяю вас, больше будет толку, – подытожил Индей Гордеевич.

– Ну, вот что, – Алеко Никитич принял решение. – Поскольку мы здесь все ни к какому мужскому выводу не пришли, ступайте и работайте, а я еще посоветуюсь с Н.Р. Только не болтайте до поры до времени каждому встречному.

– Да я язык себе вырву, – начал пятиться к двери Свищ, – да под пытками смолчу...

Оставшись наедине с Индеем Гордеевичем, Алеко Никитич набрал номер телефона:

– Ариадна Викторовна?.. День добрый! Как здоровьечко?.. Ну и отлично... Супругу кланяйтесь. Сам у себя?.. Соедините, милая... День добрый! Как здоровье?.. Супруга как?.. Ну и отлично... Тут вот какое дело. Посоветоваться надо... Лучше бы не по телефону... Завтра? Записал... В десять пятнадцать?.. Записал... Не опаздывать? Записал... Извините, что оторвал, но дело уж больно щекотливое... Супруге кланяйтесь.

– И от меня супруге привет, – придвинулся Индей Гордеевич, но Алеко Никитич уже повесил трубку.

– Зачем быть умнее кондуктора? – сказал Алеко Никитич. – Как решит, так и сделаем.

И Индей Гордеевич покинул его кабинет. Он отправился к себе, заперся на ключ и стал петь «Пролог» из оперы Леонкавалло «Паяцы». Он любил попеть наедине арии из опер, снимая таким образом нервное напряжение. И все в редакции знали: упаси боже в такую минуту заглянуть к нему в кабинет...

С-с-с... Алеко Никитич идет по редакционному коридору в сторону комнатки, где сидит Ольга Владимировна. Он входит к ней и застаёт ее печатающей. Она сидит на высоком стульчике, подложив красненькую подушечку

ку, и сдувает спадающие на глаза волосы, так напоминающие Симины, Симулины. Алеко Никитич запирает дверь изнутри, подходит к Оле, Оленьке, ласточке... «Да что это вы, Алеко Никитич?» – шепчет Оля, подставляя ему свои губы.

Только все это грезится Алеко Никитичу, все это ему представляется, пока идет он по редакционному коридору в направлении комнатки, где сидит и печатает машинистка Ольга Владимировна. С-с-с.

А она сидела в своей маленькой комнатке в конце коридора, подложив на стул, как всегда, красную подушечку, и гнала к четверем часам принесенную ей утром новую рукопись из тетрадки в черном кожаном переплете. Почерк был незнакомый, не очень разборчивый, так что время от времени ей приходилось склоняться над тетрадкой, и тогда вымытые с ночи волосы спадали на глаза, и она сдувала их, выпятив искусанную нижнюю губу. И по мере того как она все больше и больше углублялась в содержание, чувство безграничной жалости помимо ее воли заполняло каждую клеточку тела. В горле сформировался затруднявший дыхание комок, и в конце концов она даже вынуждена была оторваться от работы и выпить валериановых капель, которые всегда держала при себе вахтерша Аня. Ольга Владимировна ясно представляла себя на странном и знойном заброшенном острове, запертой в роскошном дворце, без малейших шансов обрести свободу. Она находила много общего в Олвис с собой и со всеми женщинами, с которыми когда-либо была знакома, о которых когда-либо что-либо читала или слышала, переживая даже за тех женщин, о существовании которых ей было абсолютно неизвестно. И сколько ни пыталась Ольга Владимировна отделаться от навязчивых ощущений, ничего у нее не получалось. Она решила, что заболела, причем могла сказать, когда заболела: сегодня утром, едва раскрыв тетрадку в черном кожаном переплете.

Без стука вошел Алеко Никитич и спросил, как дела.

– Успею, – сказала Ольга Владимировна и шмыгнула носом. – К четверем успею.

– Что с вами? – наклонился к ней Алеко Никитич. – У вас что-то случилось?

– Ничего, Алеко Никитич. Так. Нашло.

– Вас обидели?

– Кто меня может обидеть, Алеко Никитич...

– Вас никто не посмеет обидеть, Ольга Владимировна. – Алеко Никитич произнес это с какой-то новой для себя и для Ольги Владимировны интонацией. Ей даже показалось, что она не машинистка, а он не хозяин журнала... А так... Встретились просто два человека, и один интересуется, как живет другой. Ольга Владимировна с некоторым удивлением взглянула на Алеко Никитича.

– Да я и необидчивая, Алеко Никитич...

– Вы все в той же коммуналке в Рыбном переулке?

– А где же?

– С мужем не сошлись?

– Еще чего.

– Завтра я буду по делам в одном месте и поставлю вопрос о предоставлении вам отдельной квартиры.

– Не беспокойтесь, Алеко Никитич. У вас и так столько забот...

Алеко Никитич пометил что-то в своей записной книжке и сказал:

– Постарайтесь к четырем успеть, Ольга Владимировна... Кстати, вам нравится?

– Какая разница? – вздохнула Ольга Владимировна. – Вы же все равно не опубликуете...

– Почему вы в этом уверены?

– Мне так кажется.

– А вот и неизвестно, Ольга Владимировна, – загадочно произнес Алеко Никитич и вышел.

И Ольга Владимировна заработала дальше...

«Двадцать девять дней мадрант не выходил из покоев, не принимал Первого ревзода, не интересовался государственными делами, и о его существовании можно было судить лишь по тому, что за это время в водоем со священными куймонами были брошены двенадцать арбаков, так как ночи мадрант проводил беспокойно. Правая рука – если можно было назвать правой рукой то, что осталось, – время от времени давала о себе знать. Иногда мадрант просыпался среди ночи оттого, что явственно

чувствовал, как горит его правая ладонь. Перед глазами возникало лицо Олвис, ее пылающая щека, ее не столько испуганные, сколько удивленные, наполнившиеся слезами глаза. И однажды мадрант среди ночи даже потребовал, чтобы немедленно доставили к нему дворцового палача Басстио. И когда заспанный Басстио появился в покоях мадранта, то был совершенно обескуражен приказом сей же момент отсечь повелителю правую руку по локоть. Тогда Басстио пролепетал, что не может исполнить высочайший приказ по причине того, что уже однажды со свойственной ему, дворцовому палачу и наипреданнейшему слуге, точностью и аккуратностью он аналогичный приказ исполнил. Мадрант пришел в себя, отпустил Басстио, пригрозив выдрать ему язык, если хоть одна душа узнает об этом ночном недоразумении, и долго еще сидел на своем ложе, шепча молитвы и внимательно разглядывая обрубок, как бы убеждаясь в истинном отсутствии своей правой ладони.

Неоднократно вспыхивало в нем желание явиться к Олвис, но гордость и опасение, что она может уступить ему только из покорности и страха, останавливали мадранта, и он лишь глухо рычал, не имея внутренних сил ни проследовать в розовый дворец, ни обуздать желание.

На исходе тридцатого дня, когда последние рыбаки уже возвращались на берег и отзвучали вечерние молитвы, когда город опустел и уснул, оставив бодрствовать только ночную стражу, когда окончательно погрузился он в липкий, не давший облегчения после дневного зноя мрак, мадрант в сопровождении двух телохранителей покинул дворец и отправился на окраину к проклятым зловонным болотам, где стояла старая ободранная лачуга, известная горожанам как «логово Герринды». Шедший впереди телохранитель резко раздернул бамбуко-

вый занавес у входа и ворвался в лачугу. Убедившись в том, что никакая опасность не угрожает мадранту, он знаком пригласил его войти, а сам вместе с напарником остался у входа.

Сидевшая на полу с поджатыми ногами Герринда даже не шелохнулась. Уставившись своими мертвыми глазницами куда-то вдаль, сквозь стену лачуги, она словно бы вслушивалась во что-то. Ее нисколько не удивил ночной визит мадранта.

«Я знала, мадрант, что ты придешь именно сегодня, я знала это уже тридцать дней назад, когда почувствовала жестокую боль в правой руке, будто палач Басстио отсек мне ее по локоть. Когда шел тебе только второй год, мадрант, и отец твой уходил в Великий Морской Поход, я знала, что вернется он из похода опозоренный, потерявший все свое воинство, спасшийся лишь моими молитвами. Я знала, что ворвется он в мои покои (а ведь я тогда жила во дворце, мой мадрант!) глубокой ночью, такой же душной, как эта ночь, в бессильной ярости выместит на мне всю горечь и весь позор своего поражения и прикажет выжечь мои глаза, в которые накануне Великого Морского Похода взглянула кровавая звезда Арристо и предсказала скорый и неминуемый позор. Твой отец назвал меня виновницей всех бед и несчастий, обрушившихся на него и его страну, и прогнал на эти проклятые ядовитые болота, под страхом смерти не только запретив людям общаться со мной и помогать чем-либо, но и велел обходить мою хижину дальней дорогой как страшное место, в котором поселилась смерть. Твой отец не мог умертвить меня, может быть, побоявшись навлечь на себя еще более тяжкие напасти, а может быть, потому, что любил меня. Вот почему, когда тридцать дней назад я почувствовала, будто не тебе, а мне палач Басстио

отсекает правую руку, я знала, что сегодня ночью ты появишься здесь».

Вот почему, когда мадрант вошел в хижину, сидевшая на полу с поджатыми ногами Герринда даже не шелохнулась. Уставившись своими пустыми глазницами куда-то вдаль, сквозь стену лачуги, она словно бы вслушивалась во что-то.

Мадрант опустил перед Герриндой на колени, и она погладила его волосы своей морщинистой рукой так, как гладит мать сына, который неожиданно вдруг задает ей совсем не детский вопрос.

«Ты стал взрослым, мадрант. Ты долго оставался ребенком, потому что окружавшие тебя ревзоды, горожане и рабы хотели, чтобы ты как можно дольше оставался ребенком, благодаря которому можно удобно устроиться в этой жизни. Рабам - в рабской, горожанам - в городской, ревзодам - в ревзодской. Но ты стал взрослым, мадрант, и небо, бывшее над тобой сорок два года безоблачным, затягивается тяжелыми черными тучами. Взгляни на Священную гору Карраско. Она сердится. Это дурной знак, мадрант. Я слышу вой чудовищного огня и грохот исполинских волн, которые роятся из пучины и устремятся навстречу этому огню. И в хаосе, возникшем при их соприкосновении, погибнет все живое. Ты породить силу, мадрант, которая тебя же и погубит. Но еще не поздно, мадрант, умиловить Священную Карраско и вызвать ветер, который разгонит тяжелые тучи и снова сделает небо над тобой безоблачным. Растопчи в себе свободного человека, мадрант! Стань шакалом и утоли голод шакала, используя силу и коварство шакала, наешься досыта, до икоты, а потом выблюй все, что еще недавно было ароматным, заветным и желанным плодом, и усни в этой блевотине. Когда же очнешься, брось пленницу куймонам, чтобы никогда не напоминала она

тебе о том, как ты стал шакалом. И ты снова будешь ребенком, мадрант! Удобным для всех ребенком. И умрешь ребенком в глубокой старости. И будут оплакивать твою смерть и рабы, которых ты же и сделал рабами, и ревзоды, которых ты же и сделал ревзодами. Но потом, являясь каждый раз в новой жизни, в иной плоти, ты будешь или змеей, или шакалом, или рабом, и никогда не дано тебе будет ощутить высшее телесное и духовное наслаждение, и твоя обрубленная рабская рука, или шакалья лапа, или крыло стервятника всегда будут напоминать тебе то далекое время, когда ты мог стать, но не стал свободным. Еще не поздно, мадрант! Еще ты можешь выбрать. Впрочем, будет так, как должно быть, потому что я не знаю, мадрант, кем ты был в прошлой жизни - леопардом или корабельной крысой...»

Мадрант поднялся и молча вышел из хижины. Герринда по-прежнему смотрела своими пустыми глазницами куда-то вдаль, сквозь стену, и словно бы вслушивалась во что-то...»

VII

Бестиев появляется всегда тихо и неожиданно. Как правило, без стука. Он – модный автор журнала. Его печатают в Москве. Его переводят за границей. Он туда ездит. Он дарит всем сувениры. Он делится своими впечатлениями. Мозг его отличается от прочих человеческих мозгов. У него развит анализ. Но совершенно отсутствует синтез. Извилины не переплетаются, как у других. Они расположены в виде аккуратных столбиков. Столбиков этих много. Друг с другом они не соприкасаются. Друг от друга не зависят. Друг на друга не влияют. Он задает однозначные вопросы. Он хочет получить однозначные ответы. Каждый столбик – отдельное понятие. Один столбик формулирует вопрос. Другой столбик ищет ответ.

Бестиев возникает в комнатке Ольги Владимировны вдруг. Она даже вздрагивает. Бестиев густо пахнет женскими французскими духами. Других духов в Мухослав-

ске нет. Он смотрит на Ольгу Владимировну. Неотразимо. Он так считает. Ему так говорили. Он сует нос в тетрадку.

– Что печатаешь?

– Срочную работу.

– А меня когда закончишь? – Он ухватывает Ольгу Владимировну за пальчик.

– Когда это сделаю. – Ольга Владимировна высвобождает пальчик.

– Нет, скажи точно. – Он успевает оценить себя в зеркале. – Он себе нравится.

– Не знаю. Может быть, завтра. Или послезавтра.

– Нет, скажи точно – завтра или послезавтра? – Он гладит плечико Ольги Владимировны.

– Видимо, послезавтра. – Она отстраняется.

– Видимо или точно?

– Не знаю.

– А кого печатаешь? – Он опять смотрится в зеркало.

– Не знаю.

– Скрываешь... Чего это у тебя на шее? – Он касается шеи Ольги Владимировны.

– Цепочка. Ты мне мешаешь, Бестиев. – Она отодвигается.

– Ну, чья рукопись-то? – Он закуривает.

– Не знаю.

– Ну скажи, чья? Вовца? – Он шумно затягивается.

– Нет.

– Чего скрываешь-то, а? – Он шумно выпускает дым.

Прямо в Ольгу Владимировну.

– Я не знаю чья. Ты дымишь мне в лицо.

– Дай почитать-то. – Он смотрится в зеркало.

– Начальство не велело.

– Кто не велел-то? – Он поправляет волосы. – Никитич?

Ей становится скучно.

– Индей? – Он шумно затягивается.

Ей начинает надоедать.

– Кто не велел-то? – Он цапает со стола готовую часть. Он смотрится в зеркало. Он плюхается в кресло рядом с Ольгой Владимировной. – Чья рукопись-то?

Ольга Владимировна возобновляет работу. Бестиев шумно курит. Бестиев читает.

«Предоставленная самой себе, лишенная каких бы то ни было развлечений, Олвис изнывала от скуки, слоняясь по розовому дворцу, который уже успел надоесть ей своим великолепием. И однажды она высказала это Первому ревзоду во время его очередного утреннего посещения с целью справиться, по велению мадранта, о состоянии ее здоровья и самочувствии.

Ревзод, испытывая отвращение и ненависть к пленнице, вынужден был тем не менее доложить о ее недовольстве мадранту, не забыв добавить и то, что в женариуме стало известно о пребывании чужеземки в розовом дворце и что супруги по этому поводу царапают себе лица в раздражении и отчаянии, ибо можно понять, высокий мадрант, всю горечь и печаль тоскующих и любящих, но незаслуженно преданных забвению женщин.

Мадрант опустил голову и задумался. Он прекрасно понимал скрытый смысл этого сообщения Первого ревзода. Его наиболее любимые жены имели огромное влияние не только на Первого ревзода, и тот как бы заранее умывал руки, в случае если вдруг Олвис будет найдена в розовом дворце мертвой в результате, допустим, отравления. Мадрант утаил эти свои мысли от ревзода, но вполне понятно, что молодую женщину не радует одиночество, и пусть ревзод сегодня передаст Олвис одного из лучших псов мадранта в качестве дара. Мадрант надеется, что этот пес сделает ее существование более приятным, а кроме того, Первый ревзод должен принять к сведению, что с этого момента все кушанья, предназначенные для Олвис, должны в первую очередь скармливаться псу, за жизнь которого ответит не только дворцовый повар. И мадрант, усмехнувшись, приподнял правую бровь, из чего («Твоя воля — закон, мадрант») Первый ревзод понял, и очень отчетливо, что не только дворцовый повар ответит за жизнь пса.

Рредос, так звали пса, был огромен и совершенно невероятной породы. У себя на родине Олвис никогда не встречала таких собак. Даже в королевской коллекции, которая насчитывала около трехсот разновидностей, не было ни одного хоть сколько-нибудь похожего экземпляра. Это был жесткошерстный, ровного свинцового цвета кобель со свирепой мордой, напоминавшей по форме морду скорее моржа, чем собаки. Когда он зевал, его черная пасть становилась похожей на пещеру, вход в которую окаймляли, словно отполированные скалы, беломраморные клыки. Голова его доходила Олвис почти до плеча, хотя никто не считал ее миниатюрной. Олвис даже показалось, что с появлением Рредоса в просторном розовом дворце стало теснее.

Она довольно скоро привыкла к псу и даже начала позволять себе разные забавы, которые доставляли ей массу удовольствий. Плавая в бассейне, например, она незаметно следила за разлегшимся на парапете Рредосом. Тот вроде дремал и не проявлял ровным счетом никакого интереса к купанию хозяйки. Но стоило Олвис сделать вид, что она тонет, Рредос молнией бросался в бассейн и уже через несколько мгновений вытаскивал ее на парапет, не оставив на теле ни малейшей царапины. Игра повторялась неоднократно, но с неизменным результатом. Причем Рредос не обнаруживал ни усталости, ни раздражения. И когда в очередной раз Рредос выволок Олвис из воды, она увидела стоявшего возле парапета мадранта. На сей раз взгляд его был спокоен и мягок. Левой рукой он молча протянул ей желтую легкую ткань, и Олвис завернулась в нее с тем непринужденным изяществом, с каким делают это женщины, знающие цену своему телу. Она благодарна мадранту за заботу и внимание («Пес, конечно, прелестный, но неужели этот странный вождь хочет выдать меня за него за-

муж?») и считает, что такой пес действительно заслуживает ее любви и привязанности.

Мадрант отрицательно покачал головой. Это просто так принято, что у мадранта должны быть любимые собаки, любимые реводсы, любимые рабы. На самом же деле Рредос всего лишь ненавистен ему менее других. Мадрант погладил пса и протянул ему свою левую руку. Огромное животное ласково лизнуло ее. Мадрант может приказать — и пес разорвет первого вошедшего сюда человека. Мадрант прикажет — и пес прыгнет в костер и заживо сгорит, потому что так приказал мадрант. Ради него этот сильный зверь, который в схватке не уступит и леопарду, может стоять в противоестественной позе столько, сколько заблагорассудится мадранту, потому что так хочется мадранту, верно, Рредос?

Пес вывалил из пасти язык, и Олвис показалось, будто виноватая улыбка мелькнула на его безвольной морде.

Ты видишь, Рредос, что прекрасная чужеземка, слабое и беззащитное существо, выше и благороднее тебя. Она лучше примет смерть, нежели сделает что-либо, противоречащее ее собственной натуре, даже если этого потребует сам мадрант!

А в ушах Олвис звучали совсем иные слова из совсем иной жизни.

(«Сколько ты стоишь, красавица?»)

А теперь попрыгай на задних лапках, Рредос!

(«Нет, дружок, это будет стоить дороже».)

Ну-ка, покажи, Рредос, прекрасной гостье, как палач Басстио лишает головы тех, кто не согласен с мадрантом!

(«Вот это, дружок, другое дело. Поедем ко мне, или у тебя есть крыша над головой?»)

Не надо, мадрант, издеваться над животным. Прошу тебя, мадрант...

Слышишь, Рредос, разве это издевательство?

Мадрант широко расставил ноги и взмахнул толстой кожаной плетью с железным наконечником. Пес только слегка вздрогнул, приняв страшный удар плетью.

Разве больно Рредосу?

Пес лизнул плеть. Еще один взмах, еще один удар. Рредос продолжал стоять на задних лапах, виляя хвостом, и лишь на миг вспыхнул в его глазах недобрый огонек, но тут же погас.

Лицо мадранта приняло презрительное выражение. Раб обожает своего хозяина, правда, Рредос?

Отвечай! Отвечай! Один из ударов пришелся по передним лапам, и тогда Рредос глухо и сдержанно зарычал.

Раб любит своего господина!

Мадрант вытянул руку с плетью, и пес лизнул ее. Глухое рычание перешло в поскуливание, выразившее не то преданность, не то боль. Мадрант отбросил плеть в сторону и схватил пса за ухо. И тут Рредос вырвался и кинулся на мадранта. Олвис вскрикнула, но мадрант выставил вперед ногу, и Рредос лизнул ее.

Вот что такое настоящая любовь, Олвис!

Но не боится ли мадрант, что однажды цепь преданности, на которую посажена ненависть, лопнет?

Мадрант усмехнулся. Скорее небо упадет на землю, чем произойдет то, о чем говорит Олвис. Не хватит на всей земле драгоценного металла, из которого будет отлит памятник тому, кто открыто поднимет руку на мадранта. Вот почему мадрант благодарит судьбу за то, что она послала ему свободное существо в облике Олвис («Не разыгрывай принцессу, красавица! Я заплатил тебе столько, что ты можешь обслужить целую когорту вместе с лошадьми!»), но мадрант убьет ее, если почувствует в ней рабыню. Верно, Рредос? Что будет с божественной чужеземкой, если она об-

манет мадранта, проявив себя жалкой рабыней?

Пес повалился на парапет всем своим громадным телом и, дернувшись несколько раз, превратился в труп.

Браво, Рредос! Ты заслуживаешь возвышенной оды!

Мадрант прославляет тебя и все твое собачье отродье!

**Ты ненавистна мне, ставшая доброй собака!
Рабски покорною сделал тебя твой хозяин
И, усмехаясь довольно, зовет своим другом.
Жалко виляя хвостом, ты его ненавидишь,
Мерзко скуля, со стола принимая объедки.
Острые зубы твои и клыки притупились.
Задние лапы во сто крат сильнее передних.
Пусть же палач две передние вовсе отрубит,
Чтобы они не мешали служить господину.
Ты и рычишь-то на тех, кто намного слабее,
Чья незавидная доля похуже собачьей.
Да и раба своего в человеческом обличье,
Как и тебя, господин называет собакой.
Встань ото сна, напряги свои лапы, собака!
Ночью к обрыву Свободы сбеги незаметно,
Там о скалу наточи свои зубы и когти.
И доберись ты до самого края обрыва,
Чтобы оттуда пантерой на грудь господина
Прыгнуть — и вмиг разодрать его горло клыками,
И распороть его сытое, жирное брюхо,
И утолить свою жажду хозяйской кровью,
И отшвырнуть эту падаль поганым шакалам,
И возвратить себе гордое имя — Собака!**

Олвис как замороженная слушала мадранта. Эти слова и ярость, с которой они были произнесены, поразили ее. Ты мог бы стать поэтом, мадрант («Я не льщу ему: лесть повышает оплату».) Ты мог бы выступать на городских площадях, и толпа уносила бы тебя на руках, повторяя и скандируя твои слова. Ты мог бы увести эту толпу за собой на край

света, и после смерти имя твое было бы высечено на скалах и памятниках. Ты улыбаешься, мадрант («Напрасно он улыбается, я говорю это вполне серьезно»), а я это говорю вполне серьезно...

Мадрант приподнял правую бровь. Эта женщина даже не знает, насколько она права, но мадрант не может быть поэтом, ибо поэт свободен и независим от мадранта, если он настоящий поэт. И тогда он становится врагом мадранта. Слова, рожденные поэтом, подчиняются только ему, а не мадранту. И если бы мадрант возлюбил поэта как друга своего, то он не был бы мадрантом. И если бы поэт возлюбил мадранта как друга своего, то он не был бы поэтом. И разве не понимает женщина, в чьих жилах течет нерабская кровь, что это истина?

Лицо Олвис вытянулось в недоумении, а потом она начала хохотать («Слышал бы это мой покойный папаша!»)

Что смешного в словах мадранта? Разве она не дочь великого вождя?

И Олвис стала хохотать еще больше, и по щекам ее покатались слезы, при виде которых вновь ощутил мадрант болезненный жар отрубленной руки. И мадрант помрачнел. И тогда Олвис перестала смеяться.

Она вдруг приблизилась к мадранту и на какое-то мгновение прислонилась головой к его плечу. Это неожиданное прикосновение обожгло мадранта, вызвав внезапную дрожь во всем теле.

Что-то жадно-шакалье почувствовал он в этой дрожи, и что-то ненастоящее — в ее потупленном взгляде, и какую-то зависимость от него самого, и отсутствие той самой последней необходимости, когда уже нет другого выхода, когда может быть только так и никак иначе.

И увидел мадрант в проеме дворцового окна похожую на шутовской колпак вершину Священ-

ной Карраско, и отметил, что струйка зловещего серого дыма не растворяется уже в безоблачном небе, а сворачивается в густое и неподвижное темное облако. И, поклонившись Олвис, мадрант вышел, а она сбросила с себя легкую желтую ткань и нырнула в бассейн («Он действительно начинает мне нравиться, черт возьми!»), а когда выбралась на парапет, почувствовала, что проголодалась...»

Бестиев вникает.

Вернее, пытается вникнуть. Изю всех сил. Он снова закуривает. Он покрывается потом. Он перечитывает несколько раз. Одно и то же место. Он ерзает.

– Чего-то я не пойму, – это он Ольге Владимировне. – Действие когда происходит-то?

Он нервничает. Он выходит из комнаты.

– Пять тысяч лет назад? – это уже Зверцеву. – Десять тысяч лет? – это Свищу. В какой стране? – это Сверхщенскому. – В какой стране-то? Я читал Плутарха. Я читал Костомарова, – это Индею Гордеевичу. – Не было такой страны. В Атлантиде, что ли? – это Алеко Никитичу. – Так не было никакой Атлантиды-то! – Опять Ольге Владимировне: – Мадрант – кто? Диктатор? Консул? Вождь? – Снова Зверцеву: – А ревзод кто? Не было таких званий! – Теперь Свищу: – Я за то, чтоб ясно было. – Шумно выпускает дым в лицо Сверхщенскому: – У Достоевского все понятно. – Откручивает пуговицу на пиджаке Индея Гордеевича: – Руку-то зачем рубить? – Останавливает Алеко Никитича: – Это его мать? Как ее там? Гурринда? – Бедной Ольге Владимировне: – Нет, ты скажи: он ее домогается? – Пристает к идущему с девочкой Гайскому: – Тогда почему он с ней не спит? – Колбаско, который принес новые стихи: – Куймоны – это кайманы? Крокодилы, что ли? – Звонит жене Алеко Никитича: – А зачем в каждом имени сдвоенные согласные? – Ставит Вовцу сто граммов: – Она кто? Проститутка? Тогда почему она с ним не спит? – Таксисту, который везет его домой: – Вот ты скажи – ты бы стал руку рубить?..

Бестиев шумно затягивается.

Бестиев шумно выпускает дым в потолок.
Ему непонятно.
Он раздражен.
Он злится.
И он ничего не может с этим поделаться.
Он начал злиться с первой страницы.
Бестиев словно бы заболевает...

VIII

Вовец – публицист. Колбаско – поэт. Вовец и Колбаско – друзья, поэтому до драки у них дело почти никогда не доходит. Биография Колбаско типична для многих поэтов нашего времени. Детский сад, школа, техникум, работа, поэзия. И, как часто бывает, счастливая искорка случайности, попав в глубоко скрытые резервуары поэтического горючего, вызвала чудовищный взрыв таланта. Колбаско тихо жил в анабиотическом состоянии младшего бухгалтера одного из филиалов мухославского химзавода. Кстати, способность и любовь считать свои и чужие деньги сохранилась в нем до конца жизни и оказала колоссальное, можно сказать – животворное, влияние на его последующее творчество. Отвечая как-то на вопросы читателей во время своего творческого вечера, Колбаско сказал, что днем своего поэтического рождения он считает день рождения старшего бухгалтера Петрова М.С. – 13 сентября 1960 года. Именно в тот день он почувствовал, что не может не писать. В то знаменательное утро на стол старшего бухгалтера Петрова М.С. рядом с тортом «Лесная сказка» и бутылкой шампанского легла и красочная открытка с поздравительными стихами, сочиненными младшим бухгалтером Колбаско. «Сонетом» открывается сборник избранных стихов ныне маститого мухославского поэта. Вот эти строки.

**СТИХИ, НАПИСАННЫЕ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ
МОЕГО НАЧАЛЬНИКА И НАСТАВНИКА
ТОВ. ПЕТРОВА М.С. 13.09.60 г.**

**Фамилий много есть на свете:
Семенов, Сидоров, Фролов...**

Но мне милее всех на свете
Одна фамилия - Петров.

За то, что любит человека,
Всегда работает с душой,
За то, что он большой товарищ,
Гордится всей нашей страной!

В то утро товарищ Петров М.С. горячо пожал руку младшего бухгалтера и сказал: «Да вы, оказывается, поэт!»

«А чего, действительно», – подумал Колбаско. Это и решило его дальнейшую судьбу. Допингом послужили, несомненно, женитьба и разразившийся вскорости знаменитый Карибский кризис. Именно тогда в газете «Вечерний Мухославск» появился гневный памфлет Колбаско, обошедший потом всю мировую прессу и сыгравший определенную, если не решающую, роль в деле наступившей далее разрядки.

**СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПОВОДУ
ОЧЕРЕДНОГО ОЖИВЛЕНИЯ
ПРОИСКОВ ИМПЕРИАЛИЗМА
В РАЙОНЕ КАРИБСКОГО МОРЯ**

Кой-кто на Западе стремится
Нам жить, как следует, мешать,
Но мы простые люди - птицы,
И мы всегда хотим летать.

Хотим дышать с любимой рядом,
Хотим трудиться и гулять!
Газон цветов и клумбы сада
Родного не дадим помять!

Пусть все живут счастливей, дольше!
Пусть свет сияет в сотни свеч!
Чтобы сбылось как можно больше
Надежд, и чаяний, и мечт!

Прогрессивный критик Сверхщепенский, делая впоследствии ретроспективный разбор поэтического творче-

ства Колбаско, отмечал, что никому еще в российской поэзии не удавалось так удачно использовать три инфинитивные формы подряд в одной строфе.

Вместе с моральной славой, естественно, пришла слава и материальная, и можно было начать потихоньку отдавать деньги, занятые под проценты у подпольных букмекеров мухославского ипподрома. Игровой азарт не чужд был Колбаско с детства. Тайный его недоброжелатель Аркан Гайский утверждал, правда, что на деньги, проигранные Колбаско, администрация мухославского ипподрома смогла выстроить знаменитую Южную трибуну с пивным баром. Аркан Гайский клянется, что это именно так и есть, но что возьмешь с человека, который считает, что ему все завидуют. Факты, однако, говорят за себя, и то, что Колбаско до сих пор не убили мухославские букмекеры (а у них нравы жесткие), свидетельствует, что Колбаско, видимо, нашел приемлемые формы взаиморасчетов.

С Вовцом судьба обошлась более сурово. Он был счастливым приемщиком стеклотары в захудалом ларьке на окраине Мухославска, но, будучи глубоко интеллигентным человеком, томился этим обстоятельством. Особенно по утрам. И как-то утраздило его в одно из таких томительных утр сочинить, а затем и отнести в тот же «Вечерний Мухославск» афоризм для раздела «Лучше не скажешь». Фраза родилась спонтанно, что говорило об определенном даровании Вовца и широте его мировосприятия. Вот эта фраза:

«Лучше 150 с утра, чем 220 на 180 с вечера».

Но тупица редактор не понял, что «150» – это доза спиртного, а «220 на 180» – кровяное давление. Пришлось почти год переделывать, и наконец афоризм был принят, но в несколько искаженном виде:

«С утра пить – гипертонию к вечеру получить».

И опять свою роковую роль сыграл все тот же Аркан Гайский, который явно не без подянки стал убеждать Вовца бросить приемный пункт по сдаче стеклотары и заняться профессиональной литературой. Вовец, будучи не только глубоко интеллигентным, но и скромным человеком, поначалу сопротивлялся, а после ста граммов согласился. Но тут суровая действительность стала вносить

свои коррективы. Афоризмы упорно отказывались возникать в голове Вовца. И тогда он сочинил рассказ про то, как некие строители не выполнили план по строительству. А в конце рассказа разъяснялось, что строители строили не что иное, как баррикады. Пятнадцать лет он пытался куда-нибудь приткнуть этот рассказ, и наконец его напечатали, даже не напечатали, а написали от руки – в стенной газете «Колючка» 9-го «Б» класса 380-й школы Мухославска, где учился сын Вовца, после чего директор школы был переведен в рядовые преподаватели черчения. Неудачи ожесточили Вовца, но не сломили. И здесь надо отдать должное Аркану Гайскому, который в трудные минуты всегда оказывался рядом и, поставив сто граммов, убеждал Вовца в уникальности его таланта, а после вторых ста граммов Вовец и сам приходил к выводу, что он слишком ершист для современной, сглаживающей углы литературы. «Позовут еще! – распаялся он в такие мгновения. – Приползут! Белого коня пришлют!» Так он и стал публицистом-надомником, тем более что назад, в ларек по приему посуды, его наотрез отказались брать, заявив: «У нас тут своих Белинских навалом!»

Позднее Вовец изобрел принцип: «Не можешь не писать – не пиши». За это его неоднократно критиковал Колбаско. Но Вовец противопоставлял Колбаско жизненную логику: «Чем писать муру на потребу, лучше не писать вовсе!» На что Колбаско обижался, потому что не считал, что пишет муру на потребу. И тогда Вовец говорил, что он Колбаско не имеет в виду, после чего Колбаско успокаивался и ставил Вовцу сто граммов. А после вторых ста граммов Вовец, озираясь, чтобы не услышала теща, сообщал Колбаско, что уже давно страдает аллергией на чистый лист бумаги. Вообще надо сказать, для хорошего аллерголога Вовец был бы ценным пациентом и основой если не для докторской, то хотя бы для кандидатской диссертации. Он запустил бороду, так как имел аллергию на бритву. У него была аллергия на баню, на свежий воздух, который вызывал приступ удушья, на море... Чудовищная аллергия была на лыжные прогулки. А попытка заставить его однажды надеть новые ботинки кончилась реанимацией. Хорошо, что все обошлось. Поэтому Вовец всегда ходил в валенках. Не вызывали у него аллергию

только жареное коровье вымя, преферанс, вокально-инструментальный ансамбль «Апельсин» и стограммешник для аппетита.

Досуг друзья часто делили на двоих. Причем любимым занятием у них было держать пари, или, как выражался Колбаско, «мазать». Колбаско вообще обожал самые уголовные выражения, создавая у окружающих иллюзию своего грубого земного происхождения. Если верить Колбаско, а не верить ему нельзя, то его отец – старый потомственный шахтер, вор в законе и излечившийся наркоман. Поэтому речь Колбаско всегда украшали такие слова, как «на-гора», «маза», «абстиненция». Хитроумный Вовец часто ловил простодушного Колбаско, используя его природную склонность к азартным играм и спорам. «А мажем, – ни с того ни с сего вдруг говорил Вовец, – что ты мне сейчас не поставишь двести грамм!» – «Мажем, что поставлю!» – оживлялся Колбаско, покрываясь красными пятнами. Шанс выиграть дармовую мазу настолько его захватывал, что он даже забывал выяснить, а что же он будет иметь в случае выигрыша. Но, уже подходя к буфетной стойке, он спохватывался и возвращался, задавая законный вопрос: «На что мажем?» – «На сто грамм!» – невозмутимо отвечал Вовец, поглаживая живот. И когда простодушный Колбаско приносил двести граммов, Вовец, разводя руками и призывая Бога в свидетели, говорил: «Ты выиграл. Из этих двухсот сто бери себе, потому что я их тебе проиграл». Они выпивали, и тут до Колбаско доходило, что в результате выигранной им мазы он просто ни за что ни про что поставил Вовцу сто граммов... Но они были друзьями, и до драки дело почти никогда не доходило.

IX

Часов около одиннадцати вечера домой к Алеко Никитичу звонит Индей Гордеевич. Он взволнован. Он даже не извиняется за столь поздний звонок и не интересуется самочувствием Глории...

– Слушайте, Никитич! Я прочитал два часа назад эту странную рукопись!.. Я материалист, Никитич! Вы меня знаете... Но тут, понимаете ли, что-то невероятное... Вы же знаете, что я человек уравновешенный, что мне не двадцать лет, что мой паровоз давно ржавеет в депо... Но

у меня уже после первых страниц спонтанно возникло ощущение, что топку залили жутким тонирующим настоем... Как там в этой проклятой рукописи?.. Миндаго!.. – Индей Гордеевич сбивается на шепот: – Ригонда вошла в комнату... Я не хочу, чтобы она слышала... Сначала это меня развеселило, не скрою, обрадовало, но потом стало страшно...

– Ригонда читала? – спрашивает Алеко Никитич, нервно барабаня пальцами по столу.

– Вы будете смеяться, – Индей Гордеевич нервно хихикает, – но я просто не даю ей такой возможности... Вы понимаете, о чем я говорю?

И тут Алеко Никитич слышит на другом конце провода какую-то возню, и трубку не берет, а просто, кажется Алеко Никитичу, вырывает Ригонда и кричит:

– Алеко! Я не знаю, что будет дальше, но начало изумительное! Это необходимо печатать!.. Я без ума!.. Прости, мы позвоним позже!..

Алеко Никитич медленно кладет трубку на рычаг.

С-с-с. Он почесывает свою лысую голову, собирая воедино разрозненные соображения. Его не удивляет любовно-паровозный экстаз такого выдержанного пуританина, как Индей Гордеевич. Его настораживает другое. Он не хотел себе в этом признаваться, но звонок Индея Гордеевича подтверждает еще утром возникшие опасения. Ничего схожего с тем, что произошло в Индее Гордеевиче, Алеко Никитич в себе не отмечает. Как было, так и есть. Скорее наоборот.. Но у него еще прошлой ночью стало развиваться чувство растущей неудовлетворенности и тоски. Он почему-то вспомнил Симину мать, уже, наверное, старую совсем женщину, если, конечно, она вообще жива... Очень она любила Алеко Никитича... Очень... Но после развода с Симой Алеко Никитич перестал ей звонить. Совсем. Как отрезал. Да и зачем? Что, собственно, говорить-то? Случилось и случилось... И забыл вскоре. И не вспоминал... И вот надо же, опять вспомнил... И почему-то сразу после визита неизвестного автора и прочтения тетрадки в черном кожаном переплете. Совпадение? Алеко Никитич стоит на земле и во всю эту телепатическую чепуху, во всех этих экстрасенсов, гуманоидов, снежных человеков не верит.. Но, с дру-

гой-то стороны, то, что происходит с Индеем Гордеевичем, – тоже совпадение?.. Ведь если бы Алеко Никитич, как Индей Гордеевич, вдруг начал бы петухом наскакивать на Глорию, или, наоборот, Индей Гордеевич, как и Алеко Никитич, вдруг бы поскучнел, помрачнел и стал терзаться всякими нехорошими сомнениями, то можно было бы предположить, что в Мухославске началась эпидемия какого-нибудь нового гриппа с воздействием на сексуальные или настроенческие нервы... Так нет же!..

С-с-с... Спросить бы у Глории. Она тоже читала... Решит, что я просто тронулся...

Мысли его прерываются звонком Индея Гордеевича:

– Старик! Колеса стучат на стыках! Рельсы дрожат! Шпалы не выдерживают!

– Индей Гордеевич! – строго говорит Алеко Никитич, вспоминая, что он старший по должности. – Возьмите себя в руки. И не забудьте, что завтра в десять пятнадцать нас ждет Н.Р.

Алеко Никитич кладет трубку, идет в ванную, принимает таблетку снотворного и направляется в спальню. Он застаёт Глорию сидящей на постели. Она что-то лихорадочно пишет в свою рабочую тетрадь.

– Почему ты не спишь? – спрашивает Алеко Никитич, раздеваясь.

– Ты ложись, – отвечает Глория, – а я еще поработаю. Мне надо подготовиться к завтрашнему заседанию клуба.

Алеко Никитич ложится ближе к стене, вытягивает руки вдоль туловища и закрывает глаза, но, несмотря на принятое снотворное, забыться не может.

– Ты слышишь, Алик? – спрашивает Глория, оторвавшись от своей рабочей тетради и мечтательно глядя куда-то в пространство сквозь стену.

– Нет, милая, – отвечает Алеко Никитич с закрытыми глазами.

– Знаешь, на меня поразительное действие оказала эта рукопись...

«Начинается», – думает Алеко Никитич и весь внутренне напрягается, но глаз не открывает. А Глория продолжает:

– Я думаю только об одном, – глаза ее загораются, а голос звучит уверенно: – Я вдруг поняла, что мы чудовищ-

но несправедливы к животным... В частности к собакам...

Алеко Никитич приоткрывает веки и с опаской смотрит на Глорию, но с ней все нормально. Она встает и начинает возбужденно ходить по спальне.

– Собаки! Четвероногие друзья! Изначально свободные существа, добровольно любящие человека! Волка, как ни корми, он все в лес смотрит! Эта народная мудрость подчеркивает исключительность и добропорядочность собак всех мастей и пород! Цивилизация – это пропасть, отделяющая человека от природы! Собака – единственный мосток, повисший над гигантской пропастью цивилизации, соединяющий человека и природу! Каштанка, Муму, Джульбарс, Мухтар! Их имена стали нарицательными! В наше время, когда собака подвергается гонениям и уничтожению, когда новые города и поселки городского типа планируются с исключительной целью – не дать простора собаке, когда владельца собаки называют мещанином, неизвестный автор совершил подвиг, написав повесть о собаке, воспев ее дивный образ!..

Алеко Никитич продолжает следить за Глорией. С-с-с...

– Теперь я понимаю, почему меня сразу поразила удивительная аллитерация автора! Обилие звука «р»! Автор вынужден обратиться к эзоповскому языку! «Р»! Ты вдумайся, Алик! «Р»! Р-р-р! Это рычание! Это глухой ропот животного, доведенного до отчаяния! Ты обязан, обязан напечатать повесть! Природа и люди оценят эту великую акцию! Обязан, как бы ни восставали заплывшие жиром чиновники, держащиеся за свои кресла, забывшие, что сами они тоже происходят от животных! Великий Чехов в своих письмах к Ольге Леонардовне Книппер называл ее «моя собака»! Вот о чем я завтра буду говорить!..

Алеко Никитичу становится несколько не по себе.

– Успокойся, – произносит он. – Прими снотворное и ложись.

Но Глория еще долго мечется по комнате, подходит к окну, смотрит на луну, что-то лихорадочно заносит в свою рабочую тетрадь.

Потом вдруг бросается к телефону и говорит кому-то нечто совсем противоречащее ее недавней возвышенной филиппике:

– Эльдар Афанасьевич? Простите за поздний звонок... Вам известно, что Алферова взяла отбракованного добермана?.. Да! Я ей сказала, что это вызов всем членам клуба!.. А вам известно, что она собирается вязать его с Джульеттой?.. Так вот. Скажите ей как президент клуба, что мы ни перед чем не остановимся! Мы портить породу никому не позволим! И если это произойдет, мы уничтожим помет во чреве! Так и передайте: уничтожим помет во чреве!.. Спокойной ночи, Эльдар Афанасьевич!..

Глория кладет трубку, а палевый коккер-спаниель, уже мирно спавший в ногах Алеко Никитича, вдруг прыгивает с тахты и, скуля, выбегает из спальни...

Алеко Никитич ворочается в постели. Тревожные соображения будоражат его... Сверхщенский, Свищ. Что они скажут, когда прочтут?.. «Щенок всюду гадит» – вспоминает он Дамменлибена... Еще одно совпадение?.. А самое главное состоит в том, что завтра произведение прочтет Н.Р., и черт его знает, какова будет его реакция... Алеко Никитичу удастся забыться только под утро, и во сне ему представляется, что он в трюме плывущего куда-то корабля. Тело его покрыто короткой серой лоснящейся шерсткой. В обе стороны от носа топорщатся острые усики. Сзади тянется что-то длинное, и Алеко Никитич догадывается, что это хвост, но его это не удивляет. «Надо проверить длину, – думает Алеко Никитич, – не то легко угодить в белогвардейскую газетенку...» Глазки привыкают к темноте, и он видит в трюме еще многих таких же, как он... «Кто они? – думает Алеко Никитич. – Ну, смелее! Назови их своими именами!»... Крысы! Конечно, крысы! Как ему сразу не могло прийти в голову? И нечего стесняться! И вдруг он замечает в углу, где неистовый Индей Гордеевич лапками обнимает Ригонду, тоненькую струйку воды... «Течь! – мелькает у него в мозгу. – Течь! Надо бежать! Но куда? До Фанберры еще так далеко!.. Все равно куда... Только бы бежать... Не делая шума... Не то начнется паника и давка...» И Алеко Никитич начинает медленно отползать вдоль стены... Внезапно он натывается на Ольгу Владимировну... Ее бы следовало предупредить... Он толкает ее лапкой!.. Течь! Ольга Владимировна, течь! Но Ольга Владимировна не слышит... Алеко Никитич царапает ее лапками... Но

Ольга Владимировна не реагирует. Тогда Алеко Никитич кусает ее левую переднюю лапку своими острыми зубками и просыпается от крика Глории.

– Кошмар! – говорит она, садясь на постели и потирая укушенную левую руку. – Мне снилось, что я собака и меня укусила крыса!

В спальне уже совсем светло. Будильник показывает двадцать минут седьмого. Скоро вставать и идти к Н.Р.

Х

Перед самым концом рабочего дня в комнатке Ольги Владимировны оказался Аркан Гайский и принес удивительную новость: позавчера на рассвете над Мухославском в течение сорока минут висела летающая тарелка. Она представляла собой веретенообразное тело, от которого исходило холодное газовое сияние. Потом из этого тела на Мухославск пролился сверкающий дождь, напоминающий «серебряные нити», какими украшают новогодние елки. Но следов этого дождя никто из очевидцев не обнаружил, из чего остается думать, что дождь имел нематериальное происхождение. Через сорок минут веретенообразное тело, слегка покачавшись, словно растворилось в северо-западной части неба.

– Пить надо меньше, – сказала Ольга Владимировна.

– Я, Ольга Владимировна, не пью. Вы это знаете, – ответил Аркан Райский. – Но обстановка в мире сложная. Враги обнаглели. Мало ли что им придет в голову... Я написал на эту тему рассказ. Пойдемте ко мне... Я его вам почитаю...

– Гайский, – устало проговорила Ольга Владимировна, – я весь день печатала срочную работу, мне не до рассказов и не до врагов.

– А хотите – пойдём к вам, – настаивал Гайский, – просто посидим... Обстановка напряженная... Удовольствие и счастье, которое мы отвергаем сегодня, завтра уже может быть недостижимо...

Но Ольга Владимировна отказала Аркану Гайскому и в этом прощении. Она закрыла машинку и поднялась из-за стола, давая понять, что уходит.

И ввиду того, что сногсшибательное известие о неопознанном летающем объекте не произвело на Ольгу Вла-

димировну должного впечатления и не заставило ее, бросив все, приступить к получению, может быть, последнего в жизни счастья и удовольствия, Аркан Гайский стал просто канючить:

– Ну почему? Разве вам вчера было плохо?.. Ну скажите... Если было плохо, я отстану...

– Гайский! Я устала! Ясно? Пропустите меня! А если вам нечего делать, оставайтесь здесь... Кстати, прочтите эту тетрадочку. Вам полезно...

– Тот самый неизвестный автор? Я помню... Но я прочту, Ольга Владимировна!.. Только я могу после этого вам позвонить?

– Пока, Гайский, – сказала Ольга Владимировна.

Гайский побежал за ней в коридор:

– А завтра?

– Посмотрим! – крикнула Ольга Владимировна уже с улицы. – Если не будет конца света!..

Гайский уселся за стол Ольги Владимировны и, раскрыв тетрадь в черном кожаном переплете, пробурчал:

– Все пишут! Все завидуют!..

Гайский нехотя начал читать, больше думая о своем. И вспомнил тот день, когда он был в Москве. Утром к нему явился молодой человек и предложил выступить за наличные и за хороший ужин, поскольку Гайского в Москве знают и пленки с его рассказами ходят по рукам подобно пленкам Высоцкого...

– А девочки будут? – спросил Гайский.

– Пальчики оближете! – таинственно сказал молодой человек.

– Дворец культуры? – спросил Гайский.

– Нет. Частный дом, – ответил молодой человек. – Так интимнее... Причем дом очень солидный...

Когда вечером импресарио и Гайский вошли в подъезд, он сразу увидел, что дом действительно солидный. Консьержка ни в какую не хотела пропускать Гайского, исподлобья глядя на его сутулую фигуру, нелепый красный берет и подозрительно маленький нос.

– Это артист, – объяснил импресарио...

– Писатель, – поправил Гайский.

– Артист, – повторил импресарио... – Мы в сто двадцатую.

– Вас я знаю, – сказала консьержка. – А про этого мне

ничего не говорили... Пусть мне из сто двадцатой позвонят, тогда пожалуйста!

Молодой импресарио позвонил и передал трубку консьержке. Та внимательно что-то выслушала, положила трубку и сказала строго и недовольно:

– Идите!

– Они здесь деньги получают не за то, чтобы пропускать, а за то, чтобы не пропускать, – пояснил импресарио Гайскому, когда они вошли в лифт.

– А чья это квартира? – осторожно спросил Гайский.

– Для вас это не имеет значения, – сухо отрезал импресарио.

– И девочки будут? – недоверчиво спросил беспощадный сатирик.

– Я же сказал – пальчики оближете!

В квартире, куда ввели Гайского, были двое парней и три шикарные девочки, из которых писателю понравились сразу все.

«Пока все точно, – подумал Аркан Гайский, – парней двое, девочек трое. Одна, значит, для меня...»

– А ничего, если я не буду снимать берет? – обратился Гайский к импресарио, полагая, что лысина лишает его по крайней мере четверти мужского обаяния.

Импресарио представил Гайского присутствующим, но это почему-то не произвело на них должного впечатления. Затем сатирика провели по громадной квартире и посадили в небольшую комнату, где, кроме широченной тахты, стояла еще и неведомая Гайскому радиоаппаратура. Минут через пять в комнату вошли три девочки и забрались на тахту. К ним присоединились двое парней.

«Какая же из них для меня?» – думал Гайский с замиранием сердца.

Но тут появился импресарио и, к удивлению писателя, тоже плюхнулся на диван. Он обнял одну из девочек за плечи и подмигнул Гайскому:

– Давай!

Одна из девочек включила музыку. Гайский вопросительно взглянул на импресарио.

– Нормально! – сказал он. – Так душевнее!..

Аркан Гайский пошелестел несвежими рукописями и с упоением начал читать...

Читая, он косил глазом на тахту. Все шестеро изо всех сил делали вид, что слушают Гайского, одновременно целуясь и пощипывая друг друга.

«Но ведь одна из них для меня», – досадливо думал он в процессе чтения, уже испытывая чувство ревности. Но поскольку он не знал, кто для кого и кто именно для него, то ревновал всех троих ко всем троем.

Когда он прочитал фельетон, в котором был недвусмысленный намек на нехватку колбасы в городе Мухославске, один из парней, которого Гайскому представили как хозяина квартиры, наклонился к импресарио, и до Гайского донеслось: «Он что, жрать хочет?»

Импресарио вышел и скоро вернулся, поставив перед Гайским поднос с рюмкой и тремя бутербродами с колбасой, какой сатирик не видывал отродясь.

– Пожри, – сказал импресарио. – Потом посмотрим... А пока будешь жрать, ознакомься... Друг хозяина дома балуется... Пописывает...

И он положил перед Гайским тетрадь в черном кожаном переплете, кивнул в сторону блондина с голубыми глазами, на коленях которого уже сидела одна из девочек.

– А кто он? – шепнул Гайский.

– Это тебе знать не обязательно, – сказал импресарио. – Ясно?..

Пока писатель жевал бутерброды и листал тетрадку, все танцевали, предоставив Гайского самому себе. А он, наскоро перелистывая тетрадь, ничего не улавливая, выхватывая отдельные бессмысленные слова, прикидывал: «Не хочет называть фамилию автора. Значит, автор – сын кого-то крупного... Как пить дать. Меня на мякине не проведешь... Надо хвалить...» И Гайский сказал:

– Талантливо!

Девочка, танцевавшая с блондином, щелкнула его по носу, а импресарио улыбнулся:

– А как же!

– Кофе будете? – спросил хозяин дома.

– Потом, – вежливо ответил Гайский. – Я еще кое-что прочту.

Девочка хозяина дома поморщилась, а импресарио стал делать Аркану Гайскому отчаянные знаки, указы-

вая в сторону двери. Когда Гайский вышел, импресарио довел его до прихожей и протянул конверт.

– Вот здесь тридцатка, – быстро произнес он, – а в конце квартала стоянка...

– А девочки? – с отчаянием в голосе спросил Гайский.

– Пальчики оближешь! – отрезал импресарио и открыл дверь в подъезд.

– Передай мой телефон в гостинице, – сказал Гайский, напяливая красный берет. – Если кто захочет, я в гостинице почитаю. – И он подмигнул импресарио.

– Не захотят, – бросил импресарио и захлопнул дверь.

Аркан Гайский сорок минут шел пешком до метро, потому что такси в конце квартала не оказалось.

«Дети таких высоких людей, – думал он, – а все равно завидуют!..» Конверт с тридцаткой несколько скрашивал не совсем удачно сложившийся творческий вечер...

Сейчас, сидя в комнатке Ольги Владимировны, Аркан Гайский узнал ту самую тетрадь в черном кожаном переплете, и его охватила злость... Все шушукаются, носятся с этой рукописью... Оля весь день печатала, устала да еще сказала, что ему, Аркану Гайскому, это будет полезно почитать... Ух, графоманы высокопоставленные, завистники чертовы! Что вы можете написать? Что вы понимаете в настоящей литературе?.. И он с ненавистью углубился в чтение...

«Единственный, а потому и знаменитый «Альманах» Чикиннита Каело занимал каменную постройку с верхней и нижней частью. В верхней части, скрытой от города густой вьющейся зеленью, находился обычно Чикиннит Каело, принимавший здесь посетителей и вершивший отсюда судьбы «Альманаха». В нижней, наполовину расположенной под землей, за ровными, отшлифованными столами из черного камня сидели переписчики.

«Альманах» появлялся на следующее утро после каждой Новой луны. В нем помещались указы мадранта и совета ревзодов, итоги сухопутных и морских баталий, данные об улове рыбы и сборе ценнейших плодов миндаго, опи-

сание казней и экзекуций, сведения о состоянии здоровья мадранта, а также стихотворные оды, философские сочинения и предсказания судьбы и погоды.

Появлялся он с каждой Новой луной в трех вариантах. Один - написанный черной гуалью - вывешивался на городской площади и предназначался горожанам. (рабы не имели права читать «Альманах»), второй - в зеленой гуали - доставлялся Первому ревзоду, который и зачитывал его на совете. Третий создавался специально для мадранта на дорогой бумаге и выполнялся красной гуалью с позолотой.

Читая на городской площади свой «Альманах», горожане узнавали, что они живут хорошо.

Ревзоды, читая свой, убеждались в очередной раз в том, что горожане живут превосходно.

В красном же «Альманахе» горожане обращались к мадранту с предложениями быть с ними построже, ибо живут они замечательно, но чересчур.

Когда состоялась в городе казнь ста пойманных горных разбойников, горожане из своего «Альманаха» узнали, что казнили не сто, а всего девять, и не разбойников, а воров, похитивших у бедного торговца лепешку.

Первый ревзод на совете зачитал, что казнен был один человек, пытавшийся украсть сеть у рыбака.

В «Альманахе» мадранта писалось, что казненный неоднократно обращался к мадранту с просьбой казнить его, так как чувствовал, что может произвести кражу, и вот теперь его просьба удовлетворена, за что и благодарит мадранта со слезами преданности и умиления семья казненного.

И за всем этим должен был следить и никак не перепутать (даже и подумать-то страшно!) бедный, бедный Чикиннит Каело, поставленный на важное государственное дело советам рев-

зодов с согласия самого мадранта. Бедный, старый, больной, несчастный Чикиннит Каело! Зачем ему все это? Зачем ему полагающиеся по разрешению мадранта пять жен, когда и с одной он уже давно не имеет сил сделать нового подданного? К чему ему ежедневная чашечка миндаго, от которого только сердце начинает выпрыгивать из груди? Почему он должен читать эти горы бумаг, испещренных буквами, цифрами и рисунками? Для чего? Чтобы дрожать после каждой Новой луны: а вдруг что-либо вызовет неудовольствие у ревзодов или у самого (и подумать-то страшно!) мадранта? И полетит тогда с дряхлых плеч его лысая, покрытая жилами, как червями, голова. Па-па-па... Пе-пе-пе...»

Гайский почувствовал в животе, где-то внизу, острый спазм, подобно тому, который возникает, когда после стакана, например, кислого крыжовника выпиваешь парного молока. Схватив тетрадку, он бросился в туалет. «Что-то я, наверное, съел», – подумал сатирик, едва успев добежать до цели. Здесь он и продолжал внезапно прерванное чтение.

«...Па-па-па... Пе-пе-пе... Бедный Чикиннит Каело. Оставался бы он лучше до сих пор учетчиком урожая миндаго, имел бы не пять, а всего две жены, сохранил бы молодость и здоровье, до сих пор делал бы для мадранта новых подданных... Так нет же! Па-па-па... Пе-пе-пе... Зачем надо было попадаться на глаза мадранту, когда тот посетил поля с драгоценным миндаго? Зачем было бросаться в ноги мадранту и восхвалять его, и говорить, что это он, Чикиннит Каело, не жалеет себя и жизни своей, чтобы мадрант мог каждое утро принимать тонизирующий миндаго, который придает мадранту силу, мудрость и красоту? Перестарался Чикиннит Каело... Да и что проку в этом чертовом миндаго? Ничего же и не

изменилось в организме с тех пор, как по велению мадранта стали доставлять ему из дворца чашечку этой оранжевой жидкости. Ни сил, чтобы делать подданных, не прибавилось, ни волос, ни красоты... Па-па-па... Пе-пе-пе... Скорее наоборот, жены жалуется, особенно Жеггларда. И понятно. Ей всего тридцать лет. А ведь Чикиннит Каело взял ее еще девочкой... О, какая это была умелица! Па-па-па... Что за гибкость! Что за кожа! Бывало, стоило только произнести вслух имя Жеггларды, и никакого миндаго не надо! Куда там!.. Пе-пе-пе... Цепями сдерживать, за уши оттащить надо было Чикиннита Каело от Жеггларды... Правда, если по справедливости, то, не возмись он за этот «Альманах», не стал бы он знатен и богат, не получил бы он к своим двум еще трех, в том числе и Жеггларду... О небо! Что это с Чикиннитом Каело?! Неужели?! Нет, показалось. Спали огнем этот «Альманах», Священная Карраско! Бедный, несчастный, старый, больной Чикиннит Каело!..

Чикиннит Каело вздрогнул. Что за крамольные мысли посетили его лысую голову! Горе и позор Чикинниту Каело! Какое кощунство позволил он себе по отношению к делу, которое дал ему в управление совет ревзодов с согласия самого мадранта! Прости и помилуй, высокий мадрант! Прочь, грязные мысли! Прочь! Чикиннит Каело на посту! Он работает, он читает, он сочиняет, он исправляет, и слова сами по себе ложатся на бумагу... Нет сильнее и могущественнее страны мадранта! Нет умнее и здоровее нашего мадранта!.. Вяло! Слабо!.. Усилим, мой мадрант! Нет наисильнее и наимогущественнее страны мадранта! Нет наиумнее и наиздоровее нашего мадранта!.. Пе-пе-пе... Но подожди, Чикиннит Каело! Если все это идет в черный «Альманах», то какие высокие слова найдешь ты для крас-

ного? Не было, нет и не будет наисильнее и наимогущественнее страны мадранта! Нет наименее и наиздоровее молодой Жеггларды...

Холодный пот прошиб Чикиннита Каело. Испуганно озирась, он схватил и проглотил только что исписанный листок бумаги... Так можно попасть и к священным куймонам... Впрочем, ох как вовремя проглотил злосчастный листок Чикиннит Каело!

На террасе появился посетитель, который мог случайно заметить чудовищные строки, еще мгновение назад лежавшие перед Чикиннитом Каело... Па-па-па... Чем может служить Чикиннит Каело любезному посетителю? Ох, как мучают они его, заставляя читать их жалкие творения и давать на них ответы... Неразумные! Чем они могут удивить Чикиннита Каело? Стихами? Фактами? Предсказаниями погоды? В стране есть стихотворцы, сборщики фактов и предсказатели погоды. Они все на учете и все получают свое вознаграждение. И этих стихотворцев, и сборщиков фактов, и предсказателей погоды вполне хватает Чикинниту Каело. Даже много!.. Так чем может служить.. пе-пе-пе... любезному посетителю Чикиннит Каело?

Любезный посетитель был одет бедно и неяршливо. Имел гладко выбритую голову, округлую черную бороду и бесстрастные, ничего не выражающие глаза. Он молча протянул Чикинниту Каело свернутый в трубочку лист дорогой, как успел заметить Чикиннит Каело, бумаги... Чикиннит Каело взял рукопись и, не разворачивая, положил в корзину рядом с собой. Любезный посетитель может идти, потому что Чикиннит Каело занят и прочтет рукопись после Новой луны. И если любезный посетитель желает выслушать приговор Чикиннита Каело, то он может прийти за ответом через три дня после Новой луны... Па-па-па... Пе-пе-пе... Любезный посетитель имеет нахальство требо-

вать ответа сейчас же?.. А чем же данный любезный посетитель отличается от других любезных посетителей, творения которых ждут своей очереди в этой корзине?..

Но любезный посетитель будто и не понимал слов Чикиннита Каело. Он только безразлично пожал плечами и не думал трогаться с места... Пе-пе-пе... На подозрительно дорогой бумаге принес свои творения любезный посетитель... Мало ли кто он? Для чего старому Чикинниту Каело неприятности на его лысую голову?.. Чего не бывает? В последнее время даже дети ревзодов занимаются стихотворчеством. Ну что же, Чикиннит Каело сделает исключение для любезного посетителя, раз он так настаивает...

Чикиннит Каело достал из корзины, развернул лист дорогой бумаги и... па-па-па... пе-пе-пе... углубился в чтение... «Ты ненавистна мне, ставшая доброй, собака! Рабски покорною сделал тебя твой хозяин и, усмехаясь довольно, зовет своим другом. Жалко виляя хвостом, ты его ненавидишь, мерзко скуля, со стола принимая объедки...» Па-па-па... Чикиннит Каело мельком взглянул на любезного посетителя, но тот всем своим видом изображал полное безразличие... «Да и раба своего в человеческом обличье, как и тебя, господин называет собакой. Встань ото сна, напряги свои лапы, собака! Ночью к обрыву Свободы сбеги незаметно! Там о скалу наточи свои зубы и когти...» Пе-пе-пе... Это что же за намеки?.. «И доберись ты до самого края обрыва, чтобы оттуда пантерой на грудь господина прыгнуть - и вмиг разодрать его горло клыками...» Чикиннит Каело снова взглянул на любезного посетителя и совершенно отчетливо представил себе его бритую, с округлой бородой, голову, отделенную от туловища... «И распороть его сытое, жирное брюхо, и утолить свою жажду хозяйской кровью...» И Чи-

киннит Каело ясно увидел отделенные от туловища ноги и руки любезного посетителя... «И отшвырнуть эту падаль поганым шакалам, и вернуть себе гордое имя — Собака!» Нет, скорее всего, несчастного посетителя прикуют цепями к каменному столбу, вырежут возле пупка маленький кусочек тела и посадят на это место голодную крысу. Крыса начнет вгрызаться в тело, выжирая внутренности, пока не доберется до сердца... Это замечательная казнь... Чикиннита Каело даже передернуло... Достойный финал для... В конце листа Чикиннит Каело увидел имя — Ферруго... Так значит, любезного посетителя зовут Ферруго?... Ах, Ферруго — это хозяин любезного посетителя... И Ферруго хочет, чтобы это творение было принято в «Альманахе» Чикиннита Каело и обнародовано?... (Главное — не спугнуть любезного посетителя...) Но дело в том, что творение Ферруго, так и надо сказать твоему хозяину, несовершенно, слабо по словам, расплывчато помысли, но Ферруго не должен бросать это занятие, ибо определенный дар у него имеется, и пусть он напишет еще что-нибудь и передаст Чикинниту Каело через любезного посетителя, а еще лучше — пусть сам принесет свои творения Чикинниту Каело, который будет ждать его ровно на третий день после Новой луны... Данное же творение Чикиннит Каело оставляет у себя, чтобы, изучив его, дать Ферруго более исчерпывающие объяснения... И Чикиннит Каело достал из желтой шкатулки и протянул любезному посетителю желтый камень, значение которого, безусловно, должно быть известно всякому, кто решается принести свое творение Чикинниту Каело. Надобно знать, что у Чикиннита Каело нет свободного времени, чтобы объяснить каждому почему да отчего. И поэтому Чикиннит Каело завел три шкатулки. Черный камень из черной шкатулки означал, что данное

творение никуда не годится, не отвечает, не соответствует и хозяина этого творения просят в дальнейшем не обременять Чикиннита Каело. Желтый камень из желтой шкатулки означал то, что недавно Чикиннит Каело высказал любезному посетителю. В красной шкатулке лежали камни, предназначенные тем, чьи творения заведомо нужны и приятны Чикинниту Каело и его «Альманаху»... Стало быть, ровно на третий день после Новой луны... А теперь любезный посетитель может считать себя свободным...

Едва только неряшливо одетый бритоголовый бородач удалился, Чикиннит Каело схватил в руки бумагу с творением Ферруго и вновь начал его читать, шевеля беззвучно губами. Он читал, и ему становилось страшно, как будто это написал не какой-то таинственный Ферруго, а сам Чикиннит Каело, и ему теперь предстоит отвечать и расплачиваться перед самим мадрантом... Па-па-па... Может, уничтожить эту проклятую бумагу, будто ничего и не было? Пе-пе-пе... Но ведь Ферруго возникнет вновь, а что ему заблагорассудится сотворить на сей раз, одному небу известно!.. А вдруг (и подумать страшно!) нет никакого Ферруго, и просто Первый ревзод решил проверить подлинную преданность Чикиннита Каело и подослал к нему любезного посетителя с этой крамолой? Пе-пе-пе... А старый глупый Чикиннит Каело набирает в рот воды и помалкивает? А уж не потому ли он помалкивает, что согласен с написанным, а если и не согласен, то просто настолько глуп, что даже не в состоянии понять страшный смысл написанного?.. Просто какой-то сумасшедший Ферруго решил встать на защиту бедного домашнего животного и предлагает ему растерзать своего хозяина. Какое бедное животное? Какого хозяина? Где живет этот хозяин? Как зовут это бедное животное? Или Чикиннит Каело

считает себя умнее других?.. Помилуйте! Не считает себя Чикиннит Каело умнее других! Ах, не считает? Тогда почему же Чикиннит Каело, который сам говорит, что он не умнее других, должен заниматься столь важным государственным делом? Нет, таким делом должен заниматься человек, умнее многих других! Помилуйте! Чикиннит Каело умнее многих других! Ах, умнее? Тогда что это за хозяин и как зовут его собаку?.. И тут Чикиннит Каело почувствовал, как не чья-нибудь, а именно его лысая голова отделяется от тела, и он судорожно проглотил слюну... Па-па-па... Уведомить! Уведомить Первого ревзода, и немедленно!..

В этот момент из нижнего помещения поднялся старший переписчик и попросил Чикиннита Каело спуститься вниз, чтобы ознакомиться с первым переписанным вариантом будущего красного «Альманаха». Чикиннит Каело положил на стол, свернув предварительно в трубочку, рукопись Ферруго и спустился вниз. Он в целом одобрил первый вариант красного «Альманаха», но велел изменить предсказание погоды, которая, согласно предсказателю, ожидалась знойной и жаркой, и заменить ее на прохладную с небольшим дождичком, потому что мадрант не переносил жары. В черном же «Альманахе» пусть останется жара и зной... Когда Чикиннит Каело поднялся на свою террасу, свернутой в трубочку рукописи Ферруго на столе не было... Чикиннит Каело обшарил все помещение, перерыл корзину, обежал несколько раз дом снаружи — вдруг порыв ветра унес бумаги на улицу? Напрасно. Рукопись Ферруго исчезла бесследно... Тяжело дыша, обливаясь потом, Чикиннит Каело опустился в свое кресло, бессмысленно глядя на пустой стол... Па-па-па... Пе-пе-пе...»

Почувствовав облегчение и успокоившись, Гайский вырвал лист из уже прочитанного и использовал его по назначению, приговаривая: «Так тебе! Вот твое место!» В коридоре он столкнулся с уходящим домой Индеем Гордеевичем.

– Проводите меня домой, Гайский, – предложил Индей Гордеевич.

Индею Гордеевичу Гайский отказать не мог. Увидев в руке сатирика тетрадку в черном кожаном переплете, Индей Гордеевич спросил:

– Между нами, Гайский, как вам эта вещица?

– Пакость! – вдруг закричал Гайский – Аморальное произведение! Графоманский бред!.. Без мысли! Без игры ума! Идея порочна!

– А у меня несколько иное впечатление... Мне пока трудно сформулировать. Какой-то философ сказал, что литература действует не на сознание, а на подсознание... Так вот... Как бы это вам сказать... Я надеюсь на вашу мужскую скромность...

– Как могила! – сказал Гайский.

– В меня эта повестушка влила новые силы... Надо вычитывать верстку юбилейного номера, а перед глазами – Ригонда, – смущенно произнес Индей Гордеевич.

– Нет ничего удивительного, – согласился Гайский. – Она достойная, красивая и очень женственная женщина, а вы еще достаточно молодой мужчина...

– Но ведь ничего подобного я не испытывал уже пятнадцать лет... А вот прочитал и...

– Дело в том, Индей Гордеевич, что мы не признаем пророка в своем отечестве... Вспомните, какой острый рассказ вы мне завернули, а всякая дрянь на вас действует...

Гайский, когда надо, умел постоять за себя.

– Не спорю, Гайский, – сказал Индей Гордеевич, – у вас живой ум, острый язык, но ни один ваш рассказ ни разу даже не задел то, что философия именуется подсознанием... А здесь...

– Выдаете желаемое за действительное, – сказал Гайский, когда они уже подошли к дому Индея Гордеевича.

– Не дай бог! Типун вам на язык! – заключил Индей Гордеевич и, не дожидаясь лифта, помчался по лестнице, словно горный козел.

«И он завидует», – подумал Гайский и здесь только заметил, что, заболтавшись с Индеем Гордеевичем, он забыл оставить на столике Ольги Владимировны проклятую тетрадку в черном кожаном переплете. И тут он снова почувствовал приближение очередного приступа. Быстро сообразив, что до ближайшего места общественного пользования ему не дотянуть, а к Индею Гордеевичу стучаться по такому делу неудобно, он заспешил большими шагами к спасительной гавани, каковой являлась квартира Вовца...

XI

В этот вечер в 20 часов 30 минут истекал срок одной из самых невероятных «маз», какие когда-нибудь держали Вовец и Колбаско. История вкратце такова. Два года назад Колбаско находился в командировке в городе Качарове, где он писал поэму «Хлеба мои вольные!». Спустившись из номера гостиницы поужинать в ресторан, он увидел сидящего за столиком возле оркестра мухославского поэта-песенника Продольного, автора знаменитой «Мухославской лирической». Помимо несомненного дарования, Продольный славился еще одним отличительным достоинством: он имел довольно приличный, чтоб не сказать больше, горб. Это обстоятельство не было для Колбаско откровением, да и сам факт сидения Продольного в качаровском ресторане еще ни о чем не говорил. Более того, в другое время Колбаско не преминул бы даже и подсесть к Продольному, потому как тот был человеком богатым и иногда любил угощать. А кто, скажите, в наше время откажется от дармового ужина? Глупец откажется. А Колбаско, как известно, глупцом не только не был, но и, что значительно важнее, таковым себя не считал. Так вот, в другое время Колбаско непременно подсел бы к Продольному. Но в том-то все и дело, что Продольный был не один. Напротив него сидел моложавый, с лицом Фернанделя, тоже... горбун. Но и это еще полбеды. Оба развлекали очаровательную юную горбунью, а обслуживал их, и это было совсем странно, горбатый официант. Колбаско относился к людям, которые считают, что ничего просто так в жизни не случается, и его воспаленный мозг лихорадочно заработал... Секта? Вряд ли.

Продольный был секретарем общества «Знание». Симпозиум? Международный конгресс? Но где флажки на столиках? Где транспаранты на улицах? Родственники? Вроде бы не похожи... Нет. Тут что-то другое... Решая этот ребус, Колбаско отужинал, расплатившись с официанткой, которая в начале ужина вызвала у него отвращение, но по мере того как он опустошал графинчик, становилась все привлекательнее, пока наконец не превратилась в писаную красавицу, столь желанную сегодня колбаскиному поэтическому сердцу. Пригласив ее к себе в номер и тут же получив отказ, Колбаско подумал, что это даже к лучшему, и поинтересовался у нее, откуда в Качарове такое большое количество горбатых представителей, на что официантка ответила, что в городе живет один старичок, который выправляет горбы в довольно короткое время, что старичок этот – репатриированный армянин греческого происхождения, что полгода назад он избавил от горба ее покойного мужа, да что там мужа – ее самое. При этом официантка повернулась спиной к Колбаско, предоставив ему возможность удостовериться в сказанном. Колбаско, будучи человеком не только впечатлительным, но и практичным, немедленно замыслил коварно использовать этот факт с выгодой для себя. И, возвратившись в Мухославск, в тот же вечер предложил Вовцу «мазу», что не пройдет и двух лет, как у песенника Продольного исчезнет горб. Вовца не пришлось долго уговаривать, и он поставил рубль против пятисот, что этого не произойдет. В данном случае, как и в остальных, Вовец исходил из того, что все равно с Колбаско такую сумму не получишь, но бутылку он с него всегда стребует. Колбаско же, не посвятив Вовца в тайну качаровского исцелителя, справедливо для себя посчитал, что дармовой рубль у него в кармане. Хоть бы и через два года. Но по мере того как шло время, а горб у Продольного не только не уменьшался, но, наоборот, вроде бы стал еще солиднее, Колбаско скучнел, заставляя себя забывать про заключенную «мазу», а иногда придавал ей значение шутки. У Вовца же память была отличная, и он каждый раз, встречая Продольного на улице, потирал руки и поглаживал живот, предвкушая грядущий день платежа. И вот в вечер, о котором идет речь, исполнилось ровно два

года с того знаменательного момента, и Вовец извлек из-под подушки документ, подтверждающий заключение «мазы», спросив, каким образом Колбаско собирается погасить долг. Колбаско покрылся красными пятнами и заявил Вовцу, что только подлец мог заключить такую «мазу», заведомо зная, что никакими средствами нельзя человека избавить от горба, а с подлецами он вообще иметь дел не желает и деньги отдавать не собирается. Но поскольку они все-таки были рузьями и до драки у них дело почти никогда не доходило, Вовец объявил Колбаско амнистию, заменив пятьсот рублей бутылкой. Колбаско был несказанно обрадован, посчитав, что он наколол простодушного Вовца, сэкономив четыреста девяносто рублей. А простодушный Вовец тем более остался в выигрыше, потому что о большем и не мечтал. Колбаско сбегал, и они мирно выпивали и закусывали, являя всему остальному миру пример того, как можно договориться даже в самой щекотливой и конфликтной ситуации.

Их незатейливую трапезу прервал нервный звонок в дверь. Аркан Гайский, едва не сбив открывшего ему Вовца, промчался по коридору и скрылся в туалете.

Через десять минут он появился в комнате, держа под мышкой тетрадь в черном кожаном переплете.

– Съел я чего-то, наверно, – сказал он друзьям, как бы извиняясь, и подсел к столу.

– Ну? – спросил Вовец. Он всегда говорил «ну», когда нечего было сказать.

Без ярко выраженной радости он поставил перед Гайским рюмку и занес над ней бутылку, но наливать не стал, выдерживая известную вопросительную паузу.

– Ни в коем случае! – замахал руками Гайский. – Я чего-то съел такое!..

– Как знаешь, – облегченно вздохнул Вовец и с надеждой взглянул на Колбаско.

– Буду, буду, – испортил ему настроение Колбаско. – Не умер еще!

– Черт знает что! – заговорил Гайский. – Носятся с этой повестью! Пакость! Дрянь! Бестиев, и тот лучше пишет!.. Ну, ладно. Я, может, необъективен – у меня рассказ зарубили, но я тебя спрашиваю, Вовец!.. Вот ты – талантливый, с безупречным вкусом... Вот прочти и скажи!

Только честно! Тебе юлить нечего, тебя в журнале не балуют..

– Позовут еще! – вдруг затряс бородой Вовец. – Коня белого пришлют, а я им вот покажу!

И Вовец показал, как он им покажет.

– И правильно сделаешь, – согласился Гайский. – Надо иметь гордость.

– Я один держусь! – начал заводиться Вовец. – Чем писать муру, лучше вообще не писать!..

– Что ж, я, по-твоему, муру пишу? – обиделся Колбаско.

– А я тем более, – сказал Гайский.

– Почему это ты «тем более»? – наскочил на него Колбаско. – Мажем, что у тебя больше муры, чем у меня?

– Я просто больше пишу, – возразил Гайский. – А талант имеет право на издержки.

– Коня белого пришлют! – закричал Вовец и выпил свою и Колбаскину рюмки.

– Я не умер еще! – сказал Колбаско.

– Мы все талантливые люди, – примирительно произнес Аркан Гайский. – И противно, когда нас затирают бездарности! Подумаешь! Чей-то сын!.. Я же не кичусь тем, что мой отец в свое время был несправедливо исключен из рабфака... Вот ты прочти, Вовец. У тебя безупречный вкус...

– Что ж, у меня плохой вкус? – спросил Колбаско и пошел пятнами.

– Ты поэт, – заметил Гайский, – а здесь, с позволения сказать, проза...

– Чем читать муру, лучше вообще не читать! – не успокаивался Вовец. – Позовут еще!.. Коня белого пришлют! А вот я им покажу!

– Пришлют! – обнадежил Гайский. – Еще как пришлют! Тот же Индей Гордеевич придет... Кстати, он, моему, просто чокнулся... Прочитал эту повесть и сказал, что снова почувствовал себя мужчиной... Ну?

– Индей Гордеевич зря ничего не говорит, – вдруг насторожился Колбаско и быстро-быстро начал думать о чем-то своем, сугубо личном, исключительно интимном и семейном, а потом попросил решительно: – Дай мне тетрадку на ночь! Утром отдам.

– Тебе-то зачем? – польстил ему Гайский. – Ты ж у нас богатырь!

– Мне-то ни к чему, – гордо ответил Колбаско, – я хочу, чтобы Людмила прочла... Индей Гордеевич зря не скажет...

– Домой дать не могу, – сказал Гайский, – это я у Ольги Владимировны взял.

– Ну не звать же сюда Людмилку, – резонно заметил Колбаско и с ходу предложил: – Слушай! А прочти-ка вслух! Я все-таки верю Индею Гордеевичу!..

– Все?! – испугался Гайский.

– Хотя бы один кусок... А вдруг и вправду...

– Хорошо, – согласился Гайский, – но предупреждаю: все это пакость и дрянь! Никакой сатиры!..

– Ладно! Ты читай!

Колбаско растолкал уже задремавшего Вовца, и Гайский, открыв тетрадь где-то посередине, начал читать, вкладывая в этот процесс свое резко негативное отношение:

– «Первый ревзод вышел от мадранта, испытывая крайнюю неудовлетворенность. Впервые за все время своего правления мадрант, кажется, усомнился в преданности ревзода. Мадрант молод. Мадрант в силу своей молодости совершает поступки, которые кажутся правильными только ему, но ведь все, что делает мадрант, должно быть правильным прежде всего с точки зрения государства. Государство – это многовековое дерево, а мадрант – лишь крона его. Основу его, его ствол составляют ревзоды и армия. А горожане – эти копошащиеся в земле и воде черви – корни государства. Можно срубить крону. Ревзоды и армия родят новую крону. Можно срубить ствол. Корневая система воспроизведет новых ревзодов и новую армию, которые, в свою очередь, создадут новую крону. Но если заболéвают и начинают гнить корни – смерть всему дереву. Можно обожать мадранта и желать ему вечного здоровья и процветания, но если его

поступки представляют хоть малейшую опасность для государства, его надо убить, сожалея и проливая слезы над его гробом. Можно ненавидеть мадранта и желать ему ежеминутной и страшной гибели, но если жизнь его и дела его укрепляют дерево, нужно просить небо о бесконечном продлении жизни ненавистного существа, а когда наступит все-таки неотвратимый смертный миг, проливать слезы печали и горести, облегченно вздыхая одновременно... Добравшийся вчера до острова свой человек из Страны Поганных Лиц принес известие, что там замыслили Великий Поход на мадранта, и если это так, то армада вражеских фрегатов уже в пути, и не далее как через десять дней после Новой луны она будет здесь. Надо вдвое увеличить армию, надо возвести дополнительный вал укреплений. Но мадрант приподнял правую бровь и улыбнулся своей вызывающей дрожь улыбкой: разве армия мадранта не самая сильная в мире? Разве укрепления созданы не для того, чтобы об их стены разбивал голову любой враг? Разве не об этом докладывал каждое утро Первый ревзод? Разве обманывал он своего мадранта? Да, высокий мадрант, это так. Это даже больше, чем так. Однако мадрант молод. Слова подобны женским украшениям, но, когда ложишься с женщиной, надо их снимать. Горожане погрязли в лени, армия разжирела. Священная Карраско злится с каждым днем все сильнее и сильнее, а мадрант как будто ничего не замечает. Его заботит что-то свое, но Первый ревзод угадывает, что это свое — не что иное, как белая платяная вошь, которую мадрант переселил из розового дворца в собственные покои (!).

Такого не упомнит история государства. Мадрант упразднил арбаков, чтобы превратить святая святых в грязный тюфяк для справления похотливых нужд! Ревзоды оскорблены. Же-

ны унижены. Две из них во время вчерашней прогулки добровольно бросились в водоем со священными куймонами. Исчез Рредос — гордость мадранта, исчез внезапно, сломав позвоночник одному стражнику и покалечив другого. Но и это не огорчило мадранта. Узнав, он только расхохотался и велел немедленно доставить бледную поганку в свои покои, дав понять таким образом, что не доверяет больше охране розового дворца, а стало быть, не доверяет ревзоду. Напрасно, мадрант! Ох, как напрасно!.. Ревзод мудр. Доверься ему, и он вытащит тебя из бурного потока опасностей. Не доверяя же ему, ты отсекаешь руку помощи, протянутую тебе.

Вот почему Первый ревзод вышел от мадранта, испытывая крайнюю неудовлетворенность. Когда он подходил к зданию совета ревзодов, земля и стены вдруг задрожали от глухого грохота. И Первый ревзод понял: это рычит Карраско, предупреждая всех, что она зла.

Чикиннит Каело встретил ревзода у входа в совет и, упав на колени, заявил, что имеет важную причину для безотлагательной беседы. Совершенно некстати явился этот старый Каело, но важность причины, о которой он беспрестанно повторял, и его испуганный вид заставили Первого ревзода выслушать хозяина «Альманаха»... Стало быть, вчера во второй половине дня, когда бедный верный Чикиннит Каело, как обычно, не жалея сил своих и мыслей для того, чтобы зеленый и красный «Альманахи» в очередной раз порадовали взоры и слух Первого ревзода и мадранта, когда удалось ему, как кажется, найти невиданные до сих пор эмоциональные оттенки в палитре словотворчества... Понимаю, великий ревзод, и перехожу к важной причине... Когда небо осенило Чикиннита Каело и дало ему радость величайшего открытия, позволяющего возвеличить высокого мадранта поистине безгранич-

но... Конечно, великий ревзод!.. Чикиннит Каело хотел только познакомить тебя... Подчиняюсь, великий ревзод!.. Тогда-то и появился в дверях «Альманаха» презренный горожанин, видимо слуга некоего Ферруго, который положил перед Чикиннитом Каело злобную и опасную аллегория, написанную, заметь, великий ревзод, на листе дорогой бумаги, в коей земными словами (глаза б мои не видели этих мерзких слов!) содержится прямой призыв к собаке, с тем чтобы она разорвала своего господина!.. Ты понимаешь, великий ревзод, кого подразумевает негодяй Ферруго под словом «собака» и какого господина должна эта собака разорвать?! Прикажи здесь же снять голову с глупого Чикиннита Каело за то, что он осмелился произносить вслух подобные слова!.. Преданный мадранту Чикиннит Каело хотел схватить презренного слугу и бросить к твоим ногам, великий ревзод, но где было взять сил больному Чикинниту Каело!.. Пришлось прибегнуть к хитрости и оставить рукопись у себя, чтобы не спугнуть его и не вызвать подозрений, дать желтый камень надежды с предложением в третий день после Новой луны принести в «Альманах» что-нибудь еще и получить назад рукопись с соответствующими рекомендациями. И слуга негодяя Ферруго клюнул на эту наживку и ушел, ни о чем не подозревая... О великий ревзод! Ты спрашиваешь, где эта проклятая бумага? Смерти достойн жалкий Чикиннит Каело! У него ее нет... Едва удалился презренный слуга, старший переписчик, наверняка по злему умыслу, отвлек внимание доверчивого Чикиннита Каело, предложив ему спуститься вниз якобы для проверки готовности красного «Альманаха», и когда наивный Чикиннит Каело вновь поднялся на верхнюю террасу, ту самую, которую любезно посетил не так давно великий ревзод, бумага исчезла!

Глубоко задумавшись, Первый ревзод ходил из одного конца зала совета в другой. Не содержание бумаги, о которой рассказал сейчас этот плешивый ублюдок, взволновало его, а сам факт, что кто-то осмелился выпустить жало, кто-то запалил факел. Преступную оплошность допустил Чикиннит Каело, не задержав неизвестного, во-первых, и позволив исчезнуть крамольной бумаге, во-вторых. Но Первый ревзод верит в преданность Чикиннита Каело и относит происшедшее к его старческой глупости, иначе бы не перед Первым ревзодом стоял сейчас на коленях Чикиннит Каело, а перед палачом Басстио. Наказание, которое ждет хозяина «Альманаха», еще впереди, а пока он имеет возможность искупить свою вину, направив остатки своей изворотливости на то, чтобы раздавить скорпиона, прежде чем он сможет укусить кого-нибудь, затушить факел, прежде чем будет разожжен костер. С этого момента перед домом, где расположен «Альманах», будут дежурить четверо представителей службы молчаливого наблюдения, чтобы схватить бритого бородача по знаку Чикиннита Каело, как только он появится вновь. И ни одна душа не должна знать о случившемся и о принятых мерах, чтобы не было пищи для нездорового любопытства и слухов. А теперь старик может убраться, дабы не раздражать долее своим тошнотворным видом Первого ревзода.

Он долго еще ходил из угла в угол. Нет, нет, все к одному. Его опыт, его мудрость, его нюх подсказывали: что-то разладилось в большом механизме, что-то разболталось. Мадрант пока не чувствует этого или не желает чувствовать, но много лет назад тогда еще молодая Герринда — любимейшая жена отца нынешнего мадранта — сказала Первому ревзоду, что в одном из своих прежних обличей он был крысой. И как это ни противно и оскорбитель-

но, но в чем-то Герринда права: он обладал обостренным чутьем опасности, которое и сейчас его не обманывает, – в корабле появилась течь...»

В этом месте гримаса перекосила лицо чтеца-сатирика, и он опрометью бросился из комнаты. Вернулся он минут через семь, серьезный и озабоченный.

– Нет, я точно сегодня чего-то съел, – произнес Гайский, усаживаясь на стул и неодобрительно покачивая головой.

– Слушай! – сказал Колбаско. – А может, эта вещица на тебя так действует? На тебя так, на Индея Гордеевича по-другому...

– Что ж она на тебя не действует? – разозлился Гайский.

– Не знаю, – ответил Колбаско и неожиданно обратился к Вовцу: – Кстати, Вовец, ты помнишь, что должен мне шесть сорок?

– Каждый раз напоминать об этом другу подло! – отрезал Вовец, обводя стол мутными глазами. – Читай, Аркан.

И Аркан Гайский продолжил:

– «Олвис, переведенная в покои мадранта, проводила теперь в его присутствии почти все время, но никак не могла понять причину по-прежнему корректного, исключаящего всякую близость отношения к ней. Для отдыха и сна ей была отведена отдельная комната, в которую мадрант никогда не заходил. Олвис видела, что мадрант страдает и мучается, когда разговаривает с ней или просто молча и задумчиво смотрит на нее, и она уже давно готова была облегчить его страдания не столько своим мастерством, сколько желанием, но... Извини мадрант, ты испытываешь мою гордость, уж коли ты не покупаешь меня и отказываешься брать силой, предлагая игру на равных, то пусть я лучше сдохну (чересчур изысканно для принцессы, конечно), пусть

лучше вырвутся наружу мои желания, покрыв кожу струпьями и нарывами, но ты не дожدهшься, чтобы я сама завалила тебя (опять грубо, но что поделаешь!), хоть ты мне и нравишься с каждым днем все сильнее и сильнее.

А мадрант, погруженный в свои мысли, развлекал ее, а может быть, и сам развлекался, играя со своим шутом. Он далеко забрасывал небольшой круглый желтый камень, а шут, изображая собаку, разыскивал этот камень и в зубах приносил его мадранту, поскуливая и глядя на мадранта своими зеленоватыми глазами. Потом этот невысокого роста человек вдруг становился похожим на жалкого старикашку, на лбу у него вздувались вены, и начинала трястись голова. Он называл мадранта Ферруго. Па-па-па... Пе-пе-пе... Ферруго хочет стать знаменитым поэтом?... Ферруго не дорос. Ферруго еще недостоин... Кто такой Ферруго?... Па-па-па... Не знаю такого... У нас есть стихотворцы, у которых Ферруго должен учиться, много учиться, долго учиться... Бедненький Ферруго! Вот тебе желтый камень, чтоб ты не унывал...

Мадрант улыбался и обращался к Олвис, показывая ей желтый камень, чтобы Олвис знала: Чикиннит Каело отказывает какому-то Ферруго, но если бы стало известно, кто такой Ферруго, эти строки Чикиннит Каело расклеил бы по всему городу и сделал бы молитвой для горожан. Но Чикиннит Каело никогда не узнает, кто такой Ферруго, потому что мадрант не хочет побеждать поэта Ферруго в нечистой игре, и если Ферруго бросил вызов мадранту, мадрант принимает вызов и будет драться с ним так, как может драться человек, которого небо призвало быть мадрантом. И только победитель станет достойным прекраснейшей Олвис. И мадрант снова кидал как можно дальше желтый камень, и шут снова в зубах приносил его мадранту, глядя на него

своими зеленоватыми глазами. А потом шут становился похожим на Олвис и, томно вздыхая, подмигивал ей, садился на колени к мадранту, обвинял его шею руками, прислоняясь своей головой к его груди. И тогда мадрант брал его левой рукой за шиворот («Почему он прячет свою правую руку?») и легко, словно щенка, отшвыривал шута, после чего шут заливался слезами и начинал рвать на себе волосы...»

Вовец икнул. Гайский с опаской взглянул на него и продолжал:

– «...А на город меж тем наступала не поддающаяся ни проклятиям, ни заговорам, ни мольбам иссушающая, безжалостная жара. Обмелели, а вскоре и вовсе пересохли ручейки и питьевые каналы. Уровень воды в пресном водоеме настолько понизился, что совет ревзодов ограничил потребление воды горожанам вчетверо, арабам – вшестеро. Пожухла и выгорела трава, свернулись и превратились в сухие мертвые трубочки листья на деревьях, и сами деревья под горячим оранжевым солнцем стали похожими на скелеты. Земля сморщилась и облысела, покрывшись трещинами и корками. Горожане до глубокого вечера не покидали своих домов, спасаясь от зноя. Рабы на полях и в каменоломнях падали замертво от губительных тепловых ударов. Тела их сначала сбрасывали к священным куймонам, но те, ожирев от обилия жертвенной пищи, ушли на дно, и разбухшие трупы постепенно покрыли поверхность водоема. Тогда мертвых рабов перестали убирать, и, разлагаясь, они заполнили город и окрестности густым тяжелым смрадом, который стал ощущаться даже во дворце мадранта, хотя он находился на высоком холме...»

Вовец снова икнул.

«Легче других пришлось рыбакам, которые с рассветом уходили далеко в море и облегчали свою участь, бросая уставшие, потные тела в прохладную морскую голубизну. И лишь поздно вечером приморские улочки и драббинги — эти заведения, где могли собираться и пить вино горожане, — оживлялись. Возвратившиеся рыбаки в обмен на сведения об удачном или неудачном улове получали от горожан свежие новости, накопившиеся за день. А новости были мрачными и неутешительными. Окало полуночи в один из драббингов прибежал бледный, на смерть перепуганный воин из горного сторожевого отряда и, едва успокоившись двумя большими чашами вина, рассказал, как некоторое время назад, вскоре после захода солнца, на его глазах был опрокинут на землю выскочившим из-за скалы огромным животным начальник сторожевого отряда, проверявший ночной караул. Рассказчик и его товарищ, остолбенев от ужаса, видели, как чудовище разорвало грудь и живот начальнику отряда и, издав жуткий вой, в три гигантских скачка исчезло во тьме. Обезумевший рассказчик бросился в город, чтобы, поведать эту историю жителям...»

Вовец икнул.

«Утром страшная новость уже расползлась холерой по городу — от горожанина к горожанину, от дома к дому, от драббинга к драббингу. Она видоизменялась и обростала новыми деталями и фактами, придававшими ей дополнительную правдивость. Не начальник, а весь отряд был растерзан возникшим в ночи из небытия невиданным зверем. Никакой это не невиданный зверь, а взбесившийся от жары любимый пес мадранта, и не начальник горного

отряда стал его жертвой, а один из ревзодов, охотившийся, на свою беду, в горах прошлой ночью. Никакой это не пес мадранта, а символ неба, посланный им на землю в облике свободной собаки, чтобы объединить горожан и поднять их на свержение мадранта, и этот символ может принимать не только собачий, но и человеческий образ, превращаясь то в бородатого карлика, то в прекрасную белокурую женщину, и вчера в одном рыбацьем драббинге его видели в облике худого парня со странными зелеными глазами, и он зачитывал какую-то бумагу, в которой собаки призывались к расправе над своими хозяевами, после чего находившиеся в драббинге впали в страшное возбуждение и этой же ночью ушли в горы, где обезоружили сторожевой горный отряд мадранта, и символ этот имеет имя, и зовут его не то Верраго, не то Буррого, не то Ферруго...»

Вовец икнул.

«...да-да, высокий мадрант, Ферруго — так зовут негодяя, из-за которого всполошился город, а воины ослушиваются приказаний начальников, отказываясь следовать в горы, чтобы изловить и уничтожить бешеного Рредоса, ибо нет никаких сомнений в том, что таинственное животное, растерзавшее несчастного начальника горного сторожевого отряда, и есть сбежавший любимейший пес, и коли мадрант доверяет Первому ревзоду, нарушившему покой мадранта столь неприятными сообщениями, то Первый ревзод удаляется для принятия необходимых в данном случае мер...»

Вовец икнул и очнулся.

«Мадрант приподнял правую бровь и улыбнулся. Рредос был славным псом, но неужели

незыблемая мощь армии мадранта, о чем неоднократно докладывал Первый ревзод («Да, мой мадрант, мощь армии по-прежнему незыблема»), столь ослабла, что она не может отловить бешеную собаку, успокоив таким образом бедных, изнывающих от жары и зноя горожан? Знает ли Олвис, что делают тогда, когда один воин не подчиняется приказу? Его казнят, но казнят не только его, а еще десять ни в чем не повинных воинов из того же отряда. И если кто-то и потом вздумает не подчиниться, то уже не будет необходимости в новой казни. Его разорвут свои же, ибо никто так не дорожит жизнью, как рабы, которым кажется, что они свободны. Что же касается Ферруго, бросившего вызов мадранту, то мадрант принимает этот вызов и становится беспощадным...»

По мере того как Гайский читал, Колбаско мучительно перебирал в памяти всех, кто когда-либо сколько-либо был ему должен... Вовец – шесть сорок... Дамменлибен – двадцать три восемьдесят и еще вчера пятьдесят копеек за сигареты... Это тридцать рублей семьдесят копеек... Мухославское издательство недодало ему сто четырнадцать рублей... Это сто сорок четыре семьдесят... Отец – восемьдесят... Нет. Это он отцу должен восемьдесят... Минуточку! А с Бестиевым они накатали на пони немецкую переводчицу на тридцать два рубля. Бестиев заплатил только двенадцать, сказав, что он на пони не катается... Но это его собачье дело... Четыре рубля Колбаско с него вырвет. Это сто сорок восемь семьдесят... Все? Неужели больше ему никто не должен?.. Вовец – шесть сорок.. Вовца уже считал... А еще вспомнил Колбаско школу. В пятом классе за январь на завтраки он сдал четыре рубля, но ведь десять дней – каникулы, а деньги до сих пор не вернули!.. Сто пятьдесят два семьдесят... А наезднику Барабулину три рубля за то, что он подъедет на Конвейере... Хотя ипподром лучше не вспоминать... Но все-таки набегаает...

Вдруг Вовец сказал:

– Он мне читает какую-то муру, а я его слушаю! Да вообще, если хотите знать, в России есть только один писатель! Мельников-Печерский! А все остальное – мура!.. Приползут еще!.. Белого коня пришлют!.. А я им вот покажу...

– Мура! Чистая мура! – согласился Гайский. – Я рад, что Вовец такого же мнения. Хотите, я вам лучше новый рассказ прочитаю? Я там здорово придумал: приходит Леонардо да Винчи в ресторан, а официантка, которая его плохо обслуживает, оказывается Моной Лизой...

Но поскольку, кроме рассказа о Леонардо да Винчи, ничего более крепкого уже не осталось, Вовец категорически затряс бородой, имитируя усталость и алкогольное опьянение. Колбаско, по-прежнему считая, что Индей Гордеевич зря ничего не скажет, стал уговаривать Гайского дать ему до утра тетрадь в черном кожаном переплете – не для себя, конечно, а для Людмилки, которая, по словам Колбаско, последние несколько месяцев выказывает некоторое безразличие к нему и два раза не ночевала дома. В конце концов Гайский уступил, взяв слово с Колбаско, что утром тот вернет тетрадь в целости и сохранности.

Они вышли от Вовца в третьем часу ночи. Гайский, по известной причине, которая начала его изрядно волновать, едва успел добежать до дома. Колбаско же, определив за сегодняшний вечер, что государство и отдельные его граждане должны ему сто шестьдесят рублей двадцать копеек, возвратился домой в хорошем расположении духа, считая, что еще не все потеряно и жизнь не так уж плоха. И вскоре уже весь Мухославск спал, готовясь к очередному трудовому дню, а наиболее яркие его представители под утро даже видели сны, каждый, как говорят в таких случаях, в меру своей испорченности, образованности и интеллигентности.

Бестиеву снилось, что ОНИ бегут по огромной политической карте мира, покрытой свежезеленой, как в рассказе Брэдбери, травой. Бегут ОНИ плавно, словно в замедленном кино. Они бегут втроем, взявшись за руки. Бестиев в центре, справа от него – наш посол у них, слева – их посол у нас. ОНИ бегут, улыбаясь, перепрыгивая через слабо развитые страны, в джинсах по сто рублей и в розовых ру-

башках с воротником-стойкой по тридцать пять чеков.

– Мы тебя любим, – говорит Бестиеву наш посол у них.

– И мы тебя любим, – говорит их посол у нас.

Бестиев не понимает.

– Как это? – спрашивает он нашего посла у них. – Вы из какой системы?

– Из нашей, – отвечает наш посол у них и ласково треплет Бестиева по щеке.

– А вы из какой? – спрашивает Бестиев у их посла у нас.

– Из нашей, – отвечает их посол у нас и ласково треплет Бестиева по другой щеке.

– Как это? – силится понять Бестиев. – Ведь если МЫ меня любим, то ВЫ меня не любите? Так?

– Любим, – говорят послы.

– Но ведь мы все из разных систем! – напрягается Бестиев.

– Гармония, – говорят послы.

– Это удалось только Бестиеву, – обращается наш посол у них к их послу у нас.

– Только Бестиеву это удалось, – обращается их посол у нас к нашему послу у них.

– А ведь у нас многие пытались, – говорит наш посол у них.

– И у нас многие пытались, – говорит их посол у нас.

– А куда мы бежим? – спрашивает Бестиев. – За нами гонятся?

– Туда, – отвечают послы и указывают в сторону горизонта.

И там, у самого горизонта, Бестиев видит дымящуюся гору.

– Карраско? – спрашивает Бестиев.

– Карраско, Карраско, – кивают послы.

– А почему она дымит? – Бестиев нервничает. – Это символ?

– Единство – борьба противоположностей, – говорит наш посол у них.

– Как это? – Бестиев шумно выпускает сигаретный дым в лицо нашему послу у них. – Если это символ, то почему он дымит?

– Символ вулкана, – говорит их посол у нас.

– Вулкан символа, – говорит наш посол у них.

– Как это? – Бестиев недоумевает и отрывает пуговичку на рубашке их посла у нас. – А зачем мы туда бежим?

– А там конец, – отвечают послы.

– Как это? – Бестиеву становится страшно. – Конец чего?

– Конец – это начало начала, – говорит наш посол у них.

– Как это конец может быть началом? – Бестиев пытается остановиться. – Значит, начало может быть концом? – Бестиев пытается вырваться. – Не хочу конца! – Бестиеву становится душно. – Не хочу начала! – Бестиеву нечем дышать. – Хочу продолжения!..

Но в это время на горизонте что-то взрывается со страшным грохотом, и Бестиев открывает глаза. Над Мухославском гремит гром и сверкают молнии.

«Начитаешься дерьма, – думает Бестиев, захлопывая окно, – потом спать не можешь...»

Вовцу снился абсолютно дивный сон – будто он выступает на своем творческом вечере на ликеро-водочном заводе. Он стоит на торжественно убранной сцене перед микрофоном и держит изданный в Лейпциге свой афоризм в двух томах. Он раскрывает тома и читает: «Лучше 150 с утра, чем 220 на 180 с вечера». В зале вспыхивает овация. Вовец кланяется и хочет покинуть сцену. Но его не отпускают. Он снова читает с выражением: «Лучше 150 с утра, чем 220 на 180 с вечера». Рабочие скандируют его имя. И он вынужден повторять еще и еще... Народ на руках выносит его и его бороду в производственный цех, и сон Вовца становится еще более дивным. Конвейерная лента, заполненная чистенькими прозрачными бутылками, причудливо извивается, образуя по форме афоризм «Лучше 150 с утра, чем 220 на 180 с вечера».

– Это высшее признание! – улыбается Вовцу директор.

А над ним, словно кровеносные сосуды, переплетаются стеклянные трубы, и в них струится, журчит, переливается, манит, обещает, ласкает, дурманит, рассуждает, философствует, творит, зовет и ни в коем случае не конформирует не похожее на муру настоящее произведение. Вовец тянется к этому произведению душой и телом. Он хочет прикинуть к нему, влиться в него и раствориться

в нем, подобно тому как режиссер растворяется в актере, но в этот момент сон Вовца из дивного становится кошмарным, потому что директор поводит перед его носом указательным пальцем: мол, ни-ни! Ни в коем случае!.. Вовец в гневе выбегает из цеха.

– Позовут еще! – иступленно кричит он. – Белого коня пришлют!.. А вот я им покажу!..

– Покажешь, все им покажешь, – гладит его по горячей голове теща. – Не ори только.

Вовец садится на кровати.

– Где Зина? – спрашивает он, дико озираясь.

– Помилуй, – говорит теща. – Она уж две недели как в командировке.

Вовец засыпает сидя, а теща, укладывая его, бормочет: «И на кой хрен она вышла за писателя?»...

Поэту Колбаско всю ночь снились шесть тысяч четыреста двадцать восемь рублей, и он не хотел присыпаться до двенадцати часов дня, потому что никогда раньше таких денег не видел...

Гайскому в эту ночь ничего не снилось. Ему было не до сна. «Хорош бы я был, если б встретился сегодня с Ольгой Владимировной», – думал он.

XII

С-с-с... Алеко Никитич ждет Индея Гордеевича в вестибюле, еще не нервничая, потому что время пока есть, но уже выговаривая ему мысленно по поводу его безответственности. Индей Гордеевич вбегает в десять часов пять минут. Выглядит он ужасающе. Белки воспалены. Под глазами синеватые мешки. Он плохо выбрит и бесконечно зевает. Милиционер долго изучает пропуск Индея Гордеевича и тщательно сверяет фотографию на паспорте со стоящим тут же живым подлинником.

– В таком виде, – говорит Алеко Никитич, – он вообще имел право вас не пропускать. Помню, когда я работал в центральной газете, мне дали гостевой пропуск на Сессию. Ну, в перерыве зашел я в туалет. И вдруг появляется, сами догадываетесь кто, и, несмотря на то что я был занят делом, бросает мне между прочим: «Бриться надо, молодой

человек!..» Похлопал меня по плечу, руки сполоснул и вышел. С тех пор, Индей Гордеевич, для меня каждое утро начинается с тщательнейшего выбривания... Закалка...

Индей Гордеевич виновато молчит. Глядя в зеркало лифта, он проводит ладонью по щекам, а потом спрашивает с надеждой:

– А может, сойдет?

– Дай-то бог, как говорится. Вы же его знаете.

– Верите, всю ночь глаз не сомкнул... – Индей Гордеевич виновато улыбается.

– Я вам советую, – говорит Алеко Никитич, – перед тем как войти в кабинет, отзевайтесь как следует в коридоре... У нас есть еще три минуты.

Индей Гордеевич, стоя лицом к окну, активно зевает до тех пор, пока Алеко Никитич, взглянув на часы, не делает ему знак.

– Доброе утро, Ариадночка, доброе утро, милая! – говорит Алеко Никитич, входя в приемную. Он целует Ариадне Викторовне руку. – Как здоровьице? Супруг как?

Ариадна Викторовна, не ответив Алеко Никитичу, поводит глазами в сторону кабинета и произносит по-утреннему деловито:

– Он вас ждет. Но учтите: он не в духе.

Алеко Никитич с тревогой смотрит на Индею Гордеевича, и оба осторожно входят в кабинет.

Н.Р. сидит за большим столом. В руках держит мелко исписанный лист бумаги. Ноги под столом разуты. Полуботинки стоят рядом. Одна нога время от времени ласково поглаживает другую. И если смотреть только под стол и видеть исключительно ноги Н.Р., то они становятся похожими на двух странных, одетых в коричневые носки зверьков, которые ведут не зависящий от Н.Р. образ жизни. Они то ласкаются, то щекочут, то задираются, то расходятся и обиженно смотрят друг на друга, то снова сходятся и начинают драться. Но если перевести взгляд с ног Н.Р. на его лицо, а потом с лица на ноги, то можно усмотреть определенную зависимость поведения этих ног от выражения лица Н.Р. Вот лицо едва заметно ухмыльнулось, и правая нога уже пытается заигрывать с левой. Вот лицо нахмурилось, и левая нога прижимает правую к полу. Вот лицо разгне-

валось, и ноги разбежались в разные стороны. Кажется, еще немного – и они зашипят, словно два кота. Судя по тому, что сейчас ноги находятся на почтительном расстоянии друг от друга да еще угрожающе притоптывают, Алеко Никитич понимает: Н.Р. пребывает в состоянии крайнего раздражения.

– Доброе утроцо! – севшим голосом произносит Алеко Никитич. – Как здоровьице? Супруга как?

Н.Р. не реагирует на приветствие. Он занят мелко исписанным листком, и Алеко Никитич с Индеем Гордеевичем продолжают стоять в дверях.

Внезапно Н.Р. припечатывает листок к столу ударом правой руки, левой рукой придвигает к себе телефон, отодвигает от себя какую-то папку, поправляет стакан с хорошо заточенными цветными карандашами, отодвигает телефон, придвигает папку, задвигает на край стола стакан с чаем, опять поправляет стакан с карандашами, одновременно придвигая к себе телефон и пряча папку в ящик стола, кладет мелко исписанный листок в центр стола, отодвигает телефон, вынимает папку из ящика, поправляет стакан с карандашами, ищет глазами стакан с чаем, находит его и придвигает к себе, а на его место ставит телефон, переворачивает страницу настольного перекидного календаря, отодвигает стакан с чаем и придвигает к себе папку, кладет ее в ящик стола, перелистывает настольный календарь справа налево, возвращая его в исходное состояние, и ставит его на место телефона, затем вынимает папку из ящика, а листок кладет на край стола, как бы молча приглашая Алеко Никитича и Индея Гордеевича ознакомиться с его содержанием. Но едва они делают движение по направлению к столу, как Н.Р. накрывает листок правой рукой и придвигает его к себе, а на место листка идет стакан с хорошо заточенными цветными карандашами. Все эти манипуляции Н.Р. производит сосредоточенно, не поднимая головы, не обращая внимания на вошедших. Это напоминает Индею Гордеевичу пасьянсы, которые любит раскладывать Ригонда. Индей Гордеевич вздрагивает, вспоминая Ригонду, и нервно зевает, не в силах погасить не то стон, не то вой, идущий из груди. Алеко Никитич с тревогой смотрит на Индея Гордеевича, но, к счастью, Н.Р. занят своими дума-

ми. Он кладет папку в ящик, отодвигает телефон, придвигает к себе стакан с чаем, на мелко исписанный листок ставит стакан с хорошо заточенными цветными карандашами. Затем он достает из футляра очки, нацепляет их на нос, вынимает папку из ящика и, поставив телефон на правый край стола, снимает очки и прячет их в футляр, одновременно кладя папку в ящик стола. Все эти на первый взгляд бессистемные движения на самом деле графически отображают ход мыслей Н.Р. и те, кто хорошо его знает и часто с ним общается, прекрасно изучили маршруты настольных предметов и в зависимости от того, что, куда и зачем, могут получить ясное представление о внутреннем состоянии Н.Р. и о том, что кого ждет в ближайшем будущем. Вот придвигается телефон («Уволю!»). Отодвигается папка («Из партии выгоню!»). Поправляется стакан с цветными карандашами («Дубины!»). Придвигается папка («Если не из партии, то выговор с занесением!»). Отодвигается телефон («Не уволю, но в должности понижую!»). Придвигается стакан чая («Что у вас вместо головы?»). Придвигается телефон («Уволю к чертовой матери!»). Кладется папка в ящик («И под суд отдам!»). Поправляется стакан с карандашами («Задница у вас вместо головы!»). Перелистывается календарь («Какое сегодня число?»). Вынимается папка из ящика («Под суд не отдам, а надо бы!»).

Алеко Никитич напряженно следит за причудливыми изгибами мыслительной кривой Н.Р., потому что знает: если последним в этой серии перестановок будет стакан с хорошо заточенными цветными карандашами («Лошадиная задница у вас, а не голова!»), то все обойдется. Н.Р. поправляет стакан с карандашами, откидывается на спинку кресла, и Алеко Никитич облегченно вздыхает.

– Ну, хлябь вашу твердь! – не поднимая головы, грозно спрашивает Н.Р. – Что скажете? А?

– Да тут, понимаете, странную рукопись мы получили, – делая шаг вперед, говорит Алеко Никитич.

– А какой, интересно, день сегодня? – спрашивает Н.Р. по-прежнему грозно и по-прежнему не поднимая головы.

– С утра как будто среда была, – отвечает Алеко Никитич как можно более спокойно.

– А вы что по этому поводу думаете? – обращается Н.Р. уже к Индею Гордеевичу.

– Вообще... если по календарю... – зевает Индей Гордеевич.

– Я спрашиваю, сколько дней прошло с той ночи, – Н.Р. разворачивается на своем вертящемся кресле к окну, и руководители журнала видят теперь только его спину, – с той ночи, когда над городом висело это «неизвестно что»?

– Три? – не очень уверен Индей Гордеевич.

– Стало быть, какой сегодня день?

– Четвертый? – все еще не уверен Индей Гордеевич.

– То-то, хлябь вашу твердь!.. Вы сами видели?

– Как можно видеть то, чего не бывает? – хочет отшутиться Алеко Никитич. – В воскресенье по городу слонялось много нетрезвого населения... А в таком состоянии можно увидеть все что угодно... Мы уже заказали антиалкогольную статью академику...

– А я видел! – прерывает его Н.Р., ударив кулаком по подоконнику. Он сидит все еще спиной к посетителям. – Что же вы, хлябь вашу твердь, против меня заказали антиалкогольную статью?!

– Алеко Никитич! – осторожно встречает Индей Гордеевич. – Вы знаете – я спиритизмом не балуюсь, но я тоже видел...

«Продает! – тоскливо думает Алеко Никитич. – Сразу продает...»

Он начинает искать выход:

– Честно говоря, я тоже в окне видел какое-то свечение...

– Значит, и вы видели! – итожит Н.Р. и продолжает: – А теперь скажите мне, хлябь вашу твердь, если вы тоже видели, почему я получаю на четвертый день анонимные письма? Почему народ считает, что его обманывают, скрывая факты очевидного невероятного? Почему ваша газета до сих пор не выступила с научными доказательствами абсурдности того, что все, в том числе и мы с вами, видели? А? Почему, хлябь вашу твердь?! Кто редактор газеты? Вы или я? Если я, то уступите мне ваше кресло, а вы садитесь в мое и отвечайте на законные интересы трудящихся!..

– У нас в некотором роде журнал, а не газета, – мягко говорит Алеко Никитич, – периодическое издание... раз в месяц... Мы не можем столь оперативно...

Н.Р. разворачивается в кресле на сто восемьдесят градусов, поднимает голову и видит, что перед ним стоят Алеко Никитич и Индей Гордеевич. Сотрудники журнала «Поле-полюшко», хлябь их твердь!.. И он с достоинством исправляет положение:

– Вижу. Не слепой... Но газета какова?.. У Чепурного-то что вместо головы?

– По правде говоря, – Алеко Никитич оживает, – Чепурной хоть и неплохой журналист, но не для главного редактора такого оперативного органа, каким является газета...

«Продает! – думает Индей Гордеевич. – Сразу продает!»

«Закладывает, хлябь его твердь! – думает Н.Р. – Тут же закладывает!»

– Что же касается нашего журнала, – смелеет Алеко Никитич, – то тут мы с Индеем Гордеевичем уже кое-что прикинули... Обстоятельный отпор дать, конечно, уже не успеем, но врезочку вразумительную тиснем...

– Да уж, это нужно, – разрешает Н.Р. – А у вас-то что стряслось?

Алеко Никитич вынимает из портфеля рукопись и кладет ее на стол Н.Р. Индей Гордеевич некстати зеваet.

– Что это вы, хлябь вашу твердь, как драный кот? – смотрит Н.Р. на Индея Гордеевича.

– Объясню, все объясню, – извиняется тот.

– Произведеньице нам тут подсунули, – докладывает Алеко Никитич. – Случай не совсем обычный. В другой-то раз так и черт с ним... Завернем – не обеднеем... У нас редакционный портфель переполнен... Но есть подозрение, что автор не совсем рядовой, а имеет отношение к... – Алеко Никитич многозначительно указывает пальцем и глазами на потолок...

– К чему имеет отношение? К тому, что на небе висело? – усмешается Н.Р.

Но когда Алеко Никитич озабочен, ему не до шуток.

– Если бы, – говорит он со вздохом. – Но тут берите выше... Автор, по некоторым сведениям, чей-то важный сын... А в таких случаях мы должны быть особенно ответственны и внимательны... Нельзя, понимаете, пота-

кать, но опасно и травмировать... Тем более что не каждый день к нам обращаются на таком уровне... И для престижа журнала, а может быть, и всего города...

– Откуда вам известно, что он чей-то сын? – спрашивает Н.Р., и в голосе его звучит строгость.

– Мне лично неизвестно, – зевает Индей Гордеевич. – Я его не видел...

«Страхуется! – думает Алеко Никитич. – На всякий случай страхуется!»

– С одной стороны, есть сведения, – говорит он. – А с другой стороны, я его видел...

– Он что, паспорт вам предъявил? – спрашивает Н.Р.

– Нет. Но производит впечатление... Русский такой... Со светлыми глазами... У меня нюх собачий... Еще с центральной газеты... И взгляд у него уверенный... Нахальный...

– Это в каком смысле? – строго уточняет Н.Р.

– В хорошем смысле, – тут же перестраивается Алеко Никитич. – В смысле достоинства...

– Да! – вдохновенно произносит Н.Р. – Молодежь сейчас сильная подрастает, волевая! Такую молодежь надо поддерживать! Зеленую улицу! Открытые двери!..

– А если он не из той молодежи? – осторожничает Алеко Никитич.

– А скажи мне, Алеко, хлябь твою твердь! – Н.Р. встает из-за стола и в носках ходит по кабинету. – Кто хозяин журнала? Ты или я? Если я, то давай мне свое кресло, бери мое... И зарплату мою бери!.. И ответственность мою бери!.. А я к тебе буду приходить и вопросы задавать!.. А ты меня распекать будешь!.. «Что это у тебя, Н.Р., – скажешь ты, – в журнале творится?.. А? Хлябь твою твердь!.. Что это твой художник, как его, Бабенлюбен, что ли, рисовать себе позволяет? Мне тут звонят, понимаешь, солидные люди, уважаемые товарищи, возмущаются... Романтику совсем запустил!.. А где наши сегодняшние Ромео, хлябь вашу твердь?! Джульетты где?.. Где место подвигу, хлябь вашу твердь?! А?» – спросишь ты у меня!..

– Кстати, Алеко Никитич, – вмешивается, прикрывая зевок ладонью, Индей Гордеевич, – с Дамменлибеном пора кончать!

«Опять продает!» – думает Алеко Никитич.

– А вас вообще не спрашивают! – гаркает Н.Р. – Хотите вы и правы!.. Приходите на прием черт знает в каком виде! Небритый! Зеваете, хлябь вашу твердь! Как будто всю ночь дрова грузили!..

– Индей Гордеевич ретив стал не по годам, – многозначительно вставляет Алеко Никитич.

«Топит! – думает Индей Гордеевич. – Топит, подлец!»

– Я объясню, – оправдывается он. – Я все объясню...

– Объяснять буду я! – кричит Н.Р. – Для чего вы притащили мне эту вещь? – Он трясет рукописью перед носом Алеко Никитича. – Кто решает? Вы или я?. Если вещь отвечает – печатайте! Если не отвечает – в корзину!.. Хотите переложить на меня ответственность?

– Нет. Но если автор вещи – чей-то сын, то...

– У него что, на лбу написано, что он чей-то сын?

– Вот мы и хотели вас просить... помочь кое-что выяснить... У вас связи, прямой выход...

– Выход? На кого?.. Как фамилия автора вещи?

– В том-то и дело, что фамилии нет..

Н.Р. садится в кресло, придвигает к себе телефон, отодвигает стакан с чаем, кладет папку в ящик стола, вынимает из футляра очки, перелистывает календарь, поправляет стакан с карандашами, достает папку из ящика, прячет очки в футляр, отодвигает телефон, придвигает стакан с чаем.

– С вами не соскучишься, хлябь вашу твердь! Автора нет! Фамилии нет, а Н.Р. должен выяснить?..

– Хотя бы приблизительно, – настаивает Алеко Никитич. – Узнать бы, у кого дети лет двадцати пяти... Девушки отпадают... Брюнеты и рыжие отпадают... Нацменьшинства отпадают... Посольские дети нас не интересуют – не велики шишки... Да и министерские – выборочно...

Н.Р. вновь придвигает настольные атрибуты руководителя, и ход мыслей его примерно таков: если автор – чей-то сын и вещь выходит в журнале, а Н.Р. не в курсе, то главные купоны сострижет Алеко, хлябь его твердь! Если автор не чей-то сын, а вещь напечатана и скандала нет, то и бог с ней, но если вещь напечатана и возникает скандал, то главный удар обрушится на Н.Р., даже при условии быстрого упредительного увольнения Алеко, хлябь

его твердь. Если вещь не напечатана и автор – просто автор, то и ладно. Перебьется. Но если вещь не напечатана, а автор – чей-то сын, то получается, что либо Н.Р. перестраховщик, либо у него что-то личное по отношению к отцу автора, и никакое увольнение Алеко не поможет. Что же делать? Попытаться по своим каналам выяснить, чей же сын автор? Задача для сумасшедшего, конечно, но выхода нет. Нельзя только, чтобы инициатива предложения исходила от Алеко. Надо прийти к этому выводу самому...

Глядя, как Н.Р. играет настольными атрибутами руководителя, Алеко Никитич соображает: вот мы и подцепим Н.Р. к нашему составу в качестве паровозика... С-с-с... Ну, допустим, автор – сынок. Тиснули мы его произведеньице. Начинается «ура!». Но кому «ура!»? «Ура!» сверху донизу по лесенке, а главное «ура!» – Н.Р. Алеко Никитичу кричать «ура!» не будут. Ему в лучшем случае «ура!» пропищит на ушко Н.Р. Алеко Никитич знает, как это делается. А на черта ему сдалась эта похвала Н.Р.? Не велика шишка... Хорошо бы, конечно, его обойти, тиснуть произведеньице этого автора, а он и вправду оказывается сынком. Тут есть, конечно, шанс выиграть и успеть собрать основной урожай, оставив Н.Р., как говорит Колбаско, «за флагом»... Но такая ставка рискованна. Лошадка уж больно затемнена... А вдруг автор не сынок?... А мы уже тиснули!.. И кое-кому не понравилось! А Н.Р. не был поставлен в известность! С-с-с... Что с ним будет, то с ним будет... Как говорится, его собачье дело... Но то, что Алеко Никитичу головы не сносить – факт! Он знает, как это делается. Так что уж лучше, как говорит тот же Колбаско, «сыграть на фаворита – может, и не наваришь, но при своих останешься»... А ведь время, да и возраст таковы, что главное – остаться при своих... Вот пусть он и позвонит, и почешется. Мы его прицепим. Паровозик стоит – и состав стоит. Паровозик тронулся – и вагончики за ним поехали. Доехали – хорошо. Крушеньице? Печально. Но ведь не вагончики виноваты. Их паровозик вез...

Индей Гордеевич зевает и несколько раз ловит себя на том, что засыпает. Прямо здесь, в кабинете Н.Р., стоя рядом с Алеко Никитичем перед Н.Р. Но в борьбе со сном он изо всех сил старается не пропустить основное... У Ники-

тича игра своя, у Н.Р. – своя, а у Индей Гордеевича – своя. В случае выигрыша они с Индеем Гордеевичем делиться не будут. В случае скандала Никитич постарается сделать из него козла отпущения и с потрохами продаст его Н.Р. Так зачем, спрашивается, ему, Индею Гордеевичу, влезать в игру вообще? Поехали, Ригонда!.. Стоп! Не спать! Не спать!.. Не надо ему влезать в эту игру. У него своя аккомпанирующая партия... Пиано!.. Пианиссимо!.. Не надо это печатать! Не надо!.. Это и будем напевать заранее на мотив «Пролога» из Леонкавалло... Играть, когда точно в бреду я... Ни слов своих и ни поступков не понимаю... Стоп! Не спать! Не петь! Стоять!.. Постараться зафиксировать свои сомнения... А стоит ли? А может, не надо?... Ассоциации... Аллюзии... Зачем? Кому?.. Поехали, Ригуша! Стоп! Не спать! Стоять! Думать!.. Ну, вышла повесть. Ну, успех. Виноват. Недооценил... Казалось... Теперь вижу, что ошибался... Но ведь не со зла, а из лучших побуждений... Я ведь хотел как лучше... Я всегда хочу как лучше... Поехали, Ригуша!.. Стоп! Не спать! Стоять! Соображать!.. Ну, пожурят, пошутят.. Козел ты, Индей Гордеевич... Но ведь на фоне общего успеха – не смертельно... А если скандал? Так я же заранее говорил, помните? Еще в кабинете Н.Р. И на редколлегии опасался... И Ригонда подтвердит... Стоп!.. Не спать! Стоять! Решать! Гнать! Держать! Слышать!.. Дышать!.. Терпеть... вертеть... смотреть... обидеть... ненавидеть... зависеть... Гнать всех!.. Терпеть всех!.. Ненавидеть всех... Зависеть от всех!..

– Слушайте, хлябь вашу твердь! – бьет Н.Р. кулаком по столу. – Идите и спите дома! А мы здесь без вас разберемся!..

– Объясню!.. Все сейчас объясню! – возникает из небытия Индей Гордеевич. Настал его момент. Сейчас он выскажет Н.Р. свое мнение. Он зеваает в последний раз. Сон как рукой сняло. Смелость необыкновенная! Легкость и эйфория. – Прошу прощения, но при крайнем физическом утомлении у меня совершенно ясная голова, и лично я считаю, что зря мы связываемся с этим произведением, какому бы автору оно ни принадлежало.

– Интересно, – говорит Н.Р.

– Весьма интересно, – подхватывает Алеко Никитич.

– Да, да, – продолжает Индей Гордеевич. – Журнал

наш читаем всеми слоями населения – и школьниками, и домохозяйками, и пенсионерами...

– Так это же прекрасно! – восклицает Алеко Никитич и, ища поддержки, смотрит на Н.Р.

– Прекрасно, – соглашается Индей Гордеевич, – но не совсем. Произведение оказывает определенное воздействие на некоторые аспекты человеческих взаимоотношений.

– Так это ж хорошо! – понимает Н.Р. – Вот почему вы зеваете!

– Это началось сразу после прочтения, – таинственно говорит Индей Гордеевич и продолжает: – Поэтому я и боюсь, что если произведение окажет такое же действие на школьников, на рабочий класс, на колхозников, то последствия могут быть непредсказуемы... Интеллигенция – черт с ней! Она нас не читает.

– Ну, вот что! – Н.Р. встает из-за стола. – Я это прочту; – Он кладет руку на произведение. – Проверю. – Пододвигает телефон, отодвигает стакан с чаем. – Посоветуюсь с кем следует, и решим! – Достает из ящика папку и, отодвинув телефон, снова кладет ее в ящик – А вы пока работайте, засылайте в набор, иллюстрируйте... Только Бабенлюбену не давайте, хлябь его твердь! Голову оторву!

Н.Р. придвигает телефон, втискивает ноги в туфли и, застегнув пиджак, набирает номер.

– Пельземуха Сергеевна? – ласково поет он в трубку. – Добрый день, дорогая... Как здоровье? Супруг как?.. Ну и отлично... Кланяйтесь ему... Пельземуха Сергеевна, сам у себя?.. Соедините меня с ним, как освободится... Спасибо, милая... – Н.Р. кладет трубку, выбирается из туфель, отодвигает телефон, придвигает стакан с карандашами, достает из кармана платок, разворачивает его, складывает вчетверо, прячет в карман, отодвигает стакан с карандашами и заканчивает сурово: – Так и передайте! И ему голову оторву, и вам, хлябь вашу твердь!

Н.Р. вяло машет рукой в сторону двери, и Алеко Никитич с Индеем Гордеевичем выходят из кабинета.

А Н.Р., держа руку на телефоне, наугад открывает рукопись и читает:

«Уже несколько дней и ночей Чикиннит Каело не покидал свою приемную террасу, состав-

ляя все новые и новые пламенные воззвания горожанам, и уже несколько дней и ночей не сводили глаз с приемной террасы четверо представителей службы молчаливого наблюдения, ожидая знака Чикиннита Каело, но любезный посетитель, бритоголовый бородач не появлялся. А события принимали довольно скверную окраску... Па-па-па... Пе-пе-пе. Никогда еще великий мадрант и его страна не были так сильны, как сегодня. Никогда еще небо над нашими головами не было столь безоблачным. Людоеды из Страны Поганых Лиц... Па-па-па... Жалкие людоеды из Страны Поганых Лиц... пе-пе-пе... Презренные людоеды из Страны Поганых Лиц затеяли против мадранта Великий Поход, пе-пе-пе... поход, равносильный самоубийству. Все ближе к нашим берегам их неуклюжие тихоходные фрегаты. И каждая, даже самая ничтожная, волна, и каждое, даже самое легкое, дуновение ветра приближают... па-па-па... неотвратимо приближают их к неминуемой гибели... пе-пе-пе... неминуемо приближают их к неотвратимой гибели... па-па-па... неизбежно и неминуемо приближают их к неотвратимой... пе-пе-пе... Чикиннит Каело вытер пот... Небо! Взгляни, как устал несчастный Чикиннит Каело!.. Оцени, высокий мадрант, величайшую степень преданности тебе Чикиннита Каело!.. Пе-пе-пе... Но наше непобедимое, уверенное в своих силах воинство улыбается врагу всеми амбразурами своих укреплений. Оно встретит непрошеного пришельца смехом сабель и хохотом свинца!.. И уже слышится в воздухе знакомое «кляц-кляц-кляц». Эта стучат от страха их поганые челюсти!.. Па-па-па... И уже раздается в воздухе знакомое «кляц-кляц-кляц». Это дробятся о священные камни их поганые желтые кости! И в этот радостный тяжелый час... Пе-пе-пе... Слишком сильно... И в эту радостную тяжелую минуту... находятся отдельные малoverы... па-па-па, находятся два-три

маловера, которые боятся некогда любимейшего пса нашего мадранта, а ныне взбесившееся собачье отродье, которое скачет по горам, вызывая законный смех и ненависть даже у женщин, стариков и детей своими безвредными злобными выходками!.. Чикиннит Каело сделал два глотка тонизирующего миндаго... И многим из этих двух-трех маловеров, которым наверняка мозги припекло временным солнечным перегревом, представляется по ночам некий Ферруго, призывающий собак разорвать своих хозяев... пе-пе-пе... забыв, что подлинная собака готова жизнь отдать за своего хозяина... па-па-па... выдавая желаемое за действительное, кое-кому кажется, что кое-какие горожане и рыбаки, следуя призывам несуществующего Ферруго, уходят в горы и там обезоруживают армейские отряды, забывая о том... Что это? Неужели Чикиннит Каело почувствовал желание?... Жеггларда! Жеггларда!.. Так и есть!.. Будь проклято это воззвание!.. Чтобы именно сейчас... Жеггларда... Забывая о том... пе-пе-пе... что в действительности некоторые горожане и рыбаки... па-па-па... ох, Жеггларда... уходят в желанные горы и проводят там свободное время... Жеггларда... в тенистой прохладе скалистых гор и вершин... я спешу к тебе, Жеггларда... мирно общаясь с воинами мадранта, которые добровольно дают им поиграть своим оружием... па-па-па-пе-пе-пе... па-па-па... пе-пе-пе... обними меня, Жеггларда!.. И горожане в патриотическом порыве... крепче, Жеггларда... предлагают воинам своих жен, которые в томительном экстазе... я разрушаю тебя, Жеггларда-а-а... издают любовный крик... па-па-па...

...Чикинниту Каело стало легче... Прочь, Жеггларда! Нашла время будоражить Чикиннита Каело! Позор какой!.. Жара...

Пот градом лил с Чикиннита Каело... издают любовный крик, который кое-кем из ма-

ловеров принимается за призывный клич обезумевшего животного...

Чикиннит Каело обрел прежнюю поступь... тем более что нет никакого Ферруго, потому что он просто не существует... пе-пе-пе... Но даже если бы и возник такой сумасброд, то каждый честный горожанин его выследит, схватит и бросит к ногам мадранта, за что будет произведен в ревзоды, о чем великий мадрант уже издал соответствующий указ, ибо стать ревзодом мечтает любой простой горожанин... па-па-па... Успокойся, Карраско! Умерь свой гнев! Завтра все горожане как один устремятся к твоей пылающей от жажды вершине и в горстях принесут тебе драгоценную живительную воду, чтобы напоить и умиловить тебя, Священная Карраско, и обратить твой гнев на несуществующего Ферруго, который накликал на нас небывалую временную жару и тем вызвал твое справедливое негодование!.. Па-па-па... Напоим же завтра Карраско, которая есть! Отловим сегодня Ферруго, которого нет! И ждут нас прохлада и счастье, которые нам подарит за это высокий и славный мадрант!..

И довольный созданным, Чикиннит Каело в изнеможении откинулся на спинку кресла.

Бритоголовый возник перед ним неожиданно, как из воздуха, значительно раньше условленного срока... Па-па-па... У Чикиннита Каело так заколотилось сердце, что стало казаться, будто бритоголовый слышит этот звук. Но бритоголовый, так же бесстрастно глядя на Чикиннита Каело своими зелеными глазами, протянул ему свернутый в трубочку лист дорогой бумаги. Ферруго благодарит хозяина «Альманаха» за желтый камень и, ободренный, предлагает Чикинниту Каело новое творение, рассчитывая на удачу и доброе расположение... Пе-пе-пе... Несомненно, любезный посетитель, несомненно... Чикиннит Каело, тяжело дыша, с

трудом подавляя волнение, поднялся и, подойдя к оконному проему, раздвинул вьющиеся живые занавеси, что являлось знаком для четверых представителей службы молчаливого наблюдения... Па-па-па... Конечно, любезный посетитель... Вот только душно сегодня, не правда ли?

А четверо представителей службы молчаливого наблюдения уже вышли из своих укрытий.

Чикиннит Каело дрожащей рукой взял у бритоголового листок дорогой бумаги и, еле передвигая ставшие вдруг свинцовыми ноги, вернулся на свое место... Пе-пе-пе... Сейчас, сейчас, любезный посетитель... О небо, па-па-па... как же трудно дышать старому Чикинниту Каело!

Но ему не стало легче даже после того, как на бритоголового набросили черный мешок и, перевязав цепями, выволокли на улицу.

Душно! Нет спасения от духоты!.. Пе-пе-пе, Чем-то тяжелым бьют Чикиннита Каело по затылку и по вискам. А написанное на дорогом листке бумаги расплывается, и буквы становятся красными и затевают какую-то невероятную пляску... Па-па-па...

Раб свою жизнь проживает по-рабски в тоске по свободе. Хвалит вчера, проклинает сегодня, надеясь на завтра. Но наступает его долгожданное завтра... И что же? Он уже хвалит все то, что вчера предавалось проклятью... Он проклинает все то, что вчера ему было надеждой, Снова надеясь на завтра, и завтра опять наступает... Только раба уже нет — он вчера перебрался в могилу, Детям своим завещая надежду на новое завтра... Что же рабу в его жизни проклятой тогда остается, Если вчерашнее он никогда возратить не сумеет, Если извечное завтра несчастный увидеть не сможет? Только одно — утолить свою жажду свободы сегодня!..

Па-па-па... Пе-пе-пе... Кто же этот Ферруго? Но Чикиннит Каело уже не узнает, кто

такой Ферруго, он даже не поднимет голову, когда к нему войдет новый, взамен казненного, старший переписчик и увидит сидящего на своем месте Чикиннита Каело с листком дорогой бумаги в руках. На его лице застынет вопрос, на который он уже не получит ответа. И не услышит Чикиннит Каело нового мощного рыка Священной Карраско, и даже заметить не успеет Чикиннит Каело, что он уже умер...»

Но странное дело. Ничего похожего на то, что говорил этот взбесившийся Индей, Н.Р. не испытал. В его воображении прошли все заслуживающие внимания женщины, но ни одна не затронула его больше, чем обычно... Ариадна Викторовна на пляже, грудью деформирующая лицо Демиса Руссоса на майке. Длинноногая мулатка с острова Фиджи, затанцевавшая его до сердечного приступа, до потери сознания, до падения с ушибом носа об ее крутое бедро. И все. И лишь высказывание капитана пассажирского лайнера: «Чай вприкуску, мулатка – вприглядку». И только...

Ни даже товарищ Анчутикова из Мордовского облсовпрофа со своими зазывными песнями и оленьими шкурами. Ноль. Пустой звук...

Раздался телефонный звонок, и Пельземуха Сергеевна бесстрастно произнесла: «Соединяю».

Н.Р. опять втиснулся в туфли и превратился во внимание...

XIII

Бестиев появляется в редакции, как всегда, неожиданно. Никто никогда не может сказать, в какой момент он явился. Не было, не было – и вдруг есть. Поправляет волосы, смотрится в зеркало. «Красив! Дьявольски красив!» Гладит ручку Ольге Владимировне.

– Ну, что там?

– Где?

– Там, – смотрится в зеркало. – С рукописью, – украдкой нюхает собственные подмышки.

– По-моему, собираются печатать.

– Да? – поправляет волосы, шумно затягивается. –

А тебе нравится? – пускает дым в Ольгу Владимировну.

– Нравится, – Ольга Владимировна отмахивается от дыма.

Бестиев выходит от Ольги Владимировны.

– А что нравится? Скажи, что нравится? – спрашивает Бестиев у Зверцева, который все еще правит Сартра.

– Не знаю. Я правлю Сартра.

– Сартра? – Бестиев дымит в лицо Зверцеву. – А кто это? – смотрится в зеркало. – Что-то я такого не слышал. Олдриджа знаю... Как ты говоришь? Сартра? – грызет орехи. – Он кто?.. Философ?.. – записывает Сартра в записную книжку – А что это за стихи, если в них нет рифмы? – это Бестиев отрывает пуговицу у Свища.

– Белые стихи. Гекзамер.

– Как ты говоришь? Гекзамер? – записывает «гекзамер» в записную книжку. – А про что? Скажи, про что?

– Не знаю. Ритмика... Пластика.

– Никто не знает! – Бестиев тербит Сверхщенского. – Про рабов? А кто такие рабы? – Бестиев смотрится в зеркало. Садится напротив Дамменлибена. – Смысл-то в чем?

– Б-б-ардак совсем зашиваюсь ты с Катюхой помирился? Она х-х-хорошая деваха слушай дай пятерку тещу на дачу перевезти...

– Вот вы умный человек, – Бестиев угощает Индея Гордеевича фирменными сигаретами. – Чего вы в нем нашли?

– Между нами говоря, я тоже против. Но это строго между нами.

– Я со всеми говорил, – Бестиев входит к Алеко Никитичу. – Никому не нравится, – Бестиев успевает посмотреть в зеркало. – Свищ плюется, Зверцев морщится. – Алеко Никитич втягивает носом воздух. Бестиев приюхивается к своим подмышкам. – Сверхщенский не понимает, Индей Гордеевич против! – Бестиев грызет орехи. – Одной Оле нравится, но она известная дурочка!..

– Слушайте, Бестиев, произведение спорное, но, безусловно, стоящее.

– Будут у вас неприятности! Вспомните меня! – Бестиев обкусывает яблоко. – Вместо того чтобы своих печатать...

У Бестиева высокоразвитое чувство опасности. Он боится публикации этого проклятого произведения. Он чувствует, что будет шум. Всплывет новое имя. Зашебуршат критики. И о нем забудут... «Но мы еще посмотрим...»

Анонимное письмо, полученное Н.Р.

«Уважаемый и дорогой товарищ Н.Р.! Вынужден оторвать Вас от важных и полезных дел, коими Вы занимаетесь, не жалея ни сил, ни времени. События последних недель заставили меня обратиться прямо к Вам, зная Ваш честный и непримиримый подход к явлениям, безобразящим и порочащим нашу действительность. В обстановке напряженной идеологической борьбы, когда на нас клеветают с Запада и пытаются оболгать с Востока, недопустимым является факт появления произведений, которые фактически льют воду на ту и другую мельницу. Речь идет о готовящейся публикации в журнале «Поле-полюшко», том самом журнале, который снискал себе популярность и славу как у нас, так и у прогрессивных читателей за рубежом чистыми и свежими веяниями многих молодых писателей (Бестиев и др.), о публикации произведения, мягко говоря, вызывающего недоумение честного читателя, к каковому с полным основанием себя причисляю. Автор опуса неизвестен. Само, с позволения сказать, произведение написано на выдуманную тему. Время действия надуманно. Проблемы — несуществующие. Образы сомнительные, пошлые и затасканные. Видна попытка осквернить русский язык и навеять насильственные ассоциации. «Произведение» напичкано сальностями и фривольностями. Главный герой — государственный деятель, узурпатор, палач, казнящий и топящий в крови собственное население за чтение каких-то непонятных и к тому же нерифмованных стихов. Согласитесь, все это попадает сюрреализмом в самом мрачном его проявлении. И странную позицию заняло руководство журнала, которое, вопреки здравому смыслу, взя-

ло под защиту это вредное графоманское творение. Что побуждает главного редактора пропихивать (извините за грубое слово) вышеназванное произведение? Взятка? Корыстный расчет? Не исключаю! Зависимость от распоясавшихся клеветников типа А. Гайского, погрязшего в разврате и спекуляциях, одаривающего дочь главного редактора янтарными ожерельями? Не исключаю! Кто защищает позорные страницы? Зав. отделом прозы Зверцев, в голове которого сидит некий Сартр? Не исключаю! А какие строчки приводят в восторг гр-на Свища из отдела Пегаса? «Раб свою жизнь проживает в тоске по свободе. Хвалит вчера, проклинает сегодня, надеясь на завтра...» И он, малограмотный поэт и некомпетентный редактор, прикрывает свою шаткую позицию, называя эту подлюю мазню гекзаметром? Не исключаю! Ну, что в этих строчках? Ну, скажите, что? Захлебывается от восторга, прочтя эту стряпню, редакционная машинистка - женщина без принципов и морали, откровенно сомнительного поведения! Им подпевают, надеясь на режим наибольшего благоприятствования, декадентствующий поэт Колбаско и спившийся публицист Вовец, печально знаменитый своими двусмысленными псевдоафоризмами. Заместитель главного редактора - единственный, кому откровенно не нравится этот наскоро испеченный поклеп. Но он вынужден молчать и соглашаться. Коррупция? Запугивание? Не исключаю! И в этом оголтелом хоре тонет честное большинство голосов тех, кому дороги чистота и ясность нашего литературного климата. Не хочу быть голословным, уважаемый и дорогой товарищ Н.Р., и снабжаю Вас отрывком из этой порочной пачкотни, по которому, я уверен, у Вас сложится должное и непредвзятое собственное отношение. Отрывок этот попался мне случайно, и я счел своим долгом ознакомить Вас с ним. Речь в этом отрывке идет о казни некоего шута, который, кстати сказать, является еще и гомосексуалистом! И это они хотят протащить на страницы журнала!

«Черный мешок с бритоголовым бросили к ногам Первого ревзода. А когда сняли цепи, вынули из мешка схваченного и поставили на ноги, Первый ревзод остолбенел — на него смотрел своими наглыми зелеными глазами, обнажив в гадкой улыбке кривые желтые зубы, шут мадранта...

Кого притащили, безмозглые олухи, Первому ревзоду?

Пусть успокоится миленький ревзодик, красивенький ревзодик, умненький ревзодик! Безмозглые олухи притащили ему того, кого надо, кто недавно приходил к старенькому Чикинниту Каело, того, на кого набросили черненький мешочек и сделали больно его нежному тельцу железными цепочками... Ох, и посмеемся мы сегодня с высоким мадрантом над Первым ревзодом! Ох, и пощекочет шут пяточки Первого ревзода! А Первый ревзодик будет делать вид, что ему тоже смешно и приятно, и пальчиком не посмеет он тронуть шута, потому что мадрант обожает своего шута и никому не позволит его обидеть!..

Да, шутовское отродье, ты прав! Первому ревзоду будет особенно смешно и особенно приятно, когда ты выдашь ему своего Ферруго или того негодяя, который скрывается под именем Ферруго.

Шут поджал одну ногу и принял позу цапли. Любопытство погубит когда-нибудь Первого ревзода, и все его бедненькие женушки и детеныши слезами зальют могилку своего благоверного супруга и любящего отца... Клик-клок.. На кого ты покинул нас, ненаглядный ревзодик? О, лучше б ты был глупеньким и тупеньким!.. Любопытство сгубило нашего ревзодика!.. И шут запричитал и стал кататься по земле в неутешном горе.

И тогда Первый ревзод велел поставить шута на ноги и привести в чувство ударом бамбуковой жерди. Нет, не праздное любопытство заста-

вляет Первого ревзода терпеливо сносить дурацкие выходки, а единственное желание выдрать с корнем ядовитый сорняк и растоптать, чтобы никогда вредоносные семена не попали в благородную почву. И ты, шут, неведомо почему оказавшийся в услужении у выроodka, искупишь свой грех перед страной и мадрантом, указав нам убежище Ферруго. И Первый ревзод обещает тебе, а Первый ревзод не бросает слов на ветер, что остаток своих дней - ведь ты не так уж и стар - ты проведешь в почете, богатстве и славе. Десять самых лучших женщин будут отданы тебе в жены, чтобы ласкать твои уши небесным песнопением, щекотать твои ноздри зовущими запахами, услаждать твою плоть бархатными телами, если ты назовешь нам Ферруго...

Удары посыпались один за другим. Плесните на него водой, и пусть встанет и внимательно посмотрит с этого холма на город. Где? В какой стороне Ферруго?..

Протри лицо шуту, Первый ревзод, слезы умиления застилают ему глаза... Сухой белой тканью шуту вытерли лицо, и, глядя на раскинувшийся внизу город, он протянул руку в направлении востока... Там Ферруго! Потом - в направлении юга... Нет, там Ферруго!.. Или не там... А может быть, там?..

У бедняги испортилось зрение? Стали плохо видеть его зеленые глаза? Так прогрейте ему очи! После этого он наверняка сможет разглядеть, где Ферруго!

Голову шута запрокинули так, чтобы стоявшее в центре неба солнце било прямо в глаза, веки его растянули вверх и вниз, и раскаленное светило стало опускаться все ниже и ниже... Все жарче, все горячее... Вот оно уже закрывает небо и начинает выливаться в глазницы, и заполняет череп, и вытекает через уши, обжигая лицо, шею и плечи... И вдруг погасло, и наступила тьма. Тьма была и после того, как шута привели в сознание.

Он облизнул сухие губы... Тьма, сплошная тьма. Первый ревзод! Как возможно в такой кромешной ночи отыскать Ферруго!.. И шут попытался улыбнуться.

Первый ревзод дал знак дворцовому палачу Басстио... А может быть, шут напряжет свой слух и в шуме города различит шаги Ферруго или распознает его голос, разносящий собачьи творения?..

Чья-то рука легла шуту на плечо, и он узнал знакомую шершавую ладонь палача Басстио.

Шут-шутитце! Это я, Басстио, твой старый друг. Ну что тебе дался какой-то Ферруго? Я же не хочу делать тебе больно, но я не могу послушаться Первого ревзода... Шут-шутитце! Я же хочу, чтобы все было хорошо. Я хочу болтать с тобой по вечерам и слушать твои смешные истории, после которых легче становится палачу Басстио... Шут-шутитце! Еще не поздно. Да пусть Первый ревзод подавится этим Ферруго! Неужели ты не слышишь, что говорит тебе твой старый друг Басстио? Шут-шутитце! Ну что тебе стоит?.. Прости меня, шут... И дворцовый палач Басстио отсек шуту оба уха.

Первый ревзод терпеливо ждал, пока шута приводили в чувство.

Дворцовый палач Басстио плакал, опершись о топор.

Шут подполз к Басстио и прислонился спиной к его ноге, чтобы можно было сидеть... С этого бы и начинал, Первый ревзод, а не с каких-то нелепых, лживых обещаний. Мы поладим с тобой, Первый ревзод, мы найдем с тобой общий язык раньше, чем ты прикажешь выдрать мой язык из глотки. Сама судьба моими устами скажет тебе, кто такой Ферруго... Только очень хочется пить...

Первый ревзод кивнул, и шуту поднесли большую чашу прохладной воды.

Пусть принесут шуту тонкую соломинку — он хочет поиграть сначала в свою любимую игру.

Первый ревзод кивнул, и шуту принесли тонкую соломинку.

Шут склонил свое лицо над чашей, и кровь стала капать в нее, и капала до тех пор, пока чаша не наполнилась до краев. Тогда шут взял в рот конец соломинки, а другой конец ее опустил в чашу... И взбурлил, и вспенил кровавую жижу остатками своего воздуха, и начал выдувать большие мутно-кровавые пузыри, и они поплыли над городом в неподвижном от зноя пространстве. И шут улыбался своей затее... Разве не нравится Первому ревзоду любимая игра шута? Видит ли он, куда летят мои пузыри? Они летят по прихоти неба, и там, где опустится последний из них, там и следует искать Ферруго... Не правда ли, веселая игра?... А мутно-кровавые пузыри все плыли и плыли в неподвижном воздухе и опускались на крыши домов и хижин, на городскую площадь, на обрыв Свободы. И дети изо всех сил дули на них, не давая опуститься на землю, а старшие испуганно молились, видя в этом дурное предзнаменование. И, достигнув все же земли или какой-либо крыши, они беззвучно лопались, оставляя после себя лишь мокрое красное кольцо... И последний из них медленно опустился на дворец мадранта. И тогда шут захохотал... Вот и вся моя игра, Первый ревзод! Вперед же, во дворец! К мадранту! И он скажет тебе, кто такой Ферруго!..

И Первый ревзод понял, что шут от боли и пыток лишился рассудка и нет в нем больше никакого проку. И дал он знак палачу Басстио, чтобы тот прикончил шута.

И палач Басстио сделал это.

И не стало больше на свете его лучшего друга шута-шутца. Он прекратил свое существование в этом мире для того, чтобы потом

снова возникнуть (когда только?) в другом обличье (каком только?) и дурачить людей, или выпрыгивая из воды смеющимся дельфином, или страшно ухая по ночам филином, озадачивая всех своей тайной...»

«Уважаемый и дорогой Н.Р.!

Умоляю Вас не считать мое искреннее, продиктованное болью в сердце письмо грязной анонимкой, против чего я решительно борюсь всю свою жизнь. Но я не ставлю свою фамилию, во-первых, чтобы не сложилось впечатление, будто я свожу личные счёты со своими неединомышленниками, а во-вторых, я просто боюсь быть подвергнутым гонениям и литературному остракизму.

С любовью и уважением

Читатель».

XIV

Алеко Никитич сидит у себя в кабинете, откинувшись на спинку кресла... С-с-с... Задачи перед ним возникли нелегкие. Н.Р. зря слов на ветер не бросает.. Он не забудет того, что говорил тогда о подвиге, и не слезет с Алеко Никитича до тех пор, пока не увидит в журнале соответствующий материал, тут никакими врезками не отделаться... С-с-с... Кстати, надо получить от Колбаско разоблачительные стихи по поводу слухов о летающей тарелке... И этот австралийский Бедейкер приезжает.. Совсем не вовремя... Алеко Никитич еще надеялся, что приезд фанберрских гостей отменится или по крайней мере перенесется. Но нет. Телеграмма, полученная утром, не оставила никаких надежд... С-с-с... Алеко Никитич автоматически перечитывает лежащую перед ним на столе телеграмму:

«Господин Бедейкер делегацией прибывает Мухославск празднование годовщины побратимов Мухославска Фанберры двадцатого числа сего месяца. Обеспечить соответствующий уровень».

Н.Р. уже звонил по этому поводу. Он тоже в курсе... С-с-с... Алеко Никитич склоняется над столом и пишет основу будущего приказа.

1. Встреча в аэропорту. Отв. – А.Н.
2. Размещение в гостинице. Отв. – И.Г.
3. Посещение химкомбината. Отв. – А.Н.
4. Пресс-конференция в редакции. Отв. – А.Н. и И.Г.
5. Прием (банкет) в редакции. Отв. – А.Н., И.Г.,
Свищ. (Утрясти меню с Раис. Мург.)

Кого пригласить на прием, тоже проблема. Кто будет выступать и что будут говорить, еще какая проблема! Не дай бог, кто что ляпнет! Бедейкер хоть и левых взглядов, но австралиец... С-с-с... Основные темы разговоров: мир, дружба, окружающая среда...

Мысли Алеко Никитича прерываются стуком в дверь. Он прячет свои пометки в стол и разрешает войти.

Колбаско выглядит бледным и понурым. Он здоровается, открывает свой «дипломат» и кладет на стол лист с напечатанными строчками.

– Вот, – говорит он. – То, что вы просили.

– Садитесь, Колбаско, – приглашает Алеко Никитич. – Что с вами? Случилось что-нибудь?

Колбаско моргает, вздыхает:

– Лажа, Алеко Никитич... Семейная лажа...

– Не понимаю.

– Лажа. Людмила к матери ушла. Галопом в столб. Проскачка...

– Причины?

– Не знаю. Дал ей рукопись прочитать – она наутро ушла.

Алеко Никитич встревожен:

– Уверены, что из-за рукописи?

– Да, наверно, – отвечает – Колбаско. – Накануне все было нормально. – Колбаско вздыхает.

– Говорили с ней? – спрашивает Алеко Никитич.

– По телефону.

– И что?

– Я, говорит, очнулась от страшного сна... Я, говорит, жила взаперти, я не понимала, что такое любовь... Знаете, Алеко Никитич, она очень впечатлительная... Когда я за ней ухаживал, я дал ей прочитать «Хижину дяди Тома»... Это произвело на нее сильное впечатление, и она вышла за меня замуж... Потом мы прекрасно жили, и она ничего, кроме моих стихов, не читала... Не надо мне было давать ей рукопись... – Колбаско тяжело вздыхает.

– Держите себя в руках, Колбаско, – успокаивает Алеко Никитич. – Поверьте мне: время – лучший лекарь... Одумается, поймет..

– Если честно сказать, – Колбаско переходит на доверительный тон, – я боюсь, что она за это время пристрастится к чтению и увидит, что есть лучше меня...

– Не наговаривайте на себя, Колбаско, – Алеко Никитич подходит к нему и по-отечески похлопывает по плечу: – Вы поэт даровитый, самобытный... А Пушкин рождается раз в тысячу лет.. Все образуется... Давайте посмотрим, что вы там сочинили...

Он берет листок и читает вслух:

**СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПОВОДУ СЛУХОВ
О ЛЕТАЮЩЕЙ ТАРЕЛКЕ 24 ИЮЛЯ**

Чуть болтают, будто нам порой ночью
На тарелке поднесли сюрприз...
Это просто я поссорился с женою –
Выбросил в окошко новенький сервиз.

– Ну что? – интересуется Колбаско.

– По-моему, неплохо, – про себя перечитывая написанное, говорит Алеко Никитич. – И образ есть, и игра ума...

– Мне тоже так кажется, – оживляется Колбаско.

– Только вот что я думаю, – Алеко Никитич садится в кресло. – Я думаю, не следует вам в вашей ситуации подставлять семейный борт. Зачем надо всем знать, что у вас конфликт? А?

– Я даже об этом не думал, – бормочет Колбаско и покрывается красными пятнами.

– Товарищ Фрейд сработал, – улыбается Алеко Никитич. – Давайте заменим... Пусть не вы, а кто-то поссорился с женою... Поищите что-нибудь интересное...

Колбаско напряженно ищет и вскоре находит.

– Есть! – кричит он. – «Это Агафон поссорился с женою!..» Агафон! Понимаете? И абстрактно, и в народном ключе!..

– Совсем другое дело! – радуется Алеко Никитич. – В этом варианте мы дадим стихи на обложку с карикату-

рой! – Он снимает трубку: – Теодор? Зайди-ка ко мне!..

Через минуту в кабинет входит Теодор Дамменлибен.

– П-п-привет Никитич зд-д-орово Колбаско жара что слышно? Бардак я такие рисунки сделал крик Привет Колбаско вы с Людмилкой поцапались? Слушай ты мою Нелли знаешь она умная женщина нельзя так слушайте Никитич как вам нравится Боливия? Бардак щенок всюду гадит Петенька сочинение на пять написал ваша Глория молодец бардак...

– Подождите, Теодор, отдохните, – перебивает его Алеко Никитич. – Тут Колбаско стихи неплохие принес. Надо к ним карикатуру и в номер на обложку...

Дамменлибен читает стихи и закатывается от хохота.

– Б-б-леск! – кричит он. – Б-б-леск!.. Я нарисую в окне Агафона и в небе сервиз, на котором написано «Ресторан»!.. Б-б-леск!

– Только прошу вас, Теодор, чтоб Агафон был похож на Агафона, а не на вашего тестя.

– Слушайте, Никитич! – взрывается Теодор. – У нас на фронте все равны были и Агафон и мой тесть бардак Колбаско ты с Людмилкой помирись у меня Нелли умная женщина слушайте Никитич не дадите мне сотню? Мне надо машину выкупать бардак щенок всюду гадит..

– Позвоните Глории, – говорит Алеко Никитич, – если у нее есть, она вам не откажет.

– Б-б-леск! Б-б-леск! – повторяет Дамменлибен и, схватив стихи Колбаско, выходит из кабинета.

Колбаско некоторое время сидит, зачем-то открывает «дипломат», снова закрывает, наконец встает:

– Ну, я пойду, Алеко Никитич?

– Спасибо, Колбаско! – Алеко Никитич пожимает Колбаско руку. – Налаживайте семью, а заплатим мы хорошо – по два рубля за строчку.

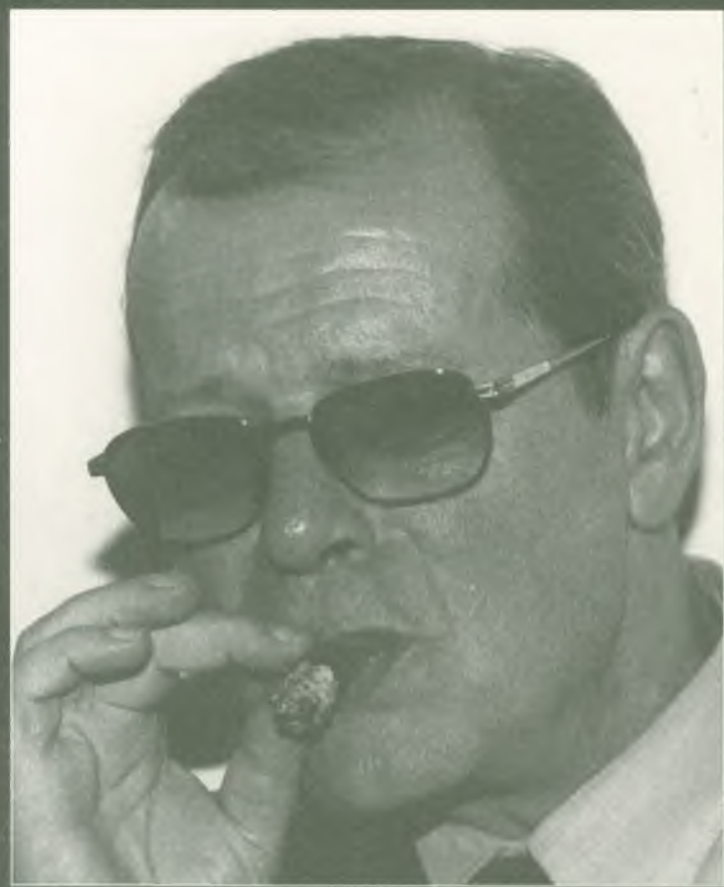
Колбаско идет пятнами.

– По три, – говорит он.

– Не сходите с ума, – говорит Алеко Никитич. – Мы в свое время Твардовскому по два платили... А вам, уж бог с вами, по два пятьдесят натянем... За срочность.

– По три, – тихо произносит Колбаско, пытаясь смотреть в окно. – По три плюс аккордная оплата.

– Бухгалтерия не утвердит.

В России много писателей вышло из врачей.
1 Московский медицинский институт. 1954

«Надежды маленький оркестрик...» 1954

Влияние «трофейных» фильмов. 1957

В «Юности» с Григорием Гориным. 1964

В «Юности» с Борисом Полевым. 1965

От «Юности» – в пылающий Вьетнам. 1967

Во Вьетнаме было жарко в прямом и переносном смысле... 1967

Читать свои рассказы начал тоже в «Юности».

Только что родился сын Вася... 1967

Васе 9 лет. 1976

Соавторство с Григорием Гориным длилось до 1972 года.

Для Хазанова был написан «Калинарный техникум».

Если бы всегда было солнце... Пицунда. 1977

За полгода до смерти Владимира Высоцкого. 1980

Для Константина Райкина была написана пьеса «Что наша жизнь?». 1983

О восхождении на шахматный трон Гарри Каспарова
была написана книга. 1985

Чернобыль. Через три месяца после катастрофы. 1986

С Александром Ширвиндтом и Михаилом Державиным. Сидят в дружбе.

У подножия соцреализма. Гор. Волжский. 1988

– Забираю стихи и несу на телевидение, – словно не Алеко Никитичу, а пролетающей за окном птичке говорит Колбаско.

– Только без угроз!.. По три, но без аккордной оплаты.

– Грабьте! – не может скрыть волнения Колбаско. – Идет!..

«Скушал по три, – думает Алеко Никитич, когда дверь за Колбаско закрывается. – Мог и по пять запросить... Пришлось бы на четыре соглашаться...»

«Так с ними! – думает Колбаско, когда дверь за ним закрывается. – Только так! Дурачка решил найти! По два платить! Не вышло! Колбаско не объедешь!.. Трижды четыре – двенадцать, и Вовец шесть сорок... Не так уж плоха жизнь!..»

Вечером на ипподроме Колбаско поставит всю свою наличность, связав Сладенького из пятого заезда с Зубаткой (так он в быту называл Людмилку), но Сладенький уже с приема сделает гробовой сбой, а на Зубатке поедет другой наездник. Так что до конца испытаний поэт будет щелкать рубли у знакомых и незнакомых беговиков и время от времени кричать в сторону судейской ложи: «Жулики!» Но это будет вечером, а пока счастливый Колбаско выходит из редакции журнала «Поле-полюшко» и повторяет про себя: «Так с ними! Только так!»

XV

Потный и тучный Рапсод Мургабович появляется у Алеко Никитича после обеда. Он тяжело дышит и выпивает два стакана воды из сифона. При росте 163 см он весит 98 кг. Он в подвернутых джинсах и в рубашке «Меркурий» с закатанными рукавами. Под мышками синеют два влажных пятна. В левом кармане – две паркеровские авторучки. Часы «Сейко». На обеих руках. Два носовых платка. Один – под воротничком рубашки «Меркурий», другим Рапсод Мургабович обмахивается.

– Совсем с ума сошел с этой статьей, честное слово! – кричит он. – Клянусь мамой, никогда не сочинял! Легче народ накормить!..

– Я тут меню прикинул. – говорит Алеко Никитич. – Взгляни. Чего нет – вычеркни. Что упустил – добавь.

Рапсод Мургабович вынимает одну из паркеровских авторучек и склоняется над меню.

– Нету, – вычеркивает он, – нету... нету... нету... Слушай, колбаса-молбаса зачем выписал?.. Отравить австралийца хочешь?.. Лучше дам шесть банок югославской ветчины... Так? Цыплят венгерских дам... Тридцать штук... Так? Сервелат финский... Пять палок... Так?.. Компот вьетнамский... Пятнадцать банок... Так?

– А чего-нибудь нет национального? – спрашивает Алеко Никитич. – Под соки...

– Огурцов могу дать болгарских... Пару банок... Так?.. Пять белых соков, пять красных соков... Хватит?

– Добавь пяток виноградных... для дам...

Рапсод Мургабович что-то вписывает, бормочет под нос наименования каких-то товаров, что-то вычеркивает и протягивает листок Алеко Никитичу.

– Отпечатай, подпиши и печать не забудь... Я с собой заберу... – Он выпивает еще один стакан воды. – Умираю, клянусь мамой!.. Слушай, пять ночей не спал! Все твоё эсце-месце сочинял... С ума сошел!.. Машинку специально купил! Жена говорит: «Э! Рапсод-джан! Совсем с ума сошел?.. Ты что, гиган?.. Сароян, что ли?..»

– Посиди здесь, – говорит Алеко Никитич. – Я требование оформлю...

И он направляется по коридору в сторону кабинета машинистки Ольги Владимировны.

Рапсод Мургабович достает из заднего кармана джинсов «эсце» и обмахивается одновременно и «эсце», и носовым платком. Рапсод Мургабович слукавил, конечно, на счет пяти бессонных ночей... Сароян он, что ли?.. Он просто взял последнюю передовую о работниках торговли из «Вечернего Мухославска» и придал ей свое личное отношение, навставляя, где надо и не надо, «я так думаю», «мне кажется», «это мое личное мнение»... Отличное получилось «эсце».

ЭСЦЕ

Работник торговли – торговый работник

С каждым годом растет благосостояние, как мне кажется, трудящихся. Выработанный курс на

повышение эффективности, интенсификации производства требует от трудовых коллективов и в сфере торговли рачительного хозяйствования, я так думаю. Не меньшее значение имеет и постоянно растущий уровень требований к работнику советской торговли, но это мое личное мнение. Честность, профессионализм, психологический подход к покупателю — неотъемлемые черты советского, я так думаю, торгового работника, как мне кажется. На прошедшем недавно июньском заседании горисполкома я выступал, по-моему, с докладом «О дальнейшем улучшении работы предприятий розничной торговли в нашем городе». Выступившие в прениях товарищи прямо заявили о дальнейшем росте уровня обслуживания покупателей в целом ряде продовольственных магазинов города, я думаю.

Вместе с тем имеются еще в большом количестве отдельные случаи наплевательского отношения к потребителю, по моему убеждению, в виде обвешивания, обслуживания из-под прилавка, снабжения с черного хода, мне кажется. Проблема очередей в продовольственных магазинах является первоочередной проблемой в большом, как мне кажется, торговом хозяйстве.

Городской исполком, по моему глубокому убеждению, одобрил инициативу гастронома № 2 работать честно. «Каждый украденный грамм — это грамм, украденный у народа!» — сказал в своем выступлении продавец мясного отдела А.В. Васильчук. Широкую поддержку следует оказывать движению пенсионеров Рыбного переулка за развитие всестороннего самообслуживания: «Сам отрежь, сам взвесь, сам заплати».

Вместе с тем в гастрономе № 4, куда меня привели, как мне кажется, холодильные установки не работали. В одной камере рядом с кондитерскими изделиями стояли две бочки осетинского сыра на обмен, который уже испортился, и от него исходил неприятный, по моему глубокому убеждению, запах.

Тут же лежало 23 килограмма, по-моему, колбасы вареной, которая тоже уже покрылась плесенью и завоняла. Но это мое личное мнение.

Покупатель, как мне кажется, не должен покупать испорченные и гнилые продукты. Наоборот. Его, по-моему, всегда интересуют свежие товары.

В то же время до сих пор на одном из складов сыпучих и мучных товаров хранится замечательная рисовая каша в эстетически приятной упаковке, но негодная к реализации, я так думаю, потому что в ней завелись мучные черви, по моему глубокому убеждению.

Товарищи! Я нарочно сгущаю краски, как сказал в своей речи председатель горторга т. Мякишев, если не ошибаюсь. Но мы все - и покупатели, и продавцы - советские люди. Это мое личное мнение. И от того, какой продукт съест человек сегодня, зависит и то, какую продукцию он выдаст завтра. Процесс производства неотделим от процесса потребления, по-моему.

Огромн, но еще совершенно недостаточен приток в торговую сеть молодых интересных кадров. Пока еще, я так думаю, юноши и девушки стремятся за прилавки для удовлетворения своих постоянно растущих требований. Когда потребители перестанут ненавидеть и подозревать продавцов, как мне кажется, в нечестности, когда наступит обратная картина, тогда за прилавки встанет по-настоящему сознательная молодежь, по-моему, которая придет не ради жадности наживы, а исключительно потому, что не мыслит свою жизнь без мяса, без молока и, как мне кажется, без других продуктов питания.

Эссе, которое я пишу, если не ошибаюсь, - результат глубоких и трудных размышлений, по-моему. Оно не является догмой. Это мое личное мнение. Но этим, по моему глубокому убеждению, я так думаю, хотелось бы открыть на страницах журнала дискуссию, в которой бы приняли участие все заинтересованные в дальнейшем подъеме нашей торговли, как мне кажется, читатели.

В заключение, если не ошибаюсь, разрешите выразить, как мне кажется, глубокую благодарность и, это мое личное убеждение, признательность руководству журнала «Поле-полюшко» за то, что оно предоставило, я так думаю, возможность поделиться наболевшим. Милости просим всех работников редакции в магазины и торговые точки нашего города. По-моему.

Р.М. Тбилисян,
директор гастронома «Центральный»,
бывший призер областной спартакиады
по вольной борьбе, аспирант

В ожидании Алеко Никитича Рапсод Мургабович, не находя себе места от духоты, расхаживал по его кабинету, отдувался, обмахивался, фыркал, прикладывал платок к потному лицу, вытирал шею и в конце концов в изнеможении плюхнулся в кресло главного редактора. И тут он увидел лежащую на столе рукопись с пометками Алеко Никитича. На столе разбросано было много разных записей, бумаг и рисунков, но внимание Рапсода Мургабовича помимо его воли сконцентрировалось именно на этой – с пометками Алеко. Рапсод Мургабович не имел обыкновения совать нос в чужие дела, а тем более бумаги. Он попытался смотреть в окно, затем подошел к шкафу, в котором стояли все номера «Поля-полюшка», вышедшие за семь лет. Начал считать. Досчитал до сорока девяти и снова сел в кресло Алеко Никитича, уже не в силах оторваться от разложенных на столе листов. Шевеля губами, он склонился над шестьдесят второй страницей, той самой, на которой была раскрыта папка с рукописью...

«Да, мадрант, ты можешь верить Первому ревзоду. Именно шута схватили по знаку Чикиннита Каело, именно он оказался тем бритоголовым бородачом. И, не желая беспокоить тебя, мы сами произвели дознание. Но бедняга помешался в ходе следствия, и нам пришлось его прикончить, чтобы он не издевался над нами и никогда больше не произносил

слов, которые Первый ревзод не в состоянии повторить в присутствии высокого мадранта... Нет-нет! Скорее земля разверзнется подо мной, чем я повторю слова этого безумца! Он сказал, перед тем как умереть, что высокий мадрант знает, кто такой Ферруго...

Мадрант вскинул правую бровь и засмеялся, отчего холодок пробежал по спине Первого ревзода. Ну что ж, кем бы ни был несчастный для Ферруго, но мы воздадим ему посмертные почести, ибо он был славным шутком мадранта и умер, как подобает шуту.

Да будет твоя воля священна, высокий мадрант, но совет ревзодов связывает гнев Карраско, появление Ферруго, Великий Поход Поганных Лиц и беспорядки в стране с одним-единственным днем — днем появления во дворце твоей чужеземки, мадрант... И Первый ревзод готов сейчас же поплатиться жизнью за слова, которые он передал мадранту от имени совета ревзодов: чужеземная женщина должна исчезнуть, и тогда смилостивится Карраско, волны поглотят армаду Страны Поганных Лиц, стинет Ферруго, и успокоятся горожане.

И ревзод втянул голову в свои покатые плечи, словно боясь, что мадрант ударит его.

Мадрант встал. Судьба чужеземки, как и всех остальных в этой стране, находится в руках мадранта. Что же касается Ферруго, то, если до Новой луны он не будет схвачен, мадрант клянется напоить изнывающий от жажды город кровью, и ни один из не выполнивших приказ мадранта не станет исключением, даже Первый ревзод, который может убираться, и чем быстрее, тем лучше, потому что времени у него не так много...»

Рапсод Мургабович проглотил лишнюю, вязкую слюну... «Это про меня и про мой магазин! — подумал он. — Кто-то сводит счеты, но боится назвать имена. Какой-то подлец решил от меня избавиться...»

Рапсод Мургабович знал, что подчиненные за спиной называют его «диктатором», «Наполеоном», «зверем» за то, что все в магазине в его воле и власти. Он – хозяин. Он сам живет хорошо, но и другим дает жить. Тем, кто заслуживает. За это его ненавидят, завидуют, хотя делают вид, что любят, именно те, которых он держит... Собаки! Продажные шкуры!.. Но кто? Кто же из них все это расписал?..

... Заместитель? Завскладом?.. Бухгалтер?.. Кто?.. И на что намекает неизвестный гад? На месть? На расплату?.. На национальное происхождение? Так они все у него не очень... Кроме завскладом. Но тот и двух слов связать не может... Не то чтобы создать такой хитрохудожественный поклеп... И Рапсод Мургабович яростно стукнул по столу увесистым кулаком...

«Из дворцового окна Олвис могла видеть бесконечно длинную вереницу горожан, поднимавшихся по склону рассвирепевшей Карраско. Подгоняемые воинами, горожане пытались удерживать в своих ладонях воду, которой они должны были напоить Карраско и тем умиловать ее («Глупость какая! Кто это мог выдумать?») А Священная Карраско и вправду разбушевалась не на шутку. Из утробы ее время от времени исходил громоподобный рык, от которого содрогалось все вокруг и в ужасе переглядывались люди. Дым, выходящий из пасти, стал совершенно черным и образовал над головой Карраско зловещую гигантскую шапку. Карраско шипела и плевалась раскаленными докрасна камнями, разбрызгивая огненную слюну. («Красиво, черт побери, но страшно. Ведь это похоже на извержение, мадрант! Надо смываться, а?»)»

Но мадранта, казалось, ничего не интересовало. Он почти все время проводил в черном зале и выходил оттуда вроде бы только для того, чтобы взглянуть на Карраско. Он подолгу стоял у окна и вслушивался во что-то, а потом, как бы очнувшись, улыбался Олвис. Не страшно ли принцессе?

Нет, мой мадрант. Принцесса настолько предана тебе и так верит в твою силу, что ей не страшно ни капельки. («А смотаться не мешало бы, пока не поздно».)

Сейчас мадрант неожиданно обнял ее за плечи, и она порывисто прижалась к нему, передав этим прикосновением желание его телу.

Возьми меня, сумасшедший человек! Мне наплевать, кто ты — мадрант или Ферруго. Я не хочу больше ждать, пока кто-то из вас победит. Ты одинок. Я развею твое одиночество. Со мной ты забудешь про походы и казни, ты ни разу не вспомнишь отвратительного ревзода. Я обещаю тебе... Так возьми же меня! Губы мои пересохли, и голова кружится... Господи!.. И Олвис почувствовала приближение божественной судороги, и пальцы, ее рук впились в спину мадранта.

Но в этот момент Священную Карраско вырвало, и огненно-красное содержимое полилось свирепым потоком вниз по склону, превращая в тлен все живое и неживое. Горожане, поднимающиеся вверх, с воплями устремились назад, подминая и топча друг друга, и лишь немногим удалось добежать до города.

И теперь не боится принцесса озверевшей Карраско?

Нет, она не боится, мадрант, но Карраско в своем гневе причиняет людям страдания и горе!

Мадрант может умиловать Карраско, но для этого он должен убить принцессу. Ты слышишь, Олвис, мадрант должен убить тебя...

Так убей меня, мадрант! Только сначала возьми! Я твоя, мадрант! Возьми и убей!

Нет, Олвис, мадрант не сделает этого, потому что мадрант не раб! Он свободен так же, как свободен Ферруго. Пусть все будет так, как предсказала старая слепая Герринда. Мадрант любит тебя, Олвис, но у него есть власть. У Ферруго нет власти над тобой, но

это не значит, что он достоин твоей любви меньше, чем мадрант. С твоей смертью погибнет и Ферруго, но горько и позорно будет мадранту от такой победы. Поэтому только мадрант может убить Ферруго, и только Ферруго может убить мадранта!..»

Рапсод Мургабович зарычал. И об этой истории вспомнили, сволочи! Конечно, про Валечку идет речь.

Про девчонку из торгового техникума, клянусь мамой... Так что же, Рапсод Мургабович не может полюбить девчонку из торгового техникума?.. Он не соблазнял ее, не спаивал, не угрожал. Он просто превращался в виноградное желе, когда ее видел... Да, он хотел, чтобы ее оставили работать в его магазине, и он сделал все, чтобы ее оставили... Да, он дарил ей дорогие подарки, но не потому, что покупал ее, а потому что хотел. Хотел делать – и делал! И не какие-нибудь дешевые колготки, а французские духи за 80 руб.! И не плитку вонючего лежалого шоколада, а золотое колечко с камнем!.. И не в заплыванный «Парус» приглашал ее ужинать, а в Сочи с ней на субботу и воскресенье!.. И кабы не жена с ребенком и не должность, женился бы! И плевал бы на разницу в возрасте!.. Но не Валечка же решила накатать все это!.. А может быть, ее паренек? Двадцатилетний сопляк, которого однажды Рапсод Мургабович вынужден был просто побить... Вполне возможно!.. Ух, гнилое поколение! Крикуны недоделанные! Топтуны вокально-инструментальные! Волосатики бритоголовые!.. И Рапсод Мургабович аж передернулся, когда представил, что может быть, если про историю с Валечкой узнает Гаяне...

«Палач Басстио и его помощники работали не покладая рук, а воины доставляли из города все новых и новых задержанных. Первый ревзод лично учинял допрос каждому, прежде чем передать его в руки палача. Одни из горожан целовали ноги Первому ревзоду и плакали, утверждая, что никогда в жизни не видели и не знали никакого Ферруго, другие принимали смерть молча, как нечто неотвратимое и долж-

ное, третьи успевали крикнуть «Да здравствует Ферруго!» или «Смерть мадранту!» - но никто из них, и это Первый ревзод чувствовал, действительно не имел отношения к Ферруго. Двое рыбаков приволокли связанного сумасшедшего старика и, ссылаясь на указ мадранта, потребовали произвести их в ревзоды, утверждая, что связанный старик и есть Ферруго. Но когда старика развязали, он стал мочиться прямо на Первого ревзода и произносить непристойности. Его обезглавили, а простодушных рыбаков, перед тем как прикончить, заставили пить кровь казненного сумасшедшего. Тогда по приказу Первого ревзода по всему городу появились воззвания, в которых именем мадранта обещались жизнь и свобода Ферруго, если он добровольно предстанет перед глазами мадранта. И к середине дня перед мадрантом уже стояли двадцать горожан, каждый из которых утверждал, что именно он и есть Ферруго. Мадрант с нескрываемым презрением оглядел всех и каждому посмотрел в глаза, но ни один из них не выдержал его взгляда. Понимают ли они, что в лучшем случае девятнадцать из двадцати лгут, и чем докажет тот единственный двадцатый, что именно он Ферруго?..

И самозванцы по очереди произносили вслух творения Ферруго, вкладывая возможно большую страсть и ненависть. И мадрант улыбался, слушая их, а Первый ревзод, стоявший рядом, уже рад был бы любого признать как Ферруго, потому что времени до Новой луны оставалось все меньше и меньше.

Ну что же, если Первому ревзоду кажется, что именно пятый, или двенадцатый, или восьмой действительно Ферруго, то пусть Ферруго порадует нас новыми творениями, которые еще неизвестны Первому ревзоду и мадранту. Ведь Ферруго нечего бояться. Слово мадранта - закон. Ферруго ждут жизнь и свобода.

Но пятый, и двенадцатый, и восьмой только мычали что-то невразумительное.

А потому пусть поторопится Первый ревзод в поисках настоящего Ферруго Двадцать лжецов, обманувших мадранта и решивших купить себе славу, жизнь и свободу чужими словами, должны быть повешены, и на спине у каждого следует написать красными буквами: «Я предал Ферруго тем, что я не Ферруго».

И когда украсили городскую площадь телами самозванцев, горожане ликовали, ибо это означало, что Ферруго жив и на свободе. И молча взирал на страшную гирлянду лишь Первый ревзод.

К исходу дня казни прекратились, потому что казнить было некого. Последние горожане покидали город и уходили в горы, посылая проклятья в сторону дворца и с тревогой поглядывая на вершину Священной Карраско, почти совсем скрытую большим черным облаком, которое время от времени вспарывали острые ослепляющие молнии. Воинские кордоны уже не в состоянии были остановить этот великий исход и присоединились к горожанам. Тех же, кто пытался проявить остатки преданности мадранту, убивали на месте. Люди размахивали синими знаменами, в центре каждого из которых красовалась белая голова собаки. К ночи в погрузившемся во мрак опустевшем городе оставались только ревзоды, мадрант и небольшой отряд его личной охраны. Совет ревзодов уже много часов подряд пытался и все никак не мог принять решение.

Именно сейчас Первому ревзоду был необходим Ферруго, уже не ради сохранения собственной жизни, а ради спасения страны и всего того, чему свято служили и он, и его предки в течение почти двенадцати столетий. Войти в контакт с Ферруго, выяснить, чего он хочет, вселяя в горожан смуту своими творениями, и попытаться направить весь гнев это-

го собачьего движения против мадранта и затем с помощью ревзодов убить мадранта, вылив таким образом умиротворяющее масло в бушующее море. А затем предложить Ферруго занять дворец мадранта и стать мадрантом. И пусть Ферруго не называет себя мадрантом. Пусть назовет себя кем угодно, и пусть ревзоды перестанут именоваться ревзодами... Первый ревзод не честолюбив. Он никогда не завидовал мадранту и не представлял себя на его месте. Кому быть мадрантом, в конце концов решает небо. Он же должен оставаться Первым ревзодом при любом из них. И Ферруго, не имея опыта и осведомленности в государственных делах, будет нуждаться в советах и помощи Первого ревзода, и мудрый, хитрый Первый ревзод очень скоро сделает так, что Ферруго сперва поверит ему, а потом себе, и постепенно убедится в том, что он не зря занимает дворец мадранта, а обожание, с каким горожане относятся к Ферруго, позволит делать с ними все что заблагорассудится. Им же будет казаться, что они добились своего, возвратив себе «гордое имя - Собака», избавившись от одного и избрав себе другого мадранта. Так уже было однажды в истории страны, и нынешний мадрант сам происходит от появившегося семьсот лет назад смутьяна, в то время как родословная Первого ревзода чиста с незапамятных времен до сегодняшнего дня...

И пока Первый ревзод думал о своем, рассеянно слушая предложения остальных ревзодов, горы вспыхнули неожиданно тысячами костров и факелов, посыпалась горохом на город сухая дробь воинственных барабанов, и донеслись до ушей ревзодов призывные боевые кличи. И показалось Первому ревзоду, что повис над городом, вытягивая кишки, широко вибрирующий вой бешеного мадрантового пса.

И когда мадрант из съеде окна увидел, что

огни пришли в движение и поплыли вниз по направлению к городу, с каждой минутой делая, ночь все светлее, он понял, что воля и власть мадранта, его суровые указы и великодушные одаривания, топоры Басстио и зубы священных куймонов, наконец, безграничная любовь и преданность ему горожан оказались слабее двух десятков слов, рожденных свободным Ферруго, и почти звериный крик, выразивший и радость, и ненависть одновременно, вырывался из его груди...»

На этом месте вошел Алеко Никитич и протянул Рапсоду Мургабовичу по всем правилам оформленное требование. Рапсод Мургабович спрятал требование в карман, встал с кресла и, указав на рукопись, спросил мрачно:

– Напечатаешь?

– Пока все идет к тому, – ответил Алеко Никитич.

– Руки не подам! – сказал Рапсод Мургабович. – Прокляну!.. Детям накажу! Внукам!.. Вечным врагом будешь.

Алеко Никитич опешил:

– Что с тобой, Рапсод?

– Клянусь мамой! – кричал Рапсод Мургабович, делаясь красным. – Плевать в твою сторону буду!.. Застрелюсь!.. В тюрьму сяду, а позора не потерплю!.. Ты мой друг! Я твой друг!.. Тебе икра нужна – бери икру! Рыба красная нужна – бери рыбу! Апельсины – апельсины бери! Рапсод другу никогда не откажет! Рапсод, напиши эссе – Рапсод ночей не спит, с ума сходит – эссе пишет! Рапсод понимает: один раз живем, друзьям помогать надо!.. Я к тебе за помощью не обращался! Мне твоя помощь не нужна! Я гордый. Я могу весь твой журнал купить и туалетной бумагой обмотать! И я не обеднею!.. Но когда Рапсоду на ногу наступают, в Рапсоду зверь просыпается!..

– Рапсод, дорогой, да что, наконец, происходит? – не понимает Алеко Никитич.

– Не понимаешь, да?

– Не понимаю.

– Вот так и знай! Напечатаешь – имя Рапсода забудешь!

– Ты освежись, дорогой, – говорит Алеко Никитич и

кладет руку на плечо Рапсоду Мургабовичу, – и потом спокойно все объяснишь... Главное, чтоб с банкетом все было нормально...

Рапсод Мургабович сбрасывает руку друга с плеча.

– Имя Рапсода забудешь! Так и знай! – выкрикивает Рапсод Мургабович и, пыхтя, выкатывается из кабинета.

...С-с-с... Все спятили... То ли перегрелись, то ли действительно от летающей тарелки, то ли это... Алеко Никитич опасно косится на рукопись... Может, прав Индей Гордеевич?.. С-с-с... Сегодня утром Алеко Никитич все же решился. Он нашел в старой записной книжке телефон и позвонил. Он сразу узнал Симинову мать и удивился столь молодежavo звучащему голосу. Алеко Никитич поздоровался и, откашлявшись, представился... После паузы он услышал: «Подонков попрошу больше не звонить...» Так и заявила... Дело, конечно, хозяйское, но уж кем-кем, а подонком Алеко Никитич никогда не был и таковым себя не считал... Просто все спятили... С-с-с...

XVI

Господин Бедейкер с супругой и сопровождающей его свитой, официально именуемой «делегацией из австралийского города-побратима Фанберры», прибыл в Мухославск в пятницу в одиннадцать часов утра. Ритуал встречи был продуман и утвержден заранее. Алеко Никитич хотел, чтобы встреча в Мухославском аэропорту и дальнейшее следование кортежа по центральной улице транслировались по телевидению, но Н.Р. сообщил, что Москва этого не утвердила, ибо никакого политического значения приезд не должен иметь. Отменены были исполнение гимнов, почетный караул, ковровая дорожка от самолета до здания аэровокзала и эскорт мотоциклистов. Разрешены были краткие приветственные речи, тексты которых заготовили заранее, и упредительный «газик» мухославской ГАИ.

Встречать господина Бедейкера решено было всем коллективом. В помещении редакции по банкетно-хозяйственным делам остались только машинистка Ольга Владимировна, вахтерша Аня и жена Свища. Среди встречающих также были делегации спичечной фабрики и химкомбината. У всех в руках были флажки с гербом города

Фанберры и цветные воздушные шарик. Как только самолет коснулся взлетно-посадочной полосы, объединенный духовой оркестр производственно-технических училищ № 2 и № 7 грянул припев английской солдатской песни «Типперери» и играл этот припев до тех пор, пока серебристый лайнер не подрулил к стоянке и официально встречающие лица не двинулись. Впереди медленно шагали Н.Р., Алеко Никитич с супругой и переводчица. Чуть сзади шествовали Индей Гордеевич, директора спичечной фабрики и химкомбината, Бестиев и Сверхщенский. Далее – все остальные. Идти до самолета предстояло метров пятьдесят, и встречающие переговаривались между собой, как водится в таких случаях, вполголоса. Но так как говорить было не о чем, то разговор шел о погоде.

– Повезло ему с погодой, – сказал Н.Р.

– Да уж, – откликнулся Алеко Никитич.

– А интересно, какая погода в Фанберре? – полюбопытствовала Глория.

– Там сейчас зима, – вставил сзади Индей Гордеевич.

– Погода, надо сказать, замечательная, – сказал Н.Р..

– Исключительная погода, – согласился Алеко Никитич.

В этот момент Индей Гордеевич с ужасом прошипел в спину Н.Р.:

– Хлеб-соль!

– Хлеб-соль где? – процедил Н.Р. Алеко Никитичу.

– Хлеб-соль! Хлеб-соль! – пронеслось среди встречающих.

Свищ стремглав бросился к зданию аэровокзала. Через минуту оттуда выбежала жена начальника аэропорта в расписном переднике, держа на вытянутых руках каравай и солонку из ресторана. Она успела как раз к тому времени, когда подали трап и дверца фюзеляжа открылась. Появившаяся стюардесса некоторое время пыталась кого-то не выпускать, но ее оттолкнули, и по трапу сбежали пятнадцать темномастных мужчин, кричавших что-то на своем языке и оживленно жестикулирующих.

Жена начальника аэропорта бросилась было к ним с хлебом-солью, но стюардесса закричала:

– Это не им! Они не делегация! Это свои! Привезли фрукты на рынок!..

Зато потом все было нормально. На трап ступил гос-

подин Бедейкер – огромный полный мужчина. Он приподнял свою ковбойскую шляпу и замахал свободной рукой. Встречающие в ответ тоже замахали руками и флажками. Жена начальника аэропорта с хлебом-солью уже стояла у трапа.

Бедейкер отломил кусок хлеба, обмакнул его в соль и жадно съел. Все ждали, пока он прожует. Бедейкер прожевал, проглотил, опять замахал руками и неожиданно отломил еще кусок.

– Их не кормили? – шепотом спросила Глория.

– Пусть ест, – буркнул Н.Р.

Наконец Бедейкер уплел весь каравай, спрятал в сумку вышитое полотенце и сделал шаг в направлении встречающих.

– Целовать? – тихо спросил Алеко Никитич.

– Целуете только вы, – деловито ответил Н.Р., – и однократно.

– Но это не по-русски...

– Однократно! – тоном, не вызывающим возражений, повторил Н.Р.

– Чарльз! – закричал Алеко Никитич. – Привет, дорогой! С приездом!

И, обняв Бедейкера, он нанес ему в еще соленые губы затяжной дружеский поцелуй.

Когда все пережали друг другу руки, Н.Р. сделал шаг вперед и произнес:

– Добро пожаловать, господин Бедейкер, на гостеприимную древнюю землю солнечного Мухославска!..

Раздались аплодисменты, после которых Н.Р. достал из кармана приветственную речь.

– Дорогой господин Чарльз Бедейкер! – прочитал Н.Р. – Дорогие господа, члены делегации из далекого австралийского города-побратима Фанберры! Как вы только что сказали в своей приветственной речи...

Переводчица начала переводить на ухо Бедейкеру, и тот сделал изумленное лицо.

– Он еще не выступал, – вполголоса сказал Алеко Никитич, улыбаясь, будто ничего не произошло.

Н.Р. и бровью не повел. Он сложил вчетверо свою речь, спрятал ее в карман и широким жестом пригласил Бедейкера к микрофону.

– Слушаем вас, господин Бедейкер! – сказал он.

Бедейкер тоже достал из кармана свою речь и стал читать:

– Уважаемый господин Н.Р! Уважаемый Алеко Никитич! Как вы только что сказали в своей приветственной речи, разногласия в политических взглядах между нашими странами не должны омрачать дружбу и взаимосимпатию между нашими народами...

– Я еще ничего не говорил! – испугался Алеко Никитич.

– Скажете! – тихо произнес Н.Р. – Пусть продолжает.

«На аэродроме г-н Бедейкер обратился к встречающим с ответной теплой речью».

(Из газеты «Вечерний Мухославск»)

До гостиницы кортеж, состоявший из газика начальника мухославской ГАИ и двух черных «Волг», проследовал по главной улице города вдоль живого коридора выстроившихся работников спичечной фабрики и химкомбината. Сзади кортеж сопровождал мотоцикл с коляской, ведомый тестем художника Дамменлибена, бывшим заместителем начальника мухославской ГАИ. В коляске в вечернем платье, с каской на голове величественно сидела теща художника Дамменлибена. Она широко улыбалась стоявшим по пути мухославцам, приветливо делала им ручкой и повторяла то и дело: «Здравствуйте, здравствуйте, товарищи!» В сопровождении Алеко Никитича и переводчицы господин Бедейкер поднялся в специально подготовленный для него трехкомнатный «люкс» на втором этаже. Алеко Никитич пожелал ему хорошо отдохнуть с дороги и спустился в холл, где его ожидал Н.Р., которому не годилось провожать господина Бедейкера в номер.

XVII

Прием господина Бедейкера в редакции журнала «Полеполюшко» состоялся в 17.30 того же дня. К этому времени фанберрского гостя уже ждали все сотрудники редакции и приглашенные. В последний момент стало известно, что не приедет Н.Р. Многие облегченно вздохнули.

полагая, что отсутствие Н.Р. создаст во время приема и банкета непринужденную обстановку. Все толпились в конференц-зале, украдкой поглядывая на расставленные в виде буквы «Т» столы с угощениями и напитками.

– Теперь так, – приставал к Индею Гордеевичу известный в Мухославске писатель-почвенник Ефим Дынин, – а ежели я, к примеру, спрошу его про Общий рынок? Запросто спрошу, напрямик. Тогда что?

– О чем угодно, – советовал Индей Гордеевич, – только не об Общем рынке.

Публицист Вовец, успевший к этому времени по-тихому опрокинуть бокал сока под болгарский огурчик, встрял с шуткой:

– А вы его спросите, почему помидоры на Общем рынке, так?

– Какие помидоры? – не понял шутки Дынин.

– Да это шутка, так? – захохотал Вовец. – Шутка!

– С шутками тоже поосторожнее, – строго заметил Индей Гордеевич.

– А если я, к примеру, спрошу, как у них с крупным рогатым скотом? Запросто, напрямки, а?

– У них хорошо с крупным рогатым скотом, – скрывая раздражение, ответил Индей Гордеевич. – А если не о чем спрашивать, то лучше помолчать.

Художник Дамменлибен только что повесил на стену игривый коллаж-монтаж и, стоя рядом, наблюдал, какое впечатление коллаж-монтаж производил на присутствующих. Затея Дамменлибена представляла собой красочное панно на темы «Вальпургиевой ночи» в воображении художника. Лица сотрудников и писателей, вырезанные из фотографий, были приклеены к мужским и женским телам, взятым из полупорнографических журналов. В самом центре панно плотоядно улыбающийся Алеко Никитич с телом культуриста-производителя взирал на Глорию с ярко выраженными русалочьими бедрами. Образы не соответствовали оригиналам, и все спрашивали у Дамменлибена, что он хотел этим сказать.

– Б-б-леск! – хохотал Дамменлибен. – Дико смешно!

– Ты все-таки, Теодор, зад Глории заклеи, – советовал Индей Гордеевич, – она может обидеться.

– Ч-че-п-п-уха! – кричал Дамменлибен. – Вы мою Нелли

знаете она умная женщина все свои люди а как Ригонда?

– Ригонда ничего, – довольно ответил Индей Гордеевич, ища глазами Ригонду, которая кокетничала в углу с Бестиевым.

Тело Ригонды было взято из рекламы женских колготок из французского журнала «Она». Поэт Колбаско и Людмила были изображены под роскошным одеялом, изо рта у Колбаско торчал пузырь с надписью «Ку-ку!».

Группа развратных фигур с головами Ольги Владимировны, вахтерши Ани, жены Свища и жены Зверцева танцевала вокруг сатирика Аркана Гайского, у которого на самом интересном месте висел большой амбарный замок.

Почвенник Ефим Дынин после долгих поисков нашел наконец свое лицо, смонтированное с конской фигурой, снабженной всеми конскими деталями.

– Не похоже. Теодор, – корил он Дамменлибена, – совсем не похоже.

– Д-да б-б-рость ты, Фимуля! – кричал художник. – Ты же т-т-талантливый писатель!

Публицист Вовец, пользуясь неразберихой, хватанул еще бокал сока и хотел уже было наполнить следующий, как в конференц-зал вбежал возбужденный Свищ и прошептал таинственно:

– Приехали!

Все присутствующие, в том числе и недовольный Вовец, направились к дверям встречать господина Бедейкера.

Улыбающийся, хорошо пахнущий, в шикарном темно-синем костюме, господин Бедейкер вошел в редакцию в сопровождении Алеко Никитича в строгом, черном костюме и Глории в вишневого цвета бархатном платье. Алеко Никитич представил Бедейкеру собравшихся, и все проследовали в конференц-зал.

– О-о! – обрадовался Бедейкер, увидев коллаж-монтаж. – Русский эротик!

Алеко Никитич, для которого панно явилось полнейшей неожиданностью, гневно взглянул на Дамменлибена и, улыбаясь, сказал Бедейкеру:

– Домашнее баловство в узком кругу...

– О-о! – закричал Бедейкер, узнав на панно Глорию. –

Грандиозно! – он сравнил изображение с Глорией. – Фэнтэстик! Завидую! – последнее уже относилось к Алеко Никитичу.

– Шутливая гипербола, – нараспев произнес он.

– О-о! – изумился Бедейкер, обнаружив Ефима Дынина с конской фигурой. – Кентавр!

– Очень приятно, – смущенно поклонился Дынин. – Ефим Дынин, почвенник.

– Наш крупный прозаик, – представил его Алеко Никитич. – Земной художник, пахарь...

– Это видно! – сказал Бедейкер, указывая на конскую фигуру писателя-почвенника. – Эротическая тема... Наш журнал серьезно изучает этот вопрос...

– Мы тоже, – сказал Алеко Никитич, уничтожая взглядом Дамменлибена. – А вот и автор!

– О-о! – обрадовался Бедейкер. – И давно это у вас?

– Мы, господин Бедейкер, – гордо и неожиданно четко сказал Дамменлибен, – когда на территорию Германии вошли, немцы не трогали...

– Господин Бедейкер, – пригласил Алеко Никитич, – прошу за стол! Чем богаты, тем и рады!

За горизонтальную часть Т-образно составленных столов сели господин Бедейкер, Глория, Алеко Никитич, Ригонда и Индей Гордеевич. В непосредственной близости от них за вертикальной частью расположились сотрудники редакции и гости первой гильдии. В самом конце устроились машинистка Ольга Владимировна, вахтерша Аня и гости второй гильдии. Столы ломились от еды и разноцветных соков, разлитых по кувшинчикам и графинам.

– Попрошу наполнить! – встал Алеко Никитич.

– А кто уже наполнил? – пошутил Вовец.

– Того попрошу помолчать! – не понял шутки Алеко Никитич.

Вовец недовольно хрустнул болгарским огурцом, и наступила тишина.

– Уважаемый господин Бедейкер! – провозгласил Алеко Никитич. – Дорогой Чарльз! Год назад в далекой, но теперь уже близкой нам Фанберре ты изъявил желание продолжить нашу дружбу в Мухославске. Сегодня твое желание сбылось. Это еще раз говорит о том, что при наличии доброй воли и непредвзятого отношения к существующей дей-

ствительности нет никаких преград на пути к взаимопониманию и взаимопроникновению на основе взаимодоверия и взаимоуважения. Жители Мухославска с пристальным вниманием и глубоким интересом следят за развитием австралийской литературы, а в книжных магазинах Фанберры произведения наших мухославских авторов не залеживаются. У вас есть что посмотреть, а у нас есть что показать. Наши взаиморазногласия разделяет экватор, но наши взаимосимпатии соединяет меридиан. Успехов тебе, Чарльз! Процветания твоему журналу! Мир твоему дому!

«С ответной речью выступил г-н Бедейкер. Речи руководителей двух журналов были заслушаны с большим вниманием и неоднократно прерывались аплодисментами».

(Из газеты «Вечерний Мухославск»)

Банкет продолжал развиваться по присущим ему законам, и уже через полчаса все вдруг разом громко заговорили. Каждый брал слово и, пытаясь перекричать остальных, говорил о своем. Бедейкер оказался большим любителем соков и закусок. Вскоре один свой глаз он положил на Ольгу Владимировну, а другим бесконечно подмигивал жене Свища, которая, посчитав это правилом хорошего тона, тоже стала подмигивать Бедейкеру. Сам же Свищ, полагая, что Бедейкер дружески подмигивает ему, начал отвечать тем же, чем вызвал у Бедейкера нехорошие подозрения. Подозрения усугубились еще и тостом, с которым Свищу удалось прорваться.

– Друзья мои! – сказал Свищ, излучая ласку. – Предлагаю выпить за нашего наставника, которого мы между собой величаем Никитичем, и за его обаятельную женушку! Им мы обязаны журналом нашим замечательным, яствами сегодняшними неописуемыми, гостем нашим ласковым! Урашеньки! Гип-гип-урашеньки! – И Свищ, пригубив бокал с соком, подмигнул Бедейкеру.

«Дамы пьют стоя, мужчины – на коленях, так?» – пошутил с другого конца стола Вовец».

(Из анонимной записки на имя Н.Р.)

– Скажите ему, чтобы прекратил! – прошептал Алеко Никитич Индею Гордеевичу.

– Слушай, Бедейкер! – неожиданно возник Ефим Дынин. – Вот я тебя запросто спрошу, напрямки: почему ты почвенников не печатаешь?

Переводчица, схватившая было кусок холодца, положила его обратно на блюдо и перевела вопрос Бедейкеру.

А Дынин настаивал:

– Мне твои шиллинги не нужны. У меня, слава богу, коровенка есть и свинки бегают, но почему ты почвенников не переводишь?

Бедейкер постучал вилкой по бокалу. Алеко Никитич сделал то же самое. Наступила относительная тишина, в которой повисла фраза Ольги Владимировны: «А он мне нравится!»

– Господа! – с трудом поднялся Бедейкер. – У вас, как я слышал, лежит интересное произведение, которое может иметь успех у нашего читателя... Дорогой Алеко! Пользуюсь случаем и большим количеством людей и прошу тебя передать в мой журнал эту рукопись.

– Слушай, Бедейкер! – хлопнул его по плечу Ефим Дынин. – А ты мне на вопрос не ответил. Почему ты почвенников не печатаешь?

– Во-первых, Чарльз, – с дипломатическим дружелюбием сказал Алеко Никитич, – нехорошо выведывать редакционные тайны, а во-вторых, вопрос с публикацией этого произведения еще не решен...

– Это чудо, господин Бедейкер! – буквально зашлась Плюрия. – Австралия будет в восторге!

Алеко Никитич под столом наступил ей на ногу:

– У нас и без того много талантливых писателей. Бестиев, к примеру, сейчас закончил интересную повесть...

– Спасибо! – сказал Бедейкер. – Наш читатель знает имя Бестиев...

– Могу взять псевдоним! – подскочил Бестиев. – Волков... Чем плохо? А? Ну чем плохо-то?

– Как волков ни корми, он все в лес смотрит! – сострил Колбаско.

– Пошли танцевать, господин Бедейкер! – вдруг вскочила со своего места Ольга Владимировна. – «Я цыганочку свою работать не заста-а-авлю...»

И, тряся плечами и грудью, Ольга Владимировна стала надвигаться на Бедейкера.

Алеко Никитич захлопал в ладоши, отметив находчивость редакционной машинистки, и еще раз мысленно пообещал ей посодействовать в вопросе отдельной квартиры.

Все хлопали до тех пор, пока Ольга Владимировна вконец не затанцевала господина Бедейкера. И когда он, обливаясь потом, приложился к ее руке, она неожиданно притянула его за уши и впиалась отчаянным длительным поцелуем одинокой женщины.

– За простых работников журнала! – заверещал Аркан Гайский. – Без них мы – ничто! За Ольгу Владимировну!

А Ольга Владимировна внезапно побледнела и выбежала из конференц-зала. Включили магнитофон, и начались танцы. Жена Свища выбрала Алеко Никитича. Свищ – Глорию. Индей Гордеевич пошел с Ригондой. Остальные – кто с кем.

– Прижми меня, Индюша, – прошептала Ригонда.

Но, странное дело, Индей Гордеевич почувствовал прежнюю индифферентность по отношению к супруге. Он танцевал с ней, смотрел на нее совершенно спокойно, прижимал по ее просьбе, но никаких возбуждающих токов не получал, да и, очевидно, не продуцировал.

– Труп! – сказала Ригонда и освободила его от обязанности партнера.

Индей Гордеевич сел опять за стол, пожевал цыплячью ножку и начал тупо наблюдать за вихрем невероятнейших сексапильных па, которые Ригонда выделявала с Бестиевым. Но Индея Гордеевича это вовсе не волновало.

«Вот и опять», – подумал он. Свищ наябривал вприсядку под Тома Джонса. Прием по случаю приезда господина Бедейкера постепенно обрел непринужденность. Самого высокого гостя атаковали хозяева.

«У вас легко, – говорил Гайский, – у вас все можно. А у нас сатирикам трудно. Душат. Завидуют. Надо иметь большое гражданское мужество».

(Из анонимной записки на имя Н.Р.)

– А у меня, – Вовец опрокинул рюмку, – есть некие претензии к вашему Кортасару.

– Кортасар не их, – сказала переводчица, – Кортасар – латиноамериканец.

Бедейкер кивнул.

Колбаско воровато гладил под столом руку переводчицы и взрывался каламбурами.

Вахтерша Аня внесла из подсобки раскаленный самовар и стала обносить гостей чаем, ошпаривая и обливая танцующих.

– А-а-а! – доносилось из коридора. – А-а-а!

– Ольга Владимировна лишнее перетанцевала. Надо ее успокоить, – доверительно сказал Алеко Никитич жене Свища.

– Я ее отвезу домой! – обрадовался Аркан Гайский и выскочил в коридор.

Через короткое время опять из коридора раздалось душераздирающее «а-а-а!», и в конференц-зал вбежал красный Гайский.

– Кусается, стерва! – сказал он, рассматривая следы зубов Ольги Владимировны на своем левом предплечье.

– Теодор, – обратился Алеко Никитич к Дамменлибену, – уложите ее в моем кабинете.

Господин Бедейкер вдруг встал и попытался направиться к выходу.

Бестиев подскочил к нему и, взяв под руку, повел в сторону туалета.

– Его надо отправить в гостиницу, – сказала переводчица. – Он устал.

– Я тоже так думаю, – зевнул Алеко Никитич, обращаясь к Индею Гордеевичу. – Берите Ригонду, проводим Чарльза, а потом мы с Глорией подбросим вас домой.

Ведя господина Бедейкера из туалета, Бестиев снял с себя маленький медный крестик, купленный им за двадцать крон в Праге, и почти насильно надел его на шею дорогому гостю.

– Мой презент! – говорил он. – Память! Чистое золото! Мы все – христиане.

Когда они вошли в конференц-зал, Бедейкер бросился к своему объемистому портфелю и вынул из него красивую довольно большую коробку.

– Мой презент! – Бедейкер протянул Бестиеву коробку. – Магнитофон! Четыре скорости! Мы все – христиане!

– Ну, спасибо, – сиял Бестиев. – Надо же! Ну, спасибо! Я-то ему золотой крестик просто так подарил, а он... Надо же!

– Бестиев такой же христианин, как я – Римский Папа! – сказал Аркан Гайский на ухо Вовцу, но так, чтобы слышали все остальные.

Предприимчивый Колбаско мгновенно снял с руки часы «Слава» и защелкнул их на правом запястье Бедейкера.

– Мой презент! – Он поднял руку Бедейкера с подаренными часами так, как поднимает рефери на ринге руку победителя. – На двадцати семи камнях!

Индей Гордеевич сбежал в свой кабинет и приволок большой бюст Горького.

– Мой презент! – сказал он и поставил Алексея Максимовича к ногам Бедейкера.

– Это редакционный бюст, – уточнил Алеко Никитич.

– Наш презент! – поправился Индей Гордеевич, глядя на портфель австралийца.

Свищ отцепил от жены брошь и приколол ее на лацкан господину Бедейкеру.

– Наш презент! – поцеловал он гостя. – Супруженьке.

«А, хрен с ним! – крикнул Ефим Дынин и преподнес господину Вейдекеру вынутую из кармана пиджака небольшую икону XVI века. – Молись, брат, да помни почвенников!»

(Из анонимной записки на имя Н.Р.)

Растроганный Бедейкер улыбался и кланялся, принимая эти проявления искренней дружбы и расположения, повторяя бесконечно: «Спасибо, спасибо», – но из своего портфеля больше ничего не доставал.

– В таком случае поехали, – сказал Алеко Никитич переводчице.

Бедейкер и переводчица сели в выделенную гостью «Волгу», а Алеко Никитич с Глорией – в «Волгу» редакционную. Минут через пять появился Индей Гордеевич.

– Ригонда еще потанцует, – сказал он, усаживаясь. – Ее Бестиев проводит.

Прошел приблизительно час. Бедейкера благополучно сопроводили до гостиницы и завезли домой Индея Гордеевича.

– Ты отдохай, – задумчиво сказал Алеко Никитич Глории, – а я заеду в редакцию, молодежь разгоню...

Конференц-зал опустел. За столом ел и пил Вовец, полизавшись с разомлевшим Колбаско.

– Мне твои подачки не нужны, – говорил Вовец. – Я прекрасно помню, что должен тебе шесть сорок. И я их к зиме тебе отдам.

– Кому должен – прощаю! – отвечал Колбаско.

– Унижения не терплю! – говорил Вовец. – К зиме все отдам до копейки!

– Кому должен – прощаю! – отвечал Колбаско.

– А за это могу и по роже! – говорил Вовец.

– Кому должен – прощаю! – отвечал Колбаско.

– Почему вы не идете домой? – спросил Алеко Никитич, сдирая со стены коллаж-монтаж Дамменлибена.

– Мы отпустили Аню, – сказал Вовец, – и остались на ночное дежурство, чтобы ничего не случилось...

– Ступайте домой! – почти приказал Алеко Никитич. – Несотрудникам запрещено находиться в помещении редакции в нерабочее время!

Колбаско, пошатываясь, встал.

– Я не могу идти домой, Алеко Никитич... Мне все там... напоминает об утраченном счастье...

– Не распускайте нюни, Колбаско! Проявите такое же мужество в жизни, какое вы проявляете в поэзии. Позвоните Людмилке и не валяйте дурака. Давайте я наберу номер...

Они прошли в незакрытый кабинет Индея Гордеевича. Когда в трубке послышался сонный женский голос, Алеко Никитич передал трубку Колбаско и шепнул:

– С богом!

– Людмилка! – сбивчиво заговорил Колбаско. – Это я... Это я, Людмилка!.. Я!.. Я сейчас приеду и заберу тебя!.. Людмилка?.. Это я!.. Я абсолютно трезв!.. Мы с Алеко Никитичем принимали Бедейкера из Фанберры... Спешу к тебе!.. Спешу!..

Колбаско положил трубку.

– Ну? – нетерпеливо спросил Алеко Никитич.

– Вы ее не знаете, – захныкал Колбаско. – Она гордая... Она ни за что не вернется...

– Женщины любят силу. Колбаско. Оторвите ее от матери...

– Прямо сейчас?

– Да. Прямо сейчас. Поезжайте и оторвите.

Алеко Никитич привел Колбаско в конференц-зал. Вовец ел и пил, получая несказанное удовольствие.

– Не желаете? – предложил он Алеко Никитичу тоном хозяина.

– Вовец, помогите Колбаско добраться до Людмилки, – сказал Алеко Никитич.

– Унижаться? – спросил Вовец, явно не желая вылезать из-за стола.

– Это их дело. Давайте, Вовец.

Вовец нехотя встал.

– Ну, что? Посошок? – тоскливо сказал он.

– Никаких посошков! Марш домой!

– Ах так! – оскорбился Вовец. – Ноги моей больше не будет в этом доме! Позовете еще! Белого коня пришлете! А я вам вот покажу!

– Позовем, позовем, – говорил Алеко Никитич, подталкивая обоих к выходу. – И коня белого пришлем...

– А я вам вот покажу! – кричал Вовец.

– А вы нам вот покажете, – соглашался Алеко Никитич.

Решив объявить вахтерше Ане выговор в приказе за самовольную отлучку, он направился в подсобку посмотреть, выключены ли краны газовой плиты. Проходя мимо своего кабинета, он захотел удостовериться в том, что кабинет заперт, но дверь неожиданно поддалась, и когда Алеко Никитич щелкнул выключателем, то увидел картину, поразившую его в самое сердце, заставившую разочароваться коренным образом в таких понятиях, как «дружба», «благодарность», «человеческое отношение», и предрешившую в конце концов его дальнейшую судьбу главного редактора журнала «Поле-полюшко».

На черном кожаном диване, рядом с глубоко спящей машинисткой Ольгой Владимировной, храпел в одних трусах, но при пиджаке с галстуком художник Теодор Дамменлибен, положив волосатую ногу на стол Алеко Никитича.

С-с-с... Вот оно что! Друг семьи!.. На редакционном кожаном диване!.. Используя опьянение!.. По-воровски!.. Эх, Ольга Владимировна!.. И это в тот момент, ко-

гда вам по-отечески уже почти поставили вопрос о предоставлении отдельной квартиры!.. С-с-с... В кабинете старого дурака Алеко! А если бы заглянул сюда господин Бедейкер!.. Вот уж достойный материал для белогвардейской газетенки!..

И, не помня себя от гнева, брезгливости и разочарования, Алеко Никитич закричал:

– Вон отсюда!

Теодор Дамменлибен вскочил и почему-то первым делом стал причесываться.

– Вон отсюда! – снова закричал Алеко Никитич.

Ольга Владимировна шевельнулась, но не проснулась.

– Слушайте, Никитич, по-моему, у Бестиева с Ригондой трали-вали, – спешно одевался Дамменлибен, – Петеньку завтра к теще на дачу везти бардак австралиец хороший мужик жара...

– Чтобы через пять минут ни вас, ни этой женщины в редакции не было! – сорванным голосом прокричал Алеко Никитич.

– Никитич это вы з-з-ря Олюхин хорошая девушка одинокая, – уже вслед вышедшему главному редактору говорил Дамменлибен.

Алеко Никитич сел на лавочку в садике перед зданием редакции и стал ждать, пока они выйдут. Первым появился Дамменлибен. За ним, еле передвигая ноги, Ольга Владимировна.

– Спать хочу! – ныла она. – Спать хочу! Домой хочу!..

– Слушай Олюхин, – сказал Дамменлибен, – п-п-пойма-ем такси завезешь меня и поедешь бардак с утра Петеньку на дачу в-в-везти у Нелли расширение вен она умная женщина...

– Спать хочу! – капризно повторяла Ольга Владимировна. – Спать хочу!..

Дождавшись, пока они погрузятся в такси, Алеко Никитич прошел в свой кабинет, еще раз с отвращением взглянул на черный кожаный диван, погасил свет, запер дверь и проследовал в конференц-зал. Там он налил стакан сока и впервые в жизни выпил его варварским способом – залпом.

«Всех уволю! – думал он, раскачиваясь на стуле, сонно оглядывая поле недавней банкетной битвы. – Аню уволю! Машинистку уволю! Дамменлибена уволю!.. А рукопись

напечатаю! Назло всем!.. Без иллюстраций!.. Рапсод – сволочь! Цыплят недодал, фрукты недодал!..»

Алеко Никитич уже совсем не помнил, что еще полчаса назад хотел заглянуть в подсобку. Он вышел из редакции, долго искал ключом замочную скважину двери, наконец нашел ее и, увольняя всех подряд, направился к машине.

Шофер редакционной машины, который и потом остался шофером редакционной машины и возил других главных редакторов, говорил впоследствии, что никогда не видел Алеко Никитича в таком состоянии, как в ту ночь.

– Гроза, видать, опять будет, – сказал шофер для зарождения разговора, на что Алеко Никитич, не отличавшийся крепостью выражений, рявкнул:

– Ну и хлябь ее твердь!..

Многие жители Мухославска проснулись в ночь с пятницы на субботу от сильного взрыва, который поначалу приняли за удар грома, тем более что над городом снова свирепствовала гроза. В некоторых домах вылетели стекла. А вскоре на городские улицы и крыши зданий начали падать крупные и мелкие обгоревшие обрывки бумаги с машинописным и типографским шрифтом. В один двор упала невскрытая банка югославской ветчины, а публицист Вовец, очнувшийся после вчерашнего и пребывавший от этого в тоске и естественном физическом затруднении, с удовлетворением обнаружил на подушке болгарский маринованный огурец, что и воспринял как справедливый дар судьбы.

К середине дня уже весь город знал, что произошло ночью.

«По халатности сотрудников, усугубленной нарушением норм общественной жизни, краны газовой плиты в подсобном помещении редакции были оставлены незакрытыми, что привело к утечке газа с последующим его накоплением в редакционных помещениях. Взрыв произошел либо в результате попадания молнии во время грозы, либо по иной причине. Вероятность террористического акта чрезвычайно мала, хотя и не исключается. Человеческих жертв нет. Материальный ущерб, причиненный редакции и соседним зданиям, подсчитывается».

(Из материалов расследования)

XVIII

В понедельник к беспощадному сатирику Аркану Гайскому приехала из Владивостока девочка, которой два года назад он пообещал жениться, познакомившись с ней на пляже курортного города Ялта. И, решив принять ее по-царски, Гайский часов в пять дня зашел на городской рынок купить полкило слив. Базарный день заканчивался, и темномастные были уступчивы. Торговец скрутил для слив два обгоревших по краям листа бумаги в клеточку с каким-то написанным текстом. Когда Гайский, придя домой, выложил перед девочкой царское угощение, он решил любопытствовать, что написано на кулке, и прочитал:

Раб свою жизнь проживает по-рабски в тоске по свободе...

...он сбросил с себя одежду и вошел в покои Олвис. Она ждала его, она проснулась от его крика и ждала его, стоя на коленях. Она сейчас впервые увидела, что рука, когда-то ударившая ее, отсечена по локоть.

Мадрант задернул шторы. Пусть знает Олвис, что победил Ферруго и скоро его собаки ворвутся сюда и перегрызут глотку ей и мадранту.

Она протянула к нему руки. Я ненавижу мадранта! Я люблю тебя, Ферруго! Я ждала тебя, Ферруго!

Дрожа всем телом, он сделал шаг по направлению к ложу. Он чувствовал, что она говорит правду, потому что нет больше ничего, достойного лжи, нет власти, нет богатства, нет зависимости. А это и есть та минута, когда желание становится водой и воздухом, без коих немислима жизнь...

Хвалит вчера, проклинает сегодня, надеясь на завтра. Но наступает его долгожданное завтра... И что же?

...широко расставив руки, словно прикрывая вход в здание совета, вооруженную озве-

ревшую толпу встретил Первый ревзод... Где Ферруго? Покажите мне Ферруго! Первый ревзод должен поговорить с Ферруго!.. Но вместо Ферруго двое горожан поставили перед ним дворцового палача Басстио. И, взглянув друг на друга, оба поняли, почему они оказались рядом. Взмахнув большой кривой саблей, Басстио не сразу, а в два приема, потому что руки ослабли от страха, отделил от туловища Первого ревзода его голову, которую тот успел все-таки втянуть в свои покатые плечи. А потом самого Басстио потащили к водоему со священными куймонами, и те также бесстрастно приняли палача, как прежде - его жертвы...

Он уже хвалит все то, что вчера предавалось проклятью...

...я люблю тебя, Ферруго! Я ждала тебя, Ферруго!.. Покои Олвис озарилась пламенем вспыхнувшего здания совета ревзодов... Они не посмеют убить тебя, Ферруго. Я не хочу этого, Ферруго! Ты скажешь им, что ты Ферруго! Они не могут убить тебя твоим именем!..

Нет, Олвис, мадрант никогда не прибежит к милости этих собак!

Они сохраняют нам жизнь, когда узнают, что ты Ферруго! Они вышлют нас на маленький остров, и только я буду с тобой! Я люблю тебя, Ферруго! Я ждала тебя, Ферруго!

Нет, Олвис, мадрант никогда не станет рабом у раба, и его тайна останется в нем, ибо иначе исчезнет Ферруго, а ты останешься с ненавистным тебе мадрантом!

Я люблю тебя, Ферруго, и я сама скажу им все ради твоей жизни («И ради себя, в конце концов. Вот глупость-то!»)

**Он прокликает все то, что вчера ему было надеждой,
Снова надеясь на завтра, и завтра опять наступает...**

...последние крики воинов, возгласы горожан и лязг оружия уже проникли в покои мадранта, и тогда Олвис, вырвавшись из объятий, бросилась к дверям, но мадрант успел схватить ее левой рукой и снова бросил на ложе... Мадрант любит Олвис, но она не сделает этого... Не сможет.... Не успеет...

Я же люблю тебя, глупый Ферруго!..

Он сжимал ее горло до тех пор, пока она не затихла, а потом упал, закрыв ее своим телом...

**Только раба уже нет – он вчера перебрался в могилу,
Детям своим завещая надежду на новое завтра...**

...сидя на полу своей хижины, Герринда смотрела куда-то через стену вдаль пустыми глазницами и слышала нарастающий вой подземного огня и грохот несущейся ему навстречу исполинской волны. И когда почувствовала, как между лопаток прошел в нее обжигающий меч и, несколько раз повернувшись в груди, разорвал на части сердце, она поняла, что сын ее в эту минуту стал мертвым и что не родится он когда-нибудь крысой, как и не был ею тысячи лет назад...

Что же рабу в его жизни проклятой тогда остается...

Они не знали, что Олвис мертва, и пронзили их обоих одним мечом, повернув его еще несколько раз для верности, но потом сокрушались, что сразу прикончили и суку, не отведав мадрантова лакомства. А потом их обоих привязали друг к другу, предварительно придав телам развратную любовную позу, и вывесили за окно покоев, чтобы все могли убедиться, что нет больше мадранта и его суки... Да здравствует Ферруго! Мы возвратили себе «гордое имя – Собака!»

Если вчерашнее он никогда вернуть не сумеет...

...этой ночью должна была появиться Новая луна, но небо закрылось сплошным мрачно-черным покрывалом. Они бродили по городским, улицам, опьяненные победой, вином и свободой... «И утолить свою жажду хозяйской кровью, и отшвырнуть эту падаль поганым шакалам...» И они не знали, что же теперь делать дальше... Да здравствует Ферруго!.. Но по-прежнему никто не видел Ферруго. Один из них захватил черный зал мадранта и, окружив себя вооруженными дружками, заявил, что он, лично убивший мадранта, будет теперь править городом и страной. Но его вместе с дружками мгновенно растерзали остальные, так как право на черный зал имел только один Ферруго, а его все не было и не было... Да здравствует Ферруго!..

В женариуме между ними возникла страшная резня из-за сладкой добычи. Женщин мадранта разбирали и раздирали на части, вмешавшиеся в бойню жены горожан делали ее еще кровожаднее. И остановить их мог только один Ферруго, а его все не было и не было... Да здравствует Ферруго!..

Уже по всем признакам ожидался рассвет, но он все не наступал. И в этой длинной ночи под окнами дворца, подняв морду туда, где висели тела мадранта и Олвис, все выла и выла огромная собака. Все тоскливее и тоскливее... Да здравствует Ферруго!.. А его все не было и не было...

Если извечное завтра несчастный увидеть не сможет?

...И вдруг сильный, возникший словно бы из ничего ветер распахнул над городом черное покрывало, и они увидели Новую луну, и закричали от радости, и воздели к ней руки, встречая новое начало. И раскололась, оглушив их небывалым грохотом, Карраско, разло-

мив пополам землю. И вырвался из пролома столб пламени до самых небес, ослепив их своим светом, и накрыла все это невиданная, пришедшая с моря волна...»

Прочитав эти письма, Аркан Гайский почувствовал знакомые острые схватки в нижней части живота и, успев крикнуть девочке: «Осторожней со сливами!» – кинулся вон из комнаты.

XIX

Спустя семь месяцев после злосчастного ночного взрыва задвинутый на пенсию Алеко Никитич пас в городском парке свою внучку Машеньку. Он выглядел сильно постаревшим, или, как любят говорить в таких случаях, сдавшим, и лицо его было отмечено печатью не такой уж далекой встречи с таинственным и печальным продолжением общего биологического процесса, именуемым смертью. Время уже было собираться домой, когда к нему обратился неизвестно откуда взявшийся человек в легком для ранней весны пальтишке. Он был худ, тощ, без шапки. Ветер трепал его густые темные волосы.

– Скажите, Алеко Никитич, – произнес тощий. – а рукопись так и сгорела во время взрыва?

Бывший главный редактор вздрогнул от неожиданного вопроса и внимательно посмотрел на тощего. Голубые, чуть навывкате глаза, наполовину отсутствующий взгляд и какая-то безапелляционность. Алеко Никитич имел хорошую зрительную память. Да, этот взгляд он уже видел. В тот самый жаркий день, когда в его кабинет вошел незнакомец и положил на стол тетрадь в черном кожаном переплете. Но тогда он был значительно ниже ростом, шире в плечах и белокрыс. Брат?

– А вы имеете отношение к рукописи или к ее автору? – спросил Алеко Никитич.

– Возможно, – ответил тощий. – И тетрадочка сгорела в черном кожаном переплете?

– Несчастный случай, – сказал Алеко Никитич. – Но почему вас интересует судьба рукописи? Вы же не хотите сказать, что вы... Во всяком случае, тот человек был ниже вас и совершенно другой масти.

– Возможно, – тощий вынул из кармана пальто большую конфету в ярко-красной обертке и протянул ее Машеньке. – Авторы нынче подвержены особой акселерации.

– После обеда, Машенька! – строго сказал Алеко Никитич и спрятал конфету.

– Тоже правильно, – безразлично согласился тощий.

– И тем не менее, кто вы? – настаивал Алеко Никитич. – Мне все-таки кажется, что я вас где-то видел.

– И мне так кажется, – глядя куда-то в сторону, сказал тощий.

– Давно?

– Очень. Может быть, пять... Может быть, десять тысяч лет назад... Вам не жаль?

– Чего? – не понял Алеко Никитич.

– Того, что произошло.

– В какой-то степени.

– Благодарю вас, – поклонился тощий и вдруг, сделав «нос» Машеньке, нелепо подпрыгнул и побежал прочь, скуля, словно собака, в которую попали камнем.

Машенька рассмеялась.

– Пойдем! – сказал Алеко Никитич и потянул внучку за собой.

У самого выхода из парка он незаметно от Машеньки выбросил в урну большую конфету в ярко-красной обертке.

XX

В новом здании редакции журнала «Колоски» (так переименовали журнал «Поле-полюшко») в своем кабинете новый главный редактор Рапсод Мургабович правил новую статью критика Сверхщепенского, когда дверь неожиданно открылась и вошел нескладный, тощий человек с голубыми, чуть навывкате глазами и положил на стол тетрадку в ярко-красном кожаном переплете.

«Я с ума сойду с этим журналом! – подумал Рапсод Мургабович. – Клянусь мамой! Почему без стука? Что это за красная тетрадь? Рукопись? Надоели, честное слово! Я рукописи не читаю! На это есть Зверцев!..»

– Я с ума сойду, честное слово! – сказал он. – Клянусь мамой! Почему без стука? Что это за красная тетрадь? Рукопись? Надоели, честное слово! Я рукописи не читаю! На это есть Зверцев!.. Ты был у Зверцева?

– Зверцев правит Сартра, – бесстрастно произнес тощий.

– Сартра-мартра, – буркнул Рапсод Мургабович. – Делать ему нечего, клянусь мамой!..

Тощий пожал плечами, поклонился и вышел.

«В печенках они у меня со своей литературой!» – подумал Рапсод Мургабович, машинально раскрыл тетрадь в красном кожаном переплете и прочитал:

«В помещении редакции журнала «Поле-полюшко» частенько пахло газом...»

– Газом-мазом! – недовольно сказал Рапсод Мургабович и со злостью бросил в свой портфель тетрадь в красном кожаном переплете.

1983

Кто заказывал такси?

(Наш ненавязчивый сервис)

Действующие лица

Жена, 28 лет

Муж, 30 лет

Мать, 50 лет

Отец, 55 лет

Дедушка, 80 лет

Барри, 35 лет

Таксист, 45 лет

Мужчина с гробом, 45 лет

Место действия – обыкновенная московская квартира.

Время действия – 1991 год.

Одна из комнат стандартной трехкомнатной квартиры, обставленная стандартной мебелью. Это комната Матери и Отца. Здесь и едят, и принимают гостей, и ночью спят на раскладном диване.

Сегодня воскресенье.

Все в сборе. К дивану придвинут стол. На диване за столом сидят Мать и Отец. На стульях – Муж и Жена. Слева дверь, ведущая в другую комнату. В ней живет Дедушка и в данный момент в ней и находится.

Ему 80 лет, он себя неважно чувствует. Он спит.

Вся семья завтракает.

Мать. Сегодня у нас праздник! Папа достал сосиски.

Жена. ЮНЕСКО провозгласил тысяча девятьсот девяносто первый год годом Сосиски.

Отец. Ирония излишня. По нынешним временам сосиски – это действительно праздник.

Муж. А я бы не прочь есть сосиски и в будние дни.

Жена. Позор. Пригласили на завтрак американца, а на столе сосиски.

Отец. Между прочим, американцы очень любят сосиски. Мне говорили, что у них там на каждом углу продают сосиски.

Мать. Кто мне может объяснить, почему до перестройки были сосиски, а после перестройки сосисок нет?

Отец. А какие сосиски были при Сталине! Сочные, ароматные!..

Муж. Гениальный парадокс! Только что придумал! Какая разница между Сталиным и Горбачевым? При Сталине были сосиски, но его нельзя было ругать. Горбачева можно ругать сколько угодно, а сосисок нет..

Мать. Надо разбудить дедушку. Он так любит сосиски...

Жена. Пусть спит. Опять начнет рассказывать, как он белых от плеча до седла рубал... Вряд ли это будет интересно американцу...

Слышно, как звонит телефон.

Мать *(в трубку).* Алло!.. Нет, это не райком партии!.. *(Вешает трубку.)* Что у нас с телефоном, в конце концов? Все время спрашивают райком партии!

Муж. Что-то американец задерживается... Надо позвонить, в гостинице он или уже вышел. *(Набирает номер.)* Алло! Кэн ай спик ту Барри?.. Не понимаете? Я разыскиваю Барри... Приметы?! Блондин... Роста выше среднего... Нет. Шрама на щеке нет... А при чем тут шрам на щеке? А я и не волнуюсь... Это гостиница?.. А куда я попал?.. В морг?! Господи! *(Бросает трубку.)* Папа! Ты можешь сделать так, чтобы у нас нормально работал телефон? К нам звонят – не туда попадают, мы звоним – не туда попадаем! Начальник телефонного узла – твой друг. Поговори с ним... Давай предложим ему деньги!

Отец. Я с ним виделся. Знаешь, что он сказал? Он сказал: «Деньги я взять могу, но телефон не гарантирую...»

Раздается звонок в дверь.

Муж. Это Барри! *(Идет к двери, открывает. Входит Барри.)* Привет, Барри! Наконец-то! Знакомьтесь! Барри

Стемптон – мой друг и партнер по совместному предприятию! Это папа! Это мама! Это моя жена!

Барри. Мне очень приятно. Прошу прощения за опоздание, но это из-за автобуса...

Мать. Проходите, Барри! Будьте как дома! Садитесь! Сейчас мы будем завтракать... Вы любите сосиски?

Барри. Я к сосискам в Москве очень привык. В буфете отеля каждый день сосиски...

Отец. Я же говорил, что американцы любят сосиски!

Все садятся за стол.

Барри. Прошу прощения – я ждал автобуса... Десять минут – нет автобуса... Я спрашиваю: почему нет автобуса? Мужчина на остановке говорит: «Значит, что-то случилось... А вообще у нас каждые три минуты – автобус...» Я жду еще десять минут и опять спрашиваю: почему нет автобуса? А мужчина говорит: «Наверное, ремонт дороги... А вообще-то у нас каждые три минуты – автобус...» Опять жду десять минут, опять спрашиваю: «Ну где же ваш автобус?» А он на меня посмотрел да как заорет: «А зато у вас в Америке негров линчуют!»

Жена. Патриот!

Мать. Угощайтесь, Барри! Берите сосиски...

Отец. А вот интересно, где вкуснее сосиски? У нас или у вас?

Барри. У вас... Я в Америке вообще сосисок не ем.

Муж. Это папа достал сосиски.

Барри. Откуда достал?

Жена. Папа у нас все достает. Папа у нас Достоевский.

Барри. Я знаю. Достоевский – великий писатель... Ваш папа – однофамилец?

Жена. Нет. Наш папа – Сидоров, но очень большой Достоевский.

Барри. Псевдоним?

Муж. Барри, это русский сленг. Достоевский – от слова «доставать».

Барри. Откуда доставать? Не понимаю.

Мать. Этого никто не понимает... Вы ешьте, Барри.

Отец. Барри, а вам нравится Москва?

Барри. Очень красиво!.. Но почему у вас дороги плохие?

Отец. Не чинят.

Барри. А почему?

Отец. Руки не доходят.

Барри. А почему?

Отец. Много других проблем.

Барри. А почему?

Муж. Потому что надо сперва народ накормить.

Барри. А почему его не кормят?

Жена. Потому что много других проблем.

Барри. А почему?

Жена. А зато у вас негров линчуют..

Мать. Барри, вам чай или кофе?

Барри. Чай, пожалуйста...

Мать. Очень хорошо... А то у нас кофе нет..

Барри. Сережа, я могу позвонить в Аэрофлот? Мне заказан билет на Вильнюс.

Муж. Конечно, Барри, конечно...

Барри подходит к телефону и набирает номер.

Барри *(в трубку).* Алло!.. Здравствуйте! Я Барри Стемптон. Я заказывал билет на Вильнюс... Куда?!. Нет... Мне туда не надо... *(Вешает трубку.)*

Муж. Ну что?

Барри. Мне неудобно сказать, куда они меня послали...

Жена. Вы просто не туда попали, Барри. У нас телефон плохо работает.

Барри. А почему?

Жена. А потому!

Барри. Понятно.

Отец. Вы лучше ешьте сосиски...

Мать. Скажите, Барри, а чем занимается ваше совместное предприятие? Сережа ничего толком объяснить не может.

Барри. По-моему, мы совместно ничего не делаем... Но даже это мне на пользу... Я понял истинное значение некоторых русских выражений... Когда мне говорят «одну минуточку», это значит «завтра». Когда говорят «завтра»,

это значит «через неделю»... А когда говорят «через неделю», это значит «никогда».

Отец. Это мы умеем.

Барри. Знаете, что сказал про вашу страну Черчилль?.. По-моему, Черчилль... Он сказал: «Советский Союз – это страна, в которой ничего нельзя, а то, что можно, то обязательно...»

Раздается звонок в дверь. Жена идет открывать. Появляется мужчина лет тридцати пяти, здоровый и крепкий. На голове у него форменная фуражка таксиста.

Таксист. Здравствуйте! Такси заказывали?

Отец. Такси?.. Сережа, ты заказывал такси?

Муж. Нет.

Таксист. Сидоровы?

Муж. Сидоровы.

Таксист. Тупик Карла Маркса, дом семь, квартира девять?

Отец. Адрес наш.

Таксист. Телефон – двести тридцать семь четырнадцать двенадцать?

Мать. Верно.

Таксист. Все точно. Я звонил перед подачей, но дозвониться не мог. Все время в райком партии попадал... В общем, такси ждет, поехали...

Отец. Но у нас никто такси не заказывал.

Таксист. А это уж я не знаю. Я пришел в свою смену. Диспетчер дал мне заказ – я обязан его выполнить. Мы сейчас работаем по улучшенному сервису, на самокупаемости, с премиальными... Поэтому клиент всегда должен остаться довольным... Так что поехали.

Жена. Интересное кино!

Муж. Давайте разберемся!.. Куда заказано такси?

Таксист. До Хабаровска.

Мать. До Хабаровска?! Такси до Хабаровска?!. Идиотизм! Кто это заказывает такси на семь тысяч километров?

Таксист. Нам один хрен! Хоть до луны. У нас повышенный сервис: желание клиента – закон!

Отец. Это или дурацкий розыгрыш, или ошибка...

Таксист. За ошибку кто надо, тот ответит! А на розыгрыш это не похоже. Розыгрыш должен быть смешным... Вот, я помню, говорю нашему слесарю: мол, бери кувалду и беги в кабинет к начальнику колонны – ему гвоздь в стену надо забить. Тот берет кувалду и бежит в кабинет к начальнику... А я звоню начальнику и говорю: мол, слесарь с ума сошел, носится с кувалдой и кричит, мол, где начальник колонны, я его убью – он с моей женой спит... Вот смеху было, когда он с кувалдой в кабинет вбежал, а его уже там милиция дожидается...

Барри. А начальник и вправду спал с его женой?

Таксист. Нет. Он вообще не женат.

Барри. А с кем спал начальник?

Таксист. Ни с кем. Он не по этому делу... Он голубой!

Барри. А слесарь?

Таксист. А слесаря год в дурдоме продержали... Вот смеху было! Вы разрешите, я сяду? Подожду, пока вы позавтракаете... А то давайте вещи снесу. Вас сколько поедет?

Муж. Товарищ таксист! Никто никуда не поедет. Мы ничего не заказывали... Произошла ошибка...

Таксист. Вот вы и выясняйте. А я с невыполненным заказом возвращаться не намерен и выговор схлопотать не желаю! *(Садится.)* Звоните в диспетчерскую. Вот телефон. *(Протягивает бумажку с телефоном.)*

Муж *(звонит по телефону).* Алло! Диспетчерская? А куда я попал?.. Ателье?

Мать. Не вешай трубку! Какая удача! *(Бежит к телефону.)* Ателье? Вы принимаете заказы? На тысяча девятьсот девяносто девятый год?.. Хорошо! Я согласна!.. Мне надо сшить вечернее платье... Что?.. Извините... *(Вешает трубку.)* Это фотоателье.

Отец. Что ж ты мне не сказала? Мне нужны фотографии на загранпаспорт...

Жена. К тысяча девятьсот девяносто девятому году, папа, ваша физиономия может несколько измениться...

Таксист. Выяснили?

Муж. Что можно выяснить по этому телефону?

Таксист. Ну, выясняйте. Я подожду. Мне не к спеху.

Отец. А может, мы вам расписку напишем, что мы такси не заказывали?..

Таксист. Можно. Но расписка должна быть заверена нотариально, а сегодня воскресенье...

Мать. Давайте мы вам оплатим стоимость вызова...

Таксист. Восемь рублей? А что на них сегодня можно купить?

Барри. А если в свободно конвертируемой валюте?

Таксист. Один к сорока? Вы хотите дать мне двадцать центов? *(Хочет.)* Оплатите мне стоимость пробега туда и обратно в долларах плюс ночной тариф, плюс ночевки, плюс питание...

Барри. Это, по самым скромным подсчетам, около трех тысяч долларов. Так дорого я еще никогда не завтракал...

Таксист. Хорошо считаешь... Еврей, наверное?

Барри. Американец.

Таксист. Уважаю... Я тут недавно своим ребятам кроссворд загадал: неприличное слово из трех букв, в середине «у»... Так мой сменщик знаете как ответил? «Буш»! Смеху было!.. Нет, Буш вообще мужик толковый... Мы его уважаем... Только вот с Хуссейном у него промашка вышла... Хуссейн как был вождем дружественного иракского народа, так вождем и остался! Потому что Советский Союз Хуссейна в обиду не даст! Потому что Хуссейн тоже строит социализм с человеческим лицом!.. Ну, ладно. Поехали!

Муж. Мы никуда не поедем.

Таксист. Поедете.

Барри. Сережа, может быть, я пойду? Мне еще надо билет на Вильнюс выкупить...

Таксист. Нет уж, вы останьтесь... В крайнем случае, свидетелем будете от иностранной державы, как некоторые граждане подрывают тенденцию к повышенному обслуживанию населения и тем самым порочат ими же начатую перестройку, будь она неладна!..

Жена. Послушайте... Как вас зовут?

Таксист. Николай.

Жена. Николай, вы же умный, взрослый, красивый человек... Давайте спокойно во всем разберемся... Садитесь к столу... Вы есть хотите?

Мать. Не стесняйтесь... Хотите сосиски?

Таксист. У меня эти сосиски даже кошка не ест! Шурин мой на мясокомбинате работает! Он рассказывал,

как их делают... Там крысы видимо-невидимо... Они на мя-со бросаются и вместе с мясом в машину попадают... Так что извините, как говорится...

Барри. Приятного аппетита...

Отец. Что вы глупости говорите! Уж что-что, а сосиски в нашей стране всегда качественные! Это еще со времен Сталина идет!.. Дисциплина, классический балет и сосиски!

Муж. При чем здесь Сталин?

Таксист. А ты Сталина не трожь! Сталин хотел как лучше! Это его жидомасоны опутали! Из-за них сегодня и сплошной дефицит! Все колготки на себя напялили, всю водку выпили, все нормальные сосиски пожрали... А нам одна крысяттина осталась! Да если бы вы не Сидоровы были, а какие-нибудь Рубинштейны, разве я бы стал уговаривать? Не хотите ехать в Хабаровск – не надо! Езжайте в Тель-Авив!.. А к вам мы хорошо относимся... Поэтому и обслужить хотим по высшему классу...

Жена. Барри! А может быть, вы вместо Вильнюса в Хабаровск съездите?

Барри. Почему?

Таксист. Иностранца в Хабаровск везти не имею права. Трасса проходит через объекты оборонного значения... Так что извините, но сосиски я кушать не стану...

Мать. У меня есть вчерашние сырники.

Таксист. Вчерашние?

Мать. Они в холодильнике. Я их быстро разогрею.
(Выходит в кухню.)

Таксист. Вы пока вещи соберите... Пальто зимние возьмите. В Хабаровске сейчас холодно... А то вот мы с женой на рыбалку ездили, так она там придатки застудила... (Жене.) Вас как зовут?

Жена. Алла.

Таксист. У вас, Алла, придатки не застужены?

Муж. А какое вам, собственно говоря, дело?.. И вообще, мне кажется, вы немножко засиделись...

Таксист. Вы сами виноваты, Я приехал вовремя, а вы не готовы... Ваша матушка предложила мне позавтракать, я не отказался...

Муж. Мы никуда не собирались ехать.

Таксист. Что ж, по-вашему, заказ ветром надуло?..

Вы вспомните! Может, выпили вчера и по пьянке захотели в Хабаровск.

Отец. Да что нам делать в Хабаровске?

Таксист. А это меня не касается. Может, поохотиться, а может, родственников навестить.

Жена. Наши родственники живут в Кишиневе.

Таксист. Поехали в Кишинев! Только надо будет в диспетчерской путевку переписать.

Муж. Пошел вон!

Таксист. Орать будешь на свою маму! Я на работе, между прочим!

Отец Действительно, не кричи. Дедушку разбудишь.

Входит Мать с сырниками.

Мать. Отключили газ... Но они и холодные вкусные... Угощайтесь...

Таксист начинает жадно есть.

Жена (взглянув на часы). Уже час! (Включает телевизор.) Аэробика пропустим! (Начинает звучать танцевальная музыка.) Почему нет изображения?

Таксист. Наверно, трубка села.

Муж. Какая трубка? Месяц назад купили телевизор...

Таксист. Вот вам ваша перестройка! Всю страну развалили!

Муж. Такие, как вы, и развалили.

Таксист. Не мы! Развалили Россию масоны и агенты международного сионизма!

Отец. А можно обойтись без шовинизма?.. Хотя бы при иностранном госте... Скажите, Барри, в Америке есть антисемитизм?

Барри. А почему нет?

Таксист. Я не антисемит! Я, если хотите знать, антисемитов еще больше не люблю, чем евреев!

Жена начинает под музыку заниматься аэробикой. Таксист восхищенно наблюдает за ней.

...Обожаю секс...

Жена (кокетливо). А что вам, Николай, больше всего нравится в сексе?

Таксист. Больше всего в сексе? Эротика!.. (Встает.) Разрешите с вами потанцевать? (Танцует с Женой.)

Жена. Дискотека! Все танцуют!

Отец начинает танцевать с Матерью. Муж наблюдает за ними, потом нерешительно приглашает Барри.

Муж (в сторону Таксиста и Жены). Тебе не кажется, Барри, что они танцуют слишком фривольно?

Барри. Ревность унижает человеческое достоинство.

Муж. Ну уж это чересчур! (Кричит Таксисту.) Убери руку!

Таксист. Пожалуйста.

Муж. И проваливай! Пока я тебя не вышвырнул!

Жена. Наконец ты вступился за мою честь.

Муж. Барри! Что делают в Америке с незванным гостем?

Барри. В крайнем случае вызывают полицию.

Муж. Именно так! (Подходит к телефону, набирает номер.) Милиция?.. (Бросает трубку.) Звонишь в милицию – попадаешь в психбольницу!

Барри. Англичане говорят: если на вас напали и хотят изнасиловать, и нет никакого выхода, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие...

Мать. Кстати, Барри, я давно хотела начать учить английский. Вы дадите мне первый урок?.. Раз уж вы здесь...

Барри. Почему нет? (Садится рядом с Матерью.) Начнем... Вы говорите по-английски? Ду ю спик инглиш? Ес, ай ду... Повторяйте! Ду ю спик инглиш?

Мать. Ду... ю... спик.. инглиш...

Барри. Ес, ай ду.

Мать. Ес... ай... ду...

Раздается телефонный звонок.

Муж (в трубку). Алло! Нет!! Это не райком партии!.. Это?.. Это сумасшедший дом!

Мать. Май нэйм... из Полина... Петровна...

Таксист. Ну что? Мы едем?

Муж. Я, во всяком случае, никуда не еду.

Таксист. Тогда я ложусь спать. В новой Конституции сказано: граждане РФ имеют право на сон... *(Ложится на диван.)*

Муж *(выйдя из себя)*. Это варварство! Вандализм! Почему мы не выкинем его из квартиры?

Жена. Возьми и выкинь... Если ты мужчина...

Муж. И выкину.

Отец. Тише! Дедушку разбудишь...

Таксист. Не только дедушку.

Отец. И давайте обойдемся без скандала... Любое недоразумение можно уладить мирным путем. А то сбегутся соседи, вызовут милицию, а у нас иностранец...

Жена. Действительно. Напишите жалобу в Совет Безопасности.

Таксист. И ваш супруг со страху наложит полное вето... Поерошьте мне волосы, а то я не усну.

Жена. Сейчас, дорогой.

Муж. Ты сошла с ума?

Жена. Человек просит поерошить ему волосы. Он имеет право.

Муж. Я сейчас, кажется, тебе поерошу волосы!

Отец. Ради бога, без скандала!.. *(Садится на край дивана и ерошит волосы таксисту, который начинает похрапывать.)*

Барри. Хи из май хазбенд.

Мать. Хи... из... май... хаз... бенд.

Муж. А вообще я начинаю догадываться. Ты его знала раньше... Вы с ним договорились уехать в Хабаровск... Я предполагал, что у тебя кто-то на стороне...

Жена. А я предполагала, что ты не очень умный, но не до такой степени.

Муж. Эти ваши танцы, намеки... Он твой любовник!

Барри. Фром раша виз лав.

Мать. Фром... раша... виз... лав...

Жена. Он не мой любовник. Он просто жлоб, а четверо вшивых интеллигентов не могут с ним справиться!

Муж. Пятеро.

Жена. Четверо! Ты вообще ни то ни се!

Барри. Ван, ту, фри, фор...

Мать. Ван... ту... фри... фор...

Муж. Извини, я погорячился.

Жена. Отстань от меня.

Отец. *(ерошит волосы таксисту).* При Сталине такого быть не могло.

Барри. Зе тэксидрайвер из слипинг.

Мать. Зе... тэкси... драйвер... из... слипинг...

Темнеет... Слышен храп таксиста и бессмысленные английские фразы, которые произносят Барри и Мать. Это продолжается секунд 30–40.

Таксист *(проснувшись).* Почему темно?

Отец. Потому что уже вечер.

Таксист. Так зажгите свет!

Жена. Электричество отключили. Сейчас мама принесет свечи.

Таксист. Значит, выезд переносится на утро. Я на ночь ехать не рискую.

Муж. Ты сейчас же поедешь домой, по дороге завезешь Барри в гостиницу, а утром я заеду в диспетчерскую и аннулирую заказ.

Таксист. Домой я возвращаться не могу. Жена знает, что я уехал в Хабаровск.

Муж. Вот ты ее и обрадуешь.

Таксист. Я, когда из командировки возвращаюсь, всегда даю телеграмму: «Буду такого-то»... Чтоб она готовилась.

Муж. К чему?

Таксист. А вдруг у нее кто-то... Тогда я вынужден буду убить и ее, и его... А зачем это мне надо? Из-за такой ерунды получить пятнадцать лет строгого режима?

Муж. Хорошая у тебя семья.

Таксист. Нормальная советская семья! Ячейка общества! Ясно?

Жена. И дети есть?

Таксист. Когда я уезжаю, она детей всегда отправляет к теще!

Мать и Барри вносят в комнату свечи.

Барри. Ит из лайт.

Мать. Ит... из... лайт... Барри, вы замечательный учитель! Я уже могу говорить по-английски!

Таксист. Кстати, Барри, твоя фамилия не Голдуотер?

Барри. Стемптон.

Таксист. Хорошо, что не Голдуотер, а то бы я тебе морду набил.

Барри. Почему?

Таксист. А потому! Когда я был подростком, наши газеты писали, что сенатор Барри Голдуотер – мракобес!

Барри. Нет, я не мракобес! Я Стемптон.

Таксист. Тогда давай выпьем!

Муж. (жестко). Мы не пьющие, и выпить у нас нечего!

Мать. Сережа, я припрятала после папиного дня рождения бутылочку коньяка...

Жена. И я бы с удовольствием выпила...

Мать. Барри! Все равно вы в Аэрофлот опоздали... Оставайтесь ночевать! Выпьем, позанимаемся английским... Говорят, ночью язык лучше усваивается... (Мать достает из буфета бутылку.)

Барри. По советским законам я обязан ночевать в гостинице.

Жена. Сережа даст тебе справку, что вы ночью на совместном предприятии монтировали аппаратуру.

Муж. (язвительно). Заодно разбудите дедушку. Он тоже с удовольствием выпьет.

Отец. Дедушке нельзя. Пусть он спит. Я за него пропущу рюмочку-другую...

Таксист. Закусить-то есть чем?

Мать. Сосиски!

Таксист. А, хрен с ними! Давай сосиски!

Отец разливает коньяк по рюмочкам.

Барри. У меня в сумке две бутылки кока-колы.

Таксист. Да здравствует американская гуманитарная помощь Советскому Союзу! За это налейте мне стакан!

Муж. Тут я с тобой не соглашусь! Не Советскому Союзу, а Советской России! За свободную суверенную Россию!

Отец. А я за то, чтобы все республики оставались в рамках Союза!

Муж. Центр не должен подавлять права народов на самоопределение!

Жена. Митинг объявляется открытым!

Муж. Лично я поддерживаю точку зрения Солженицына!

Таксист. Солженицын и все ваши демократы – агенты ЦРУ! Скажи, Барри, разве нет?

Барри. Американская администрация пока доверяет Горбачеву...

Таксист. Значит, он тоже агент ЦРУ! Только армия спасет Родину!

Жена. Армия и частная собственность!

Отец. Да здравствует товарищ Сталин!

Мать. Ради бога, тише! Нас услышат соседи!

Муж. Пусть слышат! Мы живем в эпоху гласности!

Раздается телефонный звонок.

Мать. Я же говорила... Это наверняка из КГБ...

Муж *(в трубку, возбужденно).* Алло! Кого надо?... Ельцина?! Я слушаю! Что? Нет! Россия на это не пойдет!.. Я говорю от имени суверенного государства!.. Плевал я на коммунистическую партию!.. Только приватизация и немедленное снижение розничных цен!.. А мне плевать!.. А мне плевать!.. Кто я?! Верблюд?.. От такого слышу!.. *(Бросает трубку.)*

Отец. Кто это звонил?

Муж. Горбачев!

Мать. Надо было передать привет Раисе Максимовне...

Жена. Чудесный день! Я предлагаю выпить за гражданское согласие и консенсус! *(Таксисту, кокетливо.)* Николай, вы не хотите выпить со мной за консенсус?

Таксист. А ваш муж не обидится?

Жена. За консенсус! Ура! *(Выпивает. Все выпивают.)*

Таксист. Хорошо пошло! За консенсус я бы еще выпил... *(Наливает.)* А что такое этот... кон... ценсус?

Жена. Это то общее, за что все мы должны держаться...

Таксист. Тогда давай выпьем за конценсус и на брудершафт...

Таксист и Жена выпивают на брудершафт. Таксист крепко целует ее.

Барри. Горько!

Муж. При чем здесь «горько»?

Барри. Я слышал, что в России, когда целуются, кричат «горько»...

Муж. Это когда на свадьбе целуются, кричат «горько»...

Мать. Барри! Я хочу с вами выпить на брудершафт!
(Выпивает, целует.) Ит... из... бьютифул!

Барри. Нот бэд...

Муж. Папа, по-моему, нас осталось двое неохваченных.

Отец. Только ради достижения гражданского соглашения... (Пьют на брудершафт.)

Таксист. Аллочка! Я бы хотел поговорить с тобой о конценцусе наедине...

Жена. Что-то ты быстро опьянел.

Таксист. Я в полном порядке... Пойдем туда...

Жена. Там спит дедушка...

Таксист. Ты права... При дедушке делать... кон... цен... цус... неудобно... Пойдем в кухню...

Жена. Не валяй дурака!

Таксист. Нет, пойдем! Иначе я всех заставлю ехать в Хабаровск!

Жена. Хорошо, хорошо! Тебе хочется в кухню – пожалуйста... Только успокойся...

Муж. Сейчас я его начну спускать с лестницы! Барри, помоги мне!

Барри. Я не могу вмешиваться во внутренние дела...

Муж. Папа!

Отец. Мы не должны доводить дело до скандала и кровопролития...

Из кухни слышится какая-то возня, возгласы.

Муж. Что там происходит?

Мать. Она гордая женщина и не позволит над собой надругаться...

Из кухни слышится звон разбитой посуды. Появляются Таксист и Жена. Оба в довольно потрепанном виде.

Муж. Какой позор!.. Значит, так! К нему у меня претензий нет! Он просто пьяный распоясавшийся хам!.. Но ты!.. Ты знаешь кто!.. Ты!..

Таксист. Молчать!.. Вы мне надоели!.. Так как обещанного конценцуса, чтоб он провалился, не произошло, а русского языка вы не понимаете, поедете в Хабаровск под угрозой применения оружия! *(Вынимает пистолет.)* В машину! С вещами!..

Барри. А говорили, что в России не торгуют оружием...

Таксист. Со вчерашнего дня таксистам выдают оружие для защиты от бандитов и грабителей!.. А коли вы отказываетесь выполнять собственный заказ и лишаете меня премиальных, то вы и есть бандиты и грабители!.. Собирайтесь! Мне все равно кто! Считаю до трех!

Мать. Я бы с удовольствием съездила в Хабаровск, но кто будет ухаживать за дедушкой...

Таксист. Раз!

Мать. Ван!

Отец. Меня завтра утром вызывает министр...

Таксист. Два!

Мать. Ту...

Муж. Бред! С какой стати я ни с того ни с сего должен ехать в Хабаровск?!

Барри. У меня нет разрешения.

Таксист. Два с половиной!

Мать. Ту... с половиной...

Жена. А почему бы мне не съездить в Хабаровск, а?

Мать. Кстати сказать, Хабаровск – не такой плохой город... Только надо взять что-нибудь теплое...

Отец. И это не так уж далеко... Обрато можно добраться самолетом... Это каких-нибудь восемь часов...

Муж. Они сговорились! Теперь у меня в этом нет сомнений!.. Это никакой не таксист! Это ее любовник!

Таксист. А за оскорбление могу застрелить...

Барри. Не следует обвинять при отсутствии прямых доказательств.

Мать. Но как вы поедете? Он же в нетрезвом виде.

Жена. Я сама сяду за руль! Верно, Коля?

Таксист. А права?

Жена. Права гарантированы конституцией.

Таксист. Тогда другое дело... Поехали!

Жена. Как говорит русская пословица: «Сам погибай, а товарищей выручай!» Прощайте!

Жена и Таксист уходят. Пауза.

Муж. Теперь вы видите, что они сговорились?

Барри. Если говорить объективно, то мы все только что предали и продали человека...

Муж. Она могла отказаться.

Мать. Посмотрит город и вернется.

Барри. Мы просто принесли ее в жертву.

Отец. При Сталине такого случиться не могло.

Мать. При Сталине и не такое случалось.

Отец. Я хочу сказать, что при Сталине диспетчер никогда бы не перепутал заказ...

Муж. Ненавязчивый советский сервис...

Из другой комнаты выходит заспанный дедушка.

Дедушка. Что тут был за шум? Я никак не мог уснуть...

Муж. Дедушка, это понять трудно. Утром приехал таксист и сказал, что кто-то в нашей семье заказал такси в Хабаровск...

Дедушка. Это бывает... Я проголодался.

Мать. Поешь сосисок!

Дедушка. *(меланхолично жует сосиски).* Куда, вы сказали, был заказ?

Отец. В Хабаровск! В Хабаровск!

Дедушка. Почему вы меня сразу не разбудили?

Муж. Зачем?

Дедушка. В тысяча девятьсот двадцать девятом году я написал письмо в Центральный Комитет партии с просьбой отправить меня для организации колхозов в Хабаровскую область... И вот теперь, спустя шестьдесят два года, мою просьбу удовлетворили и прислали за мной машину...

Муж. Не переживай, дедушка! Вместо тебя в Хабаровск на организацию колхозов поехала моя жена!

Дедушка. Надеюсь, что у нее это получится.

Раздается стук в дверь.

Муж. Я чувствовал, что она вернется! *(Идет к двери, открывает.)*

В дверях стоит мужчина с гробом на спине.

Мужчина. Тупик Карла Маркса, дом семь, квартира девять?

Муж. Да.

Мужчина. Сидоровы?

Муж. Да.

Мужчина. Гроб заказывали?

Муж. Гроб? У нас никто гроб не заказывал!

Мужчина. У меня наряд. Распишитесь в получении.

Отец. Папа, вы случайно гроб не заказывали?

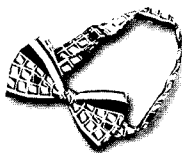
Дедушка. В Хабаровск?

Мать. Это ошибка!

Мужчина. В наряде ошибки быть не может. Раз я доставил гроб, значит кто-то его заказывал... Мне все равно кто... *(В зал.)* Сами разберитесь, кто заказывал... А я подожду. Мне не к спеху... *(Садится в центре комнаты и закуривает.)*

Мать. Ху... хээ... одэд... э... коффин?.. Ху... хээ... одэд... э... кофффин?.. Ху... хээ... одэд... э... кофффин?..

ЗАНАВЕС

Perestrelka

Бюро

1922

На прошлой неделе получил уведомление от
Ташкинского бюро, что вы уже не
присылаете больше материалов. В связи с этим
необходимо сообщить вам, что в настоящее
время бюро не имеет возможности
получить материалы. Мы будем рады
получить от вас материалы, если вы
будете продолжать присылать их.

Ваше бюро
получило
уведомление
от
Ташкинского
бюро,
что
вы
уже
не
присылаете
больше
материалов.
В
связи
с
этим
необходимо
сообщить
вам,
что
в
настоящее
время
бюро
не
имеет
возможности
получить
материалы.
Мы
будем
рады
получить
от
вас
материалы,
если
вы
будете
продолжать
присылать
их.

Apr. 1912

Известия

На гонимых землях...
Трагическая судьба...
вспомогательные...
защиты...
вспомогательные...
защиты...
вспомогательные...
защиты...

В огороде бузина, в Киеве дядька

1. Депрессия

В одно совершенно замечательное зелено-голубое

утро, когда капельки росы на травяных стеблях уже начали испаряться, а капельки пота на носах двух совершенно замечательных людей появились, когда одна рука устала насаживать червячков на крючок, а другая утомилась тасовать карточную колоду, когда с одной ноги уже был снят взопревший носок, а другая уже перестала гладить бархатистые ягодицы случайной знакомой, когда верхнее давление уже упало до ста двадцати, а нижнее еще не поднялось до восьмидесяти, когда в одном желудке уже приступил к перевариванию свежekoпченный угорь, а в другом еще не закончился процесс наслаждения соком папайи, когда мгновенье уже почти остановилось, потому что стало почти прекрасным, если верить Гёте, один из упомянутых совершенно замечательных людей, мечтательно глядя в заокеанскую даль в сторону зюйд-веста и почесывая промежность с юга на север, произнес:

– А у меня бузина в огороде...

Второй, не менее замечательный человек, используя свое право на абсолютное равенство, смахнул рукавом патриотические слезы и, проглотив ностальгический ком, тоже произнес:

– А у меня дядька в Киеве...

Принять бы первому эту информацию к сведению и утешиться философской истиной – «каждому свое», – которую говаривали спустя тысячи лет нацисты и которая была бы не столь ужасной, если бы не висела на воротах концлагерей... И, возможно, сморил бы его сладкий сон, увидел бы он во сне и огород свой, и милую сердцу бузину...

И по размякшим в счастливой улыбке губам ползала бы безобидная муха, которая в те времена еще не была переносчиком заразы...

И вполне возможно, что второй, повздыхав-повздыхав, тоже бы затих в умилении, предвкушая скорую встречу с дорогим дядькой на родной Киевщине...

Но ничего этого, увы, не произошло, и первый, корнями своими сросшийся с корнями бузины, преисполненный гордости, сказал вдохновенно:

– Но вы даже не представляете, какая у меня в огороде бузина!..

А второй, по-прежнему считая себя не ниже первого, а своего дядьку – не хуже бузины, тоже сказал, и тоже не менее вдохновенно:

– А вы даже и вообразить себе не можете, какой у меня в Киеве дядька!..

На горизонте появились облачка, подул ветерок, и первый заметил с некоторой ухмылкой:

– Если б вы увидели мою бузину в огороде, вы бы забыли про своего дядьку в Киеве.

Второй в ответ тоже заметил, и не без самодовольства:

– Да если бы вы хоть издали взглянули на моего дядьку в Киеве, вы бы перестали поливать свою бузину в огороде за ненадобностью.

Первый свернул сигарку, нервно зачиркал спичками, закурил с третьего раза, затянулся и выдохнул:

– Бузина наша, между прочим, поглощает углекислый газ, а выделяет кислород. Под сенью ее, между прочим, могут отдыхать в жаркий день трудящиеся, плодами ее, между прочим, если выплевывать через трубочку, можно сбивать птиц и летательные аппараты... Табачок, между прочим, тоже бузинный...

Второй поморщился, отгоняя табачный дым, и ответил:

– А наш дядька поглощает кислород, а выделяет углекислый газ. Так что ваша бузина питается тем, что выделяет наш дядька. Поэтому наш дядька первее... И его трудящимся отдыхать вообще не нужно, потому что работа у нас – лучший отдых... И не курит наш дядька совсем...

Солнце заволокло тучами, и два совершенно замечательных человека незаметно перешли на «ты».

– А мы из коры нашей бузины горшочки делаем, а твой дядька, между прочим, их за валюту покупает!

– А мой дядька, чтоб ты знал, и все наши трудящиеся в эти горшочки ходят! А вы это покупаете и удобряете свою бузину! Поэтому и табак твой пахнет тем, чем наш народ ходит!..

– А потому что твой дядька и все ваши трудящиеся – засранцы!

– А вы на бузине негров вешаете!

– А я тебе за такие слова глаз на задницу натяну!

– А я из твоего носа хобот сделаю!

Но в это время хлынул такой свирепый ливень, что два совершенно замечательных человека побежали в разные стороны.

Вечером этого же дня, упаковав чемоданы, они покинули международный дом отдыха «Дружба». Одного «Бонинг-747» глубокой ночью приземлил в Огороде. Другой на «Каравелле» произвел мягкую посадку в Киеве...

2. Конфронтация и «холодная война»

Сообщение в газете «Огородное пугало»

Вчера регент-министр Огородной Федерации г-н Турнепс вручил послу Дядьковского Объединенного Королевства ноту протеста. В ноте, в частности, говорится: «Определенные круги ДОК в последнее время раздувают разнузданную антигородную кампанию, направленную на дестабилизацию в сопредельном регионе. Особому смакованию подлежит пресловутая «фекальная» проблема. Правительство ОФ считает, что использование так называемых фекалий в народном хозяйстве является сугубо внутренним делом народа ОФ, и развернувшаяся истерия в данном вопросе есть не что иное, как вмешательство во внутренние дела. Грязная шумиха, поднятая в ДОК, может привести к непредсказуемым последствиям, ответственность за которые целиком ляжет на правительство ДОК.

От Комитета Королевской Безопасности ДОК

В течение последнего времени на территории Дядьковского Объединенного Королевства действовала шпионская группа, засланная из Огородной Федерации. Засланцы методом подкупа и шантажа пытались пронюхать секреты производства естественных отправлений нашего народа. Благодаря четким действиям сотрудников ККБ ДОК подлые диверсанты были арестованы, а затем и пойманы с поличным. Ведется следствие, в ходе которого все преступники сознаются.

УКАЗ Федерального Огородного Совета

«За выдающиеся заслуги в деле выращивания Великой Бузины, за героизм и массовое самопожертвование наградить Огородный народ орденом Бузины и впредь именовать его «Великий ордена Бузины Огородный народ». Орден вытатуировывается у каждого жителя Федерации ниже пупка, что дает право на внеочередное обслуживание всех видов по предъявлению».

*ВЕРДИКТ Дядьковского Объединенного Королевства
о присвоении Его Высочеству Дядьке
звания Любимого*

За всемерную заботу о благе народа, за блестящие достижения в борьбе за мир и усиление военной мощи Объединенного Королевства присвоить Его Высочеству Дядьке звание Любимого и установить в Киеве на родине героя бронзовый бюст его супруги.

*Фрагмент Речи Главного Писателя Огородной
Федерации на 181-м съезде огородных писателей*

...до сих пор наши огородные писатели в неоплатном долгу перед матушкой Бузиной. А ведь мы все, по сути дела, ее благородные плоды. Чего греха таить, есть среди нас горе-поэты и горе-прозаики, которые уповают на иностранные растения и культуры. Беспольные стихи о розах, сентиментальные сюсюканья об акациях, интелли-

гентские брюзжания об опавших кленах, наконец, сексуально-порнографическая поэзия о случайной связи между дубом и рябиной... Гнать, гнать и гнать из наших рядов всяких «патиссонов» и «пастернаков»! Пора наконец понять, что только корни и соки бузины – животворные источники нашего творчества...

Отрывок из «Кантаты о Любимом Дядьке»

муз. лауреата Дядьковской премии М. Трехнутовой
сл. Б. Одноглазова

Вдохновенно, не спеша.

Мой Дядька самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он Тетке свой пример поставил
И лучше выдумать не мог.

Бывает, немощь нас тревожит,
И врач не в силах нам помочь.
Зовите Дядьку – он поможет.
Зимой и летом, днем и ночь.

Кукушка скачет по болоту,
Остался сирота-птенец.
А это Дядькина работа,
Его Любимый он отец.

Котенок молоко лакает,
Не знает горя и забот.
А Дядька кошечку ласкает.
Ведь Дядька наш – великий кот!

Козленок в чистом поле блеет.
Он мирный признак наших сел.
А Дядька козочку жалеет.
Ведь если надо – он Козел!

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит.

Наш Дядька счастья не ищет –
Он просто в лодке с Теткой спит!..

*Из учебника грамматики для четвертых классов
Огородной Федерации*

«Выдающаяся работа выдающегося огородного лингвиста, регента-министра С. Турнепса является выдающимся достижением мировой лингвистики. Выдающееся исследование маточного свойства слова «бузина» оказало выдающееся воздействие на дальнейшее развитие всех языков мира. Не много существует на земле слов, от которых произошли все другие слова. Выдающийся лингвист 19 лет изучал словари мировых языков и пришел к выдающемуся открытию.

«Бузина» происходит от слова «буза», что означает «шум», «гам», «революция». Таким образом, революционный смысл «бузины» находит свое лингвистическое подтверждение. В дальнейшем по мере развития цивилизации «бузина» своей корневой основой «буз» породила многие слова, которые мы сегодня пишем и произносим, не задумываясь над их происхождением. Возьмем лишь некоторые: БУЗотер, аркеБУЗа, арБУЗ, БАЗар (раньше говорили «БУЗар»), троллейБУЗ, автоБУЗ, глоБУЗ, БУЗгалтер и т. д.

Венцом выдающегося открытия является доказательство фантастического синонимизма: слово «бузина» и слово «царица» – синонимы!! Сегодня эта лингвистическая теорема, не уступающая по сложности теореме Ферма в математике, выглядит просто. Но все человеческое просто.

А сколько за этим бессонных дней, ночей и лет!.. Гениальный регент-лингвист неопровержимо доказал, как, постепенно заменяя в слове «бузина» одну букву, можно в семь этапов получить «царицу»!!

Бузина – Кузина (жена кузена) – Казина (славянская женская фамилия) – Калина (ягода) – Малина (тоже ягода) – Марина (имя полячки Мнишек) – Марица (оперетта) – ЦАРИЦА!!

Поистине БУЗИНА – ЦАРИЦА! Это вам не какой-нибудь доморощенный «дядька», который неизвестно от чего пошел и от которого ничего нового не образуешь!»

*Интермедия и политико-сатирические частушки
из программы торжественного концерта,
посвященного 70-летию Любимого Дядьки*

Первый. Что у тебя в руках, Фима?

Второй. Репа!

Первый. Репа?! Где ты достал репу, Фима? Это же де-фицит!

Второй. Я ее не достал! Я украл ее у одного честного огородника!

Первый. Фима! Что я слышу? Ты украл репу у честного огородника, как последний вор!

Второй. Как сказал наш Любимый Дядька, самый последний дядьковский вор честнее самого честного огородника!

Первый. Молодец, Фима! Тогда давай споем!

(Поют.)

На Огород их глядя,
Сказал Любимый Дядя:
На ихний Огород мы наплюем!
На ихнем Огороде мы даже не присядем,
И даже, извините, не польем!
    Наши кактусы!
    Наши фикусы!
    Бузи-накося!
    Бузи-выкуси!

*Выступление рабочего VIII парникового хозяйства
на митинге под кроной Бузины шестнадцатого числа*

Мы, простые труженики VIII парникового хозяйства, с гневом и возмущением узнали весть о пиратском захвате мирной овощной баржи в нейтральных водах. Вооруженные до зубов дядьковские варвары вчера вечером захватили нашу баржу с мирными помидорами и зверски надругались над ними. Озверевшие тираны топтали их ногами, а наиболее зрелые были обесчищены. От имени всех тружеников VIII парникового хозяйства мы требуем палачей к ответу и заявляем им свое решительное

«НЕТ!». Глубоко поддерживаем и одобряем предпринятые нашим родным правительством ответные меры! Все, как один, защитим нашу великую матушку Бузину до последней ветки!

Сообщение Дядьковского радио

Сегодня на рассвете огородные троглодиты совершили неслыханное злодеяние. Фальсифицируя факты вокруг так называемого «помидорного инцидента», мотивируя якобы «ответными мерами», огородные изуверы схватили ни в чем не повинного племянника Любимого Дядьки, бывшего культурным атташе в Огородной Федерации, и, попирая все нормы международного права, закормили его до смерти помидорами! В этот тревожный час мы все, как один, должны еще теснее сплотиться вокруг Любимого Дядьки, вокруг его ума, чести и совести. Презрение и смерть огородным вандалам!

Под знаменем Любимого Дядьки, по советам матери Тетки сделаем из каждого огородника огородное чучело!

3. Вооруженный конфликт

*Из центральных газет
одного нейтрального государства*

Киев. По сведениям Комитета Оборона Дядьковского Объединенного Королевства, сегодня после завтрака войска Объединенного Королевства перешли границу Огородной Федерации на всем протяжении и вторглись на глубину от двух до пятисот километров. Затаптано свыше восьми тысяч гектаров пашни, захвачено четырехста пятьдесят овощей и бронетранспортеров. . .

...Огород-сити. По сведениям Верховного Командования Огородной Федерации, сегодня утром федеративная армия натошак пересекла границы Дядьковского Королевства по всему фронту и находится в двух трамвайных остановках от резиденции Любимого Дядьки на Подоле. Захвачено в воздухе четырехста боевых самолетов. Войска Огородной Федерации потерь не имеют. . .

Нью-Йорк. Как стало известно, сегодня в 14 часов полудни состоялось экстренное заседание Совета Безопасности по обсуждению встречных жалоб двух воюющих стран, обвиняющих друг друга в неспровоцированной агрессии. Выступивший на заседании представитель СССР потребовал немедленного взаимного прекращения огня с последующим решением конфликта за столом переговоров. В случае отказа советский делегат угрозил полным прекращением поставок оружия обеим воюющим сторонам. Большинством голосов Совет Безопасности принял советскую резолюцию. Делегат Эфиопии наложил полное вето.

Белград. По неподтвержденным данным, вчера авиация огородников нанесла превентивный атомный удар по столице Дядьковского Объединенного Королевства. По сообщениям Огородного агентства, Дядька и Тетка погибли. Столица стерта с лица земли.

По сообщениям Дядьковского радио, жертв и разрушений нет.

Пхеньян. Корреспондент Дядьковского радио в Корее подтвердил, что по территории Огородной Федерации нанесен мощный ядерный удар с помощью ракет типа «земля – земля», после чего такие понятия, как Огородсити и матушка Бузина, остались в истории как воспоминание.

По данным Огородного агентства, жертв и разрушений нет.

Лондон. Сегодня в полдень в Лондонском аэропорту Хитроу приземлился воздушный шар, в корзине которого находятся Любимый Дядька, Тетка, а также другие члены семьи и правительства ДОК. Как уже сообщалось ранее, Дядька накануне в спешном порядке покинул столицу своего государства. Спустя час в Лондон прибыл бежавший из Огородсити Регент ОФ г-н Турнепс. Оба правителя заявили по прибытии о своем решении переселиться в Лондон, чтобы отсюда руководить действиями своих войск.

Правительство Великобритании решило предоставить политическое убежище главам воюющих стран.

Нью-Йорк. Здесь вновь в экстренном порядке собрался Совет Безопасности, с тем чтобы обсудить положение

в воюющем регионе. В результате была принята резолюция советского делегата, в которой, в частности, говорится:

1. В связи с тем, что войска Дядьковского Объединенного Королевства полностью оккупировали территорию Огородной Федерации, а войска Огородной Федерации полностью оккупировали территорию Дядьковского Объединенного Королевства, считать дальнейшие военные действия бессмысленными и прекратить огонь после ужина.

2. В целях последующего мирного развития двух стран переселить оставшееся население Дядьковского Объединенного Королевства на земли Огородной Федерации, а оставшееся население Огородной Федерации переселить на земли Дядьковского Объединенного Королевства.

3. Провозгласить столицей Дядьковского Объединенного Королевства гор. Огород-сити.

4. Провозгласить столицей Огородной Федерации гор. Киев-таун с перенесением на Подол матушки Бузины.

5. Провести в обоих государствах свободные выборы.

6. Для поддержания порядка дислоцировать в приграничных районах ограниченный контингент войск Казахской Республики.

Резолюция была принята большинством голосов. Делегат Эфиопии сначала воздержался, но потом наложил полное вето.

*РЕЧЬ г-на Турнепса, произнесенная им на обеде
в честь главы Дядьковского Объединенного
Королевства по случаю 60-й годовщины
со дня заключения Мирного договора
между двумя странами*

Дорогой Любимый Дядька!
Дорогая Тетка!
Товарищи!

60 лет минуло с того дня, как между нашими народами началась вечная нерушимая дружба. Постепенно уменьшаются подозрительность и взаимоненависть. Увеличиваются смешанные браки. Возрастает торговый

оборот на паритетной основе. На каждые пять ваших помидоров приходится пять наших народных удобрений. Отменены таможенные тарифы на переход через границу крупного рогатого скота. В будущем году будет полностью разрешен проплыв всех видов красной рыбы для нереста. Завершается процесс передачи лагерей военнопленных в ведение профсоюзных здравниц. Желаю Вам, дорогой Любимый Дядька, кавказского долголетия в труде и сибирского здоровья в личной жизни! Шлепнем!

(Речь г-на Турнепса была выслушана и неоднократно прерывалась.)

4. Идиллия

...Международный дом отдыха на знаменитых болгарских Золотых Песках начинал свою обычную вечернюю жизнь. Полтора часа назад на летней эстраде закончился концерт популярного советского певца и депутата съезда. Головные боли постепенно стихали, успокаивалась изжога, и вспоминать как-то не хотелось. На двух смежных балконах четырнадцатого этажа главного корпуса стояли, держась за перила, двое отдыхающих и плевали вниз на меткость в специально высаженные для этой цели гладиолусы. Спать не хотелось, а не спать было скучно. Поцыкивали цикады. Покусывали комары. Нигерийский полковник с девятого этажа задумчиво надувал презерватив. В реликтовом лесу надрывно кричала девушка. По линии горизонта медленно проплывали уютные огоньки чартерного теплохода, вызывая тихую грусть и чувство оторванности от семьи. И один из плюющих произнес как бы для самого себя:

– А у меня бузина в Киеве...

Эта выдохнутая в душное пространство фраза, видимо, всколыхнула что-то, задела сокровенное, разбередила, и второй сказал:

– А у меня дядька в огороде...

Пить или не пить?

Вот в чем вопрос. Отрицательный ответ на этот

вопрос делает бессмысленным мои рассуждения. Разумеется, следует пить... А если так, то ЧТО пить? КОГДА пить? СКОЛЬКО пить? С КЕМ пить? На СВОИ пить или пить на ЧУЖИЕ? ГДЕ пить? Наконец, философский вопрос – ЗАЧЕМ пить? На последний вопрос следует ответить не менее философски и категорично: А ЗАТЕМ!

Напитки делятся на несколько категорий: крепкие, полукрепкие, десертные, дамские, школьные и мочегонные.

К крепким напиткам следует относить водку, коньяк, виски, джин, бренди, чачу и все виды самогонных изделий.

Лично я пью водку лишь с наступлением темного времени суток. Таким образом, зимой я потребляю ее существенно больше, чем летом. Интересно, что подобной точки зрения придерживаются многие мои друзья, такие как А. Ширвиндт, М. Жванецкий, Г. Горин. Разделяет эту точку зрения и писатель В. Владин. Поэтому, когда он потребляет водку рано утром, он завешивает окна. Исходя из этих соображений, я по окончании института не поехал по распределению в г. Норильск, где полярная ночь длится несколько месяцев, что могло неблагоприятным образом отразиться на моем здоровье.

Водку принято потреблять в охлажденном виде, хотя некоторые слои населения (во времена застоя) получали удовольствие от принятия ее в период от 12 до 14 часов дня на пляжах черноморских здравниц, когда солнце находится в зените и температура воздуха достигает 30 градусов в тени. В настоящее время в связи с распадом единого социалистического пространства и потерей Россией практически всех черноморских здравниц данный способ принятия водки считается анахронизмом.

Водку принято заедать разнообразными продуктами, включающими в себя соленья, маринады, колбасы, сыры, селедочку, соляночку мясную и рыбную, пельмешки (желательно с уксусом), семужку и многие другие компоненты, делающие утренний похмельный синдром столь радостным и желанным. Однако при ограниченности времени и стесненности в пространстве (подъезд, подворотня, туалет) водку можно заедать и первыми попавшимися, концептуально необязательными ингредиентами типа конфетки, печенюшки, яблочка...

Стоит ли запивать водку другими безалкогольными жидкостями? Я бы не советовал, ибо излишняя жидкость нагружает и без того ослабленную сердечно-сосудистую систему, что может со временем привести к дрожанию пальцев верхней конечности, напоминающему движение пальцев по клавишам рояля (синдром Гилельса). При ограниченном количестве водочного субстрата на душу населения иногда прибегают к заливанию водки мочегонными напитками типа пива для достижения «малой кровью» большого удовольствия. При этом важно не перепутать очередности потребления, помня народную мудрость «водка на пиво – диво!»

В потреблении водки следует соблюдать разовую и суточную дозы. Разовая доза зависит от величины так называемой глотки (отсюда, кстати, и происходит слово «глоток»). Потребители, как правило, делятся на две основные категории – стопочники и стаканчики. Стопочники зараз потребляют «сто», стаканчики – стакан. Объем стопки и стакана может колебаться. Для наглядности: Наполеон, например, по утверждению историков, несмотря на малый рост, был стаканчиком (особенно во время бегства из России), а Карл Маркс – типичным стопочником, что, правда, могло обуславливаться пышностью его бороды. Ведь борода, как правило, затрудняет процесс потребления стаканым способом, увеличивая вероятность непопадания значительной части напитка непосредственно в глотку (симптом «стекания по усам и непопадания в рот»).

Суточная доза варьируется в зависимости от состояния печени потребляющего. Однако точно известно,

принятие внутрь свыше 16 килограммов в сутки может иногда приводить к печальным последствиям.

Иногда при гусарски-легкомысленном принятии дозы верхняя часть глотки и пищевод могут судорожно сузиться и вызвать обратное движение принятой жидкости – наружу, из организма. Паниковать и расстраиваться при этом не следует. Надо быстро зажать рот свободной от сосуда рукой и, согнувшись, стремглав покинуть зал как можно более незаметно (по-английски). На лестничной клетке или в саду (если таковой имеется) следует освободиться от принятого, отдышаться, расслабиться и так же по-английски возвратиться в зал для продолжения принятия. В случае повторения судорожного эффекта следует незамедлительно вспомнить, сколько и чего было принято накануне.

Советую тщательно избегать сочетания принятия водки с заеданием черным хлебом, ибо черный хлеб при большом количестве принятой водки может привести к алкогольному опьянению со всеми вытекающими последствиями вплоть до требований покинуть данное помещение.

Помните, что при умелом потреблении водки окружающее вас общество покажется более милым и привлекательным, женщины преобразятся на глазах и превратятся в предмет интимной необходимости, долги станут не столь существенными, политические пристрастия – не столь определенными, жизнь окажется презабавнейшей штукой, захочется поласкать запертую в кабинете сторожевую овчарку и приподнять за ушки белокурую девочку...

При неумелом же потреблении водки все процессы и проявления исказятся. Окружающее общество покажется диким и омерзительным, женщины состарятся, а мужчины превратятся в предмет интимной необходимости, вы начнете требовать у всех возврата несуществующих долгов и оскорблять своих политических союзников, жизнь окажется сплошной нелепой ошибкой, захочется запереться в кабинете и поласкать белокурую девочку, неодолимым станет желание приподнять за ушки сторожевую овчарку...

Моя первая беседа на тему «Пить или не пить» относилась только к водке. В дальнейшем мы коснемся других напитков и особенностей их потребления.

О шампанское!

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ШАМПАНЬСКОМ?

что оно именуется так по названию французской провинции Шампань;

что оно – «Советское» и имеет несколько разновидностей (в зависимости от того, в какой провинции гонится виноград): Казаньское, Рязаньское, Цымлянское, Магаданское, Армянское и т. п.

что оно бьет в нос;

что оно бьет по карману;

что в распечатанном виде оно бьет струей, в которой купаются победители каждого этапа «Формулы-1»;

что в нераспечатанном виде оно бьет по борту спущенного со стапелей корабля или по черепу подвернувшегося собеседника;

что им любят нарушать режим спортсмены и футболисты;

что им завтракают лица кавказской национальности;

что с водкой оно вызывает «северное сияние»;

что с пивом от него блюют «новые русские»;

что от него быстро балдеют одинокие девушки;

что оно деформирует «атташе-кейс»;

что его нельзя класть в морозильную камеру;

что залитое им свадебное платье не отстирывается от смокинга жениха;

что настоящие гусары пьют его стоя, сидя и лежа;

что в нем можно выкупить стопятидесятидолларовую проститутку (хотя зачем?!);

что в нем обмывают генеральские звездочки;

что некорректно закусывать его селедкой
и соленым огурцом;

что брошенный в бокал с шампаньским кусочек
шоколада тонет и всплывает, тонет и всплывает,
вызывая во время поминок восторг у вдовы;

что десять бутылок шампаньского не заменят
двадцать;

что, если пить его двадцатипятиграммовыми
рюмками, можно опоздать в метро;

что, если выпить пять бутылок шампаньского,
можно опоздать в туалет;

что, кто не рискует, тот не пьет шампаньского;

что, если нет под рукой шампаньского,
то благородную отпрыжку можно вызвать нарзаном
с водкой;

что изжогу после шампаньского ни в коем случае
нельзя гасить содой – может разорвать желудок;

что взрыв цистерны с шампаньским равен
по мощности одному килограмму тротила,
но существенно дороже;

что лучше с умным потерять шампаньское,
чем с дураком найти;

что, кто ищет шампаньское, тот всегда найдет;

что рожденный ползать шампаньское пить
не может;

что без шампаньского и без табора цыганьского
мы не можем жить;

что шампаньское без газа – это все равно что Маркс
без Энгельса;

что шампаньское с коньяком делает женщину
значительно красивее;

что бокал шампаньского, вылитый на голову,
до утра сохраняет форму прически;

что Уинстон Черчилль шампаньское в гробу видал.

После того как вы познакомились с основными свойствами и качествами шампанского, можете смело перецесть «Женитьбу Фигаро» или откупорить бутылочку вышеназванного напитка. Способ употребления шампанского очень прост:

Один-два бокала 3 раза в день до конца жизни! Перед употреблением не болтать! Держать подальше от детей, стариков и женщин!

В следующей беседе мы поговорим о том, как с помощью алкогольных напитков можно уложить женщину.

Сексуальные брызги шампанского

Многие женщины предпочитают шампанское

всем другим опьяняющим напиткам. Хитроумные охотники за женскими прелестями уже давно заприметили эту женскую слабость. По данным социологического опроса семиклассниц Средней полосы России, примерно 33 процента девочек лишились невинности именно после приема четырех-пяти бокалов благородного напитка. Из этого числа соблазненных забеременели 16 процентов. Остальные отделались легкой отрыжкой. Статистика насчитывает более полутора тысяч методов укладывания в постель с помощью шампанского. Вся методика делится на два раздела: укладывание в постель в режиме первичного контакта и укладывание в постель в режиме повторных (привычных) контактов. При этом категорически не следует думать, что слово «постель» употребляется в своем первоначальном смысле. Укладывание может осуществляться и на пол, и на стол, и на траву, и на снег, и на токарный станок, и на верблюда (в некоторых районах Средней Азии), и стоя... В стрелковых тирах распространен метод укладывания с колена, но этот метод требует упорных многодневных тренировок и специальной подготовки.

В процессе, как правило, задействованы три компонента: охотник, шампанское и жертва. Наличие двух или одного из трех компонентов к должному результату

обычно не приводит. Варианты «охотник + шампанское» и «жертва + шампанское» нередко заканчиваются банальным алкоголизмом. Вариант «охотник + жертва» без шампанского относятся к категории совсем иного рода и в данном случае не рассматриваются (см. журнал «Охота и рыболовство» №12 за 1932 г.).

Процесс следует начинать с выбора предполагаемой жертвы с последующей закупкой необходимого напитка.

Осуществлять акцию предпочтительно на своем поле, так как в этом случае сопротивляемость жертвы снижается, и она становится более беззащитной. Приведя жертву домой, следует позаботиться о создании интимной атмосферы: зашторивание окон, включение негромкой музыки, разговор в слегка приглушенных тонах... Следует избегать бездумных попыток немедленно завалить жертву, так как в случае удачи бессмысленной становится предварительная закупка шампанского, а употребление игристого напитка после того, как жертва завалена, ни к каким результатам, кроме изжоги, обычно не приводит.

Откупоривание бутылки осуществляется либо с шумом, либо без него. Экзальтированные и замуженные жертвы возбуждаются уже от одного звука выскочившей пробки с последующим излиянием пенистого содержимого. Жертвы, ни разу не испытывавшие ни одной интимной близости (девушки), предпочитают мягкое бесшумное раскупоривание. Для достижения желаемого результата наиболее предпочтительно полусладкое шампанское. Вкус сухого шампанского большинству жертв не нравится, а сладкое шампанское в силу естественной липкости может вызвать неприятные ощущения во время подготовительных поцелуев и усыпляющих поглаживаний. Шампанского в доме должно быть много. Известны случаи, когда жертва, почуяв неладное, ускользала из дома, пока охотник бегал за очередной бутылкой.

После вливания в жертву третьего бокала следует осторожно положить руку на колено жертвы и, проникновенно заглянув в глаза, ласково произнести: «Как ты себя чувствуешь, родная?» Независимо от ответа следует сразу же влить в жертву четвертый бокал. Это критический

момент всей акции. Обычно жертва готова к заваливанию между пятым и восьмым бокалами. В ее глазах появляется поволока, движения становятся неуверенными, а речь утрачивает четкость. С этого момента охотник должен действовать смело и решительно.

Начинать заключительный этап охоты следует с плавного танца с последующим прижиманием жертвы. Кошачьи прикосновения в области между пятым и восьмым позвонками, а также легкое покусывание ближайшей к охотнику мочки уха жертвы ускоряют процесс. Танцевальные па следует производить в направлении предмета, на котором должно осуществиться укладывание. Движения должны быть неназойливыми, но решительными. Нередки случаи, когда жертва вдруг вырывается из рук охотника и начинает просить еще шампанского. Следует удовлетворить просьбу жертвы и попытаться начать снова с плавного танца с последующим прижиманием жертвы. Но если и после второго захода просьба жертвы повторяется, то это может явиться грозным симптомом банального пристрастия к алкоголю. Следует немедленно выпустить жертву на волю. В случае необходимости это надо сделать насильно, иначе жертва вылакает все шампанское, расфилософствуется, останется до утра, что может привести к головной боли у охотника и к неприятным ощущениям в области малого таза. Попытка же завалить жертву в этих условиях может привести к ее звериному сопротивлению и нецензурной ругани, что с большой долей вероятности может классифицироваться правоохранительными органами как изнасилование в особо опасных размерах.

Не следует идти на поводу у жертвы, если она заявляет, что устала, что ей стало душно, что нужно открыть окно или форточку. Помните! Свежий воздух может привести к протрезвлению жертвы, что сделает затруднительным или вовсе невозможным ее заваливание.

Известны две основные методики, катализирующие процесс укладывания, – среднерусская и грузинская. Среднерусская методика проста: воспользовавшись моментом, когда жертва отошла к окну, или рассматривает живопись в доме (если таковая имеется), или отлучилась в

туалет, влить в шампанское некоторое количество пива или водки. Можно того и другого. Обычно это приводит к быстрому оглушению жертвы с неясными последствиями вплоть до бурного исторжения принятого напитка с последующей потерей сознания, что, впрочем, для неприхотливого охотника серьезным препятствием не является.

Грузинский способ более изыскан. Он пользовался большим успехом в советские времена. В бокал с шампанским с таинственным видом кладется кусочек шоколада. Пузырьки газа, образующиеся на шоколаде, обретают подъемную силу, и шоколад всплывает на поверхность. На поверхности пузырьки газа лопаются, и кусочек шоколада опускается на дно бокала. Там на нем снова образуются пузырьки, и он опять всплывает на поверхность. И так много раз подряд. Этот эффект приводит жертву в неописуемый восторг, она теряет ориентацию, и ее можно укладывать практически голыми руками.

В связи с отделением Грузии от России этот способ сегодня оказался незаслуженно забытым...

Эти и другие способы применимы исключительно в тех случаях, когда охотник и жертва не связаны друг с другом узами законного брака, ибо нет ничего бессмысленнее, чем использовать шампанское для укладывания собственной жены. Это нонсенс!

Во всех остальных случаях шампанское может превратиться из предмета роскошного удовольствия в коварное оружие, которое при правильном использовании может тоже привести к получению определенного удовольствия.

В один из дней приблизительно середины

1977 года в Центральном Доме литераторов ко мне подошел Вася Аксенов, который для меня, и не только для меня, был безусловным лидером молодой советской литературы. Я очень дорожил нашими приятельскими отношениями, и дорожу ими до сих пор, хотя прошедшие годы и развели нас географически... Так вот, Вася подошел ко мне и сказал: «Арканых, мы собираем сборник произведений, которые по тем или иным причинам у нас не публикуются. Этот сборник мы передадим в ВААП (Всесоюзное агентство авторских прав), и они предложат его для публикации за границей...»

Надо сказать, что ВААП тогда (конечно, не по собственной инициативе) изредка проводил хитрые проститутские акции: отдельные произведения или пьесы отдельных прогрессистов, «завернутые» по политическим и цензурным соображениям в СССР, продавались на Запад. ВААП получал за это валюту, какие-то крохи скидывал авторам, и таким образом убивались два зайца: с одной стороны, можно было демагогически орать на весь мир – мол, какая у нас свободная литература, а с другой стороны, сгребалась какая-никакая валюта.

Аксенов назвал мне еще около дюжины имен, быть в числе которых всегда казалось мне большой честью. Были среди них Анатолий Гладилин и Фазиль Искандер, Георгий Владимов и Владимир Войнович, Белла Ахмадулина и Юнна Мориц, и Евтушенко, и Вознесенский, и Высоцкий, и Битов, да и многие другие были там. И вот через несколько дней я передал Васе рукописи двух моих (на то время лучших) рассказов: «И снится мне карнавал» и «И все раньше и раньше опускаются синие сумерки»...

Отдал и отдал. Не ожидал, не интересовался и не нервничал – не было оснований. Месяца через три Вася, Фазиль Искандер и Женя Попов показали мне отпечатанный экземпляр увесистого красивого сборника, в котором стояли и два моих рассказа. Не скрою – мне это было очень приятно и лестно.

В начале 1978 года я возвратился в Москву из длинной поездки по Сибири, и кто-то из моих друзей взволнованно сообщил: «Аркан! Тут такая история завернулась! По «Свободе» передавали твои рассказы из «Метрополя»! И по «Немецкой волне»! Уж и не знаю, поздравлять или сочувствовать!»

После этого стали звонить многие. Кое-кто предупреждал о возможных неприятностях...

Неприятности последовали очень быстро. Появились гневные публикации в прессе, состоялся пленум Союза писателей СССР, который дал однозначную оценку альманаху «Метрополь» как предательской, антинародной и антисоветской акции группы «так называемых» молодых писателей. С одной стороны, я стал одним из «героев», с другой стороны, не скрою, мне стало немножко муторно: последствия могли быть весьма тяжелыми и для меня, и для моего сына, которому тогда было одиннадцать лет. В прессе стали появляться угрозы: исключить всех участников из Союза писателей, выслать к чертовой матери из страны, посадить...

В Центральном Доме литераторов стало довольно противно появляться – указывали пальцами, подходили в пьяном и трезвом виде, особенно правоверные писатели, говорили: мол, как ты мог, с кем ты связался и т.п. Некоторые стали обходить стороной... Кое-кто втихаря поддерживал... Кое-кто говорил, что историю с альманахом не поддерживает, но разнузданное улюлюканье в наш адрес не одобряет.

Я не понимал только одного: почему разразился такой дикий политический скандал, если предполагалось передать альманах за границу официально? Вася Аксенов сказал мне, что ВААП потребовал исключить из состава участников двоих: писателей Юза Алешковского и Фридриха Горенштейна. «Мы категорически отказались, – сказал мне Аксенов, – а пока ВААП настаивал, а мы упи-

рались, экземпляр альманаха каким-то образом оказался переданным за границу...»

Каким образом «Метрополь» попал на Запад, я до сих пор не знаю и не имею на этот счет ни одной версии... Говорили, что это «постарался» КГБ, чтобы инспирировать скандал и подзавернуть гайки. Говорили, что это дело рук инициативной группы альманаха, чтобы заработать себе политические очки на Западе... Всякое говорили. Но факт оставался фактом: «Метрополь» попал за границу, и началась травля... Участников по одному вызывал к себе руководитель Московского отделения Союза писателей Феликс Кузнецов и обрабатывал, призывая к покаянию и отречению. Никто не покался и никто не отрекся. Я, по своей всегдашней наивности, дал-таки маленькую слабинку... Кузнецов сказал, что без моего ведома никто не имеет права публиковать мои произведения ни в СССР, ни на Западе (вот какие мы демократы!), и попросил меня написать бумажку, что я против публикации моих произведений без моего ведома. Честно говоря, я думал, что все написали такие бумажки. В этот же день мне объяснили, что Феликс просто меня на...бал и теперь будет козырять моим заявлением... К тому времени приемная комиссия СП уже отказала в приеме в члены союза двум замечательным писателям – Вите Ерофееву и Жене Попову. Причина была ясна: оба – участники «Метрополя». Мы все подписали письмо протеста против этого решения и против развязанной против нас травли. Увидев среди подписей и мою, Кузнецов пришел в ярость, поняв, что я остался по ту сторону баррикад. А ведь было время, когда Феликс считался очень прогрессивным и демократически настроенным литературным критиком... На крайние меры пошли двое из нас: Инна Лиснянская и Семен Липкин. Они добровольно, в знак протеста, вышли из Союза писателей. Лидеры альманаха на это не пошли и мне не посоветовали...

А события развивались по нарастающей. Все договоры, заключенные нами с разными издательствами и журналами, были расторгнуты, рукописи возвращены. На телевидение меня не подпускали на пушечный выстрел и даже снимали с эфира актеров, исполнявших мои произведения. Вернули рассказ даже из моего отчето

журнала «Юность». Но обид у меня ни на кого не было. Я понимал, что по-другому они поступить не могли. Им было строго предписано.

В это время мне хотелось куда-нибудь уехать, переждать... Но куда?

К счастью, страна наша велика и непредсказуема. Однажды в разгар шабаша (это был февраль 1978-го) мне позвонил мой друг (в то время симферопольский поэт) Саша Ткаченко и сказал, что, едучи в поезде, познакомился с начальником Симферопольского военно-политического училища... Генерал проявил большие познания в литературе, обмолвился, что очень любит мое творчество. Когда Саша сказал, что мы с ним друзья, генерал попросил уговорить меня приехать в Симферополь для участия в торжествах училища по поводу Дня Советской Армии. С этим предложением Саша и позвонил мне в Москву.

– Саня, ты что, опупел?! – удивился я – Сейчас, в разгар «метропольщины», я должен ехать выступать в военно-политическом (!) училище? Ты соображаешь, что говоришь?

– Аркадий, – ответил он, – в Симферополе об этом никто не знает. Не докатилось еще. Приезжай. Генерал очень просил. Он отличный мужик...

В голове моей забегали чертики: а ведь забавно! Опальный писатель едет выступать – и куда? На передний край идеологической обработки – в Военно-политическое училище! Будет что вспомнить!..

В Симферополе меня встречал генерал со свитой. Оркестра, правда, не было. В машине он сказал мне, что программа моего участия в празднике состоит из двух частей. 23 февраля на плацу во время торжественного построения я должен быть на трибуне и короткой речью поздравить училище с Днем Советской Армии. Затем генерал зачитает указ о присвоении очередных воинских званий преподавателям училища, а я (!) вручу им погоны: майорские, подполковничьи и полковничьи... Я стал упираться, но генерал был неумолим – он сказал, что для офицеров этот день станет вдвойне незабываемым.

– Я вас очень прошу, – добавил он. – Для нас это важно. Тем более что будет присутствовать руководство Крымского обкома партии (!)...

Тут я понял, что может произойти приличный конфуз... Ну ладно, генерал не в курсе скандала, но уж секретарь обкома по идеологии точно осведомлен... Но я решил: будь что будет!

В 12 часов дня 23 февраля меня пригласили на трибуну и представили руководству обкома. Они здоровались со мной с протокольной вежливостью, секретарь по идеологии даже улыбнулся, и я понял, что ни о каком «Метрополе» они не подозревают. Тогда я и убедился, что советская идеологическая машина работает не столь уж исправно...

Я поздравил курсантов с праздником, и генерал объявил, что акт торжественного вручения погон будет осуществлять «наш гость из Москвы, известный писатель-сатирик Аркадий Арканов». Мы с генералом спустились с трибуны. Генерал вызывал из строя офицера, зачитывал приказ о присвоении ему очередного воинского звания и передавал мне погоны. Офицер отделился от строя и четким парадно-строевым шагом направлялся ко мне с шашкой наголо. Мне было торжественно, страшно и смешно. Я поздравлял офицера, вручал ему погоны, а он, приняв погоны, произносил мне лично: «Служу Советскому Союзу!» А я думал: «Господи! Знал бы этот офицер, что погоны ему вручает «идейный враг», которого завтра могут выгнать из страны или посадить!» Время от времени я косил взглядом в сторону стоявшего поодаль Ткаченко. У него было бесовское выражение лица. По-моему, он получал плохо скрываемое удовольствие от фарса, который сам и затеял... После этого был «офицерский чай» и мой концерт перед курсантами. Справедливости ради должен сказать, что более горячего приема, чем в тот вечер, я не помню. Отправляли меня в Москву, как правительственную персону. Генерал даже приказал задержать вылет самолета. К трапу меня доставили в генеральской машине с мигалкой...

Когда травля достигла своего апогея, начала реагировать зарубежная общественность, которая заговорила о правах человека, о свободе слова в стране, где через два года должны были проходить Олимпийские игры. И вдруг из ЦК КПСС последовала команда: травлю прекра-

тить и все спустить на тормозах... Сразу же стали снова звонить из газет и журналов. Из «Юности» позвонили и сказали: «Аркадий, срочно давай какой-нибудь острый рассказ. Мы ставим его в очередной номер».

Внешние страсти постепенно улеглись, но внутренние продолжались... Как-то утром раздался телефонный звонок и незнакомый мужской голос произнес: «Товарищ Арканов? С вами говорит следователь Комитета государственной безопасности (голос назвал свою фамилию, но я не стану ее приводить. Ни к чему). Нам необходимо побеседовать...» – «Пожалуйста, – сказал я, дрогнув, – приезжайте». – «Лучше это сделать у нас на Лубянке», – сказал голос.

Там, в кабинете, меня ждал достаточно молодой, обходительный и вежливый человек в штатской одежде. Он предложил мне сесть и сказал: «Чтобы вы не думали, что наша беседа будет записываться тайно, я включу микрофон...»

Дальше он стал говорить, что не сомневается в том, что мне не чужды судьбы Родины, что я талантливый человек.. Я сказал: «Если вы имеете в виду альманах «Метрóполь», то все его участники – талантливые люди и каждому из них не чужды судьбы Родины». Он сказал, что в этом тоже не сомневается, что «Метрóполь» – дело прошлое и забытое как недоразумение, но ему стало известно, что где-то в литературных недрах готовится новый альманах, «Метрóполь-2», и не могу ли я что-нибудь сообщить об этом. Я ответил, что понятия не имею. Он сказал, что ему известно: я часто обедаю в ЦДЛ и вокруг меня все время много молодых литераторов, и, конечно, мы ведем всякие разговоры, и может быть, мне что-то известно или может стать известно... Я ответил, что за столиком вокруг меня, как правило, собираются или шахматисты, или алкаши, или те и другие, и что разговариваем мы в основном либо о шахматах, либо о бабах... После этого я сыграл под полного дебила – пообещал буквально следующее: «Но если я услышу, что за каким-нибудь столиком ведутся разговоры о вооруженном выступлении против советской власти, я вам позвоню...» Он посмотрел на меня очень внимательно, выключил микрофон и сказал: «Догово-

римся так: этого разговора между нами не было. Если когда-нибудь вы увидите меня в ЦДЛ или на улице, то мы с вами не знакомы».

Больше он в моей жизни не возникал, и никогда я этого человека больше не видел. Может, он и вправду посчитал меня дебилом, а может решил: «Не прошло и не надо».

Мое участие в «Метрополе» я считаю для себя счастливым везением. Благодаря ему я почувствовал собственный вес, благодаря ему в 1979 году в Париже был опубликован сборник моих лучших новелл на французском языке... Но если до «Метрополя» меня иногда выпускали в Болгарию (только в Болгарию!), то после «Метрополя» до 1989 года мне и Болгария была заказана...

Молодежь нынче во власти попсовой музыки.

Попса с ее убогими рифмами, примитивными образами, приклатненными мелодиями владеет умами. Люди перестают читать, не интересуются живописью, не ходят на симфонические концерты... Налицо деградация. И если так пойдет дальше, то через десять – пятнадцать лет мы получим поколение, утратившее понятие «культура» как таковое... Дальше, как говорится, мрак, чума, туши фонарь. Идея «ликбеза» заключается в том, чтобы в попсовую музыку, в попсовую стилистику с помощью попсовых образов, сравнений и рифм «протащить» сюжеты известных классических произведений мировой и отечественной литературы. Быть может, таким образом удастся приобщить молодняк к культуре. «Ликбез» мы проводим вдвоем с моим другом, блистательным музыкантом Леоном Оганезовым, который является композитором всех «хитов». Фрагмент нашего проекта представлен шестью шлягерами по мотивам произведений классики: «Идиот» (по Ф.М. Достоевскому), «Анна Каренина» (по Л.Н. Толстому), «Пиковая дама» (по А.С. Пушкину и П.И. Чайковскому), «Фауст» (по Гете), «Евгений Онегин» (по А.С. Пушкину и П.И. Чайковскому), «Ромео и Джульетта» (по Шекспиру). Идея наша сугубо ироническая, пародийная. Так что, как говорил А.И. Райкин, «не поймите нас правильно».

Идиот

(слегка приклатненно, шафутинисто)

Помню я тот зимний вечер...
Дверь открыла ты сама.
И глаза твои, и плечи
Враз свели меня с ума.
Но судьба в «очко» играет,
Даму трэф десяткой бьет.
Был князь Мышкин просто фраер –
Стал князь Мышкин идиот.

Настасья Филипповна!
Что же ты наделала!
Настасья Филипповна!
Девочка моя ты смелая!
Настасья Филипповна!
Ты меня покинула!
Настасья Филипповна!
Зачем меня ты кинула?

Я растерян, я встревожен,
Не могу с друзьями пить.
Не могу я, как Рогожин,
Захотеть тебя купить.
Облажался старый дурень,
Надсмеялась ты над ним.
Видел я, как ты, в натуре,
Баксы бросила в камин.

Настасья Филипповна!
Что же ты наделала!
Настасья Филипповна!
Девочка моя ты смелая!
Настасья Филипповна!
Ты меня покинула!
Настасья Филипповна!
Баксы в печку кинула!

Анна Каренина

(Философично, кобзонисто)

Все смешалось в доме Облонских.
Майский гром прогремел не к добру.
И возник обольстительный Вронский
На кобыле по кличке Фру-Фру.
Стал противен бухгалтер Каренин,
Закипела горячая кровь.
И нельзя больше жить на коленях,
Если манит шальная любовь.

Ах, Аннушка-Анна!
Ты жертва обмана.
Красавец военный,
Прощальный гудок.
Любовь умирает,
И все презирают,
И плачет в кроватке
Несчастный сынок.
Анна Каренина!
Анна Каренина!

Но Фру-Фру свою ногу ломает,
И бледнеет у Анны чело,
И Каренин тут все понимает,
И ревнует, читая письмо.
Унижает постыдным допросом,
Обрекает ее на хулу.
И она выбирает колеса,
Не желая подсесть на иглу.

Ах, Аннушка-Анна!
Ты жертва обмана.
Красавец военный,
Прощальный гудок.
Любовь умирает,
И все презирают,

И плачет в кроватке
Несчастный сынок.
Анна Каренина!
Анна Каренина!
Анна Каренина!
Анна Каренина!
На-на!

Пиковая дама

(По-девичьи, алено-апински, с огоньком)

С бабушкой графиней Лизонька жила,
Полюбила Германна – сизого орла
Не читал он книжек, не ходил в кино,
Только в карты резался ночью в казино.

Припев:

Ах, девочки, девочки, девочки, девóчки!
Не садитесь к мальчикам вы на их сучочки.
Мальчики азартные, как сучки, ломаются.
Лишь бы знать три карты им, а девчонки маются...
Ночью и днем только о нем!
Ах, истомилась, исстрадалась я!

У Канавки Зимней девочка стоит.
На ресничках иней, и усталый вид.
Истомилась Лизонька – не идет корнет.
Вот уж полночь близится, а Германна все нет.

Припев

В спальне у графини прячется корнет:
«Бабушка, откройте карточный секрет!»
Вынимает пушку – у нее инфаркт.
Раз! И нет старушки с тайною трех карт...

Припев

Всех игра-игрушка завела в тупик
Германн наш в психушке бредит дамой пик.

Лиза утопилась, жизнь не удалась...
Вот к чему приводит пагубная страсть...

Припев

Фауст

*(Размашисто, газманисто,
с конским топотом и криками «ура!»)*

Я когда-то помирал от тоски,
В двух шагах от гробовой был доски,
Но мужчина вдруг ко мне заглянул –
Круто жизнь мою он перевернул,
Сделал так, что я тебя повстречал,
И я жизнь свою по новой начал,
Целовал я твои губы в саду,
Отдалась ты мне в любовном бреду.

Припев:

Рита, Рита, Маргарита, послушай!
За тебя я заложил черту душу,
И теперь моя душа нараспашку –
Залетай в нее, родимая пташка!
Хоть когда-то стариком был твой Фауст,
Но в любви с тобой забыл про усталость.
Улетим на Мексиканский залив мы,
Не найдет нас Мефистофель противный.

Ты мне в волосы ромашку вплела,
А Вальпургиева ночка плыла.
Я рассказывал тебе про любовь,
Любовался на игривую бровь.
Я к груди твоей, родная, приник,
Но мужчина вдруг из дыма возник.
У него горбатый нос был большой.
Он явился за моею душой.

Припев

Евгений Онегин

Онегин с Ленским жили-были,
Дружили крепко с давних пор.
Вино частенько вместе пили
В усадьбе двух родных сестер.
И Ольгу – младшую из женщин
Любил поэт душою всей.
Другой любил Татьяну меньше,
Но больше нравился он ей.
Онегин как-то с Ольгой танцевал,
А Ленский Ольгу бурно ревновал.
И в голову ему ударил хмель –
И Ленский друга вызвал на дуэль.

Упреки, измены, наветы, угрозы
И три хризантемы, как две белых розы.
Как чайка на снеге, упал и не охнул.
Зачем ты, Онегин, товарища грохнул?

Конец круиза. И в карете
Онегин поспешил на бал.
Кто там в малиновом берете?
Ее внезапно он узнал.
С ней генерал стоял одетый,
Седой и пожилой на вид,
Весь в орденах и эполетах
Стоял почетный инвалид.
Онегин вздрогнул, закипела кровь,
И он сказал ей про свою любовь.
Но генерал увез ее домой...
Евгений спел: «О жалкий жребий мой!»

Упреки, измены, наветы, угрозы
И три хризантемы, как две белых розы.
Любовь без изъяна – неспелая вишня.
Зачем ты, Татьяна, за Гремина вышла?

Ромео и Джульетта

Ты утром от меня ушел,
Сказал, что больше не придешь,
А вечером опять пришел,
И утром ты опять уйдешь.
А я тебя всегда люблю,
И я тебя всегда хочу
Просить, чтоб ты любил меня,
Как я тебя люблю всегда.

Припев:

Ты приходи ко мне, Ромео-мео-мео!
Ты обними меня, Ромео, смело-смело!
Люби меня, Ромео-мео, до рассвета
И называй меня своей Джульеттой-етой.
И я сгораю каждый раз от нетерпенья,
И ты всегда меня доводишь до кипенья,
И утопаем мы с тобой в любовной пене,
И нам не надо это жаворонка пенье.

Пусть мне всего тринадцать лет,
И родом я из Капулетт,
А ты, Ромео, из Монтекк,
Но у любви короткий век.
Тибальд Меркуццио убил,
А ты Тибальда замочил,
Но я не стану горевать,
И на Тибальда мне плевать.

Припев

За окнами сплошной туман,
А в жизни все – сплошной обман.
Пустым-пуста моя постель,
А на душе метет метель.
И если тебя не дождусь,
Повешусь или отравлюсь,
В края уеду дальние...
Нет повести печальнее...

Припев

От Ильича до лампочки

(Учебник истории советской власти
для слаборазвитых детей)

От автора

Как бы мы ни относились к периоду советской

власти, к потрясающей КПСС, к ее незабываемому ЦК, из истории этот период, как из песни слова, не выкинешь.

Потомки будут изучать это славное время, чтобы никогда больше не пойти или, не дай бог, пойти протоптанной большевиками дорогой к светлому будущему. Ведь чем хорош исторический опыт? Одни с криками «чур-чур» отмахиваются от него навсегда. Другие с шизофреническим упрямством готовы повторять и повторять его, исправляя допущенные ошибки на том или ином этапе. Это как в теории шахматных дебютов.

Попытки осмыслить историю с точки зрения отсутствия здравого смысла уже были. Взять хотя бы опыт сатириконецев во главе с Аркадием Аверченко. Но я пошел «другим путем». Я написал учебник, чтобы даже недоразвитый ребенок сразу мог понять что к чему.

Учебник состоит из двух разделов. В первом – история советской власти. Во втором – история антисоветской власти, т.е. власти, которая пришла к власти после советской власти. Обе власти, с точки зрения автора, достойны друг друга, и на обе автор имеет свой иронический взгляд, ибо, как писал В.Г. Белинский, мы же не какие-нибудь «немцы», чтобы не уметь смеяться над собой.

Во время работы над учебником я изучил труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и их верных последователей.

Неоценимую помощь в моей работе оказал мне весь советский народ, перед которым я с благодарностью склоняю свою лысеющую голову и желаю ему процветания в любой форме государственности, которую он выберет и которая не отобьет у него великого чувства юмора.

Глава 1

Темное царство. Богатые и бедные. Рождение Вождя.

В XIX веке Россия считалась темным царством. Цари были темными. Крестьяне были темными. Нарождающийся рабочий класс был темным. Передовая высокообразованная интеллигенция была темной. Пушкин был не только темным, но и кучерявым. Ночи были темными. Светлыми были лишь проникшие из Германии марксистские идеи. Все общество делилось на богатых и бедных. При этом бедные всегда хотели стать богатыми, а богатые никогда не хотели стать бедными. Это приводило к целому ряду недопониманий.

В таких случаях бедные сбивались в шайки и жгли усадьбы богатых. Самих же богатых вешали на деревьях. В степях, где деревьев не было, богатых обычно забивали вилами и батогами. После этого шайки собирались в большие отряды, выбирали себе атамана и с криками шли убивать законного царя и спать с царицей. Но эти народные чаяния никогда не сбывались, потому что слаб еще был рабочий класс. Бывало, что иной передовой крестьянин подходил к иному передовому рабочему и предлагал:

– Пойдем, Степаныч, революцию сделаем, царя-батушку стрельнем, царицу-матушку трахнем.

– Не могу, Петрович, – отвечал иной передовой рабочий. – Не окреп еще я и не организован. да и марксистской теорией не вооружен. Вот ужо родится Вождь мирового пролетариата, тогда я тебе свистну.

– Ну извини, – говорил передовой крестьянин и уходил влачить свое жалкое существование.

И только в 1870 году 22 апреля в семье Ульяновых родился кудрявый смышленный бутуз, которого нарекли Владимиром Ильичом (он же В.Ильин, он же К.Тулин, он же Карпов и др.). Говорят, что повитуха, принимавшая роды, взглянув на младенца, воскликнула: «Батюшки-светы! Вылитый Ленин!»

На том и порешили.

А в 1959 году был построен первый в мире атомный ледокол «Ленин», который в 1974 году был награжден ор-

деном Ленина. Но между рождением Вождя и этими событиями было очень много интересного, что и составит содержание следующих глав.

Контрольные вопросы по главе 1

1. Кем хотели быть в России бедные?
2. Чем забивали богатых в степных районах?
3. Что хотели сделать крестьяне с царицей?
4. Опишите новорожденного Вождя.

Глава 2

Детство, отрочество и юность Вождя. Нелепая смерть брата. Вступление на другой путь.

По свидетельству современников, Володя был вполне нормальным ребенком. Любил не только сверстников, но и сверстниц. Обожал Бетховена. Сохранились стихи, характеризующие его доступность еще в детском возрасте:

Когда был Ленин маленький,
С кудрявой головой,
Он тоже бегал в валенках
По горке ледяной.

Больше всех Вождь любил своего маленького брата Митю. Когда однажды Митя втихаря съел мясной пирог, приготовленный матерью к ужину, Володя не ударил его и не заложил, а лишь сочинил обличительный стишок, который и прочитал вечером, когда собрались гости:

Во тьме ночной
Пропал пирог мясной.
Пропал бесследно, безвозвратно.
Куда и как девался, непонятно.

Эту непримиримость к врагам Володя сохранил до конца жизни. Еще в детстве он имел склонность к парадоксам, прибавляя к любому слову приставку «архи...» Рассказывают, что, увидав как-то в окне проходившего

мимо мандрита, Володя крикнул: «Архимандрит!» Мандрит обиделся и погнался за Вождем, но тот спрятался в погребе, переодевшись в мамино платье.

Эта способность к конспирации очень пригодилась впоследствии, когда Вождь, находясь в бегах, скрывался в шалаше вместе с Архизиновьевым.

В детстве Володя очень любил учиться, учиться и учиться. 1 марта 1887 года он даже получил пятерку по Закону Божьему. Но эту радость омрачила весть об аресте старшего брата Александра, который вместе с другими народниками по нелепой случайности организовал покушение на своего тезку Александра III. В тот день Ильич насупился, возненавидел народников и решил: надо идти другим путем – уж если расстреливать, то всю семью целиком. С нянькой, фрейлинами и доктором Боткиным. «Мы пойдем другим путем!» – сказал он, и в том же году был исключен из Казанского университета. Это и явилось началом «другого пути», на котором уже стоял наш бронепоезд.

Контрольные вопросы по главе 2

1. С какой головой бегал маленький Ленин по ледяной горке?
2. Кто из родственников Володи съел мясной пирог?
3. Что омрачило Володину радость 1 марта 1887 года?
4. Кого еще следует расстреливать вместе с царской семьей?

Глава 3

Народники и антинародники. Легалы и антилегалы. Экономисты и антиэкономисты. Будущие сволочи и настоящие ленинцы.

Желающие свергнуть царя в России делились на две основные группы – народники и антинародники. Народники любили народ, но не верили в него. Антинародники, т.е. марксисты, наоборот, в народ верили, но не любили его. Этим они друг от друга и отличались.

Был еще Плеханов – ни рыба ни мясо. С одной стороны, ярый антинародник, а с другой стороны, и не подлинный марксист, потому что верил в буржуазию, а

на крестьянство и дохлой кошки не ставил. Это и явилось питательной средой для будущей меньшевистской, как любил говорить Ильич, сволочи. Ленин же боролся со всеми, но при этом жутко тосковал по будущей партии. Бывало, соберется народ в кружок «Манифест» вслух почитать или «антидюринг» потанцевать. Все веселятся для конспирации, закусывают, а Ильич – ни в какую. Даже от пива отказывался. Все о партии мечтал. И вот один раз собрал он все кружки и сказал: «Вы теперь «Союз борьбы» – зародыш партии». В ту же декабрьскую ночь 1895 года кто-то на Вождя настучал, и его уpekли в каталажку. И, как выяснилось, напрасно – там в тиши и уединении Ильич написал программу партии. Написал между строк медицинской книги молоком, которое в царских тюрьмах полагалось зекам за вредность. Поняв свою ошибку, царское правительство выпустило Ленина из тюрьмы, а молоко в тюрьмах с тех пор отменило.

К этому времени уже вступил в пору полового и революционного созревания будущий вождь – Иосиф Джугашвили. Кто был его отцом, до сих пор неизвестно. Не исключено даже, что и путешественник Пржевальский – первооткрыватель одноименной лошади.

Но подрастали не только верные ленинцы. Подрастали и сволочи. К ним в первую очередь относились «экономисты», которые считали, что народ должен хорошо работать, сытно есть и не отвлекаться на политику. Ленин же говорил, что все должно быть наоборот. Этим он их и разоблачил. Еще большими сволочами были так называемые легалы, которые хотели действовать только в рамках закона и официально. И тех и других пламенные революционеры вносили в особые списки, а после Октября 1917 года их всех до единого повычеркивали.

Контрольные вопросы по главе 3

1. Что танцевали в марксистских кружках?
2. От чего отказывался Ильич, мечтая о партии?
3. Назовите других путешественников – вероятных отцов Иосифа Джугашвили.
4. Перечислите всех будущих сволочей.

Глава 4

АБВГД. РСДРП. Медовые месяцы в Шушенском.

У Ленина было много врагов, не желавших создания подлинно марксистской партии, т.е. ума, чести и совести той эпохи. Они хотели создать другую марксистскую партию, т.е. без ума, без чести и без совести. Не хватило бы всего алфавита, чтобы перечислить имена оппортунистов. Назовем хотя бы нескольких: Аксельрод, Бернштейн, Волкенштейн, Герасимштейн, Добрынинштейн (АБВГД); Ельцинштейн, Жабштейн, Зильберштейн, Иванштейн, Каменевштейн (ЕЖЗИК); Лифшицштейн, Мандельштейн, Наумштейн и братья Осерваттер и Перельмуттер (ЛМНОП) и т.п. Особую группировку составили Бухер, Люхер и Яхер (БЛЯ). В 1898 году царское правительство совершает вторую непростительную ошибку. Оно отправляет Ленина в Шушенское – село с резко континентальным климатом, где Ленин пишет «Развитие капитализма в России» и официально вступает в брак с Надей Крупской. Вспоминает сам Ильич в одном из своих писем, как однажды утром отворилась дверь, вбежала Наденька с маменькой и, не раздеваясь, закричала: «Или ты женишься, или мы уезжаем!»

Страстная и пылкая любовь к диктатуре связала их до конца жизни. В это время, воспользовавшись отсутствием Ильича, девять депутатов приехали в командировку в Минск и, не получив номеров в гостинице, создали РСДРП. Влопыхах, без программы, без устава, без газеты. К тому же их сразу арестовали. В то время уже начал процветать МХАТ. Говорят, что К.С. Станиславский, узнав о создании РСДРП, так перепугался, что закричал: «Не верю!» И продолжал кричать это на каждой последующей репетиции.

У Ленина давно было желание создать газету, но не было денег. У Плеханова были деньги, но не было никакого желания создавать газету. Они объединились, заняли немного у наивной Надежды Константиновны и стали выпускать «Искру», из которой скоро разгорелось пламя.

За нарушение правил противопожарной безопасности мягкотелый и добродушный полковник Зубатов предложил царю убить Ленина, но жестокий и коварный царь настоял на своем: пусть помучается за границей и потоскует по отечеству.

Капитализм в стране тем временем успешно развивался. Однако многочисленные стачки и отсутствие противозачаточных средств привели к тому, что Россия впервые почувствовала себя беременной революцией. Все признаки были налицо: тошнило от декаданса, повысилось давление цензуры, крестьяне, матерясь, брались за топоры – их тянуло на соленое и острое.

Контрольные вопросы по главе 4

1. Кто входил в БЛЯ?
2. Чего хотелось Ильичу и не хотелось Плеханову?
3. Что кричал Станиславский?
4. Какие первые признаки беременности?

Глава 5

Растущая ненависть к Плеханову. Второй съезд РСДРП. Победа большевиков и меньшевиков.

Ленин в каждом номере «Искры» к месту и не к месту вставлял слово «диктатура». Плеханову это не нравилось. Рассказывают, что однажды дело чуть не дошло до драки, и Георгий Валентинович заявил: «Или, старик, верните деньги, или кончайте со своей диктатурой!»

Пришлось созвать Второй съезд РСДРП. На этот раз были умнее и собрались в Брюсселе. Естественно, что в Брюссель захотели поехать все, но по анкете прошли только сорок три делегата. Неожиданные трудности возникли с размещением в гостинице. Делегатам предложили двойные номера. Но Мартов не пожелал жить с Троцким. Предложили поменяться с Аксельродом. Но тот тоже не захотел жить с Троцким. Ленин предложил Троцкому раскладушку в своем номере, но Троцкий не захотел жить с Лениным. В конце

концов бельгийской полиции все это надоело, и съезду приказали убраться в Лондон. В Лондоне комфорта было больше, а наличие шведского стола решило дело окончательно.

Принципиальные разногласия наметились с БУНДОМ. БУНД требовал принять в партию всех евреев, проживающих в черте оседлости. Плеханову эти штучки не понравились, и он был категорически против превращения партии в синагогу. Ильич призвал к компромиссу: евреев в партию принимать, чтобы в случае победы революции было на кого свалить, но заставить их взять русские псевдонимы. История впоследствии подтвердила прозорливость Вождя.

Много споров вызвал вопрос о членстве в партии. Мартов предлагал: кто считает себя марксистом, тот и член. А твердые искровцы говорили: нет! Партия должна состоять только из передовых членов, да и то если они платят членские взносы. В результате программу партии в ленинской трактовке приняло большинство. Так возникли большевики. Устав же партии был принят в варианте Мартова. И гоже большинством. Так возникли меньшевики. Это было шагом вперед и двумя шагами назад. Большевики, однако, скоро поняли, что если продолжать движение спиной, то это будет шагом назад и двумя шагами вперед. Назрела необходимость в Третьем съезде, тем более что приближалась русско-японская война, которую в интересах революции ни в коем случае нельзя было выигрывать.

Контрольные вопросы по главе 5

1. С кем не пожелал жить Троцкий?
2. Во что Плеханов не хотел превращать партию?
3. Кого было больше и кого меньше – большевиков или меньшевиков?
4. «Что делать?»

Глава 6

Начало войны и радость поражения. Сильная гнилость царского режима. Гнилая сила царского режима. Броненосец «Потемкин» и «семь червей». Большая польза от разгрома революции.

К концу XIX века жители Китая начали размножаться со страшной силой. Империализм решил с этим покончить. Началась борьба за раздел Китая. Россия оттяпала Порт-Артур. Япония прибрала к рукам Корею и Манчжурию. Французов интересовали китайянки. В общем, назревала русско-японская война. Пока русские думали, какого числа объявить войну, японцы потопили царский флот при Цусиме и за это получили Порт-Артур и Мукден.

Меньшевики, буржуазия, крестьяне, здоровая часть пролетариата и другие очень переживали по этому поводу. Большевики же, наоборот, радовались, потому что это и без того увеличивало сильную гнилость царского режима. Но царь тоже был не дурак и заключил мир с японцами: отдал им Порт-Артур, половину Сахалина, но зато укрепил силу, хоть и гнилую, своего режима. Это большевиков дико расстроило. Пришлось убеждать несознательных братья за оружие.

А тут как раз начали бастовать рабочие и требовать увеличения зарплаты, 8-часового рабочего дня, путевок в санатории и дома отдыха. Большевики же всякий раз вписывали и свои просьбы: свержение власти, отнятие земли у помещиков, заводов у капиталистов, денег у богатых. Властям это не очень нравилось.

В те дни на броненосце «Потемкин», по мнению некоторых историков, матросы любили играть в «очко», и кто-то однажды слямзил червовую семерку. Стали искать, и один из них вытащил из ведра со щами «семь червей». Черви в щах и стали причиной восстания. Матросы начали вешать офицеров, и, возможно, все было бы хорошо, но большевиков было маловато, а меньшевиков – многовато. Поэтому другие корабли эти убийства не одобрили.

Но большевики не унывали. «Это только репетиция, – говорили они. – Премьеру сыграем через двенадцать лет».

А пока решили пострелять, построили в Москве баррикады и начали восстание.

«Мы же ничем не рискуем, – говорили они. – Победим – хорошо! А не победим – еще лучше: отступить научимся!»

Но сволочи меньшевики опять все провалили.

А Плеханов вдобавок еще и втянул Ленина в дискуссию.

Смысл этой дискуссии по поводу восстания 1905 года спустя много лет ярко выразил доцент кафедры марксизма-ленинизма Харьковского университета Соломон Евдокимович Вейсман-Махно, который сказал студентам: «И тогда Плеханов Ленину выговаривает: «Не надо было взацца за оружие!..» А Ленин ему в ответ: «А не надо было спратацца у в кусты!»»

Таким образом, от разгрома декабрьского восстания большевики получили огромную пользу и сделали выводы.

Выводы:

1. Большевики окрепли настолько, что научились отступать.
2. Меньшевики – суки рваные.
3. Царь – падло.
4. Буржуазия – шлюха.
5. На хитрую крестьянскую жопу надо иметь свой винт.
6. Пролетариат еще довольно трезв, чтобы стать гегемоном.

Контрольные вопросы по главе 6

1. За что не надо было браться, с точки зрения Плеханова?
2. Какая масть была в матросских щах?
3. Назовите имя ребенка, съехавшего в коляске с Потемкинской лестницы в фильме С. Эйзенштейна.
4. На что надо иметь свой винт?

Глава 7

Революционные разборки. Материалисты в законе (Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий). Идеалисты-фраера (Гегель, Мах, Авенариус). Положительная реакция Столыпина. Пражская разборка и возникновение партии (б)... Радость Горького.

В то время как Европа, не говоря уж об Америке, начинала щеголять в капиталистическом смокинге, Россия никак не могла доносить старый изношенный феодальный кафтан.

Особенно тесно в нем было молодой, набиравшей вес буржуазии. Так что о переменах мечтали не только большевики. Но тут, как говорили в Одессе, были две большие разницы. Одни хотели – постепенно, реформами, желательно без крови. Другие, наоборот, – сразу, с криками, с поножовщиной. Одни боялись робеспьеровщины в российском варианте, другие, наоборот, считали, что Робеспьер был тряпкой и поэтому фраернулся. Обе разницы особенно выделялись во время общих разборок, которые назывались конференциями.

Надо сказать, что среди материалистов, кроме Маркса и Энгельса, в законе были еще Ленин и Троцкий. Они говорили, что в жизни есть только две вещи: производительные силы и производственные отношения.

Плуги, лошади, станки, паровозы – это производительные силы.

А то, о чем говорят между собой люди во время пахоты или у станка, – это производственные отношения.

В начале века, когда появились твердокаменные революционеры, они стали эти отношения менять.

– Знаешь, на чьем станке работаешь? – спрашивал марксист у простого рабочего.

– На хозяйском, – отвечал простой.

– А ты заведи станок у хозяина, – говорил марксист.

– А чего я с ним делать буду? – спрашивал простой рабочий.

– Работать.

– Так я и так работаю.

– Сейчас ты на хозяина работаешь, а тогда все твое будет.

– А хозяин?

– А ты его замочи!

– Так это же противу Бога! – пугался простой рабочий.

– А Бога никакого нет! – говорил марксист.

– Так за это же судить будут! – упрямылся простой рабочий.

– Вожди тебя отмажут, – уговаривал марксист. – Знаешь, что Маркс сказал? «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым».

– А я в гинекологии не силен, – говорил рабочий. – Забожись!

– Век свободы не видать! «Капитал», том первый, страница шестьсот три! – рвал на себе рубаху марксист..

Другие философы, которые напирали на идеализм, считались фраерами. В эту шайку-лейку входили Гегель, Мах и Авенариус. Но им всем Ильич сделал козью морду. Недаром крестьяне, перед тем как сжечь помещичью усадьбу, выставляли лозунг: «Долой гносеологическую схоластику эмпириокритицизма!»

В это время как раз явился Столыпин и произвел большие экономические реформы, которые большевики называли столыпинской реакцией. В результате этой реакции начался огромный экономический подъем. Народ стал жить лучше и меньше думать о революции. Пришлось Столыпину ликвидировать и уйти в подполье.

Революционные вожди тоже между собой собачились, кто главнее да кто умнее. Кончилось тем, что Ленин назвал Троцкого «иудушкой» и этим доказал, что он умнее. А в 1912 году во время Пражской разборки большевики с меньшевиками вообще расплевались.

«Без сопливых обойдемся!» – сказали они меньшевикам и к старому названию РСДРП прибавили маленькую букву «б», чтобы все знали, кто есть кто.

Ленин тогда написал теплое письмо пролетарскому писателю Горькому: «Наконец удалось вопреки ликвидаторской сволочи возродить партию... Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами».

Горький потом очень долго радовался.

Домашнее задание по главе 7

1. Подберите нужное прилагательное к слову «сволочь» (женская, гнедая, солнечная, партийная, ликвидаторская).
2. Составьте слово из трех букв, используя букву «х», для получения фамилии одного из материалистов-фраеров.
3. Повторите сто раз перед зеркалом выражение «гносеологическая схоластика эмпириокритицизма».
4. Образуйте ЦК ВКП(б) из предлагаемых фамилий (ненужное зачеркнуть): Бисмарк, Троцкий, Моцарт, Буденный, Авенариус, Лифшиц, Ленин, Ойстрах, Ганнибал, Феллини, Микоян, Робин Гуд, Муссолини, Джамбул, Мичурин, Пеле, Бенкендорф, Сталин, Алишер Навои, Эдит Пиаф, Семашко.

Глава 8

«Правда» – хорошо, а счастье лучше. Подлость меценатов. Сексуальная подоплека большевистской печати. Выход на большую дорогу. Опасный экономический подъем. Своевременное убийство в Сараево.

Народы России давно мечтали о счастье. Поэтому большевикам до зарезу нужна была газета «Правда», чтобы рассказать народам, что такое настоящее счастье. Для этого нужны были деньги, а богатые меценаты и спонсоры предпочитали почему-то вкладывать деньги в производство и культуру. Они не понимали, что подлинное счастье не в созидании, а в разрушении всего мира «до основанья, а затем...».

Впоследствии большевики привели в соответствие с жизнью слова партийного гимна: «Мы наш, мы новый мир построим. Кто был никем, тот станет всем». Правда, жизнь слегка подкорректировала эту идею, и в результате кто был никем, тот стал ничем. Но это мелочь.

Деньги добывались разными способами: продажей контрабанды, осведомительством, женитьбой на богатых барышнях. Надо сказать, что многие богатые барышни изнывали от отсутствия романтики и грубой мужской силы. А этого у революционеров было пруд пруди. Можно только себе представить, что вытворял в постели какой-

нибудь луганский слесарь, если он мог в конном бою до седла разрубить «контру». Тут денег никаких не жалко. Видимо, поэтому до сегодняшних дней любой заголовок в «Правде» носит сексуальный оттенок: «Крестьянское дело – нехитрое», «Ни шагу назад», «Один за всех»...

Немало денег большевики добыли методом экспроприации. Делалось это так. Двое-трое вооруженных экспроприаторов выслеживали в глухом безлюдном месте богатого купца или инкассатора и, приставив наган ко лбу экспроприруемого, спрашивали: «Жизнь или кошелек?!» Если экспроприруемый отвечал «жизнь», то у него сначала отбирали кошелек, а потом убивали. Если же он отвечал «кошелек», то его сначала убивали и только потом уже отбирали кошелек. Таким образом, можно смело сказать, что к 1913 году революционеры вышли на большую дорогу.

Конечно, заработной платы рабочим не хватало, как не хватает ее и по сей день, и они устраивали стачки и забастовки. А поскольку ума у царских жандармов было мало, да и нервы никуда не годились, они часто устраивали забастовщикам «кровопускание», играя тем самым на руку революционерам.

Великий Сталин даже писал: «Ленские выстрелы разбили лед молчания и – тронулась река народного движения. Тронулась!..»

Тем не менее экономический подъем был налицо, и кто знает, может быть, через несколько лет Россия вступила бы в эру процветания, но в конце июля 1914 года в Сараево убили эрц-герцога Фердинанда, и это очень обрадовало пламенных революционеров, так как тут же началась Первая мировая война.

Контрольный практикум по главе 8

1. Сделайте сексуальные иллюстрации к работе Ленина «Как нам организовать Рабкрин».
2. Найдите эротический смысл в первой строчке «Интернационала»: «Вставай, проклятем клейменный...»
3. Организуйте в своем районе две-три учебные экспроприации.
4. Какого Карла вывел Горький в образе Ужа в «Песне о Соколе»? (Карл Маркс? Карл Великий? Карл Каутский? Клара Цеткин?)

Глава 9

Срыв чемпионата мира по футболу. Лучше добрая гражданская война, чем худой мир. Подлинное дезертирство и псевдопатриотизм. Так называемая измена большевиков.

Зачинщиков Первой мировой войны было много. Назовем лишь некоторых: Германия, Австрия, Англия, Франция, Италия, Венгрия, Болгария, Россия, Югославия, Испания, Бельгия, Голландия, Люксембург, Турция, Египет, Япония, Китай, США, Канада, Мексика, Тринидад и Тобаго, Перу, Аргентина, Австралия, Новая Зеландия, Уругвай, Бразилия, Парагвай, Чили, Гватемала и многие другие.

Безусловно, если бы в 1914 году существовал Израиль, он стал бы главным зачинщиком войны.

Короче говоря, в войне были заняты все страны, подавшие заявку на участие в первенстве мира по футболу.

Страны были разбиты на несколько подгрупп. Победители выходили в финал. Сначала все хотели уничтожить друг друга поодиночке, но потом составили две сборные. В одной играли армейцы Германии и Австро-Венгрии, в другой – Англии, Франции и России, составившие команду Антанты. Большевики во главе с Лениным с самого начала считали, что война между государствами – дело ненужное, хлопотное и дорогое. К тому же мешал воевать языковой барьер. Поэтому гораздо выгоднее и дешевле война гражданская, т.е. внутри одного государства: брат на брата, отец на сына, дядя на тетю, бабка на дедку, мышка на внучку. Не вынося сор из избы, перебить всех к едрене фене, а добро поделить между своими.

Поэтому с самого начала войны большевики призывали русских брататься с немцами. А кто не желал, или кому было противно, или кого переполняли патриотические чувства, тот должен дезертировать и начинать бить своих, чтоб чужие боялись.

Но глупые социал-демократы и многие другие не хотели, чтобы их страны потерпели поражение, и начали поддерживать свои правительства, развалили II Интер-

национал и стали шовинистами. Большевики им это потом припомнили...

Империалистическую войну Ленин не любил, но войну против империализма просто обожал, даже больше чем «сонату-аппассионату» Бетховена.

Вождю мирового пролетариата вообще были свойственны противоречия. Сначала он верил Марксу и хотел произвести революцию сразу во всем мире. Но время шло, а революции во всем мире все не было и не было. Нарастала опасность просто до нее не дожить. И вот один раз ему пришла в голову гениальная мысль: «А чего ждать-то? Почему бы не устроить революцию в одной, отдельно взятой стране? А там, глядишь, и остальные подтянутся...»

Отдельно взятую страну Вождь придумал сразу. Конечно, Россия! Народ российский ко всему привык. В случае чего на евреев свалим или извинимся... А можно и не извиняться...

Так в бочку марксизма была добавлена ложка ленинизма, что и сделало эту теорию всесильной. «А почему учение марксизма-ленинизма всесильно?» – спрашивали недогадливые. «А потому, что оно верно», – отвечал им впоследствии Вождь.

В ноябре 1914 года царское правительство обнажило свои подлинные зубы и арестовало большевистскую фракцию Государственной Думы, обвинив большевиков в «государственной измене». И за что?! Только за то, что они желали поражения России и призывали солдат дезертировать из армии и брататься с врагами?!

Так была окончательно сброшена волчья шкура с царской овцы.

Каникулярное задание по главе 9

1. Поиграйте со сверстниками в «буриме», используя следующие рифмы: «война – говна», «меньшевик – большевик», «социализм – национал-социализм», «дума – шмуца», «протоиерей – еврей».
2. Уговорите знакомого солдата дезертировать из армии.
3. Организуйте забастовку на заводе «Серп и молот».
4. Представьте, что вы еврей, и спрячьтесь от погрома.
5. Постарайтесь эмигрировать в Германию.

Глава 10

Фарт большевиков. Мог ли царь продлить свою жизнь?
Идиотизм Временного правительства.
Противозачаточные средства конспирации.
Прозорливость Сталина.

Конечно, если бы Россия в Первой мировой войне одерживала победу за победой, большевикам пришлось бы туго с идеями социалистической революции, хотя и в этом случае Ленин наверняка бы что-нибудь придумал, потому что был «горным орлом». Такую кликуху дал ему потом Сталин.

Но Россия, наоборот, одерживала поражение за поражением, и в этом был для большевиков огромный фарт.

К тому же при царском дворе появился тобольский старец Гришка Распутин, который, пользуясь способностью останавливать кровь и заговаривать зубы, перетраhal всех дворцовых фрейлин и ослабил и без того слабую мощь России. Тут уже возмутился весь народ вместе с буржуазией. Таким образом, Распутин очень помог большевикам. Жаль, что такой талантливый человек не разделял ленинских взглядов и не был членом РСДРП(б). Тогда его бы не убили. Да и царь с царицей, если бы захотели, тоже могли стать членами РСДРП(б), и никого бы из них не убили, и все бы они прожили до 1937 года...

А так царь оказался в изоляции, на него поднаперли и вынудили подписать отречение.

Так произошла Февральская революция.

Но большевиков во Временное правительство не позвали, потому что боялись, что они приведут туда своих, и каждая кухарка начнет управлять государством. Буржуазия, видите ли, непременно хотела иметь в правительстве грамотных и образованных. Тогда большевики стали поддерживать Советы рабочих и солдат. Но и туда начали пролезать интеллигенты и демократы. Пришлось большевикам и Советы послать куда подальше. Тут и начались открытые призывы к захвату власти.

Ленин и его дружки знали, в чем слабость Временного правительства, но никому об этом не говорили. А слабость правительства состояла из нескольких причин.

Причина первая. Надо было не продолжать войну, а заключить мир и заняться хозяйством.

Причина вторая. Надо было быстро пообещать раздать землю крестьянам.

Причина третья. Надо было пересажать всех левых революционеров, а не играть в демократию и в дурацкие «свободы слова», «свободы печати», «свободы митингов».

Потом, правда, правительство хватилось, велело арестовать Ленина, но не нашло его. А догадаться, что он вместе с Зиновьевым живет в шалаше и удит рыбу, никто не мог.

В общем, поезд ушел. Пришел бронепоезд.

Как писала позднее и своих мемуарах одна известная революционерка: «В целях конспирации спала я с одним жандармским полковником. Спала и спала. А когда он стал предохраняться, было уже поздно – я попала...»

Картина к тому времени была невеселая: война продолжается, разруха, жрать почти нечего, и власти, по сути дела, никакой: ни у правительства, ни у Советов.

Хотел было генерал Корнилов навести порядок, но все перепугались, что он снова царя на трон посадит, и тогда конец демократии. Его поэтому и разгромили.

Тогда Ленин тайком приехал в Петроград и велел организовать восстание. И правильно. Не хотите брать власть в свои руки – мы ее возьмем сами.

Стали определять сроки. «Сегодня, – сказал Ильич, – рано. Послезавтра – поздно. Кто скажет – когда?»

Все стали соображать и думать, какой срок Ленин имеет в виду.

Никто не догадался. Один Сталин сказал: «Я думаю – завтра». «Молодец, Коба! – похвалил его Ленин. – После моей смерти станешь Генеральным секретарем».

Коба потом целых семь лет ждал, пока Ильич сдержит слово.

Практические советы по главе 10

1. Заговорите зубы шести-семи молодым женщинам и попробуйте их соблазнить.
2. Пригласите какую-нибудь кухарку управлять государством и внимательно посмотрите, что из этого получится.

3. В целях конспирации переспите с полковником госбезопасности.
4. Соберитесь с друзьями, составьте каждый свои апрельские тезисы и сравните, у кого больше.

Глава 11

Демарш Троцкого. Замена Временного правительства постоянным. Изворотливость Керенского. Гуманистические истоки ВЧК.

Троцкий накануне восстания сначала кочевряжился: мол, давайте подождем, мол, мало ли что, мол, сперва созовем съезд Советов, – но потом плюнул и согласился с Лениным. И действительно, неразбериха в стране была полная. И если большевики возьмут власть, то он, Троцкий, вроде не пришей к одному месту рукав. А зачем же тогда он столько мучился, и в ссылках сидел, и к мировой революции призывал? Так что он решил присоединиться и этим очень большевиков порадовал. Ведь Ленин хоть и назвал его «иудушкой», но сделал это любя, так как ценил его ум, образованность, а главное, неприимимость к врагам.

Большевики засели в Смольном и решили, кто чего будет брать: кто – почту, кто – телеграф, кто — вокзал, а кто на стреме постоит.

А так как ночью никто в Петрограде не работал, они почту и телеграф взяли. Стали готовиться к штурму Зимнего дворца, чтобы Временное правительство арестовать, а тут матросы прибежали и говорят, что вот, мол, никакого штурма не получится, так как дворец охраняют только бабы из женского батальона и пара юнкеров. Тогда Ленин приказал дать исторический залп из «Авроры» и с криками «ура!» брать Зимний дворец. Тут рабочие и крестьяне, переодетые в солдатские шинели, это и сделали. Без шума, без пальбы. С бабами из женского батальона на бывших царских кроватях побаловались и побежали арестовывать Временное правительство.

– Откройте! – кричат.

А те спрашивают:

– А кто вы такие?

– Мы, – говорят, – именем Ленина вас арестовать пришли.

– Не знаем никакого Ленина! – кричат те. – Не имеете права! Это не по конституции!

– А чего с ними разговаривать! – командует главный. – Ломай, братва, двери и хватай их! Конституцию потом сделаем.

Ну и повязали всех министров. А Керенский сбежал. Говорят, в женском платье. Керенский, правда, потом это категорически отрицал, но один матрос видел, как из Зимнего дворца выбежала баба в женском платье. Матрос попытался было ее оприходовать, но та вырвалась и с криками убежала.

Спрашивается: какая баба могла отказать революционному матросу? Ясно какая – Керенский...

Так революция, о которой говорили большевики, свершилась.

Позднее советские кинематографисты создали увлекательные киноленты об этой исторической ночи. Особенно много денег ушло на организацию съемок грандиозного штурма. Говорят, на съемках одной массовки во время давки погибло большое количество рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели...

Но если взять власть оказалось делом плевым, то удержать ее было гораздо сложнее. Перво-наперво Ленин обратился к народу:

– Мира хотите?

– Хотим, хотим!

– Землю хотите?

– Хотим, хотим!

– Берите ее у помещиков!.. Недра хотите?

– Еще как хотим!

– Считайте, что они ваши!

Тут все и растащили. Богатых частично поубивали, а частично они за границу сбежали. Но не все. Нашлись такие, что мятежи стали устраивать. Керенский с Красновым даже организовали Комитет спасения, но им быстро рога пообломали. А Керенский и на этот раз сбежал. И снова в женском платье. И снова это обстоятельство

категорически отрицал. Они все, интеллигенты, такие – им плюнь в глаза, а они говорят – божья роса.

А чтобы впредь другим неповадно было, решили создать ЧК во главе с железным Феликсом Дзержинским. Из всего алфавита Дзержинский очень любил согласные и ненавидел гласные. С гласными он быстро покончил, а из согласных потом возникло много интересных слов: «ЧК», «НКВД», «КГБ», «ЦК КПСС», не говоря уж о «ГКЧП»...

Если бы Робеспьер был жив, он бы Дзержинскому очень позавидовал.

Игры и развлечения по главе 11

1. Возьмите власть в руки и удерживайте ее до получения оргазма.
2. Оденьтесь в женское платье и прогуляйтесь по Невскому проспекту. Если к вам пристанут гомосексуалисты, скажите, что вы – Керенский.
3. Купите горшок с цветами. Цветы подарите бабушке, а землю отдайте крестьянам.
4. Создайте из согласных букв русского алфавита новые карательные аббревиатуры.

Глава 12

Когда караул устал. Отделение церкви от попов. Бегство шушеры за границу. Победа большевиков в Брест-Литовске. Бедноту – в массы. Извинения за убийство Мирбаха.

Для того чтобы построить новый мир, нужно было сначала до основания разрушить старый. Вторая часть этого грандиозного замысла большевикам удалось, хотя и не без труда, потому что старый мир разрушаться не хотел. К тому же и Учредительное собрание никак не хотело утверждать ленинские декреты, считая захват власти большевиками незаконным. Вооруженные солдаты и матросы, караулившие депутатов, чтобы они не разбежались, всю ночь приказывали им утвердить ленинские декреты, но те уперлись как бараны, и ни в какую. Это было откровенным издевательством,

потому что солдаты и матросы к утру устали, и многие из них начали зевать. Тогда старший матрос Железняк сказал:

– Все! Караул устал!

И всех арестовали к чертовой матери.

Так были утверждены новые декреты.

Но многие люди продолжали упорно верить в Бога и в десять заповедей. К тому же значительная часть народа еще не потеряла совесть. Все эти обстоятельства очень мешали разрушать старый мир и строить новый.

Пришлось большинство попов и священнослужителей расстрелять. Так церковь была отделена от государства. А сомневающимся объяснили, что забрать у богатых нажитое ими добро никакой не грех, а, наоборот, трудовой подвиг. И убивать тех, кто не согласен, тоже никакой не грех, а тоже подвиг, только не трудовой, а боевой.

После всех этих мероприятий разрушение старого мира стало производиться с небывалым подъемом. Тут все поняли, что с советской властью шутить не надо, и многие стали убегать за границу: писатели, ученые, артисты, поэты, композиторы, военные и прочая интеллигентная шушера.

Очень мешали немцы и австрийцы, которые продолжали воевать с русскими солдатами, отвлекая их от Гражданской войны. Пришлось заключить Брестский мир и отдать немцам Латвию и Эстонию. И Украина отделилась. И вдобавок большевики стали платить немцам контрибуцию.

Левые коммунисты, скатившиеся в болото, говорили, что Брестский мир – это позор и кабала, а на самом деле это была победа большевиков, потому что немцы могли потребовать земли аж до Урала, но об этом не догадались. Короче говоря, были окончательно созданы условия для изменения названия РСДРП(б). И начиная с Седьмого съезда партия стала называться Коммунистической, и уже на следующее утро Ленин протянул руку с кепкой в сторону горизонта и все увидели там зримые черты коммунизма, а тех, кто не видел, приглашали в ЧК и устраивали проверку на зрение...

...К тому времени народ уже очень проголодался, а крестьяне, у которых было зерно, не хотели его отдавать бесплатно, за что и были названы кулаками. Тогда Ленин организовал комитеты бедноты, которые с песнями и оружием начали это зерно у кулаков отбирать, а их самих и их семьи – расстреливать. По отношению к кулакам это было гуманно, потому что иначе они умерли бы голодной смертью.

А левые эсеры совсем озверели. Мало того что они защищали кулаков и подняли мятеж, один из них, по фамилии Блюмкин, совершенно не вовремя убил германского посла Мирбаха. Пришлось большевикам перед немцами извиниться, а Блюмкина взять на работу в ЧК, так как там очень нужны были меткие люди.

А тут и первую Конституцию сочинили.

Игры, загадки, шарады и частушки по главе 12

1. Спалите дачу богатого соседа и весело, с огоньком спойте озорную частушку:

Праздник нынче в ВЧК!

Все танцуют гопака!

Это мы с миленком Ваней

Расстреляли кулака!

2. Расшифруйте шараду:

Мой первый слог подписан в Бресте.

Второй слог – гений нотных знаков.

Все это, сложенное вместе,

Взорвал гранатой Блюмкин Яков.

3. Психологический тест на партийность.

Кого бы вы расстреляли в первую очередь, придя к власти?

Бухарин (5 очков)

Троцкий (7 очков)

Николай Второй (9 очков)

Рыков (4 очка)

Савинков (3 очка)

Фрунзе (2 очка)

Всего 30 очков.

Если вы набрали 12 очков, значит, вы левый эсер.

Если вы набрали 21, значит, вы монархист. Если вы набрали все 30 очков, считайте себя коммунистом.

Глава 13

Пробуждение иностранцев. Новая любовь Ленина к Троцкому. Красная Армия – армия-миллионер. Еврейская тема в революционной симфонии.

Как-то утром, где-то в первой половине 1918 года, англичане, французы, японцы и американцы проснулись и увидели, что, пока они воевали с Германией и Австрией, большевики укрепили захваченную ими власть. Более того, они стали подзуживать остальных бедных рабочих и крестьян всего мира к революции.

– Сэры, леди, джентльмены, месье, японцы-сан! – обратились они друг к другу. – Так не годится! Надо поскорее покончить с немцами и взяться за большевиков, а не то допрыгаемся!..

Так они и сделали.

Тем более что в ноябре 1918 года в Германии свергли Вильгельма и провозгласили буржуазную республику. Немецкие коммунисты предлагали, правда, провозгласить Советскую Немецкую республику, но буржуазия их и слушать не хотела.

Большевикам, с одной стороны, это было обидно, но, с другой стороны, приятно – какая-никакая, а все-таки революция... Они вообще очень любили слово «революция» и впоследствии его всегда приветствовали и поддерживали, где бы на земном шаре это слово ни вспыхивало. Произведет где-нибудь в Африке какой-нибудь генерал переворот и говорит: «У нас революция!» Большевики тут же и в ладоши захлопают, и оружие pošлют, и плотину построят, и словом добрым подбодрят, и террор наладить помогут. А генерал этот давай коммунистов вешать!

– Что ж ты коммунистов-то вешаешь? – спрашивали большевики.

А генерал отвечал:

– Я, дорогие товарищи, не ваших коммунистов вешаю, а своих.

– Тогда ладно, – говорили большевики. – Каждая революция имеет свои примочки...

Но, впрочем, это потом началось, а пока надо было с внешней Антантой и с внутренней контрой воевать. Для этого всех бедных Ленин под ружье поставил и сказал:

– Буржуи хотят все добро, которое вы у них отграбили, снова себе забрать, а вас всех за это пострелять!

– Как бы не так! – закричали бедняки. – Мы ихнее народное добро не отдадим! У нас теперича два пути – либо на виселицу, либо в коммунизм. Нам терять нечего. Раньше хоть цепи были, а нынче и цепей днем с огнем не сыщешь!

Ну а коли народ российский такой теорией вооружился, с ним совладать трудно.

Коммунизм так коммунизм. Как говорится, сами выбрали. Но сначала был военный коммунизм: партия все к своим рукам прибрала и всех пахать заставила. А кто не хотел работать, тот не ел. Да тому и не надо было есть, ибо мертвые, как говорится, сраму и аппетита не имеют...

Троцкому Ленин поручил Красную Армию создать, потому что Троцкий в этом деле большой мастак был.

– Нам к весне, – говорит Ленин, – нужна армия в один миллион.

– Сделаю! – говорит Троцкий.

– А три миллиона?

– Тоже мне, большое дело! – говорит Троцкий. – Хотите три миллиона – нате вам три!

И вот какую хитрую штуку он придумал! Воевать ведь тоже надо уметь. Как окружать, как атаковать, как в плен брать или сдаваться. Но для этого нужны грамотные начальники – а где их среди своих взять? Так он из оставшихся в живых бывших царских полковников и генералов, которые в идеи марксизма поверили, военных специалистов сделал.

Красным командирам не нравилось, что ими грамотные командуют, и они стали выступать против Троцкого и требовать, чтобы всех военных специалистов поставили к стенке. Но Ленин был умный и Троцкого в этом вопросе не дал в обиду по двум причинам: во-первых, военных специалистов нельзя было уничтожать, потому что без них белогвардейцы и Антанта разгромили бы Красную Армию, а во-вторых, надо было кого-то оставить и до 1937 года.

В общем, в этот исторический период Ленин Троцкого опять полюбил, и это очень огорчило Сталина, который Троцкому завидовал.

Сегодня многие говорят, что революцию в России сделали евреи, чтоб им ни дна ни покрывки! Но в 1918 году в Ленина выстрелила Фаня Каплан, тоже не совсем русская. Так в чем же дело?..

Это как с Иисусом Христом...

– Вы, жидаы, нашего Христа распяли! – кричат антисемиты.

– Какой же он ваш? – кричат жидаы. – Он же еврей был!..

Но антисемиты не понимают:

– Каплан потому и промахнулась, что была еврейкой! Впрочем, это тема для особой дискуссии.

Важно то, что ни у Антанты, ни у белогвардейцев ничего не получилось.

Кто в этом виноват? То ли западные либералы, которые требовали от своих правительств не вмешиваться во внутренние дела России, то ли царские генералы, которые не могли поделить между собой власть, то ли Красная Армия...

Как говорится, и те и другие хороши...

Темы лекций и дискуссий по главе 13

1. Пуля – дура, а штык – молодец! (К очередной годовщине злодейского покушения Фани Каплан).
2. Историческая необходимость сохранения жизни некоторым «военным специалистам».
3. Почему беднота предпочла коммунизм смертной казни?
4. Еврейские корни в кубинской революции.

Глава 14

Конец Гражданской войны. Военный гений Буденного и других. Основные причины победы Красной Армии.

Интеллигенты в Европе и Америке не верили, что Красная Армия сможет победить в Гражданской войне. Они говорили, что, во-первых, белые хорошо едят, а красным жрать нечего. Что, во-вторых, белые воюют в

сапогах, а красные – босиком. Что, в-третьих, у белых полно оружия, а у красных нет ни черта. Что, в-четвертых, у белых много генералов, а у красных одни прапорщики и комиссары.

Но именно эти причины и привели к победе Красной Армии. В это верил Ленин. В этом не сомневался Троцкий. Об этом говорил Сталин. Бухарин тоже догадывался, но никому не говорил. Его за это потом и расстреляли.

Кроме того, Красной Армией руководили гениальные самоучки-рубаки. Такие как Буденный, Ворошилов, Чапаев.

У Буденного была Конармия. Рассказывают, что, когда Деникин взял Воронеж, Ленин вызвал Буденного и велел отбить Воронеж обратно. Говорят, он обратился к Буденному с такими вот словами:

– Товарищ Буденный! Судьба русской и мировой революции зависит от того, в чьих руках Воронеж. Твои доблестные кавалеристы устали. Их надо поднять любой ценой на штурм Воронежа. Твое красноречие обладает силой убеждения Цицерона. Выступи перед бойцами на митинге, объясни стратегию Красной Армии в Гражданской войне вообще и в штурме Воронежа в частности. Скажи им, что передовые рабочие и крестьяне во главе с Третьим Интернационалом на нашей стороне. Убеди их в предательской позиции эсеров. Если надо, прочти им мою работу «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». В крайнем случае скажи, что это не только моя просьба, но и желание Надежды Константиновны, что только взятие Воронежа избавит ее от головной боли. Говори час, два часа, сутки, но подними бойцов на штурм. Понял?

– Понял, Владимир Ильич! – гаркнул Буденный. – Не сумлевайся! Сделаю все, как ты велел!

Возвратился Буденный в Конармию, разбудил бойцов, вскочил на коня, выхватил шашку и, указав ею в сторону Воронежа, заорал:

– Мать их в жопу-у-у!!

Услышав этот призыв, бойцы с криками «ура!» взяли Воронеж. Вот какой силой обладал буденновский гений, сплотивший ленинскую логику.

У Чапаева не было армии. У него была дивизия. Но ему и дивизии вполне хватало. О богатырской силе Чапаева, о его преданности коммунистическим идеалам в народе ходили легенды. Рассказывают, что однажды ординарец Чапаева Петька спросил Василия Ивановича перед атакой:

– Скажи, Василий Иванович, а слабо тебе выпить бутылку водки зараз?

– Почему это? – говорит Чапаев.

– А две бутылки? – спрашивает Петька.

– И две могу, – говорит Чапаев.

– А три?

– И три могу.

– А ведро можешь? – пристает хитроумный Петька.

Тут Чапаев задумался, почесал усы и, глядя вдаль, грустно произнес:

– Ведро, Петька, не могу. Ведро только Ленин сможет...

Понятно, что в борьбе с такими командирами белогвардейские генералы были обречены. Поэтому большевики и победили в Гражданской войне.

Упражнения по главе 14

1. Перепишите в тетрадку типовой диалог Буденного и Ворошилова из рассказа неизвестного автора и вставьте пропущенные слова:

– А слабо тебе, Сема, взять Воронеж? – сказал Ворошилов.

– А не пошел бы ты, Клим, на ... ! – ответил Буденный.

– Сам пошел в ... ! – пошутил Ворошилов.

– А я твою маму ... ! – отпарировал Семен Михайлович.

2. Выпейте залпом две бутылки водки, вставьте два пальца в рот и произнесите слово «ГОЭЛРО».

3. Сядьте на коня и возьмите Воронеж.

Глава 15

*Победная разруха и голод. Новая хитрость Ильича.
Наступление спиной к врагу. Ожидание изобилия.*

Беднякам, босякам, безлошадникам, бездельникам так понравилась Гражданская война, что они никак не могли остановиться.

К 1921 году почти всех перерубили да перестреляли: богатеньких, интеллигентиков, врачешек разных, дамочек благоухающих, всех, кто в шляпах да в цилиндрах, очкариков... Никого не осталось. Большевики даже перепугались: того и гляди народ за них возьмется. Ведь многие из ЦК тоже в шляпах ходили. Один Ленин кепку носил или в руке ее держал. И тогда Ленин сказал: «Хватит! Кончайте стрелять! Слезайте с коней! Мы победили!»

Тут все сразу и увидели, что победили. Решили выпить. Выпили. А закуски нет. Что делать?

Большевики к кулакам. А кулаков-то уже и не осталось. Большевики к середнякам, а те говорят: «Побойтесь Бога! Вы же у нас по продразверстке все подчистую забрали!»

Большевики к беднякам: «Выручайте, братцы!» А братцы говорят: «Нам самим жрать нечего! И на хрена, спрашивается, мы царя-батюшку свергли да всех буржуев перебили? Где рай обещанный? Щас в момент бунт сделаем!»

Большевики к рабочим: «За работу, товарищи! А то с голодудохнем! Ильич раз в день питается, Надежда Константиновна лицом и фигурой похудела! Нехорошо получается!» А рабочие отвечают: «Во-первых, мы инженеров да директоров к стенке поставили. А сами мы в экономике ни бум-бум. Во-вторых, мы по вашему приказу все средства производства разрушили до основания. Так что и работать нам не на чем».

Тут начались в партии дискуссии. Троцкий кричит: «К ногтю всех! А кто работать не хочет, того к стенке!» Каменев говорит: «Позвать грамотных надо. Пусть они все хозяйство восстановят...» Бухарин то тем поддакивает, то этим.

Опять все пришлось Ленину решать. Он и решил. «С Троцким, – говорит, – соглашаться нельзя, иначе мы все население перестреляем. Одна партия останется. Это неудобно. Если грамотным всю экономику отдать, то народ увидит, что большевики никому не нужны, и мы с носом останемся. Надо брать хитростью. Давайте объявим новую экономическую политику и назовем ее НЭПом. Давайте всех капиталистов, кто за границу убежал или кого случайно здесь не добились, обратно позovem. Мол, возвращайтесь на старые места, берите заводы, берите недра, кормите людей и за это сами обогащайтесь. А когда они все восстановят, мы с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским им всем по одному месту мешалкой дадим и все обратно национализируем».

Вот какую мудрость Ильич придумал! Тут многие во главе с Троцким стали кричать, что это возврат к капитализму! Мол, за что боролись?! Но Ленин позвал Молотова и Кагановича и велел им все эти группировки и фракции разогнать и перебить, что они и сделали с помощью чекистов.

Так был решен вопрос о единстве партии.

Что касается западных стран, то они на ленинскую удочку клюнули. Им НЭП понравился. Давайте, сказали они, Советскую Россию спасем. Специалистов пошлем, инвестиции вложим и сами наживемся...

И стали буржуазные недобитки назад возвращаться. И начали вкалывать. И подъем начался. И еда появилась, и мануфактура, и ситец комсомолкам на косынки. А бедняки опять недовольны и опять давай Ленина донимать: «Верно – и жратва появилась, и задницу есть чем прикрыть. Но ведь они же нас эксплуатируют и опять богаче нас живут!» Но Ильич их успокоил: «Потерпите, братцы, еще немного. Пусть они нам изобилие обеспечат. Мы им тут же шеи и свернем». Народ Ленину поверил и стал ждать, когда изобилие наступит, чтобы снова богатым шеи свернуть.

Самостоятельное задание по главе 15

Внимательно прочтите нижеследующую русскую народную сказку.

Как мужик барина обманул

Жили-были два мужика. Один мужик на печи цельный день валялся да водку пьянствовал. Крыша у евонной избы прохудилась, лапти поистерлись, баба с голоду пухнет.

А второй цельный день в поле пашет, нраву тверезого. Дом у него со светелкой, ставни резные, закрома ломаются, баба сочная да румяная. И сам как сокол ясный. За это его первый мужик барином и прозвал.

Пришел как-то первый мужик к барину и говорит:

– Барин, а барин! Чего это я как голь перекатная и баба моя с голоду пухнет? А ты сам как сокол ясный и баба у тебя сочная да румяная?

А барин и отвечает:

– А оттого, что я цельный день в поле пашу и нраву тверезого. А ты цельный день на печи валяешься и водку пьянствуешь.

– А я, – говорит первый мужик, – так, как ты, не умею.

– А ты приходи ко мне в поле помогать, – говорит барин, – я тебя научу и отблагодарю.

Стал мужик барину помогать. И впрямь – дело пошло. Работает цельный день, деньжишки появились, крышу залатал, лапти новые справил, баба словно вишня зацвела.

Вот однажды дождался мужик, пока барин спать лег, вошел к нему в избу, самого барина топором зарубил, а бабу его сочную да румяную раком поставил. Так мужик барина и обманул.

Ответьте на вопрос:

В чем сходство и в чем различие у мужика с Лениным и у барина с Чемберленом?

Глава 16

*Первичные признаки большевиков. Чистка органов.
Начало вечной дружбы. Дурная болезнь Ленина.*

Большевики всегда любили учить жить. Крестьян – что и как сеять. Врачей – чем и кого лечить. Беременных – кого и когда рожать. Англичан – говорить по-английски. Альпинистов – штурмовать вершины. Утопающих – тонуть. Солнце – светить. Кто не был согласен, тех расстреливали, а потом объявляли политическими уродами и троцкистами. Кто выражал сомнения, тех объявляли политическими уродами и троцкистами, а потом расстреливали. Так что каждый мог сам выбрать свою судьбу. Это и называлось диктатурой пролетариата.

Время от времени ЦК проводил чистку своих органов. Вызывали партийца и спрашивали: «Готов бить контру?» Если тот отвечал: «Да хоть сейчас!» – его оставляли в партии. А того, кто начинал мямлить – мол, готов, конечно, но прежде разобраться надо, кто контра, а кто не контра, – того вычищали к чертям собачьим.

Таким образом, монолитность партийных рядов крепла день ото дня.

С национальным вопросом было сложнее. Каждый народ имел свои привычки. Украинцы любили галушки, татары – беляши, узбеки – шурпу, грузины – лобио, русские – картошку. На всех не угодишь.

Тогда большевики решили все народы объединить в Союз Советских Социалистических Республик на основе полного равенства. Вякнет, к примеру, какой-нибудь татарин: «А почему беляшей нет, кильманда такая?» А большевики говорят: «У тебя беляшей нет, а у русского картошки нет. У украинца борща нет!.. Чем ты лучше, твою мать? У нас все равны!» Татарин и заткнется.

Так была достигнута нерушимая дружба народов СССР. Из этой дружбы немножко выпадали евреи. Они все любили. Нет мацы – давай картошку. Нет картошки – лобио съедим. Нет лобио – шурпу похлебаем, чтоб ты мне был здоров... Их за это другие народы не очень жаловали. И на вопрос, что такое дружба народов, люди

обычно отвечали так: «Дружба народов – это когда русский брат берет за руку украинского брата, украинский брат берет за руку узбекского брата, узбекский брат берет за руку белорусского брата, белорусский брат берет за руку татарского брата и все вместе идут бить еврейского брата».

И все было бы хорошо, но осенью 1922 года ни с того ни с сего Ленин заболел. От пищи отказывается, Крупскую в упор не видит, говорит неразборчиво – не то «люблю», не то «расстреляю», Сталина матюгами кроет... И никакие лекарства его не берут. В общем, странная у него болезнь случилась... Один истопник, что дачу Ленина топил, говорил, что Ильич заболел «лесной болезнью», что будто бы время от времени он открывал глаза и бормотал: «Ох, и наломал же я дров...» И плакал.

Кое-кто намекал и на совсем неприличное заболевание, вроде того, которым, по некоторым источникам, Бетховен страдал. И в качестве доказательства приводили любовь Вождя к произведениям данного композитора. Но это чисто меньшевистский диагноз, хотя известно, что Ленин не только ходоков принимал, но и сам хорошим ходоком был.

Сталин болезнью Ленина очень опечалился и, говорят, даже посылал Вождю гостинцы – немножко отравленные конфеты, чтобы ускорить конец Ленина и тем облегчить его страдания. Но это из области досужих вымыслов. Вернее всего, Сталин просто хотел как можно скорее стать Генсеком и отцом народов. И в этом его можно было понять.

Полезные советы по главе 16

1. Если вам вдруг начала нравиться музыка Бетховена, немедленно обратитесь к врачу-венерологу.
2. Отнимите у знакомого эстонца его дом, а самого эстонца сошлите в Сибирь. Если эстонец на вас не обидится, значит, вы связаны нерушимой братской дружбой.
3. Назовите соседа по даче жидовской мордой. Если он подаст на вас в суд, значит, он и есть жидовская морда.

Глава 17

Смерть Ленина. Клятва сизого сокола.
Основные признаки ленинского бессмертия.

Несмотря на то что, по утверждению Сталина, жить стало лучше, жить стало веселее, Ленину было все хуже и все грустнее. Детишек поласкаться к нему уже не подпускали – боялись и за них, и за Ильича. На съезды перестали звать – мало ли чего он в бессознательном состоянии наболтает. И неспроста. Поговаривали о каком-то завещании, где он Сталина и грубым обзывал, и малограмотным, и рябым... Но Сталин вовремя позаботился, чтобы эти глупости, сказанные Ильичом в бреду, до народа не дошли, потому что народ Ленину верил и действительно мог подумать, что Сталин – грубый, малограмотный и рябой. А это было бы на руку троцкистским предателям и могло поколебать единство партии. Больше того, Сталин даже клятву на смерть Ленина сочинил и все только ждал, когда же тот умрет, чтобы эту клятву произнести.

И вот наконец в январе 1924 года Ленин помер. Царствие ему Небесное, и Сталин стал Генеральным секретарем. Тут он свою клятву и зачитал: мол, клянемся тебе, великий Вождь и Учитель, все, что ты недоделал, доделать. Индустриализацию и коллективизацию проведем. Днепрогэс построим, метрополитен пророем и именем Кагановича назовем, всех троцкистов перевешаем, армию укрепим, милицию и чекистов заставим беречь и стеречь каждого советского человека. А про самого тебя скажем, что отныне ты будешь жить вечно.

Про эту клятву народ потом сочинил песню и пел ее устами хора им. Пятницкого:

На дубу зеленом да над тем простором
 Два сокола ясных вели разговоры.
 А соколов этих люди узнали:
 Один сокол – Ленин, другой сокол – Сталин.

Ой, как первый сокол со вторым прощался,
Он с предсмертным словом к другу обращался:
«Сокол ты мой сизый! Час пришел расстаться.
Все труды-заботы на тебя ложатся».

А второй ответил: «Позабудь тревоги.
Мы тебе клянемся – не свернем с дороги!»
И сдержал он клятву, клятву боевую.
Сделал он счастливой всю страну родную.

Есть, правда, указания, что во время болезни первого сокола второй сокол ни разу с ним не встречался и в буквальном смысле слова в гробу его видел. Но это не важно. Главное, что сохранился тот зеленый дуб, на ветвях которого состоялось историческое прощанье. Говорят также, что вплоть до самого последнего времени на этом дубу висела мемориальная доска следующего содержания:

Здесь, на этом дубу,
19 января 1924 года
два Сокола Ясных
вели разговоры

Так или иначе, Сталин приказал Ленину долго жить и вечно. Чучело Вождя было спрятано в мавзолее, а по всей стране поставили памятники. Кто-то подсчитал, что если бы собрать все памятники Ленину и сбросить в Тихий океан, то возник бы новый Всемирный потоп. Имя Ленина было увековечено всюду. Сохранились анкетные данные одного верного коммуниста-ленинца. Он жил в Ленинском районе Ленинградской области в поселке Ленино на углу Третьей Ленинской улицы и Седьмого Ленинского переулка, работал на заводе имени Ильича заведующим Ленинской комнатой.

Ленинская символика была практически на каждом товаре народного потребления. Одна зеркальная фабрика им. Ленина наладила выпуск специальных ленинских зеркал. Человек подходил к зеркалу и вместо себя видел отражение Ильича. Однажды Сталину

на его именины подарили такое зеркало. Сталин посмотрел в него, увидел Ленина, испугался и упал в обморок. Всех рабочих расстреляли, а фабрике присвоили имя Сталина и начали выпускать зеркала с его изображением,

Часовой завод им. Двадцать восьмой годовщины со дня смерти Ильича выпустил часы-кукушку. Но вместо кукушки каждый час из домика выскакивал маленький Ленин и кричал: «Верной дорогой идете, товарищи! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!» Часы пользовались настолько большим успехом, что директора завода пришлось расстрелять.

Был даже подготовлен указ о награждении советского народа орденом Ленина. В указе так и говорилось: «За выдающиеся заслуги во всем наградить Героический Советский Народ орденом Ленина и впредь именовать его «Героический ордена Ленина Советский Народ имени Сталина»».

Сталину очень понравился этот указ, и его составителя расстреляли с присвоением звания Героя Социалистического Труда.

В конце концов была внедрена для повседневного пользования гениальная формула: «Сталин – это Ленин сегодня».

Один известный математик развил эту формулу, доказав, что если «Сталин – это Ленин сегодня», то «Ленин – это Сталин вчера». Математик был удостоен Ленинской премии второй степени без права переписки.

Практические занятия по увековечению памяти Ленина

1. По примеру песни «Два сокола» сочините несколько новых песен о прощании Ленина со Сталиным, используя других животных: «Два слоника», «Два пуделя», «Два муравьеда» и т.п.
2. Купите бронзовый бюстик Ленина, возьмите с собой на рыбалку и используйте в качестве блесны.
3. Испеките к празднику портрет Ленина с грибами.

Глава 18

Обманули кулака на четыре дурака. Новое в статистике. Потребность в Павликах Морозовых. Победителей не судят.

После смерти главного машиниста большевистский паровоз помчался к светлому будущему, сбрасывая на ходу кулацкое отребье с его хлебом, интеллигентствующих хлюпиков с их мыслями и сомнениями, давая сознание в пережитках.

Сталин осуществил вековую мечту Ленина и в подходящий момент свернул шеи всем частновладельцам, в очередной раз национализировав все их производство и личное имущество.

Кулаки были официально признаны врагами народа, и беднякам выдавали мандаты на уничтожение их целыми семьями. В этом советская власть добилась небывалых успехов. И уже к 1929 году был окончательно переломлен хребет всем частным производителям хлеба на всей территории страны.

Не случайно этот год Сталин назвал годом Великого перелома.

Но кормить население все же было надо, и всех крестьян большевики стали добровольно загонять в колхозы. Загон производился с песнями и плясками, под гармошки, под палки и ружья. А чтобы закрепить крестьян за землю навечно, у них были отобраны паспорта. Это вызвало невероятный подъем. Начались народные гулянья, переходившие в голодные бунты. Пришлось даже расстрелять большое количество чересчур развеселившихся колхозников.

Не меньших успехов добились большевики и в деле индустриализации. И здесь особую роль сыграла новая наука – социалистическая статистика. Благодаря статистике Советская страна в небывало короткие сроки догнала и перегнала все высокоразвитые капиталистические страны. Советская статистика произвела революционный переворот в науке и явственно показала, до чего можно дойти по дороге к светлому будущему.

Суть нового метода вкратце такова. К примеру, в 1928 году США имели 1 млн машин, а в 1929 году – 1 млн 100 тысяч. А Советский Союз в 1928 году имел, к примеру, 1 машину, а в 1929 году – уже 3 машины.

Таким образом, в США годовой прирост промышленности составлял всего 10 процентов, а прирост в Советском Союзе достигал 300 процентов. Это было ярчайшим доказательством превосходства социалистической системы хозяйствования над капиталистической системой.

Было ясно, что этими успехами советский народ обязан родной Коммунистической партии, родному советскому правительству и лично отцу всех народов и племен, горячо любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Особенно советские люди гордились производством чугуна на душу населения. И действительно, к 1934 году, например, на каждую душу населения приходилось по 25 кг чугуна. Это переполняло душу населения гордостью и радостью счастливого младенца. Недаром советские люди пели под музыку Исаака Дунаевского: «Мы любим петь и смеяться, как дети».

Но враги петь и смеяться, как дети, не желали. Их надо было выявлять в собственной среде. Одного Павлика Морозова, донесшего на своего родного выродка отца, было недостаточно. Страна нуждалась в сотнях тысяч Павликов. А для этого нужно было ликвидировать вековую неграмотность. И уже в течение первой пятилетки эта задача была решена. Теперь каждый советский человек мог написать донос, а каждый сотрудник НКВД мог этот донос прочитать. Таким образом, решались одновременно две проблемы. С одной стороны, рудники и лесоповалы получали дармовую вражескую рабочую силу, а с другой стороны, в освободившиеся вражеские квартиры простые советские люди – люди-труженики, люди-романтики въезжали с сознанием выполненного долга.

Одновременно укреплялось и партийное единство.

Сталин поставил перед партией главную задачу – превратить политические трупы троцкистов, бухаринцев, рыковцев, радековцев в трупы физические. И

партия с помощью народа решила эту задачу. А Троцкий был выслан из страны, и карающий топор возмездия настиг его через несколько лет в Мексике, где он пребывал в постыдной эмиграции.

Победы на всех фронтах были налицо, и в январе 1934 года был созван исторический Семнадцатый съезд партии, который назван был «Съездом победителей». После этого съезда и пошла в народ поговорка «победителей не судят», потому что по указанию товарища Сталина почти весь состав съезда в чисто профилактических целях был расстрелян без всякого суда. А на освободившиеся в партии места пришли молодые сталинские соколята, готовые по велению Вождя на всё.

Теперь можно было подумать и о Конституции.

Упражнения по главе 18

1. Напишите несколько учебных доносов на друзей и родственников. Наиболее удачные из них раскрасьте цветными карандашами и отправьте в соответствующие органы.
2. Сварите борщ по-стахановски. Возьмите 100 г чугуна, 200 г проката, 2 стакана коксующегося угля. Добавьте столовую ложку жидкой стали. Залейте содержимое двумя литрами нефти и варите в доменной печи до кипения. Борщ очень калориен и утоляет жажду.
3. Решите задачку. У Сталина было 12 огурчиков. У Берии было 10 помидорчиков. Вопрос: кто убил Кирова в коридорчике?

Глава 19

Конституция и проституция. Перерождение вшивой интеллигенции в рабочую. Два лагеря.

В 1936 году советский народ уже имел, по меткому выражению товарища Сталина, всё. Не хватало только Конституции. В очередях за хлебом, за маслом, за тапочками люди вслух выражали свою вековую мечту о Конституции.

– Эй, шляпа! Ты здесь не стояла! – дружески говорил в очереди рабочий интеллигенту.

– От шляпы слышу! – ласково отвечал интеллигент. – Я здесь со вчерашнего дня ошиваюсь!

– Конституции на вас нет! – ворковал рабочий и нежно натягивал интеллигенту шляпу на глаза.

– Это точно! Конституции на них нет! – вмешивался колхозник и давал интеллигенту пинка под зад.

Таким образом, ясно можно было видеть в советском обществе два любящих друг друга класса: трудовые рабочие и трудовые крестьяне-колхозники. Рабочие являлись теми бывшими крестьянами, которым удалось вовремя сбежать в город из деревни, чтобы не подохнуть с голоду. Колхозники же являлись теми бывшими крестьянами, которые или по лени, или по пьянству сбежать из деревни не успели.

Интеллигенция же была между этими двумя классами прослойкой, своего рода буфером, чтобы взаимная любовь рабочего и колхозника не перешла в мордобой.

А поскольку новая интеллигенция состояла сплошь из рабочих и крестьян, пооканчивавших «ликбез», то она любила и тех и других и всегда с удовольствием подставляла свою физиономию то под рабочий сапог, то под крестьянскую пятерню.

Это и узаконила потрясающая Сталинская Конституция, сочиненная в 1936 году, по которой каждый советский человек имел любые права на любые обязанности.

Советский человек имел право на рождение и на смерть и обязан был это сделать, так как аборт были запрещены. Он имел право на религиозную пропаганду и обязан был этим правом пользоваться, матеря церковь и попов-грабителей.

Право на выполнение супружеской обязанности являлось священным долгом каждого советского человека. Особенно члена партии. И если какой-нибудь член партии не исполнял супружескую обязанность, мотивируя тем, что он импотент, партия сурово одергивала его, говоря: «Ты не импотент! Ты коммунист!»

Уникальность и демократичность Сталинской Конституции вынуждены были признать многие западные политики, задыхавшиеся от ненависти к советской власти. Так, Уинстон Черчилль отметил когда-то: «Советский Союз – это страна, в которой ничего нельзя, а то, что можно, то обязательно».

Но поистине беспрецедентной в истории стала советская система выборов в Верховный Совет. Ни одна страна в мире не могла похвастаться такой активностью избирателей, какая была в Советском Союзе. Участие в выборах было объявлено почетной обязанностью и всенародным праздником. Кто уклонялся, того стыдили, клеймили, выгоняли из партии. А если выборы происходили зимой, ему снимали отопление. Поэтому народ, не успев похмелиться, с утра бежал на избирательные участки и опускал свои голоса в урны с прахом ранее проголосовавших.

Да и сама процедура выборов была упрощена и демократизирована. Партия вносила в бюллетень только одного кандидата. Так что не надо было тратить время на раздумье. Бюллетень опускался в урну, и таким образом человек голосовал «за». А если какой-нибудь случайно оставшийся в живых буржуазный прихвостень вычеркивал фамилию достойного кандидата, то бюллетень считался недействительным. В результате коммунисты побеждали несуществующих конкурентов начисто. И если в выборах участвовало 99,99 процента избирателей, то за коммунистов голосовало 99,99 процента советского народа. Так что не даром на домах висели лозунги: «Народ и партия едины!»

К 1937 году выяснилось, что троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, рыковцы и многие другие политические проститутки оказались иностранными шпионами и наймитами английской, германской, французской, люксембургской, итальянской, американской и японской разведок. В их коварные планы входили зверские убийства и

отравление товарища Сталина, товарищей Молотова, Кагановича и всего советского парода.

Партия сурово покарала выродков и ублюдков. Застрельщиками в этом деле были коммунисты, комсомольцы, пионеры и беспартийные.

Для обеспечения заслуженного отдыха страна покрывалась единой сетью лагерей. Дети направлялись в «Артек», взрослые – в ГУЛаг.

Пособие для начинающего особиста по главе 19

1. Выявите среди своих друзей и ближайших родственников южноафриканского шпиона и новозеландского диверсанта.
2. Найдите на карте климатически приятное место для концлагеря.
3. Подслушайте музыку советских композиторов.
4. Посадите репку.

Глава 20

Искусство принадлежит народу. Цветочки и ягодки социалистического реализма.

Экономический подъем сопровождался подъемом культуры во многих областях, особенно в Саратовской и Оренбургской, а также в области здравого смысла.

Новая советская интеллигенция, только вчера научившаяся писать, освоила искусство чтения. Она уже читала букварь со словарем и отлично знала таблицу умножения.

Бывший пролетарский писатель Максим Горький поселился на острове Капри и там разрабатывал новое течение в искусстве – социалистический реализм, основоположником которого он и хотел стать.

Как известно, народ пошел за Лениным еще и потому, что тот обещал отдать ему после революции все искусство в безвозмездное общественное пользование. Это было одним из двух вековых народных чаяний. Первое чаяние – обладать искусством. Второе чаяние – чтобы это искусство было понятно народу. И то и другое чаяния Ильич удовлетворил.

Основными эстетическими заповедями социалистического реализма явились две:

- 1) чье искусство непонятно народу, тот враг;
- 2) если враг не сдается, его уничтожают.

Впоследствии к этим двум постулатам добавился и третий, который свято выполнялся теми, кто остался живым, признав два первых: советское искусство должно быть национальным по форме и социалистическим по содержанию. Русский наряжался в лапти и косоворотку, узбек – в халат и тюбетейку, украинец – в свитку, молдаванин – в доску, чукча – в стельку... В этих нарядах каждый хвалил Ленина, Сталина и партию.

Особенно преуспел величайший поэт и прозаик всех времен и народов Джамбул Джабаев. Он родился еще во времена Тамерлана девяностодевятилетним старцем, но подлинную молодость обрел после революции. Его принцип был прост и, как все простое, гениален: «Что вижу, о том пою». За свою долгую послереволюционную жизнь он воспел 120 лошадей, 14 тракторов, 80 внуков и правнуков. Он зарифмовал белым, как полотно, стихом полторы тысячи протоколов собраний колхоза им. Джамбула Джабаева. Ему писал Жан Поль Сартр, но ответа не получил. Сотни братских писателей и поэтов перевел Джамбул через колхозный арык на ту сторону добра и зла. Если бы не внезапная смерть, то Джамбул жил бы вечно.

Гордился советский парод и большими успехами в изобразительном искусстве. Художники отображали на своих полотнах рост благосостояния, животворные марксистско-ленинские идеи, а также поступательное движение к коммунизму. На Выставке достижений народного хозяйства до недавнего времени экспонировался знаменитый триптих под названием «Колхозное счастье». Первая картина называлась «Девочка с персиками», вторая – «Доярка с огурцами», третья – «Кузнец с яйцами».

Говорят, что на Нобелевскую премию выдвигалось и другое знаменитое полотно – «Азербайджанская Мадонна, кормящая грудью младенца». Говорят также, что реакционеры из Нобелевского комитета «прокатили» выдающееся произведение, придравшись к тому, что младенец был с усами и в сапогах. Позднее художник переработал картину, назвав ее «Товарищ Сталин утешает будущую вдову секретаря обкома партии».

Но особых успехов добились советские композиторы в создании подлинно народных мелодий. Песни советских композиторов благодаря доступности мелодий распевались повсюду. Музыка была настолько хороша, что люди даже не обращали внимания на слова Лебедева-Кумача и других. Достаточно вспомнить такие песни, как «Широка страна моя родная», «Ваня-машинист», «Кантата о Сталине»...

Но, как говорится, в семье не без урода. Особенно в советской семье.

Клеветники Бабель и Пильняк, извращенцы Прокофьев и Шостакович, блудница Ахматова, пошляк Зощенко, психопат Мандельштам и другие сорняки были с корнями выкорчеваны с советского огорода, в результате чего смогли вырасти подлинно народные цветочки. Но настоящие ягодки были впереди.

Уроки самообразования по главе 20

1. Какая штука у Горького, по выражению И.В. Сталина, «посильнее, чем «Фауст» Гете»?
2. Сколько казаков изнасиловали девушку Франю в романе Шолохова «Тихий Дон»?
3. Почему Мандельштам был психопатом, а Демьян Бедный не был?
4. Акомпанируя себе на тромбоне, спойте стихи Джамбула о Сталинской Конституции.

Глава 21

Явление Гитлера. Вторая мировая. «Хайль Гитлер!...»
«Да здравствует товарищ, Сталин!»

Когда до коммунизма уже было рукой подать, или, выражаясь народным языком, советские люди дошли до ручки, началась Вторая мировая война, которую развязал Адольф Гитлер. Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, недалекие западные политики облегченно вздохнули: мол, теперь фашисты и коммунисты столкнутся лбами и перегрызут друг другу глотки. Но поначалу не тут-то было. Гитлер, конечно, был и негодяем, и фашистом, и палачом, и вероломным

бандитом, но товарищу Сталину тоже палец в рот не клади.

Сегодня многие историки проводят параллели между двумя любимцами народов и находят у них много общего. Разумеется, если ставить перед собой цель опорочить Иосифа Виссарионовича и выставить его в нехорошем свете, то можно с помощью казуистики наскрести кое-какие чисто внешне схожие детали. Ну, например, вроде того, что и Сталина, и Гитлера любили их народы. Или, скажем, что и Сталин, и Гитлер строили концентрационные лагеря для врагов, прикидывавшихся друзьями, и для друзей, оказавшихся врагами. Но, пожалуй, на этом сходство и заканчивается.

Коренные же различия между двумя историческими личностями остаются до сих пор в тени. А они налицо.

Каковы же коренные различия между Адольфом Гитлером и Иосифом Сталиным?

Во-первых, Сталин был грузин, а Гитлер никогда грузином не был. Сталин обожал сациви и гурийскую капусту. У Гитлера от этой еды возникала изжога.

Сталин был старше Гитлера.

Гитлера называли «фюрером», Сталина – «вождем».

Сталин курил трубку. Гитлер вообще был некурящим.

У Сталина были дети, у Гитлера с этим вопросом были сплошные неприятности.

Сталин любил принимать ванну. Гитлер же, будучи убежденным национал-социалистом, предпочитал душ.

У Сталина были усы, у Гитлера – усики.

У Сталина был добрый, открытый, хотя и узкий лоб. У Гитлера была отвратительная челка.

Чарли Чаплин в кинофильме «Диктатор» изобразил Гитлера, а над Сталиным издеваться не посмел.

У советского народа была любимая песня: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина! Выпьем и снова нальем!» Однако история не помнит, чтобы немцы пели про фюрера: «Выпьем за фатерлянд, выпьем за Гитлера! Выпьем и снова нальем!»

Ну и, наконец, последнее различие: Гитлер войну проиграл, а Сталин выиграл.

Таким образом, факты говорят сами за себя. А факты, как говорил Сталин, упрямая вещь. Недобросовестные

историки утверждают, что Гитлер и Сталин были антисемитами. Факты проливают свет и на это обстоятельство.

Сталин обожал Кагановича и часто его ласкал и гладил и обращался к нему не иначе, как «Лазарь». Сталин любил и еще одного еврея – диктора Юрия Левитана и только ему доверял оглашать по радио Приказы Верховного Главнокомандующего.

Гитлер же Кагановича видеть не хотел и знать не знал, а Юрия Левитана грозился повесить на Красной площади. Отсюда ясно, кто был антисемитом, а кто не был.

Когда Гитлер начал завоевывать Европу, Сталин обрадовался, вмешиваться не стал, а, наоборот, договорился с Гитлером и отхватил Прибалтику, кусок Румынии и кусок Польши. Это не было оккупацией, как утверждают некоторые сегодня, потому что это был договор о добровольном воссоединении. Гениальный Сталин рассуждал просто: когда Гитлер завоюет Европу и выбьется из сил, тут мы его, родимого, и прищучим. Следовало только обновить старые кадры Красной Армии. Для этого надо было лишь уничтожить 90 процентов всего командного состава, что не составило особого труда. Но коварный Гитлер только того и ждал и все спрашивал у своих шпионов: «Ну, что? Всех своих командиров Сосо перестрелял или еще остались?» И когда ему 22 июня 1941 года доложили, что уже почти никого в живых нет, Гитлер на Сталина и навалился, оторвав советских людей от строительства коммунизма.

Но Гитлер не знал характера советского народа. А советский человек – особенный. Он все стерпит: голод, холод, концентрационные лагеря, расстрелы... Но если его от строительства коммунизма оторвать, то не дай бог, как говорится...

Контрольные вопросы по Второй мировой войне

1. Как звали мать Риббентропа?
2. В чем преимущество кавалерийского полка перед танковой армией?
3. Могли бы Гитлер и Сталин стать друзьями, если бы они поближе узнали друг друга?
4. За что повесили Муссолини?

Примечание: ответ «за ноги» не верен.

Бланки домашних заданий

ДЛЯ КОНСПЕКТА ДОНОСОВ

A series of approximately 20 horizontal lines spanning the width of the page, intended for the student to write the outline of their report.

Глава 22

*Сталин – наша слава боевая. Гитлер капут!
Вейсманисты, вперед! Сталин капут! Берия, Берия
вышел из доверия. Приходи ко мне, Микита!*

Сначала немецкие войска наступали, а советские – из глубоко стратегических соображений – бежали, оставляя один город за другим. И когда Гитлер уже подошел к Москве, Сталин вспомнил, что еще не все военные командиры расстреляны. Он вызвал Жукова, Рокоссовского и других и велел им разгромить немцев под Москвой, прорвать блокаду Ленинграда, окружить врага под Сталинградом, выгнать его из Восточной Европы и захватить Берлин. Это был гениальный план разгрома гитлеровской Германии. На его выполнение Сталин отпустил четыре года.

Некоторые недалёковидные сталинские соратники хотели поссорить Сталина с Жуковым и Рокоссовским. Рассказывают, что сталинский секретарь Поскребышев однажды сказал вождю, что Рокоссовский не только талантливый маршал, но еще и выпивоха, и бабник, и что устраивает на фронте вечеринки с водкой и патефоном и под песню Шульженко «Синенький скромный платочек» употребляет врачей и санитаров женского пола.

– Что делать будем, Иосиф Виссарионович? – спросил Поскребышев, надеясь, что Сталин скажет любимое слово «расстрелять». Но Верховный Главнокомандующий раскурил трубку, посмотрел в окно и грустно сказал:

– Что делать будем?.. Завидовать будем...

Сталинский гений понимал, что сначала надо выиграть войну, а потом уже можно и наказывать победителей. За это вскоре Сталин стал генералиссимусом. Таким образом, в XX веке было три генералиссимуса: Сталин, Чан Кайши и Франко.

К весне 1945 года войска союзников заняли всю Западную Европу, а советские войска – всю Восточную Европу. После этого Западная Европа стала разлагаться и гнить, а Восточная Европа – процветать и благоухать. Но глупые восточноевропейские люди не понима-

ли своего счастья и умоляли коммунистов: «Не хотим процветать и благоухать. Хотим загнивать и разлагаться». Пришлось использовать танки. А в Берлине построили высокую стену, чтобы восточные немцы не переживали за своих загнивающих и разлагающихся западных родственников.

Каковы были причины победы?

Первое. Великий Сталин и замечательные песни о нем.

Второе. Славные чекисты-разведчики, такие как Штирлиц, пробравшиеся буквально во все структуры гитлеровской верхушки. Один инвалид на Центральном рынке города Москвы рассказывал, что Гитлер, понимая, что война проиграна, перед тем как покончить жизнь самоубийством, позвонил по вертушке и сказал: «Товарищ Сталин! Ваше задание выполнено! Гитлер капут!» Факт этот, конечно, не проверен, но заслуживает внимания.

После войны советские люди вновь принялись за строительство коммунизма. Но несмотря на то что Сталин ежегодно снижал цены на гнутые гвозди, битое стекло и гинекологические кресла, дело подвигалось туго. Мешали поочередно то безродные космополиты, то буржуазная лженаука кибернетика, то вейсманисты-морганисты, то врачи-убийцы, в который раз вынашивавшие людоедские планы неправильного лечения советского народа и его любимых вождей. Все эти подонки были связаны преступными нитями с международным сионизмом и являлись агентами фашистско-еврейской организации «Джойнт». И уже готовилось справедливое переселение народа-вредителя на земли Восточной Сибири, но в марте 1953 года умерло и закатилось величайшее солнце всех времен и народов.

Оставшись без отца и учителя, советские люди осиротели. Снизили свои результаты физкультурники, лишенные поддержки лучшего друга. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы партия не расстреляла, а потом и не разоблачила ближайшего соратника Сталина, верного ленинца, троцкиста и агента царской охранки, английского шпиона Берию. В этом разоблачении главную роль сыграли верные ленинцы Маленков, Каганович и Молотов, которые скоро были разоблачены и исключены из партии верным ленинцем Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Начался завершающий период строительства коммунизма.

Семинарское занятие по главе 22

1. Какой советский чекист во время войны работал в ставке Гитлера под фамилией Гиммлер?
2. Во время наступления батальона комиссар бросал клич «Коммунисты, вперед!» Какой клич бросал комиссар при бегстве батальона?
3. Эйнштейн, Вейсман, Морган, Раппопорт, Ойстрах, Ботвинник... Продолжите список народных вредителей.
4. Композитор Сергей Прокофьев умер 5 марта 1953 года. Кто еще умер в этот же день?

Глава 23

Хрущев. Кровожадность великого Сталина. Кукуруза. Пидарасы. Ракеты.

Когда Никита Сергеевич Хрущев пришел к власти, он первым делом созвал XX съезд партии и зачитал секретный доклад. Тут все и узнали, что великий, мудрый и добрый отец всех народов был злым и кровожадным тираном и уничтожил десятки миллионов честных и нечестных людей. Многие Хрущева поддержали. Мол, правильно, Никита Сергеевич, мол, спасибо, что открыл нам глаза, мол, теперь, с открытыми глазами, под руководством Никиты Сергеевича Хрущева сплотимся еще теснее вокруг родной партии и – вперед по ленинскому пути.

А другие, тоже многие, возмутились. Мол, надругался Никита над телом отца и учителя, друга шахтеров, ученых и гинекологов. Мол, сам хочет стать отцом и учителем, чтоб с Мавзолея простым советским людям ручкой делать.

Но Хрущев быстро и тех и других успокоил. Мол, успокойтесь, товарищи. Мол, ничего страшного не произошло. Мол, Сталин, конечно, и мудрым был, и великим, и много заслуг перед партией имеет, и навеки за это в наших сердцах останется. Но личность у него была злая и кровожадная. И он этой своей личности создал культ, мерзавец эдакий, и за это мы его из своего сердца и из

Мавзолея навеки вычеркнем, тирана кровавого, хотя и мудрого, но справедливого.

Сталин, конечно, если бы догадался при жизни, какого хитрого шахтера пригрел на груди своей, расстрелял бы его как поганого троцкиста. Но Сталин почему-то Никиту любил. Хотя во время домашних вечеринок и задавал себе вопрос: «Расстрелять его к чертям собачьим или пусть гопака спляшет?» И сам себе отвечал: «Пусть гопака спляшет. Ему это больше нравится». А Никиту Сергеевича хлебом не корми, а дай стопку выпить да гопака сплясать. Так он и доплясался до верного ленинца и пламенного соратника Сталина.

А уж когда время пришло, он Сталину все и припомнил. Тогда же народу и пообещал, что в 1980 году наступит коммунизм. Нужно только Америку по мясу и молоку перегнуть и всю страну кукурузой засеять.

После того как Сталина от Ленина из Мавзолея отселили, народ и партия старую песню о двух соколах уже по-другому пели:

На дубу зеленом, да над тем простором
Два сокола ясных вели разговоры.
А соколов этих все люди узнали.
Один сокол – Ленин, другой сокол – тоже.

Хрущев был не очень грамотным или очень неграмотным. Смотря в каком порядке эти слова поставить. Поэтому настоящее искусство он любил, а ненастоящее ненавидел. Солженицына местами жаловал, а Пастернака не читал и не переваривал. А пуще всего досталось абстрактным художникам. И однажды всех, кого эти художники на своих картинах нарисовали, Хрущев назвал «пидарасами».

Таким образом, у советских людей было три главных врага: западногерманский канцлер Аденауэр, американский империализм и абстрактное искусство. Из этих трех зол люди пуще всего ненавидели абстрактное искусство, потому что всё могли стерпеть: и козла Аденауэра, и кока-колу буржуазную, но «пидарасов» еще со времени Ивана Грозного били чем попало.

Хрущев был очень тонким дипломатом, и если господа империалисты не понимали русского языка и не боя-

лись кузькиной матери, Хрущев снимал с ноги башмак и стучал им по трибуне.

По электричкам ходили нищие и пели песни о разрядке международной напряженности. Сохранилась одна из них – «О Парижском совещании в верхах», – восхваляющая изящные дипломатические способности Никиты Сергеевича (*исполняется в ре-миноре*):

Помню я, как когда-то в Париже
Совещание было в верхах.
Там собрались четыре министра –
Говорили о разных делах.
Тут поднялся товарищ Макмиллан
И сказал он себе на позор,
Что желает с позиции силы
Он с Хрущевым вести разговор.
Тут Хрущев сразу с места ответил
И сказал, посмотрев на него:
«Дорогой мой товарищ Макмиллан!
Ты не прав. Ты сказал не того».
Эйзенхауэр тихо смеялся
И почесывал ногтем усы.
Поддержал он Макмиллана сразу,
Потому что он был сукин сын.
Тут поднялся де Голль длинноносый
И сказал: «Такова селяви –
Я хочу небольшой перерывчик.
Я сегодня немного устал».
Эйзенхауэр тихо смеялся
И почесывал ногтем усы,
Поддержал он, конечно, де Голля,
Потому что он был сукин сын.
Тут товарищ Хрущев встал со стула
И сказал: «Дорогие друзья!
Мы вас можем тотчас уничтожить.
Коль на это приказ выдам я».
Сразу в мире вокруг потеплело.
Лед растаял холодной войны.
Лишь стояли-молчали ракеты
Нашей мирной Советской страны.

Кстати, из-за советских ракет американские империалисты едва не развязали ядерную войну. Хрущев решил тайно разместить на Кубе у своего друга Кастро ракеты и 40 тысяч советских войск. Но коварные американцы с самолетов это дело заметили. А их агентам на Кубе показалось подозрительным, что по острову слоняются белобрысые солдаты в кубинской форме и говорят между собой на чистом кубинском языке такие слова:

– Эй, Родриго! У тебя ракета куда нацелена?

– На Чикагу!

– А у меня на Вашингтон, мать его растак!..

Пришлось ракеты обратно демонтировать.

У Хрущева был друг Леонид Брежнев. Ему тоже хотелось и страной поруководить, и на Мавзолее постоять, и людей посмотреть, и себя показать. Стоило Хрущеву поехать отдыхать, Брежнев сговорился с другими верными ленинцами, и когда Хрущев из отпуска вернулся, ему сказали, что никакой он больше не Хрущев, а, наоборот, волюнтаристски настроенная личность, пытавшаяся подмять интересы партии и народа.

Хрущев погоревал, погоревал, да и умер. А главный его враг – абстракционист Эрнст Неизвестный сделал ему памятник.

Вопросы на смекалку по главе 23

1. Шагал, Кандинский, Малевич... Какие еще художники рисовали «пидарасов»?
2. Смягчите с помощью «мягкого знака» следующие слова: марксизм, коммунизм, шовинизм, мазохизм, антисемитизм, сионизм, алкоголизм.
3. Почему Московский мясокомбинат назван именем Микояна?
4. Почему в речах Ленина ни разу не встречается слово «кукуруза»?

Глава 24

Лично дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев. О мерах по дальнейшему подъему народного хозяйства. Сиськи-масиськи. Сосиски сраные. После тяжелой продолжительной болезни.

Во время правления Брежнева Коммунистическая Партия Советского Союза и Родное Советское Правительство так быстро помчались к сияющим вершинам, что все народное хозяйство перестало за ними поспевать. Пришлось затормозить поступательное движение вперед, а потом и вовсе остановиться. Видимо, именно эту эпоху, названную впоследствии эпохой застоя, предвидел гениальный Гете, когда сказал: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

Партия, идя твердым курсом, добилась поразительных результатов, заставив изумиться многих экономистов на Западе: чем меньше было в магазинах продуктов и товаров народного потребления, тем больше росло благосостояние советского народа.

Наступило время пленумов, каждый из которых был историческим. Обычно это были пленумы «О мерах...». Скажем, добивалось сельское хозяйство небывалого подъема в закупке канадской пшеницы, и сразу же созывался Исторический Апрельский Пленум ЦК КПСС, который назывался «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства». Потом созывался Исторический Ноябрьский Пленум «О мерах по еще более дальнейшему подъему сельского хозяйства».

Хлеборобы заканчивали каждый очередной весенний сев на две недели раньше прошлогоднего. Так что в течение 12–15 лет во многих областях сев яровых осуществляли уже в ноябре.

Окончательно стерлись грани между городом и деревней. Колхозники на автобусах приезжали в города на симфонические концерты. Приезжали утром, а до начала концерта от нечего делать скупали хлеб, масло, молоко, мясо, птицу, рыбу, яйца, соль, спички, обувь, мыло, простыни, посуду. А музыканты в это время на грузовиках ездили собирать урожай. Картофель и другие клуб-

новые культуры особенно любили собирать пианисты и скрипачи.

Отдельные случаи хищений в стране практически прекратились. Партия просто разрешила каждому работающему уносить что-нибудь с производства домой: деталь комбайна или танка, пару курочек, спиртик, один-другой отрезик, две-три палочки колбаски. Конечно, находились ловкачи семитского вида, которые злоупотребляли. Некто по фамилии Рабинович нагло похвалялся тем, что устроился мойщиком трупов в морге 2-й Градской больницы. «Золотое дно! – говорил этот зарвавшийся делец. – Два грона обмыл, а третий – твой!»

Не видеть потрясающих успехов в деле коммунистического строительства могли только нового рода шизофреники, которым партия сразу ставила диагноз: «прогрессирующий диссидент» – и отправляла их на бесплатное лечение в соответствующие заведения, любовно названные народом «психушками». Те же пациенты, что представляли особую опасность для советского общества, направлялись в специальные лагеря, которые после массовой реабилитации бывших врагов советского народа просто простаивали, а охранники томились без дела. Наиболее наглых, портивших воздух советским людям, выдворяли подыхать на Запад.

И во всех славных делах весь советский народ и все прогрессивное человечество видели заслугу и заботу родной Коммунистической партии во главе с любимым «лично дорогим товарищем Брежневым».

Лично Леонид Ильич Брежнев лично любил писать книги и лично написал их штуки три. Из этих книг народ узнал наконец, что победа в Великой Отечественной войне была добыта лично Леонидом Ильичом в боях на Малой Земле лично под Новороссийском. За эти заслуги партия наградила лично Леонида Ильича пятью комплектами орденов и медалей Советского Союза и присвоила ему звание маршала, что он и оправдал, введя танки в братскую Чехословакию и «ограниченный контингент» в Афганистан.

Лично Леонид Ильич Брежнев был очень ласковым и любил целовать в засос своих соратников и руководителей братских коммунистических партий. Больше других

он целовал Луиса Корвалана. Эту свою привычку Леонид Ильич сохранил до глубокой старости и потом уже охотно целовал любого, кто оказывался в непосредственной близости от него.

Народ очень любил еще одну особенность Леонида Ильича – умение не выговаривать слова русского языка. Но отменная дикция и чтение речи по бумажке делали его выступления живыми и доступными. Например, говорил он слово «сиськи-масиськи», а люди знали, что это означает «систематически». Или, допустим, скажет он вдруг «сосиски сраные», а народ понимает: Леонид Ильич сказал «социалистические страны».

Умер Леонид Ильич спустя два года после XXII Олимпийских игр в Москве. Умер после тяжелой продолжительной болезни, которой страдал всю свою жизнь пламенного большевика и верного ленинца.

Но партию его смерть не застала врасплох. В ЦК КПСС на этот случай было много членов зрелого возраста, страдавших не менее тяжелыми и не менее продолжительными болезнями. Сначала после тяжелой и продолжительной болезни скоропостижно и безвременно стал Генеральным секретарем Андропов, а после него – по той же причине – Черненко. Но ни тот ни другой никакого вреда партии не принесли.

Пособие для начинающего Генсека по главе 24

- 1. Решите пример: 7+3. Должно получиться 11.*
- 2. Произнесите по-брежневски следующие слова:
Попакатепетль, Азербайджан, Ньюфаундленд,
окаменевшее яйцо птеродактиля, гипотетически,
Гаргантюа, лимфогранулематоз.*
- 3. Повесьте на грудь 28 килограммов орденов и попробуйте разогнуться.*
- 4. Поцелуйте враспашку Генерального секретаря компартии Нигерии.*

Глава 25

Последний Генсек. Социализм с человеческим лицом.
Борис, ты не прав! Падение Бориса. Воскрешение
Бориса. Путч ГКЧП. Борис, ты прав!
От Ильича до лампочки.

Последним Генеральным секретарем КПСС стал Михаил Сергеевич Горбачев с супругой. Он-то практически и развалил все то, что так любовно в течение семидесяти трех лет натворили и наделали большевики. За это, с точки зрения партийного гимна «Интернационал», его следовало бы расстрелять как бешеную собаку и отряхнуть его прах с наших ног. Хотя, с точки зрения других песен, именно за это его следует причислить к лику Героя и установить на родине Героя бронзовый бюст его супруги. Так и будем его рассматривать в историческом аспекте.

Поначалу вроде бы все шло путем. Михаил Сергеевич Горбачев с супругой потоптал сперва предыдущих покойников, навесив на них все грехи наши тяжкие. Затем избавился от брежневских соратников: прежде – верных ленинцев, теперь – взяточников и выдающихся ворюг. Все, казалось бы, логично и по-генсековски. И на Мавзолее он с радостью стоять начал, и народу-романтику, народу-созидателю весело ручкой помахивал. Но потом вдруг ни с того ни с сего объявил гласность и перестройку.

Все так и ахнули. И стали его переспрашивать: «Михаил Сергеевич! Может, ты не то хотел сказать и не то имел в виду?»

Но Михаил Сергеевич упрямым мужиком оказался. «То, – говорит, – хотел сказать, что сказал и имел в виду. Главное – начать, чтобы процесс пошел. А потом – углубить и сформировать!»

Тут такое стали говорить, печатать и по телевизору показывать, что у народа просто крыша поехала. Оказалось, что троцкисты, бухаринцы, Тухачевский с Блюхером и другая прежняя нечисть не враги-душегубы, а друзья кровные и защитники и что зря на них столько патронов извели.

Кроме того, выяснилось, что народное благосостояние выросло до черты бедности и нищеты, а в западных

магазинах – «Докторская» колбаса всех сортов и колготки любого размера; что в половом смысле советский простой человек темен и необразован и не знает даже, с какой стороны к законной супруге подступиться; что она-низм в детском возрасте не только не вреден, а, наоборот, способствует...

Но самое страшное заключалось в том, что «пидарасы», как говорится, такие же люди, как все, только с какой-то не то лишней, что недостающей хромосомой.

А тут еще Михаил Сергеевич ляпнул что-то про суверенитет и национальную независимость. И началось. Все республики, большие и малые, – врассыпную. Михаил Сергеевич с супругой перепугался и понял, что хватил лишку.

«Товарищи! Братцы! Вы меня не так поняли! Не разбегайтесь! Все у вас будет – и суверенитет, и независимость! Но в новых социалистических рамках! Это не так уж и плохо! В Швеции социализм со своей шведской физиономией! В Израиле тоже социализм, но с еврейской мордой! А у нас будет социализм с человеческим лицом!»

Куда там! Все народы стали ему кричать: «А пошел ты!» Правда, каждый на своем языке: кто на латинице, кто на кириллице, кто на эсперанто. А какой народ языка своего не имел, тот с помощью пальцев Михаила Сергеевича и весь нерушимый Союз послал в нужном направлении.

В братских странах и того хуже вышло. Ихние интеллигенты и шахтеры своих коммунистов скинули, стену Берлинскую разрушили и снова воссоединили единую Германию, за что канцлер Коль Михаила Сергеевича очень благодарил и даже, говорят, подкинул денег на перестройку.

За это, с одной точки зрения, Михаила Сергеевича, конечно, следовало расстрелять и судить, но с другой, прямо противоположной, точки зрения, ему надо поставить памятник с установлением вышеупомянутого бюста супруги.

И в тот сложный политический момент Михаилу Сергеевичу с супругой подсуропил его друг и, казалось бы, единомышленник Борис Ельцин, который стал требовать, чтобы оторвали коммунистов от кормушки, и еще

что-то неджентльменское сказал про супругу. Михаил Сергеевич его в лучших партийных традициях задвинул и заявил устами другого своего друга и единомышленника: «Борис, ты не прав!»

Но Борис Ельцин не только не покаялся, а, напротив того, сказал, что сгорает от стыда за свое темное коммунистическое прошлое, и выложил партбилет на стол. За этот героический подвиг народ выбрал его президентом России.

Тогда несколько твердокаменных коммунистов из КГБ, МВД и армии решили сделать путч и создали ГКЧП. А Михаил Сергеевич с супругой в это время загорал на пляже своей дачи в Крыму. И вот, по одним предположениям, он знал, что его друзья по партии делают путч, и только ждал, чем дело кончится, а по другим предположениям, не знал и очень огорчился, что его друзья по партии сделали путч без его ведома и, таким образом, обманули его надежды.

Но путчисты, вместо того чтобы по всем правилам Октябрьской революции захватить почту, телеграф, вокзал и расстрелять Ельцина, ничего этого не сделали и были арестованы. Видимо, революции удаются большевикам в октябре лучше, чем в августе.

Михаила Сергеевича с супругой привезли с пляжа в Москву, где он вынужден был сказать: «Борис, ты прав». Затем он отрекся от своей любимой партии, от президентства и сошел с политической арены, принимая поздравления и проклятья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контрольных вопросов и заданий по 25-й главе не будет. Как говорят в народе, «у матросов нет вопросов». У матросов, правда, нет и ответов. Но так говорят в другом народе...

На бывшей территории одной шестой части суши победившего социализма сегодня располагается СНГ. Не будем влезать в суть этого сокращения. Скажем только, что время для нас еще то. Кто-то в восторге, кто-то в ужасе.

Коллектив, в котором каждый из нас мог сачкануть, распался. Спекулянт, переименовавший себя в «бизнесмена», заинтересован в полном обнищании окружающей среды. Это называется периодом первоначального накопления капитала. И в этом процессе сегодня, как и вчера, в первых рядах коммунисты, которые вовремя вышли из партии и стали демократами.

История наша выходит на новый виток. И уже пишутся новые главы этого бесконечного учебника. У нас уже есть свой «93-й год», мы уже обогнали многие страны по количеству купленных «Мерседесов»... Мы уже оставили позади многие развивающиеся государства по числу бомжей, роющихся в помойках... Уже приобрели «чеченский синдром»... Мы уже опять движемся к какому-то неопределенному светлому будущему по пути, указанному нам родным правительством... И кто знает? Может быть, мы перейдем в следующий класс, а может быть, нас оставят на второй год?..

Назад в будущее

(Учебник истории антисоветской власти для по-прежнему слаборазвитых детей)

От автора

После развала Союза Советских Социалистических

Республик и краха Советской власти началась новая история России и антисоветской власти. Мы находимся в самом зародыше этого исторического витка. За истекшие шесть лет, считая от 1991 года, произошли разной величины события, промелькнули разные личности, одни из которых стали историческими (по крайней мере, на ближайшие годы), другие следа в истории не оставили, но наследили прилично. Большое видится на расстоянии. Поэтому автор выжидал время для выводов и обобщений, коих ему хватило на две главы. Автор надеется оставаться Пименом до тех пор, пока его не востребует Всевышний. После этого роль Пимена возьмет на себя какой-нибудь талантливый потомок, который завоюет это право в конкурентной творческой борьбе с не менее талантливыми людьми.

Глава 1

Лефортовское похмелье. СНГ. Хасбулатов удалой. Гайдар и его команда. Перевороты и их основные признаки.

После провала августовского путча всех главных гэкачепистов свезли в Лефортовскую тюрьму для опознания и опохмелки, после чего многие из них, как настоящие коммунисты, покраснели и раскаялись в содеянном. А те, кому стыдно не было, стали терпеливо ждать амнистии, но покраснели еще больше. Кое-кто из коммунистов публично сжег свой партбилет. На всякий случай.

Но кое-кто партбилет сохранил. Тоже на всякий случай.

Ельцин и другие партийные руководители из союзных республик съехались в Беловежскую Пущу выпить и закусить да заодно и распустить Советский Союз за ненужностью. После этого каждый субъект получил по суверенитету. Новообразование суверенных государств стало называться СНГ, а его жители – эсэнговнянами. Началась эпоха президентов. Главным президентом народ выбрал Ельцина. Чуть пониже были президенты Татарии, Калмыкии, Чувашии, Мари Эл, Мордовии. Потом шли президенты ассоциаций, обществ, фондов, банков. Еще ниже – президенты районов, магазинов, прачечных. Дальше шли президенты сами по себе.

Старую Конституцию заменили на новую. Старый Гимн заменили музыкой композитора Глинки. Музыка была замечательной – слов нет! Да их и не было. Для контроля за президентом оставили Верховный Совет во главе с товарищем господином Хасбулатовым. Верховный Совет сочинял законы, а президент должен был эти законы подписывать. Если президенту законы не нравились, он мог разогнать Верховный Совет к чертовой матери.

Премьер-министром стал Гайдар – сын Гайдара и внук Гайдара. Всему кабинету министров народ тут же дал кликуху «Гайдар и его команда». Гайдар, в отличие от всех предыдущих и последующих глав правительств, был человеком образованным и интеллигентным, что и вызвало у народа неприязнь и подозрения. Любимым словом и делом Гайдара было слово «монетаризм». С помощью этого слова Гайдар и хотел реформировать всю Россию. Но народ монетаризм не любил, не понимал и поэтому не хотел. Многие считали монетаризм разновидностью полового извращения и французской любви. Национал-патриоты и коммунисты убеждали всех, что монетаризм – это ответвление сионизма, а Гайдар с командой и Ельцин – переодетые жидомасоны, и что настоящая фамилия Ельцина – Эльцынд Борух Наумович. Слухи эти подтверждались постоянным ростом отпущенных цен и неукротимой инфляцией. Красной тряпкой для народного быка стал Анатолий Чубайс и его ваучер. Каждый житель России получил по ваучеру и не знал, что с ним делать – то ли продать за наличные, то ли куда-нибудь вло-

жить. Вкладывали кто куда, в результате чего возникли очереди в гинекологические кабинеты и в отделения проктологии. Наиболее предприимчивые жители полезли в бизнес. В короткое время слово «бизнес» из ругательного стало загадочным и таинственным образом приносящим деньги. Поначалу русский бизнес развивался по такому принципу. Встречались два бизнесмена, и один говорил другому: «Хочешь купить вагон сахара за сто долларов?» – «Хочу», – говорил другой. «По рукам?» – «По рукам!» И они разбегались. Один искал, где украсть сто долларов, а другой – где угнать вагон с сахаром. Кто находил, тот становился новым русским, а кто не находил, тот становился нищим и выходил на митинги под красными флагами и портретами Сталина.

Как только новый русский богател, к нему приходили бритоголовые «качки», которые назывались рэкетирами. В таких случаях между ними происходили типовые разборки.

- Мы тебя будем охранять, а ты будешь отдавать нам половину своих денег, – говорил рэкетир.

- Но на меня никто не собирается нападать, – отвечал новый русский.

- А если мы на тебя нападём? – говорил рэкетир. – Так что соглашайся, а мы тебя от нас же и защитим. Мы – твоя крыша.

Таким образом, рэкетире тоже становились новыми русскими, и к ним тоже приходили бритоголовые «качки». В результате весь российский деловой мир был под одной крышей и все платили друг другу. Позднее это стало называться коррупцией. Остальная же часть населения России, включая госслужащих, жила в ожидании чуда, и чем дольше чудо не приходило, тем больше эта часть ругала Ельцина, Гайдара и Чубайса. В воздухе снова запахло переворотом, который в России всегда считался любимой народной забавой...

В связи с этим полезно ознакомиться с классификацией и основными признаками переворотов.

По определению Ленина, первичным половым признаком переворота является ситуация, когда верхи не могут, а низы не хотят. Но поскольку в России верхи почти всегда хотят, но не могут, а низы могут, но не хотят, ве-

роятность переворота в России сохраняется практически круглосуточно.

Перевороты бывают весенними, летними и осенними. Зимних переворотов быть не может, так как холодно и переверачиваемым, и переверачивающим.

Перевороты бывают также правительственными, дворцовыми, военными и октябрьскими. Октябрьские перевороты еще называют социалистическими революциями.

В случае успеха переворота свергнутый режим объявляется кровавым. В случае неуспеха кровавым объявляется сам переворот, а вернее – его попытка.

Одним из грозных признаков российского переворота считается отдых главы государства на Черноморском побережье Кавказа или в Шуйской Чупе.

Слухи о болезни главы государства или о его чрезмерном пристрастии к алкогольным напиткам, распространяемые в средствах массовой информации или в местах общего пользования, реальными признаками переворота считаться не могут, так как одновременно являются признаками устойчивости и стабильности существующего режима.

Немотивированное длительное звучание по радио и телевидению музыки Чайковского из балета «Лебединое озеро» до недавнего времени считалось главным признаком начавшегося переворота.

Исполнение песен Иосифа Кобзона ни о чем не говорит, так как может означать либо успех переворота, либо его полное поражение.

Упражнения по предыдущей главе

1. Сверните ваучер в трубочку и найдите для него наиболее удобное место вложения.
2. Сделайте вход в ваш туалет платным. Это станет вашим бизнесом ПО-БОЛЬШОМУ счету.
3. Встаньте с утра перед зеркалом и громко повторяйте слово «Гайдар» до наступления полного монетаризма.
4. Какие еще народные приметы переворота вы знаете?
Например: «Солнце красно с вечера – переворота бояться нечего». «Солнце село в тучу – жди с утра путча».

Глава 2

*Белый дом с черной отметиной. Новые русские.
Рекламная пауза. Голосуй - не голосуй...
Лишние и новые люди.*

В конце сентября 1993 года свобода в России достигла такого уровня, что Верховный Совет и его спикер удамой Хасбулатов стали угрожать президенту его отставкой. Тогда президент издал указ о роспуске Верховного Совета и велел всем депутатам покинуть Белый дом. Тогда депутаты сказали, что указ президента – им не указ. Тогда президент отключил депутатам воду, газ, электричество, отопление, телефон и питание. Тогда генералы Макашов, Руцкой и простая девушка Сажи Умалатова вместе с простым парнем Витей Анпиловым стали звать народ к топору и штурмовать Останкинское телевидение – рассадник жидомасонства и средств массовой информации. 3 и 4 октября в Москве возникла кровавая буза, в результате чего погибли сотни людей. Но на сей раз рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, не пошли на сторону генералов, простой девушки Сажи Умалатовой и простого парня Вити Анпилова, а наоборот, по приказу президента стали стрелять по Белому дому из пушек и пулеметов, сделав на нем черные отметины. Тут депутаты перепугались, вышли из Белого дома и сдались на милость президента, пообещав ему впредь никогда не устраивать в России кровавую бузу с оружием в руках. Прдержав Хасбулатова и других несколько дней в Лефортовской тюрьме, президент простил их и отпустил, тем более что началась подготовка к выборам в Государственную думу, а многие из узников хотели в нее баллотироваться.

Подготовка к выборам и сами выборы прошли в обстановке дружеской взаимоненависти кандидатов, блоков и партий. Гадалки и специалисты общественного мнения убеждали всех в победе гайдаровского Демократического выбора России. По этому поводу в ночь после выборов в Кремле устроили в честь будущих победителей бал-встречу Нового политического

года с трансляцией по телевидению на всю страну. Ждали приезда президента и Гайдара. Но в самый разгар веселья вдруг выяснилось, что большинство в Думе завоевала партия Жириновского (юриста по происхождению), который пообещал в случае своей победы колбасу по 2 руб. 20 коп. и массовое купание российских солдат в Индийском океане. Конечно, народ предпочел эти блага ненавистному монетаризму. Президент и Гайдар на праздник так и не приехали, а по Кремлю расхаживал счастливый Жириновский и хохотал над своими противниками. Народ по этому поводу потом шутил: пригласили всех на именины, собрались гости, а именинник умер – так что вместо именин пришлось пить на поминках...

После этого президент убрал в тень Чубайса от греха подальше и заменил премьера Гайдара на премьера Черномырдина, который до этого был большим специалистом по газу.

Пока политики грызлись между собой, доказывая, кто из них больше любит народ, производство упало окончательно, потребительская корзина совсем прохудилась, инфляция галопом обскакала заработную плату, и Россия получила наконец статус развивающейся страны. Презервативы, появившиеся в несметном количестве, вконец подорвали и без того жалкую рождаемость. Врачи месяцами не получали нищенскую зарплату, в результате чего медицина стала понастоящему бесплатной. Гигантскими темпами развивались новые русские и реклама. По количеству «шестисотых» «Мерседесов» и «Роллс-Ройсов» Россия вышла на второе место в мире после Объединенных Арабских Эмиратов. Реклама заполнила все паузы и пространства. Вместо смертоносных крылатых ракет Запад забросал Россию крылатыми прокладками и тампонами, удобно располагающимися внутри женского тела. Реклама делала все, чтобы россиянки могли даже в критические дни танцевать и смотреть «Санта-Барбару» в дорогом нижнем белье, а от россиян чтобы перестало пахнуть из подмышек и вонять перегаром изо рта. Но главный удар реклама направила на перхоть – самый страшный враг музыкантов и поп-певиц...

Молодые новые русские, разбогатев, переводили свои деньги в западные банки, справедливо опасаясь призрака коммунизма, который продолжал бродить по России, размахивая портретами Сталина и грозя восстановить советскую власть. Единственным, что мешало им жить спокойно, были налоги и неплатежи. Но если налоги можно было укрывать или просто не платить, то со взаимными неплатежами дело обстояло сложнее.

В обстановке переходного периода распространено было желание взять кредит в банке или одолжить деньги у друга. Отдавать же кредиты и долги, конечно же, никто не хотел – деньги нужны были каждому. Тогда банкиры и друзья нанимали бандитов, которые убеждали кредиторов вернуть взятые деньги: они гладили должников раскаленными утюгами, приковывали их к железным арматурам и напускали крыс. Но несмотря на все убеждения, денег никто отдавать не хотел. Тогда к делу приступали наемные убийцы, которые назывались киллерами. Они убивали должников и членов их семей согласно прейскуранту, публиковавшемуся в различных печатных органах. В свою очередь, кредиторы и должники придумали свои ответные меры против беспредела. Человек брал кредит в банке или одалживал у друга, скажем, 20.000 долларов США, потом нанимал киллера, платил ему 5000 долларов США, и тот убивал банкира или друга. Оставшиеся 15.000 долларов США человек оставлял себе. Таким образом постепенно в России создавался первоначальный капитал. Заказчик после этого нанимал второго киллера, который убивал первого киллера. Третий киллер убивал второго киллера и т. д. по известному «принципу домино». Убийство киллера стоило недорого и большого материального ущерба заказчику не приносило. Если заказчик сам подпадал под подозрение правоохранительных органов, то он выдвигал себя в Госдуму, где и пользовался правом депутатской неприкосновенности...

В это время назревала большая разборка с Чечней. Туда был направлен в качестве президента бывший советский генерал Дудаев. А он, мало того что

провозгласил независимость Чечни, еще и стал продавать нефть, не желая делиться с теми, кто послал его быть президентом. Началась русско-чеченская война, в результате которой Чечня была разрушена, а Россия потеряла несколько десятков тысяч молодых солдат и офицеров.

В такой обстановке происходила подготовительная кампания по выборам второго президента России. Кандидатов было много. Практически каждый мог выдвинуть себя в президенты. Голоса завоевывались методом «обсера» конкурента и с помощью телевизионных дебатов, в ходе которых кандидаты могли оскорблять друг друга, обливать апельсиновым соком или запускать в противников графином. Огромную роль сыграли популярные певцы, певицы и артисты, которые за скромные деньги поддерживали своими концертами того или иного кандидата. В результате актерская бригада Ельцина перепела и переплясала актерскую бригаду Зюганова почти на 11 процентов. Третьим был отставной генерал Лебедь, который упал, отжался и встал, отобрав много голосов у Жириновского и Зюганова. После этого Ельцин сделал Лебеда секретарем Совета безопасности. Когда Лебедь заключил мир с Чечней, Ельцин вывел его из Совета безопасности. А коммунисты сочинили про Лебеда частушку:

В небе птица пролетела –
Встрепенулася вся Русь.
Показалось – лебедь белый,
Оказалось – серый гусь.

Тогда Лебедь на всех обиделся и сказал, что в 2000 году обязательно станет президентом России.

В стране тем временем наметился экономический подъем, который привел к почти полной остановке производства в военной области, в области науки, культуры, медицины и космической деятельности. Появилось много безработных, пенсионеров и просто людей, не получающих свою заработную плату. А поскольку витрины магазинов ломались от импортных товаров, народ стал возмущаться, потому что денег на

покупку этих товаров у него не было. Вопрос «где взять бабки?» для всех встал ребром.

И тут кое-кто вспомнил любимое и желанное слово народа «халява» и начал строить «пирамиды». Народ стал продавать последнее и тащить деньги в эти образования, надеясь получить через короткое время аж 1000 процентов назад. Обобрав бывших советских людей до нитки, «пирамиды» рухнули, а их хозяева или чухнули за границу, или были арестованы, или их убивали. А начальник «МММ» г-н Мавроди стал за это депутатом Госдумы. Народ из-за этого страшно опечалился не только за себя, но и за своих любимцев – семью Пугачевых, которая тоже вложила в «пирамиды» последние сотни тысяч баксов и вынуждена была перебиваться с хлеба на воду, что отрицательно сказалось на творчестве.

Ельцин очень из-за этого переживал, и ему сделали операцию на сердце, после чего он разогнал своих прежних друзей, снова приласкал Чубайса, а первым вице-премьером сделал молодого нижегородского губернатора Бориса Немцова. Немцов не только был активным работником, но, что очень важно, внешне походил на Филиппа Киркорова и близко знал Аллу Борисовну. Так что люди сразу увидели в нем кандидата в президенты на выборах 2000 года. Но до этого еще всем нам надо как-то дожить...

Вопросы на засыпку по предыдущей главе

1. На кого из деятелей искусства похож Зюганов?
(С.Крылов? С.Говорухин? З.Соткилава? М.Джексон?)
Ненужное оставить, нужное зачеркнуть.
2. Жириновский – это псевдоним, кличка, профессия или диагноз? (Однозначно все оставить.)
3. Является ли 15-е место А.Пугачевой в Дублине результатом расширения НАТО на восток?
4. Ответьте рифмой на вопрос: заработная плата – она где?

Несколько методических приложений

Приложение 1 [REDACTED] Типовой проект-сценарий политического диалога в прямом эфире

Цель диалога – в корректной беседе прояснить позиции и достичь желанного берега под названием КОМПРОМИСС. В диалоге обычно принимают участие, как поется в песне, «два веселых гуся: один левый, другой правый – два веселых гуся». Слева от телезрителей сидит, как правило, ЛЕВЫЙ гусь, справа – ПРАВЫЙ гусь. Иногда ПРАВЫЙ становится ЛЕВЫМ, а ЛЕВЫЙ – ПРАВЫМ. В зависимости от обстоятельств. Но оба утверждают, что хотят спасти Третий Рим...

ЛЕВЫЙ. Рад видеть вас в прямом эфире, Владимир Давидович.

ПРАВЫЙ. Я буду более откровенен и скажу, что я не очень рад вас видеть, Николай Грузинович.

ЛЕВЫЙ. Спасибо за откровение, но я действительно, рад вас видеть, Владимир... Давидович.

ПРАВЫЙ. А что вы жмете на мое отчество?! Имя моего отца ни от вас, ни от меня не зависит. Вы же не виноваты, Николай Грузинович, что ваш отец – Грузин! *(Саркастически хохочет)*.

ЛЕВЫЙ. Благодарите Бога за то, что мы в прямом эфире, а то мы поговорили бы на другом языке!

ПРАВЫЙ. А вы объявите рекламную паузу, и я скажу, что я о вас думаю!

РЕКЛАМА

– У меня сегодня важное свидание в прямом эфире, а у меня грязная шея. Не знаю, как быть...

– Лучшее средство от грязной шеи – мытье с мылом «Кориолан»!

ЛЕВЫЙ (*у него фингал под правым глазом*). Тем не менее я по-прежнему рад вас видеть, Владимир.

ПРАВЫЙ (*у него фингал под левым глазом*). Я так не могу сказать.

ЛЕВЫЙ. Послушайте, Владимир...

ПРАВЫЙ. А что вы опять жмете на мое отчество?! Моего отца звали Давид! Мне стыдиться нечего! Его звали Давид, а не Грузин!

ЛЕВЫЙ. Вы пользуетесь тем, что мы в прямом эфире, и я не могу вам ответить!

ПРАВЫЙ. А вы объявите рекламную паузу!

РЕКЛАМА

- У меня сегодня важное свидание в прямом эфире, а у меня ноги потеют.

- «Кориолан!» Лучшее мыло для ног и шеи в одном флаконе!

ЛЕВЫЙ. По-прежнему рад вас видеть, Давид Владимирович.

ПРАВЫЙ. А я рад вас не видеть, Грузин Николаевич.

ЛЕВЫЙ. Вот и договорились... Послушайте...

ПРАВЫЙ. Я знаю, что вы скажете! Вы скажете, будто я сказал, что я плачу своим избирателям, что я призываю к фашизму, что я съел графин на приеме в Сербии! Да, я это все говорил! Но, во-первых, не я плачу, а мне платят! А во-вторых, на приеме в Сербии я не съел графин, а выпил! После этого не только к фашизму, но и к коммунизму призовешь! Дайте мне сказать! Все! Я кончил!

ЛЕВЫЙ. Значит, вы все это говорили?

ПРАВЫЙ. Все! До единого слова! Но все, что я говорю, это заведомая ложь, и вы это прекрасно знаете!

ЛЕВЫЙ. Я этого не знаю!

ПРАВЫЙ. Знаете! И сознательно пользуетесь ложью!.. Вот я вас и поймал! Вы сами платите избирателям!

ЛЕВЫЙ. Я плачу?! Из чего?!

ПРАВЫЙ. Из-за границы. Грузин Николаевич!

ЛЕВЫЙ. А вы, Давид Владимирович, просто отцеубийца! Вы Павлик Морозов!.. Хотя я и рад вас видеть!

ПРАВЫЙ. Сейчас я сделаю так, что вы будете рады меня только слышать!

РЕКЛАМА

- У меня сегодня важное любовное свидание в прямом эфире, а запах изо рта ужасающий...

- Отправляясь на любовное свидание в прямом эфире, не забудьте надеть вот ЭТО!

(В кадре ТО, ЧТО надо надеть, отправляясь на свидание в прямом эфире).

ТИТРЫ:

Ведущий

Ведущий режиссер

Ведущий оператор

Ведущий политолог

Ведущий офтальмолог

Ведущий травматолог

Ведущий психиатр

Приложение 2

Как организовать бизнес в России

Первый закон

Для того чтобы хоть что-нибудь организовать, нужны хоть какие-нибудь деньги. Для чего нужны эти хоть какие-нибудь деньги? Для того чтобы хоть ЧТО-НИБУДЬ купить. Для чего нужно хоть ЧТО-НИБУДЬ купить? Для того чтобы ЭТО ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ продать. Для чего нужно ЭТО ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ продать? Для того чтобы иметь хоть какие-нибудь деньги.

Пример. У вас есть рубль. На этот рубль вы можете купить кукиш с маслом. Теперь вы должны этот кукиш с маслом продать. Но сегодня кукиш с маслом больше чем за рубль у вас никто не купит. Вам остается только слизнуть масло, а кукиш спрятать в карман, где у вас до сих пор лежит ваучер. Таким образом, бизнес у вас не получился, хотя вы и были в процессе. Вспоминается извест-

ный экономический анекдот с участием двух евреев. Так вот, идут два еврея и видят на дороге кучу дерьма. И один другому говорит: «Послушайте, Рабинович, вы можете съесть эту кучу, если я вам дам миллион?» – «Конечно!» – отвечает Рабинович, съедает кучу и получает миллион. Идут они дальше и видят на дороге другую кучу. Тут уже Рабинович говорит: «Послушайте, Бенюмович, а вы можете съесть эту кучу, если я вам дам миллион?» – «Конечно! – отвечает Бенюмович. – Что я, глупее вас?» Съедает кучу и получает от Рабиновича миллион.

Идут дальше. И тут один другому говорит: «Послушайте, а вам не кажется, что мы с вами наелись дерьма и ничего не заработали?»

Отсюда

Второй закон

В бизнесе надо зарабатывать! Для чего? Для накопления первоначального капитала. Каким образом? Можно, скажем, выращивать яблоки и продавать их. Но за годы советской власти наш народ так обленился, что, вместо того чтобы выращивать яблоки, он предпочитает околачивать груши. А как же тогда накопить первоначальный капитал?

Можно, конечно, воровать, грабить, или, как говорили большевики, экспроприировать. Но за это можно угодить в тюрьму. Поэтому проще всего занять у разных друзей побольше денег, поехать в Турцию, закупить там товаров широкого потребления и продать их втридорога на рынке в Коньково. Затем снова поехать в Турцию, и еще раз в Турцию, и еще раз в Турцию... До тех пор пока Жириновский не уничтожит Турцию. Но к тому времени у вас будет столько денег, что хрен с ней, с Турцией. Вы сможете поехать в Америку да там и остаться. И хрен с ней, с Россией... Тем более что друзья, у которых вы в свое время занимали деньги, просят их вернуть. А кому это охота возвращать с таким трудом заработанные деньги? Не лучше ли пустить их в оборот? И вы покупаете в Америке большую партию американских кукишей с маслом и наводняете ими российский рынок, рекламируя их как экологически чистые кукиши с маслом, совер-

шенно не содержащие холестерина, снижающие кровяное давление, вызывающие у женщин абсолютно безболезненные выкидыши даже на восьмом месяце беременности и одновременно обучающие английскому языку по методу Илоны Денисдавыдовой с параллельным послабляющим эффектом и постоянной эрекцией у пенсионеров.

За это большинство из нас, ничего не смыслящих в бизнесе, отдадут все: и нефть, и золото, и алмазы, и Курилы... И вам кажется, что вы нас выгодно надули? Жестко ошибаетесь, господа хорошие! Ведь наш-то родной кукиш при этом остается в нашем собственном кармане, а с ним всегда можно выйти на любую демонстрацию против любого правительства!

Приложение 3

Детские игры для взрослых

Игра первая – «НУ-КА, ОТНИМИ!»

Игра проводится в доме, во дворе, в городе, в области или на территории СП (в зависимости от количества участников). Сначала участники тащат разноцветные фишки, кто сколько сможет. Каждый цвет соответствует наименованию политических убеждений: синий – демократы, белый – либеральные демократы, серый – аграрии, зеленый – экологи, голубой – сексуальные меньшинства и т. д. Обладатели красных фишек считаются коммунистами. Красные фишки считаются козырными. Обладатель красных фишек в любой момент может обменять их на фишки другого цвета в соотношении один к трем в зависимости от ситуации. Затем из мешка вываливаются домики, заводики, колхозики, нефтяные выщечки, золотые руднички, солдатики, офицерики, флотики, валютка. Участник или группа участников, собравшие большинство фишек одного цвета, объявляются паханами и до начала игры забирают себе половину содержимого мешка. Остальные участники по команде «хватай!»

быстро растаскивают вторую половину содержимого мешка. Участники, которым фишки не достались, объявляются народом.

Они ходят вокруг стола или вокруг Кремля и выражают свое возмущение. Затем паханы объявляют условия игры: «шок-терапия», «монетаризм», «мягкие реформы», «планирование» (в зависимости от настроения). Цель игры – переход к рынку. В процессе игры участники имеют право торговать друг с другом на взаимно невыгодных условиях, воровать друг у друга имущество, брать кредиты и не отдавать их. Собравшие в процессе рыночных отношений наибольшее количество имущества, валюточки, солдатиков и офицеров имеют право крикнуть «атас!» и перевести бывших паханов в оппозицию, а самих себя объявить новыми паханами. Возмущающийся народ может в любой момент отнять у играющих фишки и имущество. В этом случае игра считается проигранной и назначается новая игра. Игра эта увлекательная и захватывающая. Рассчитана на несколько поколений.

Игра вторая – «РАЗГОНИ ДУМУ»

Игра проводится в любом доме. Можно в Белом. Участники тащат из мешка фигурки разных животных. Участник, который вытащит фигурку медведя, объявляется президентом. Остальные животные объявляются членами Думы. Однородные фигурки (волки, зайчики, уточки) объединяются во фракции. Участники, которым фигурки не достались, объявляются народом. Они ходят вокруг стола или вокруг Кремля и выражают свое возмущение. Участник, имеющий фигурку ослика, считается спикером. По команде ослика «И-а! И-а!» все участники вскакивают и начинают кричать что-нибудь обидное, каждый на языке той фигурки, которой владеет. В ответ участник, имеющий фигурку медведя, старается перекричать остальных участников по-медвежьи. Если это ему удастся, игра продолжается. Если медведь не может перекричать остальных участников, то он берет большую рогатку и разгоняет Думу. В этом случае игра считается проигранной, участники снова тащат из мешка фигурки, и начинается новая игра.

Для владельцев электронных телеприставок типа «Нинтендо» или «Денди» могу предложить увлекательные электронные игры: игра на сообразительность «Опознай масона», поисковая игра «Найди партийную кассу» и географическая игра «Чей Крым?». Удачной игры, господа!

Приложение 4 ██████████ Типовой проект договора

«О мерах по еще более тесному сближению сторон, ненавидящих друг друга, вплоть до полного неприятия и глубокого удовлетворения в целях достижения общего согласия в обстановке взаимной ненависти»

Высокие договаривающиеся до бог знает чего стороны договорились до следующего:

1. Сторона, именующая себя ПЕРВОЙ, берет на себя право лишь частичного охаивания в средствах массовой информации ОСНОВОПОЛОЖНИКА великих идей, но без посягательства на вынос последнего из Мавзолея. Однако сторона, именующая себя ПЕРВОЙ, в любой момент может прекратить всякое охаивание ОСНОВОПОЛОЖНИКА великих идей вплоть до частичного признания, но при условии обязательного выноса последнего из Мавзолея.

2. Сторона, именующая себя ВОСЬМОЙ, имеет право на демонстрации и митинги под красными носами и флагами не более двух раз в квартал с требованиями свержения существующего режима не более трех раз в квартал, но без мордобоя.

В случае отказа от демонстраций и митингов под красными носами и флагами, а также от требований свержения существующего режима, сторона, именующая себя ВОСЬМОЙ, получает право на ограниченный мордобой мирными средствами не более четырех раз в месяц в свободное от работы время.

3. Сторона, именующая себя ТРЕТЬЕЙ, снимает справедливые обвинения ПЕРВОЙ стороны в причастности к международному сиономасонскому заговору, но сохра-

няет право омовения сапог в водах Индийского океана в рамках частного туризма при согласии принимающего государства.

4. Сторона, именующая себя **ЧЕТВЕРТОЙ**, с момента вступления в силу настоящего документа не считает более приватизацию **ПРЕСТУПНОЙ** при условии разрешения этой **ЧЕТВЕРТОЙ** стороне приватизировать сорок процентов предприятий легкой промышленности и военно-промышленного комплекса.

5. Сторона, именующая себя **ВТОРОЙ**, получает право считать сотрудничество с **ТРЕТЬЕЙ**, **ЧЕТВЕРТОЙ** и **ДЕВЯТОЙ** сторонами **ЗАПАДЛО** вплоть до полного истечения полномочий нынешнего состава Государственной думы.

6. Сторона, именующая себя **ПЯТОЙ**, признает все пункты настоящего договора при условии запрещения абортс на всей территории бывшей Советской Литвы (включая Клайпеду) и применения смертной казни по отношению к представителям сексуальных меньшинств народов Крайнего Севера.

7. Сторона, именующая себя **ШЕСТОЙ**, сохраняет за собой право на применение силы по отношению к стороне, именующей себя **СЕДЬМОЙ**, при условии полного отказа стороны, именующей себя **СЕДЬМОЙ**, от применения силы.

8. Сторона, именующая себя **ДЕВЯТОЙ**, считает для себя оскорбительным именоваться стороной **ДЕВЯТОЙ** без признания остальными сторонами колхозного строя **ПЕРВИЧНЫМ**, а материи – **ВТОРИЧНОЙ**.

9. Сторона, именующая себя **ДЕСЯТОЙ**, не готова пойти ни на какие компромиссы со сторонами **ПЕРВОЙ** и **СЕДЬМОЙ** до тех пор, пока Чечня считается **СУБЪЕКТОМ**, а Геннадий Хазанов и Борис Березовский не лишены двойного гражданства. В то же время сторона, именующая себя **ДЕСЯТОЙ**, сохраняет полное право на любой компромисс со сторонами **ПЕРВОЙ** и **СЕДЬМОЙ** именно при условии, что Чечня останется субъектом, а Геннадий Хазанов и Борис Березовский **НЕ БУДУТ** лишены двойного гражданства.

10. Сторона, именующая себя **ОДИННАДЦАТОЙ**, как ни разу не упомянутая в данном договоре, считает себя

вправе В ГРОБУ ВИДЕТЬ все стороны с ПЕРВОЙ по ДЕСЯТУЮ и наложить на все полное вето с прибором, включая ответственность.

11. Члены сторон, одобрившие и не одобрившие данный договор, именуются соответственно ОДОБРЯНТАМИ и НЕОДОБРЯНТАМИ и приглашаются на умиротворительный прием с коктейлями. В целях дальнейшего укрепления взаимопонимания и взаимодоверия НЕОДОБРЯНТЫ приглашаются на прием без супругов. ОДОБРЯНТЫ приглашаются на прием с супругами НЕОДОБРЯНТОВ.

Вход свободный, конвертируемый.

12. Договор окончательный. Помилванию и обжалованию не подлежит.

Приложение 5
ГКЧП-2
Главный Конституционный Частный Проект

I. Общие положения

Положение, в котором находится все население нашей страны, считается общим положением. Каждый гражданин нашей страны имеет право и на собственное (частное) положение. Положения «стоя», «лежа», «сидя», «с колена» считаются собственными (частными) положениями и не регулируются государством. «Дурацкое» положение, «интересное» положение, а также положение «хуже губернаторского» являются делом совести каждого гражданина нашей страны.

«Экономическое» положение, «политическое» положение и «чрезвычайное» положение гарантируются государством и возврату, а также обмену не подлежат.

II. Государственное устройство

По государственному устройству наша страна является думно-парламентской, авторитарно-демократической, не ограниченной жесткими рамками цивилизованной анархии и регионального беспредела.

Нашей страной правит президент, избранный народом или назначенный в рабочем порядке определенными структурами.

В отсутствие президента (командировка, сон, депрессия, день рождения) страной правит вице-президент.

В отсутствие вице-президента (командировка, сон, депрессия, день рождения, участие в заговоре) страной правит спикер Думы.

В отсутствие спикера Думы при одновременном отсутствии президента и вице-президента страной правит прокурор.

В отсутствие прокурора (участие в процессе, пикники, тюремное заключение) страной правит товарищ прокурора или лицо, считающее себя таковым.

В отсутствие товарища прокурора (тяжелое алкогольное опьянение или когда у прокурора нет товарищей) страной правит начальник ближайшего отделения связи или сбербанка.

В отсутствие ближайшего почтового отделения или сбербанка наша страна объявляется НЕУПРАВЛЯЕМОЙ и назначаются новые выборы или назначение нового или старого президента.

Армия, Флот, Авиация, Внутренние войска, Милиция, Служебные собаки и остальные силовые структуры в кризисной ситуации соблюдают принцип активного невмешательства и материальной заинтересованности за исключением особых обстоятельств.

К особым обстоятельствам относятся просьбы о вмешательстве не менее двух трудящихся, достигших 18-летнего возраста, или мотивированное желание шести, пяти, четырех, трех, двух, но не менее одного руководителя силовых структур или членов их семей, проживающих в данном или сопредельном регионе не менее полутора лет.

III. Население

Основным населением нашей страны является Народ и его слуги. Все остальные категории населения Народом не являются и народными благами не пользуются или пользуются таковыми с учетом согласия самого Народа или его представителей.

IV. Права и обязанности

Всякое право является священной обязанностью каждого гражданина нашей страны.

Наши граждане имеют обязанности на следующие права:

1. Каждый гражданин имеет право на рождение, на смерть и на горячую воду в старости.

2. Каждый гражданин имеет право на продукты питания и товары широкого потребления, приобретенные либо за наличный расчет, либо в результате стихийного перераспределения ценностей в результате переполнения чаши народного терпения.

Чаша народного терпения считается переполненной в следующих случаях:

- а) когда верхи не могут, а низы не хотят,
- б) когда низы не могут, а верхи не хотят,
- в) когда верхи хотят, а низы не могут,
- г) когда низы хотят, а верхи не могут,
- д) когда и верхи, и низы хотят, но не могут.

Во всех остальных случаях чаша народного терпения переполненной не считается. Искусственное переполнение чаши народного терпения является недопустимым и карается по закону Ломоносова-Лавуазье (часть II).

3. Каждый гражданин имеет право открывать и закрывать свои и чужие дома, магазины, предприятия общественного питания и бытового обслуживания без предварительного согласования с местными органами управления.

4. Граждане нашей страны имеют право избирать и быть избранными в зависимости от существующего законодательства.

5. Граждане нашей страны имеют право на свободу совести. Свобода совести осуществляется гражданами только в строго отведенных для этого местах.

6. Национальное равенство является священным правом каждого гражданина нашей страны. Категорически запрещается оскорбление и унижение национального достоинства лиц, не являющихся представителями данной национальности.

7. Граждане нашей страны имеют право на уважительное отношение к представителям высшей государствен-

ной власти. Оскорбление чести и достоинства лиц высшей государственной власти путем сравнения их с домашними животными, включая нецензурную брань на улицах или в средствах массовой информации, является недопустимым вплоть до истечения полномочий данного лица или лишения его депутатского мандата.

8. Земля, ее недра, реки, озера, леса, угодья и пастбища являются достоянием нашей страны и никакой ответственности за это не несут. Загрязнение окружающей среды является преступлением. Исключения составляют лишь сливы в близлежащие водоемы городских канализаций, выбросы в атмосферу сернистого ангидрида и радиоактивные отходы.

9. Граждане нашей страны имеют гарантированную свободу слова. Свобода двух, трех и более слов согласуется с правоохранительными органами.

V. Любовь. Брак. Семья

Право на любовь является неотъемлемым правом каждого гражданина нашей страны независимо от возраста, партийной и расовой принадлежности, занимаемой должности и пола.

Осуществление любви половым путем на законных основаниях называется браком и санкционируется соответствующими органами.

Зарегистрированные пары объявляются семьей и получают право на детопроизводство при согласии не менее одного из партнеров. В случае несогласия одного из партнеров на детопроизводство второй партнер имеет право на производство потомства частным порядком с предварительным уведомлением региональных супрефектов или без такового.

Распад семьи осуществляется в судебном порядке при наличии у одной из сторон убедительных мотивировок.

Убедительными мотивировками считаются:

1. Отказ одной из сторон от исполнения супружеских обязанностей без убедительных мотивировок. В убедительные мотивировки отказа от супружеских обязанностей входят:

- а) вялость и апатия одного из партнеров,
- б) отсутствие желания,
- в) раннее или позднее время суток,

г) бытовая ненависть.

Все остальные мотивировки считаются неубедительными и квалифицируются как сознательное уклонение от супружеских обязанностей.

2. Слишком частые требования одного из партнеров исполнения супружеских обязанностей без убедительных мотивировок.

В убедительные мотивировки слишком частых требований исполнения супружеских обязанностей входят:

- а) недоедание,
- б) неприятности по работе,
- в) длительные командировки или тюремное заключение,
- г) желание.

Все остальные мотивировки считаются неубедительными и квалифицируются как нанесение ущерба здоровью одного из партнеров.

VI. Труд и работа

Каждый гражданин нашей страны имеет право на труд независимо от наличия работы. Эксплуатация человека человеком в нашей стране категорически запрещается. К эксплуатации человека человеком относятся следующие виды эксплуатации:

- а) труд рикши,
- б) труд гейши,
- в) найм рабов жрецами культовых храмов.

Все остальные виды эксплуатации к эксплуатации человека человеком не относятся и обжалованию не подлежат.

VII. Законодательная власть

Высшим органом законодательной власти в нашей стране являются Национальное собрание, стортинг, сейм, Дума, кнессет, Верховный Совет, вече, бундестаг (в зависимости от того, какая партия одерживает победу на выборах. Депутатом высшего органа законодательной власти может быть каждый гражданин нашей страны, избранный путем тайного или открытого голосования) в зависимости от погодных условий (или в результате опроса населения в

местах общего пользования при наличии не менее двух фотографий кандидата).

Высший орган законодательной власти издает законы и необходимые поправки в соответствии с требованиями конкретного исторического момента.

Высший законодательный орган может выразить недоверие президенту, которое президент имеет конституционное право отклонить.

Граждане нашей страны обязаны строго соблюдать законы, изданные высшим законодательным органом власти, если эти законы не противоречат убеждениям граждан.

Граждане нашей страны имеют право в любой момент отозвать своего депутата, а депутаты имеют право в любой момент не согласиться со своим отзывом.

VIII. Образование и культура

Граждане нашей страны имеют право на образование и культуру. Образование и культура могут быть начальными, средними и высшими.

Граждане, имеющие начальное образование и культуру, приравниваются к ветеранам войны и имеют преимущественное право на бесплатный проезд в общественном транспорте, а также на бесплатное посещение киноконцертных залов, стадионов, музеев и библиотек. При этом за ними сохраняется право высказывать свое мнение вплоть до полного непонимания и силового невосприятия.

Книга, как и в прошлое время, считается лучшим подарком. Чтение книги не является обязательным и не освобождает от налогообложения.

Особые права

Граждане нашей страны имеют право налево.

ПРИМЕЧАНИЕ. Настоящий Проект является сугубо частным предложением Арк. Арканова и нуждается в дополнениях, замечаниях и доработке в порядке свободной дискуссии, на которую мы надеемся. Сам же автор Проекта объявил день его публикации национальным праздником и нерабочим днем.

Список книг, использованных автором

1. Аристотель. «О душе».
2. Белинский В.Г. «Литературные мечтания».
3. Бруно Д. «О причине, начале и едином».
4. Вильямс В.Р. «Травопольная система земледелия на орошаемых землях».
5. Вольтер Ф.Р. «Философские письма».
6. Гайдар А.П. «Мальчиш-Кибальчиш».
7. Гегель Г.В.Ф. «Наука логики».
8. Гельвеций К.А. «О человеке, его умственных способностях и воспитании».
9. Герцен А.И. «Былое и думы».
10. Горький М. «Песня о Соколе», «Нунчо».
11. Дарвин Ч. «Происхождение видов».
12. Декарт Р. «Метафизические размышления».
13. Дидро Д. «Сон Даламбера».
14. Добролюбов Н.А. «Луч света в темном царстве».
15. Достоевский Ф.М. «Идиот».
16. Ибн Сина А.А. «Даниш-намэ».
17. Кабанис П.Ж.Ж. «Отношения между физической и нравственной природой человека».
18. Кампанелла Т. «О смысле вещей».
19. Кант И. «Пролегомены».
20. Каутский К. «Аграрный вопрос».
21. Ламарк Ж.Б. «О перерождении животных».
22. Ленин В.И. «Что делать?», «Развитие капитализма в России». «Шаг вперед, два шага назад».
23. Маркс К. «Гражданская война во Франции».
24. Михалков С.В. «Гимн Советского Союза», «Заяц во хмелю».
25. Руставели Ш. «Витязь в тигровой шкуре».
26. Сковорода Г.С. «Брань архангела Михаила с сатаной».
27. Сталин И.В. «История ВКП(б). Краткий курс». «Марксизм и вопросы языкознания».
28. Твардовский А.Т. «Ленин и печник».
29. Тимирязев К.А. Полное собрание сочинений в 10 т.
30. Чернышевский Н.Г. «Что делать?»
31. Шевченко Т.Г. «Думка».
32. Энгельс Ф. «Анти-Дюринг».
33. Юм Д. «Трактат о человеческой природе».

И снится мне карнавал...

Вместо послесловия

И вы все идем, идем, идем...

Свежий, желтовато-белый, только что построенный дощатый настил на моих глазах все сереет, сереет, сереет...

И вот он уже совсем старый. И прогибается под каждым нашим медленно-торжественным шагом.

Все дома распахнули все свои окна, и в каждом окне люди. И в глазах у них напряженное любопытство ожидания. А дома, которые далеко, начинают расти, приподнимаются на цыпочках, взбираются на табуретки и на плечи других домов. Наиболее проворные из них залезают на деревья. Все ходят видеть. Все хотят слышать.

А я ничего не хочу видеть. Я ничего не хочу слышать. Но я все вижу и все слышу. Я различаю каждого, но ни на ком стараюсь не задерживать своего взгляда. Приоткрытые в расслабленном ожидании рты тех, которые ничего не понимают. Тучные непробиваемые лица тех, которые ничего не хотят понимать. Подернутые злой полуусмешкой губы тех, которые все понимают и как бы спрашивают: «А как-то ты теперь запоешь?» Молчаливо-сочувствующие глаза тех, которые вынужденно оторваны от своих собственных забот нашим шествием. Это самое страшное – молчаливые взгляды тех, кто сочувствует вам, вынужденно оторвавшись от своих собственных забот.

А вот лицо, на котором я задерживаюсь... Словно слегка растянутые невидимыми резиночками глаза. Несколько веснушек на носу. Заколка для волос, зажатая губами. А руки на затылке напрасно стараются сделать пучок из таких коротких волос.

Это моя жена, которая с того самого момента не моя жена. А рядом с ней в окне – мышцы, плечевой пояс и превосходный пробор с левой стороны.

И какая зверская интуиция у людей в окнах! Все как один перехватили мой задержавшийся взгляд и проследили его до самых веснушек и до самого пробора. И снова, как по команде, на меня. И снова на них. Пахнет жареным! Сейчас что-то будет! Иначе незачем было в такую рань высовываться из окон. И я вижу, что люди знают все: что она была моей женой, что пробор теперь живет с ней, что я это знаю...

И только один пробор не в курсе дела.

– Эй ты, пробор! – кричу я. – Уходя из дома, выключай прибор!

Дикий хохот сотрясает весь город. Наконец-то! Состоялось!

«Ну, дает!.. Ну, дает смехач шороху!» – слышу я отовсюду.

– Это глупо! – кричит жена.

– А что делать? – говорю я тихо. – А что делать?..

Я и сам знаю, что это глупо...

– Эй, пробор! – опять кричу я. – Она больше любит по утрам! Не теряй время!

У людей развязываются пупки.

– Не ваше дело! – кричит мне пробор. – Ваше дело идти на казнь! Понятно?

– Будь выше, – говорит ему жена. – Я тебе потом все объясню.

– Ну, смехач дает! Ну! – слышу я из одних окон.

– Бесстыдно это! У них никогда ничего святого не было! – слышу я из других окон.

Люди получили первый завтрак и начинают тщательно пережевывать его.

А мы все идем, идем, идем... Меня все ведут, ведут, ведут...

Все, что я вижу перед собой, – это затылок первого из четырех. Он знает, что смехачей надо казнить. Но когда-то он больше всех других смеялся над всем, что слышал от меня. Поэтому ему неудобно смотреть мне в глаза, и я вижу только его затылок. Сзади идет второй из четырех. Я считал его своим другом, но именно он указал дом, в котором я жил. Мне противно смотреть на него. Поэтому я иду, не оглядываясь.

Справа и слева меня сопровождают двое других из четырех. Они не знают – надо казнить смехача или не надо. Казнить – это их честный труд. И у меня нет к ним ни-

каких внутренних претензий. В конце концов, должен же кто-то работать казначеем. Вот они и работают. И смотрят только вперед. Поэтому справа и слева от себя я вижу только по одному профилю.

И вот мы идем, идем, идем...

Я вижу на одном из балконов мать и отца.

Их уже давно нет. Отец поливает маттиолы из зеленой детской лейки. Я слышу, как шуршит вода. Я вижу, как, просочившись через деревянный ящик, падают с шестого этажа капли на сухой асфальт нашего двора.

– Да оставь ты свои цветы! – раздраженно говорит мать отцу и протягивает руку в моем направлении.

Люди в окнах снова превратились в любопытство. Они знают, что это мои родители. Они знают, что их давно нет. Они все знают. Опять что-то будет... Все глаза, как по команде, на меня. Потом на родителей. Потом на меня...

– Почему ты столько у нас не был? – спрашивает мать. – Мы с папой соскучились...

– Скоро увидимся, – говорю я и показываю на небо.

Вздых удовлетворения прокатывается по городу. Сопровождающие меня улыбаются.

– Как твоя нога? – спрашивает мать.

– Ничего, – говорю я, – глазник сказал, что уже лучше.

– Почему глазник? – недоумевает отец.

– Нога болит – глаза на лоб лезут! – кричу я.

Дошло! Люди заливаются в окнах:

– Ну, выдал смехач!.. Ну, потешил!.. Умора, ей-богу!..

Идущий передо мной затылок начинает содрогаться.

Два профиля смеются, глядя вперед. То, что делается с задним, меня не интересует. Отец грозит мне пальцем.

– Что ты сегодня ел на завтрак? – спрашивает мать.

– Бутерброд с хлебом!

– Смотри! Доведешь ты себя!

– Не волнуйся, мать! – кричу я. – Они меня доведут!

– Не больно-то умничай! – строго говорит затылок.

– Надень панаму! – мать бросает мне белую пионерскую панамку. – Солнце-то какое!

– Моя голова будет храниться в сухом прохладном месте! – отвечаю я и надеваю белую панамку.

Рокот неодобрения. Свист. Крики «не смешно!»... Два профиля недовольно морщатся.

– Халтура! – кричат с какой-то крыши.

– Скорее приходи! – кричит мать уже вслед. – Я сделала твою любимую манную кашу без комков!..

Я набираю воздух в легкие и ору почти не своим голосом:

– Каша манная – ночь туманная!

Хохот буквально раскалывает все вокруг. Аплодисменты становятся скандированными: «Ка-ша ман-на-я! Ночь ту-ман-на-я!»

Сопровождающие остановились и не могут перевести дух от смеха. Я делаю комплименты во все стороны...

И снова мы идем, идем, идем...

Густая грязь с боем возвращает мне то одну, то другую ногу. А галошам, очевидно, эта грязь нравится. Они соскакивают с ноги и словно пытаются слиться с грязью. А когда я с трудом отдираю их друг от друга, они успевают поцеловаться, и при этом раздается отвратительное лягушачье чмокание.

И дождь сыплется такой мелкий, будто его распылили из пульверизатора. Несмотря на это, вдоль дороги и на зеленых, матовых от тумана холмах очень много плащей, плащей, плащей, зонтов, зонтов, зонтов...

Мои сопровождающие устали. Затылок ушел в плечи. Два профиля угрюмо и мрачно смотрят вперед. Задний... Да чтоб он совсем увяз! Мне до него нет дела!

Зонты и плащи жмутся друг к другу, переминаясь с ноги на ногу. Им холодно. Но они стоят. И мы двигаемся между ними.

«Смехача ведут!.. Смехача ведут!» – слышится вдоль стен этого живого коридора. – Досмеялся!.. Так ему и надо!.. Смехача ведут!..»

Молчание и шепотки затягиваются, и я обращаюсь к своему эскорту:

– Чего приуныли?

Молчат. Только от зонта к плащу, от плаща к зонту шепотом передается мой вопрос.

– А мне вас жалко...

«Жалеет! Он их жалеет!..» – шуршат зонты и плащи. – Они его казнить ведут, а он их жалеет!.. Во дела!..»

– А ты нас не жалеи! – мрачно хрипит затылок. – Ты себя жалеи!

– Ну как же, – отвечаю я. – Погодка-то!.. Мне ведь только туда, а вам еще обратно возвращаться!

Молчат. Зонты и плащи начинают неодобрительно гудеть:

– Старо!..

– Зачем над людьми издеваешься!..

– Его бы на их место!..

Где-то высоко-высоко за облаками бесконечно-одиноко звучит труба Майлса Дэвиса.

От живого коридора отделяется плащ. Я узнаю его. Это начальник отдела, в котором я работаю.

– Как же так? – говорит он. – Вы уходите от нас, можно сказать, навсегда и оставляете нашу стенгазету без юмора? Может, придумаете что-нибудь на ходу?

И он протягивает мне стенную газету нашего предприятия.

«Вот уж много лет подряд наш директор бюрократ» – пишу я ему в «Уголке для юмора».

– Вот здорово! – кричит он, размахивая стенгазетой. – Ну, пригвоздил!

Поднимается невообразимый галдеж. У всех в руках появляются стенгазеты.

– И нам тоже!.. И нам тоже напиши! – несется со всех сторон.

– Я не знаю, что кому надо! – пытаюсь отбиться я.

– То же самое!.. То же самое!..

Все наперебой протягивают мне стенгазеты. Глаза горят.. И я всем пишу: «Вот уж много лет подряд наш директор бюрократ!»

И все довольны. И всем подошло... Я никогда раньше не знал, что каждый человек – редактор стенной газеты...

– И мне напиши, – не оборачиваясь, протягивает мне стенгазету затылок. – Я тоже редактор... У нас тоже много лет подряд...

Его стенгазета называется «С плеч долой!».

Я пишу ему то же самое. И он тоже остается доволен. Я это вижу по затылку.

Где-то высоко-высоко за облаками бесконечно-одиноко звучит труба Майлса Дэвиса. Только это не труба. Это пионерский горн.

«Вставай, вставай, дружок, с постели на горшок!» – поет пионерский горн...

На перроне очень много детей и еще больше родителей. Я стою среди четырех вожатых. Затылок, два про-

филя. А на четвертого не хочу смотреть. Суконные штанишки на бретельках больно врезаются мне в пах.

А вот моя мать и мой отец. Их уже давно-давно нет.

– Он очень нервный мальчик, – говорит мать затылку и добавляет шепотом: – У него случается ночное недержание...

Но все всё слышат, и весь перрон, покатываясь от смеха, указывает на меня пальцами...

– Возьми на дорожку, – сует мне отец кулек со сливочным печеньем и целует меня.

– Бывают в жизни огорченья! Вместо хлеба ешь печенье! – кричу я на весь перрон.

Все умирают со смеху.

– Умница! – говорит затылок. – Будешь у нас в самостоятельности...

«Бери ложку, бери хлеб и садися за обед» – поет пионерский горн.

А мы все идем, идем, идем...

Все босиком, в одних трусах... Пахнет соснами... Мы играли в казаки-разбойники, и меня поймали...

Четверо казаков ведут меня на допрос. Затылок, два профиля. А задний – предатель. За порцию компота. Он сказал им, где я прячусь. Вокруг ребятня. «Разбойника поймали!.. Разбойника поймали!..»

– А ваша вожатая, – говорю я, – физкультурником зажатая!

– А твоя вожатая – завхозом зажатая, – говорит затылок.

– А угадай, что сегодня на ужин? – спрашиваю я.

– Манная каша, – отвечает затылок.

– Каша манная – ночь туманная! – выкрикиваю я, довольный тем, что подловил его.

Ребята закатываются. Один от смеха падает с дерева.

– Досмеешься! – зло шепелявит затылок.

«Спать, спать по палатам» – протяжно поет пионерский горн. Только это не горн. Это высоко-высоко за облаками бесконечно-одиноким звучит труба Майлса Дэвиса...

За несколько шагов до третьей колонны Большого театра, где меня ждет моя будущая жена, а теперь, после того момента, моя бывшая жена, я поправляю галстук и застегиваю пиджак.

Она только что вернулась с пляжа, и от нее еще пахнет водой. Она – это несколько веснушек на носу и растянутые невидимыми резиночками глаза...

– Ты меня любишь? – совсем тихо спрашивает она.

Я хочу так же тихо ответить: «Да, конечно», но нас почему-то обступает огромное количество любопытных. Они сбегаются со всех близлежащих улиц и площадей. Они выдавливаются из ГУМа. Они даже бросили смотреть «Лебединое озеро» в Большом театре и валом валят из его дверей...

«Смехач в любви объясняется!» – таинственно сообщают они друг другу. Откуда им все известно? Ведь мы с ней говорим так тихо.

– Так ты меня любишь? – совсем шепотом спрашивает она.

Все застыли. Сейчас что-то будет...

– Любовь не картошка! Не выкинешь в окошко! – кричу я. Смех перемешивается с возгласами: «Сила-а!.. Любовь осмеивает? Да они ради красного словца не пожалеют и отца!.. Ну дает!»

– Ты меня любишь? – беззвучно шевелит она губами.

– Любовь – что струя из водопроводного крана! Течет, пока не перекроешь! – ору я раздраженно.

От хохота содрогается Большой театр. И опять возгласы:

«Насмехается!.. И чего она в нем нашла?.. Да плюнь ты на него, девушка!.. А здорово он ей, а?..»

– Ты меня любишь? – одними глазами спрашивает она.

– Да... конечно, – говорю я, чуть не плача.

Гулом разочарования встречает толпа мои слова. Им уже не интересно. Они снова заполняют близлежащие улицы. Они снова вдавливаются в ГУМ. Они валом валят в двери Большого театра. Они снова хотят посмотреть «Лебединое озеро»...

А мы все идем, идем, идем... И скоро, видимо, придем к концу. И я, кажется, весь высмеялся и все просмеял.

Не понимаю только, то ли меня ведут на казнь, потому что я все просмеял. То ли я все просмеял, потому что меня ведут на казнь. Мы подходим к громадному цирку под названием «Финита ля комедия». Окошечко кассы закрывает табличка: «На сегодняшнюю казнь все билеты проданы!»

Я вытаскиваю контрамарки, которые положены мне по указу, и раздаю их направо и налево первым попавшимся счастливым. И вот мы входим в цирк. Все пятеро в черных фраках и в цилиндрах. А мои сопровождающие, кроме того, и в белых перчатках.

Цирк забит до отказа. Даже в проходах нет ни одного местечка, где можно было бы пристроиться. Люди едят мороженое в вафельных стаканчиках, трюфели и кашляют... Взгляды всех скрещиваются в центре ослепительно освещенной арены, где установлены разноцветная плаха и похожий на молодого жеребца тонконогий и черный венский электрический стул. Я не могу оторвать глаз от плахи. Она вся заклеена приветствиями: «Добро пожаловать, смехач!»... «Одна голова хорошо, а две лучше!»... «В здоровом теле здоровый дух вон!»...

Меня подводят к тонконогому и черному венскому электрическому стулу. Барабанная дробь горохом рассыпается по всему цирку. Оркестр ставит жирную точку продолжительным мажорным аккордом...

Внезапно наступает тишина. Такая тишина, что начинает колоть в ушах. И в этой тишине откуда-то из-под купола звучит голос по радио:

– Садитесь, пожалуйста!

– Спасибо большое. Я постою, – говорю я вежливо и прикладываю правую руку к сердцу. При этом я элегантно кланяюсь. Кажется, я угадал. Цирк отвечает мне мощным взрывом хохота и одобрительными выкриками. Стул исчезает где-то под куполом, и на арену выкатываются клоуны, чтобы заполнить неожиданно возникшую паузу.

– Желание смехача – закон для казначая! – звучит из-под купола все тот же холодный голос по радио, и меня подталкивают к плахе.

– Ты можешь последний раз что-нибудь спросить, – говорит затылок.

Снова колющая тишина.

– Скажите, пожалуйста, – спрашиваю я, – какой сегодня день?

– Понедельник, – отвечает затылок.

– Ничего себе начинается неделка, – говорю я и кланяюсь на четыре стороны.

Оглушительный свист заполняет цирк. «Старо! – несется со всех сторон. – «Непонятно!.. Бородатый анекдот!»

Мои четверо недовольно морщатся.

Не попал! Капельки пота проступают на лбу, и силы оставляют меня. Я опускаюсь на колени перед плахой. Ее поверхность напоминает мне поверхность тех здоровенных пней, на которых мясники разделявают туши.

– Нельзя ли попросить подушечку? – дрожащим голосом говорю я. – А то здесь очень жестко.

«Подушку, просит!.. Подушку просит! – разносится по цирку. – Не может потерпеть минуту!..»

Один из профилей кладет на плаху мою самую любимую в детстве подушечку с вышитым медвежонком.

Другой профиль набрасывает мне на плечи белую простыню и ловко, как в парикмахерской, засовывает ее концы за ворот рубахи.

Мой бывший друг укладывает мою голову правым ухом на подушечку и рекомендует закрыть глаза.

Оркестр ударяется в веселый галоп. Но даже в этом галопе я все же улавливаю левым ухом, как где-то высоко-высоко под куполом бесконечно-одиноким звучит труба Майлса Дэвиса.

– Одну минуточку! – Я приподнимаю голову. – Извините, но я не привык засыпать на правом боку...

Ропот недовольства расползается по цирку. Сопровождающие недоуменно пожимают плечами.

Я ложусь на подушечку левым ухом. Теперь, кажется, все... Вот сейчас затылок начнет заносить над головой невероятных размеров топор, с тем чтобы опустить его с кряканьем в том месте, где у меня сейчас стоит ком, мешающий мне дышать. Я с трудом проглатываю слюну...

– Одну минуточку, – хриплю я. – Можно мне сказать последнее слово?

– Какие предложения будут по этому вопросу? – спрашивает мой бывший друг у всего цирка. – Дать или не дать?

– Да-ать! – орет цирк.

– Кто за?.. Единогласно.

Я с трудом поднимаюсь на ноги. Меня шатает из стороны в сторону. Кровь бухает в висках в такт с большим оркестровым барабаном. И, поймав в легкие воздуха, я выкрикиваю из последних сил:

– Эх, каша манная – ночь туманная!

Я с трудом соображаю, что произошло. Восторженный реж валил с ног моих сопровождающих. Топор падает из рук затылка. Все четверо катаются по арене, зажав животы руками... Это длится долго. Это длится очень долго. Потом они встают с арены и, словно пьяные, поддерживают друг друга, стараясь удержать равновесие. От смеха глаза у них вылезли из орбит, и, не в силах произнести слова, они оторопело смотрят друг на друга. Цирк ревет и стонет в восторженных конвульсиях. Затылок поворачивается в мою сторону, мгновенно смотрит на меня, потом произносит, давась от смеха:

– Каша...

Он икает, и все четверо в новом припадке валятся на арену. Это опять длится долго. Это опять длится очень долго.

И глядя на них, потных, растерзанных, икающих, я понимаю, что у них не осталось никаких физических сил, чтобы казнить меня сегодня...

Меня препровождают домой. Я остаюсь один в своей комнате.

В моем распоряжении только одна короткая ночь. В шесть утра эти четверо снова придут за мной. И мы снова будем идти, идти, идти... Той же дорогой. Среди тех же любопытных людей. К месту моей казни. А в моем распоряжении только одна короткая ночь. Поэтому я хватаю карандаш и бумагу и начинаю лихорадочно придумывать «репертуар» для завтрашнего шествия. Мне жизненно необходимо завтра опять всех смешить. Иначе завтра меня казнят...

Арканов такой и сякой

Автор предисловия А. Ткаченко – известный поэт и эссеист, генеральный директор Российского ПЕН-центра, в который входит и А. Арканов.

Некоторое подобие автобиографии

Впервые напечатано в двухтомнике «Арканов такой – Арканов сякой» (М., Издательский Дом «Подкова», 1999 г.).

ИЗ ОТТЕПЕЛИ

И они заплакали

Впервые – «Литературная газета» (далее – Лит. газ.), № 21, 1968 г.

Подбородок набекрень

Первая публикация – в книге «Подбородок набекрень» (М., изд-во «Советская Россия», 1975).

Перед вторжением с Нептуна

Печатается по публикации в журнале «Юность» (№ 5, 1970) с некоторыми авторскими исправлениями.

Загадки алфавита

Впервые – в журнале «Крокодил» (№ 17, 1964) под названием «Карусель» (Рассказ-шутка).

Черная кошка не имеет значения

Первая публикация – Лит. газ. (№ 10, 1988).

Эпистолярная история

Рассказ впервые напечатан в газете «Московский комсомолец» (№ 98, 1989).

Письмо в редакцию

Печатается по изданию «208 избранных страниц», (М., изд-во «Вагриус», 1999).

«Старые калоши» (Детективная повесть. Пародия)

Первая книжная публикация. Эта пародия была напечатана в журнале «Юность» (№ 1, 1963) и считается одной из первых публикаций А. Арканова.

Спирин и Поленьев

Первая книжная публикация. Впервые – журнал «Юность», (№ 12, 1976).

РАННИЙ ЗАСТОЙ**«Соломон» и сознание**

Рассказ написан в 1964 году и стоял в предновогоднем номере еженедельника «Литературная Россия» под названием «Странная планетка» (Ненаучная фантастика). Снят из номера главным редактором. Ведущий юмористической рубрики был строго наказан.

Пельмени на полу

Печатается по публикации в Лит. газ. (20 октября 1971 г.).

Очень крепкое здоровье императора Бляма (Сказка-быль)

Впервые – в Лит. газ. (№ 35, 1969).

Истинная ложь

Впервые опубликован в журнале «Юность» (№ 9, 1964) с подзаголовком «Юмористический рассказ».

Старик в меховой шапке

Впервые – под названием «Старик в мохнатой шапке» с подзаголовком «Рассказы с улыбкой» в Лит. газ. (4 августа 1966 г.).

Соловьи в сентябре

Печатается по книге «Соло для дуэта» (М., изд-во «Искусство», 1975).

Зоркий Глаз

Печатается по книге «Подбородок набекрень» (М., изд-во «Советская Россия», 1975). В некоторых изданиях этот рассказ имеет название «Хозяйский глаз».

Рано утром после хорошего настроения

Первая публикация – Лит. газ. (8 марта 1967 г.) под рубрикой «Ироническая проза».

Кросс

Впервые – в Лит. газ. (№ 14, 1970).

Везунок

Впервые – в Лит. газ. (№ 9, 1974).

Персики

Рассказ впервые напечатан в Лит. газ. (10 октября 1973 г.).

Брюки из лавсана

Впервые – с подзаголовком из цикла «Ненаучная фантастика» – в Лит. газ. (10 марта 1971 г.).

В этом мире много миров

Впервые – в журнале «Юность» (№ 12, 1974). В некоторых позднейших публикациях рассказ имел название «Таинственно и странно».

ПОЗДНИЙ ЗАСТОЙ

И все раньше и раньше опускаются синие сумерки

Впервые – в машинописном издании знаменитого альманаха «Метрополь» (1978), ставшего знаковым явлением в культурной и политической жизни Советского Союза.

Девочка выздоровела

Печатается по первой публикации в журнале «Юность» (№ 8, 1979) с незначительной авторской правкой.

Все будет хорошо

Печатается по изданию «В этом мире много миров» (М., изд-во «Советский писатель», 1984).

Экскурсия на Синее озеро

Впервые – в еженедельнике «Неделя» (№ 43, 1979).

Как хорошо, когда мы во что-то верим

Печатается по книге «Всё» (М., СП ИКПА, 1990).

Восстановление вчерашнего черепа по сегодняшнему лицу

Печатается по книге «Всё» (М., СП ИКПА, 1990).

Счастливый Анатолий Григорьевич

Впервые напечатан в Лит. газ. (7 февраля 1973 г.) под заголовком «Счастливый Владимир Григорьевич».

Заседание по выборам главврача в психиатрической больнице № 6

Рассказ впервые напечатан в Лит. газ. (17 января 1990 г.).

PERESTROIKA

Если бы Гитлер и Сталин...

Печатается по двухтомнику «Арканов такой – Арканов сякой» (М., Издательский Дом «Подкова», 1999). Впервые это произведение было озвучено радиостанцией «Свобода» в 1992 г.

Игра по переписке

Рассказ напечатан в Лит. газ. (24 апреля 1985 г.).

Разная музыка из окна напротив, или Влияние сервиса на жизнь

Впервые – в Лит. газ. (№ 14, 1986).

Эпидемия

Печатается по книге «Всё» (М., СП ИКПА, 1990).

Сны Василия Степановича

Впервые были напечатаны в Лит. газ. (1990). Некоторые «сны» опубликованы в журнале «Эстрада и цирк» (№ 3, № 5, № 7, 1991). Почти весь цикл рассказов, за некоторым исключением, был прочитан автором на радиостанции «Свобода» в 1990 – 1991 гг.

Если бы я был...

Впервые рассказы из этого цикла были озвучены автором на радиостанции «Свобода» (1992). Печатается по тексту двух-

томника «Арканов такой – Арканов сякой» (М., Издательский Дом «Подкова», 1999).

Рукописи не возвращаются (Роман)

Впервые роман с некоторыми купюрами был напечатан в журнале «Юность» (№ 12, 1986). Это вызвало бурную реакцию в коммунистической прессе. В частности, газета «Правда» писала (видимо, защищая от поклепа комсомольский коллектив самого журнала «Юность» – очевидный прототип романного журнала «Поле-полюшка»): «Арканов населяет редакцию компанией откровенно несимпатичной... Все они стопроцентные пошляки, пройдохи... и одинаково нечистоплотны морально». И дальше: «Тут смачно рубятся головы и живописно пылают кровавые зарева – сотрудники же «Поля-полюшка» остаются индифферентны и продолжают свою мелкую возню» (№ 161, 1987).

Кто заказывал такси? (Пьеса)

Пьеса написана в 1990 г. Первая постановка была осуществлена в США в 1991 г.

PERESTRELKA

В огороде бузина, в Киеве дядька

Впервые – в Лит. газ. (№ 28, 1990) под заголовком «В огороде бузина – в Киеве дядька».

Советы доктора Арканова

Впервые – в альманахе «Российские вина» (1998).

Крамольный «Метрополь»

Первая публикация – в газете «Частная жизнь» (1998).

Ликбез для попсы

Впервые песни из этого «Ликбеза» прозвучали в популярной передаче «Белый попугай» (1998). Автор музыки – Л.Оганезов.

От Ильича до лампочки

Первое издание – С.-Пб., Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ (1993).

В течение 1991–1992 гг. книга была прочитана автором на радиостанции «Свобода».

И снится мне карнавал... Вместо послесловия

Впервые – в альманахе «Метрополь» (1978)

Литературно-художественное издание

Арканов Аркадий Михайлович

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том первый

Редактор-корректор Елена Остроумова

В книге использованы фотографии
В. Ахломова, В. Бурькина,
В. Дозорцева, С. Зоничева,
М. Пазия, С. Федотова,
И. Яковлева, а также
из семейного архива автора.
Карикатуры Владимира Мочалова

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.09.2000.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28. Уч.-изд. л. 36,3.

Доп. тираж 5000 экз. Заказ 6104.

ISBN 5-04-004354-6

9 785040 043545 >

ООО «Издательство «ЭКМО-МАРКЕТ»
Изд. лиц. № 071591 от 10.02.98

ЗАО «Издательство «ЭКМО-Пресс»
Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

125190, Москва, Ленинградский проспект,
д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

